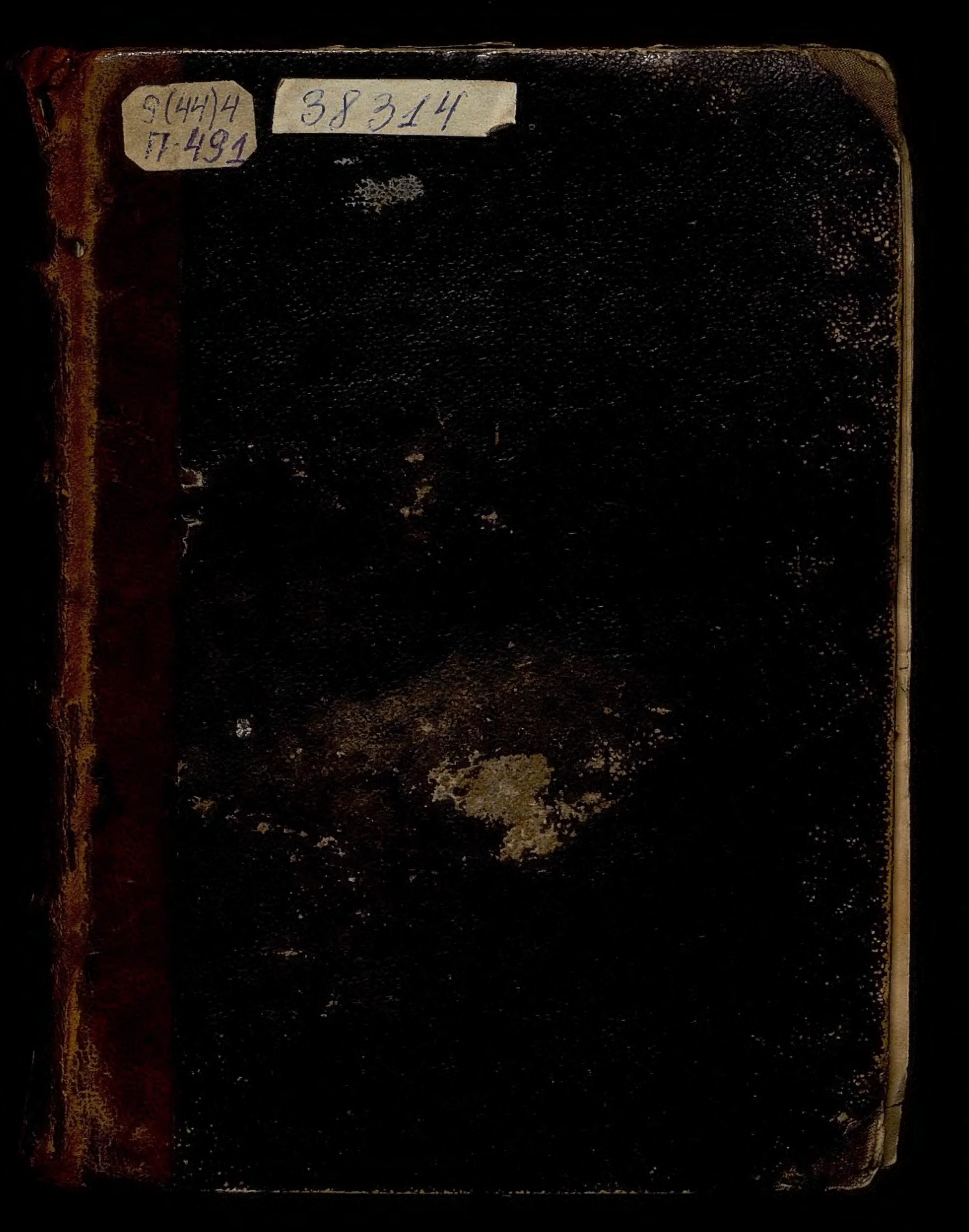
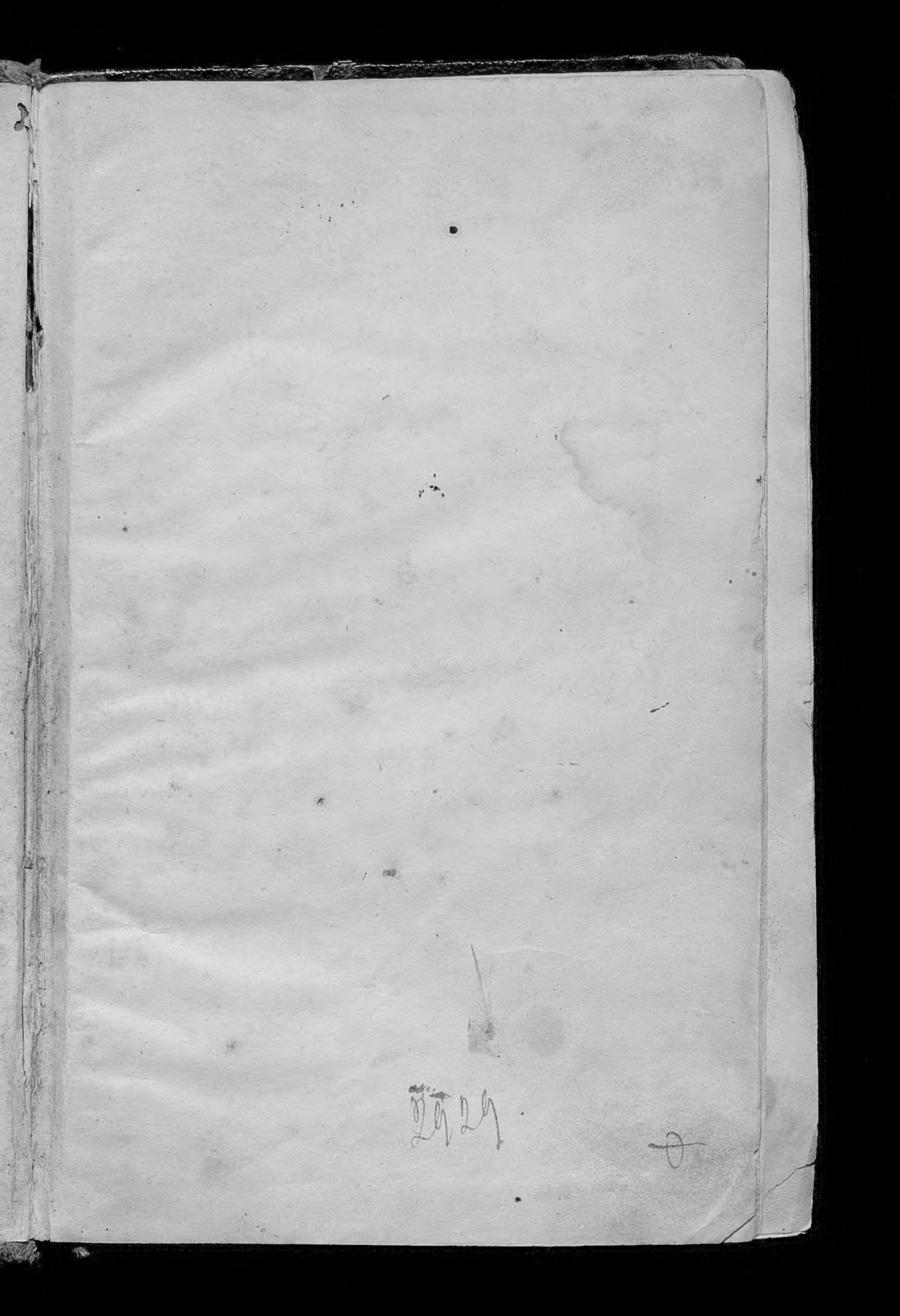
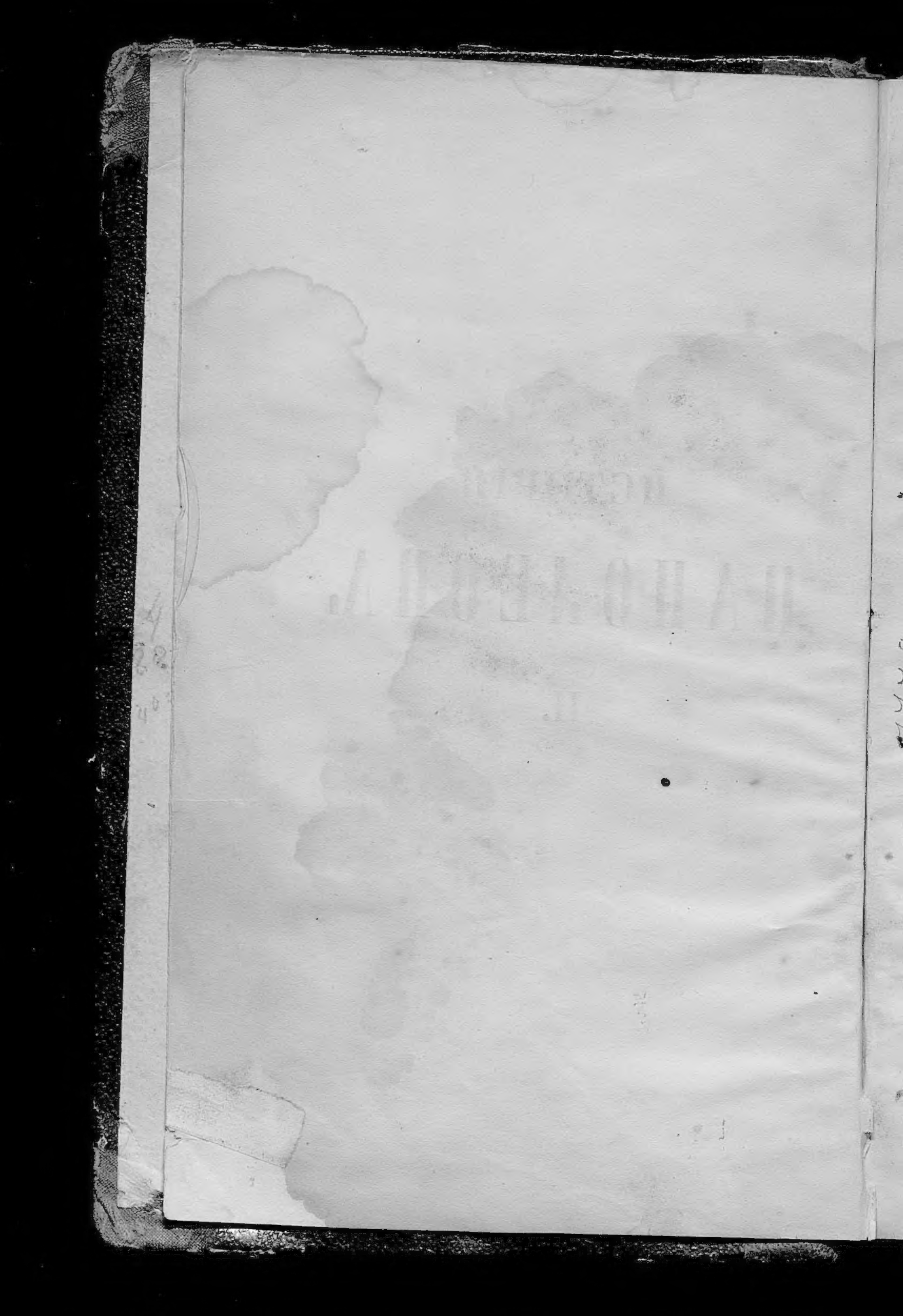

9(44)4
П-491
38314



ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

II.



ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

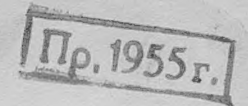
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Октября 1844.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*



ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

НАПОЛЕОНЪ КОНСУЛЪ ФРАНЦІИ. ВОЙНА ВЪ ИТАЛІИ И ГЕРМАНІИ. АМІЕНСКІЙ МИРЪ.

1800 — 1802 гг.

Qu'avez-vous fait de cette France que je vous ai laissée si florissante? Je vous ai laissé la paix, j'ai retrouvé la guerre. Je vous ai laissé des victoires, j'ai retrouvé des revers. Je vous ai laissé les millions de l'Italie, et j'ai retrouvé partout des lois spoliatrices et la misère. Cet état de choses ne peut durer...

Слова Наполеона.

A présent vous avez un maître: il sait tout, il fait tout, et il peut tout.

Слова Сіейса.

Наполеонъ могъ надѣяться, что его встрѣтятъ участіемъ, но онъ не ожидалъ такого восторга, какой изъявили при его появленіи, и на который отозвалась вся Франція. Забывая карантинныя предосторожности, жители Фрежюса окружили корабль его въ лодкахъ, толпами взошли на палубу, и первый явился коммендантъ Переймонъ. При кликахъ: «Да здравствуетъ Бонапарте! Да здравствуетъ нашъ избавитель!» Наполеонъ вышелъ на берегъ. Едва извѣстіе объ немъ получено было по телеграфу въ Парижѣ, столица Франціи взволновалась радостью. Какъ будто съ появленіемъ Наполеона побѣда возвращалась къ знаменамъ Французскимъ, въ одно время съ вѣстію

о прибытіи его получены были извѣстія о побѣдахъ Массены подъ Цюрихомъ и Брюна въ Голландіи, извѣстія давно неслыханныя. Незадолго передъ тѣмъ получено было донесеніе Наполеона о побѣдахъ Оаворской и Абукирской, и уже онъ самъ явился среди торжествъ, облеченный миѳологическою славою Востока. «Да здравствуетъ Бонапарте!» раздалось въ обоихъ Совѣтахъ, когда извѣстили ихъ о пріѣздѣ Наполеона. Депутатъ Боденъ умеръ отъ радости, услышавъ объ его прибытіи. Въ театрахъ прерывали спектакли, и заставляли пѣть патріотическія пѣсни и похвалы генералу Бонапарте.

Въ день пріѣзда своего въ Фрежюсъ, вечеромъ, Наполеонъ съ Бурьеномъ, секретаремъ своимъ, отправился въ Парижъ. Путь его былъ черезъ Э, Авиньонъ, Валансъ и Ліонъ, и казался рядомъ праздниковъ, торжествъ и встрѣчь. Звонили въ колокола, выводили въ парадъ войска; начальства городовъ являлись поздравлять Наполеона; воздвигали торжественныя врата, и слово: *избавитель*, прежде него долетѣло до Парижа.

Сомнѣнія не было: Франція ждала, и съ первою встрѣчею передавала ему свой жребій, ожидала отъ него спасенія, ибо что значилъ восторгъ ея? Чего хотѣла она? Чести и благоденствія. Опытъ показалъ, что однихъ воинскихъ успѣховъ для того было недовольно. Надлежало схватить сильною рукою власть, и направить Францію на путь къ славѣ и счастію мудрымъ правленіемъ, оградивъ ее извнѣ побѣдою.

Наполеонъ не могъ исполнить обѣтовъ Франціи, еслибы подчинился ея ничтожнымъ правителямъ — болѣе: онъ не могъ даже занять котораго нибудь изъ мѣстъ, обезславленныхъ ими. Надлежало низвергнуть ихъ, преобразовать формы правленія, сосредоточить власть въ своей рукѣ, и подчинить себѣ страсти, партіи и крамолы. Дѣло предстояло трудное. Народъ, конечно, не сталъ бы противиться, ибо онъ былъ утомленъ, ненавидѣлъ, презиралъ Директорію, но — войско? И еслибы оно увлеклось голосомъ знаменитаго вождя, хотя въ рядахъ его скрывались буйные республиканцы, какъ разорвать интригу другихъ честолюбцовъ, также мечтавшихъ о власти? Они не смѣли высказать своихъ требованій, но уступятъ ли они Наполеону? Какъ разорвать и мѣлкую сѣть крамолъ, которою опутаны были народъ и правительство Франціи? Ударъ меча, кровавый переворотъ отторгнетъ Францію отъ Наполеона, когда ему необходимы были любовь, довѣренность народа, дабы стать на опасную борьбу съ Европою.

Онъ имѣлъ время все обдумать, сообразить средства и образъ дѣйствій. Онъ рѣшился скрыть свою тайну, пристально вглядѣться въ положеніе дѣлъ, остановиться рѣшеніемъ на время, но — не медлить.

Въ слѣдствіе своего плана, онъ перемѣнилъ путь, и тайно пріѣхалъ въ Парижъ, Октября 16-го, окольною дорогою, откуда его не ожидали, такъ, что Жозефина и братья, поѣхавшіе на встрѣчу ему, принуждены были воротиться, и нашли его уже въ Па-

рижѣ, въ смиренномъ домѣ его въ улицѣ Побѣды. Черезъ два часа явился онъ къ Гойе, тогдашнему президенту Директоріи. Стража Директорская узнала его, и привѣтствовала крикомъ: Vive Bonaparte! Не было замѣтно никакой недовѣрчивости, никакого опасенія въ дружескомъ пріемѣ, какой сдѣланъ былъ ему на другой день всѣми Директорами. Не оправдываясь въ произвольномъ удаленіи своемъ изъ Египта, Наполеонъ говорилъ, что власть Франціи прочно утверждена тамъ, и поручена надежному генералу, и что, слыша объ опасности республики, онъ поспѣшилъ во Францію, и радуется, видя отечество спасенное мудростью правителей и мечемъ храбрыхъ его товарищей. Директоры обняли, благодарили Наполеона.

Опять укрылся онъ въ свое уединеніе, но вскорѣ увидѣлъ себя въ большомъ затрудненіи. Все что было значительнаго въ Парижѣ, министры, генералы, люди всѣхъ партій явились къ нему; каждый звалъ его къ себѣ. Наполеонъ отказывался отъ визитовъ, обѣдовъ, праздниковъ, не принималъ многихъ, посѣщалъ немногихъ, говорилъ со всѣми только объ Египтѣ, его древностяхъ, достопамятностяхъ, но видѣлъ, что каждый ждетъ отъ него рѣшенія: чему быть? Старались ловить слова его, угадывать мысли его въ холодномъ, безстрастномъ выраженіи лица его. Толпы, какъ прежде, окружали его на улицахъ, въ театрѣ. Въ день пріѣзда Наполеонова давали пьесу: *Возвращеніе героя,* и стѣны театра дрожали отъ кликовъ, когда актеры пѣли о побѣдахъ героя, о томъ,

какъ Востокъ изумлялся ему. Журналы по прежнему наполнялись извѣстіями объ немъ. Народъ былъ въ восторгѣ отъ выраженія лица его, столь оригинальнаго, выразительнаго, и еще болѣе замѣчательнаго послѣ Африканскаго зноя, послѣ двухъ лѣтъ путешествія, труда и боевъ. Самый нарядъ его измѣнился: онъ вездѣ являлся въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, столь знаменитомъ въ послѣдствіи, и носилъ длинную Турецкую саблю на шарфѣ черезъ плечо. Даже это восхищало Парижанъ, и дѣлало Наполеона идоломъ, моднымъ предметомъ обожанія Парижанъ.

Всего важнѣе были ему отношенія къ военнымъ. И они казались увлеченными общимъ чувствомъ. Къ Наполеону равно явились Журданъ, Ожеро, Бернадоттъ, вмѣстѣ съ Лефевромъ, Бернонвилемъ, Макдональдомъ, Леклеркомъ. Ланнъ, Мюратъ, Бертье казались его адьютантами. Моро въ первый разъ встрѣтился съ нимъ у Гойе. Наполеонъ подошелъ къ Моро, и изъявилъ радость, что видитъ его; на другой день послалъ ему въ подарокъ драгоцѣнный кинжалъ Мамелюкскій, и Моро сдѣлался всегдашнимъ гостемъ въ домѣ Наполеона. Здѣсь собирались ловкій Талейранъ, умный Редереръ, краснорѣчивый Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, братья Наполеона, Іосифъ, Люціанъ, избранный тогда въ президенты Совѣта Пяти сотъ, и многіе члены обоихъ Совѣтовъ. Наполеону нельзя было укрыться, надлежало высказаться. Ему нельзя было также уклониться отъ дѣлъ. Директоры требовали его совѣтовъ. Камбасересъ, министръ

юстиціи, Фуше, услужникъ Барраса, но лучше другихъ замѣчавшій восходившую звѣзду Наполеона, и какъ министръ полиціи, необходимый при перевороте, который могъ онъ отвратить и допустить, Дюбуа Крансе, министръ военный, Реаль, коммиссаръ Сенскаго департамента, всѣ приходили съ дѣлами и работали у Наполеона. Едва прошла недѣля, и не имѣя никакой власти, онъ уже былъ душею и повѣреннымъ всѣхъ дѣлъ.

Глубоко осторожный, Наполеонъ тщательно, и какъ будто нарочно удалялся отъ сближенія съ однимъ только человѣкомъ, который управлялъ общимъ мнѣніемъ, и до пріѣзда Наполеона назначалъ его исполнителемъ переворота: то былъ *Сіейсъ*. Наполеонъ, не терпѣвшій его политическихъ мечтаній, и знавшій безмѣрное честолюбіе Сіейса, не хотѣлъ имѣть его товарищемъ въ своихъ замыслахъ, не менѣе опасаясь дружбою съ нимъ возбудить опасенія другихъ. Не бывши знакомъ съ нимъ лично, онъ не искалъ его знакомства. Гойе хотѣлъ свести ихъ. Наполеонъ явился на приглашеніе къ обѣду, но былъ холоденъ, молчалъ. Сіейсъ не начиналъ съ нимъ разговора, и съ бѣшенствомъ вскричалъ послѣ обѣда: «Каковъ этотъ Египетскій бродяга! Онъ даже не подошелъ ко мнѣ, высшему члену правительства, который можетъ, и долженъ бы, велѣть его судить и разстрѣлять!». Когда друзья Наполеона упрекали его за показанное имъ невниманіе къ Сіейсу, онъ съ досадою отвѣчалъ: «Да, что у васъ за глупая мысль была посадить этого

аббата въ Директорію? Пруссія купила его, и онъ продастъ васъ Пруссіи!»

Наполеонъ вскорѣ понялъ расположеніе умовъ, и убѣдился, что можетъ надѣяться на содѣйствіе военныхъ и согласіе народа. Оставалось рѣшить дѣло съ Директоріею. Менѣе всѣхъ былъ опасенъ Баррасъ, безпечный, презираемый всѣми. Гойе и Муленъ были предводителями партіи республиканцовъ, желавшихъ поддержанія существующаго порядка. Сіейсъ и Дюко хотѣли перемѣны, вмѣстѣ съ многочисленною партіею единомышленниковъ въ обоихъ Совѣтахъ, гдѣ, особливо въ Совѣтѣ Пяти сотъ, превышало большинство республиканское. Барраса вообще считали главою, такъ называемыхъ, *гнилыхъ* (pourris) людей, готовыхъ отдать себя тѣмъ, кто предложитъ болѣе выгодъ.

Время проходило. Если потребна была осмотрительность для успѣха, медленность была также пагубна. Уже самое удаленіе Наполеона и желаніе уклониться отъ дѣлъ могли возбуждать опасенія. Мѣсто, какое надлежало теперь дать Наполеону, возбуждало живые споры между Директорами. Гойе и Муленъ говорили, что надобно послать его въ Италію. Сіейсъ и Дюко утверждали, что Франція обойдется безъ Бонапарте, и всего лучше оставить его въ забвеніи, и заставить другихъ забыть его. Баррасъ соглашался съ Гойе, но смѣясь, прибавлялъ: «Бонапарте хорошо устроилъ свои дѣла, и не такой дуракъ, чтобы опять согласился быть нашимъ генераломъ.» Положили уз-

нать прямо и окончательно мнѣніе самого Наполеона. Призванный къ Директорамъ, холодно отвѣчалъ онъ на предложеніе принять начальство надъ арміею въ Германіи, или въ Италіи, что здоровье его разстроено быстрымъ переѣздомъ изъ жаркаго климата въ холодный, и что ему потребенъ отдыхъ. «Не причтите отказа моего къ тому, что *я хорошо устроилъ свои дѣла,*» продолжалъ Наполеонъ, съ улыбкою намѣкая на слова Барраса, переданныя ему. «Если я что нибудь пріобрѣлъ въ Италіи и Египтѣ, то, конечно, не на счетъ республики, какъ пріобрѣтаютъ другіе.» Переговоръ кончился холодно. Наполеонъ не скрывалъ непріязни своей къ Директорамъ.

Мысль полнаго переворота страшила однакожь Наполеона. Онъ вздумалъ сблизиться съ Гойе и Муленомъ, и черезъ другихъ предложилъ имъ замѣнить Сіейса выборомъ его въ Директоры. Наполеонъ надѣялся, что успѣетъ послѣ сего овладѣть волею товарищей, и будетъ управлять Директоріею. Гойе оскорбился честолюбіемъ молодаго генерала, которому нельзя быть Директоромъ даже и потому, что онъ не былъ узаконенныхъ сорока лѣтъ. «Не уже ли онъ думаетъ,» прибавилъ Гойе, «что безъ него не кому спасти Францію?» Какъ ни тайно происходили переговоры, Фуше узналъ объ нихъ, и рѣшился предложить Наполеону пособіе Барраса. При всемъ презрѣніи своемъ къ Баррасу, Наполеонъ пожелалъ узнать, что предложатъ ему. Октября 30-го онъ обѣдалъ у Барраса, и послѣ обѣда хозяинъ началъ разговоръ о

дѣлахъ, бранилъ своихъ товарищей, говорилъ объ утомленіи своемъ, о необходимости замѣнить Директоровъ президентомъ. Наполеонъ ждалъ: *кого* наименуетъ онъ? «Вы должны возстановить нашу славу въ войнѣ,» продолжалъ Баррасъ. Наполеонъ едва удерживалъ досаду, и спросилъ наконецъ нетерпѣливо: кого же назначаетъ онъ президентомъ? Не зная что отвѣчать, Баррасъ назвалъ Гедувиля, друга Гошева, храбраго генерала, но безъ всякихъ дарованій и способностей. Наполеонъ ничего не отвѣчалъ, и немедленно раскланялся съ Баррасомъ. Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя Фуше. «Хорошъ вашъ Баррасъ!» сказалъ онъ насмѣшливо. «Ему угодно посылать меня въ армію и назначать президентомъ Гедувиля! Съ нимъ нечего говорить болѣе!» Встревоженный Фуше побѣжалъ къ Баррасу, упрекалъ его въ безразсудствѣ и заставилъ ѣхать къ Наполеону. Баррасъ извинялся, предоставлялъ на волю Наполеона всѣ дѣла, клялся въ дружбѣ. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ утомленъ и не думаетъ о дѣлахъ.

Онъ уже рѣшился. Необходимость принудила его по неволѣ сблизиться съ Сіейсомъ, на время подчиниться ему, одобрить его мечтательные планы, ласкать его честолюбіе. Талейранъ былъ посредникомъ въ переговорахъ. Гордясь тѣмъ, что Наполеонъ уступаетъ, Сіейсъ принялъ его съ восторгомъ, прочиталъ ему нелѣпую, приготовленную имъ, новую конституцію, и предложилъ планъ переворота. По конституціи Сіейса правленіе ввѣрялось двумъ правителямъ:

одинъ долженъ заниматься воинскою, другой граждан-скою частью. Надъ ними былъ высшiй чиновникъ, ни чѣмъ не управлявшiй, но голосъ коего рѣшалъ споры, и кромѣ того имѣвшiй право смѣнять и назначать обоихъ правителей. Смѣясь, Наполеонъ говорилъ потомъ, что Сiейсъ хотѣлъ изъ Францiи сдѣлать Японiю, учредивши кубу и даири, и самъ быть великимъ ламою, ибо мѣсто высшаго чиновника, или *великаго избирателя,* назначалъ онъ себѣ. Но если въ конституцiи видна была несбыточная мечта честолюбца, планъ заговора показывалъ ловкаго воспитанника iезуитской школы. Сiейсъ предполагалъ, что въ назначенный день Наполеонъ соберетъ къ себѣ военныхъ чиновниковъ, подъ предлогомъ смотра Парижскаго гарнизона. Въ то же время будетъ собранъ Совѣтъ Старѣйшинъ, и члены Управительной Коммисiи его представятъ ему, что отечеству угрожаетъ опасный заговоръ, для предупрежденiя коего надлежитъ опредѣлить переносъ засѣданiй обоихъ Совѣтовъ въ Сенъ-Клу, дать Наполеону полномочное начальство надъ войсками, и приказать ему принять мѣры для безопасности Парижа и обоихъ Совѣтовъ. Власть переходила такимъ образомъ въ Исполнительную Коммиссiю, гдѣ председателемъ дѣлался Наполеонъ. Сiейсъ и Дюко должны были прислать въ Коммисiю отреченiя отъ своихъ должностей, послѣ чего правленiе Директорiи разрушалось, и Совѣтамъ предлагали новую конституцiю. Безъ двухъ товарищей, остальные Директоры по закону были недѣйствительны.

Еслибы они вздумали противиться, Наполеонъ, въ силу полномочія, бралъ ихъ подъ стражу, какъ возмутителей. Сопротивленія въ Совѣтахъ, по увѣренію Сіейса, быть не могло. Впрочемъ надлежало съ нимъ соглашаться, полагаясь на его искуство въ интригахъ, когда ему помогали Талейранъ и Фуше, готовый оставить Барраса. Октября 30-го Наполеонъ и Сіейсъ утвердили всѣ сіи распоряженія, и день 18-го брюмера (Ноября 9-го) назначили днемъ исполненія.

Остальное время до срока употреблено на принятіе мѣръ къ удачѣ заговора. Наполеонъ и его соумышленники старались увлечь военныхъ чиновниковъ и войско. Отъ Бернадотта, Ожеро, Моро, и Лефевра, начальника войскъ въ Парижѣ, скрывали предпріятіе. Въ Парижѣ находилась тогда 17-я дивизія. Въ двухъ драгунскихъ полкахъ ея были солдаты Италійской арміи; конно-егерскій полкъ ея былъ сформированъ Наполеономъ, и находился нѣкогда подъ начальствомъ Мюрата. Сіейсъ старался согласить членовъ Совѣта Старѣйшинъ, а Люціанъ и Іосифъ членовъ Совѣта Пяти сотъ. Наполеонъ показывалъ необыкновенную дружбу Гойе, посѣщалъ его, обѣдалъ у него, и ласкалъ Мулена. Весь Парижъ зналъ о заговорѣ, но никто не зналъ, ни именъ дѣйствующихъ заговоромъ, ни средствъ, ни цѣли ихъ. Шумные споры были между республиканцами, ничего не рѣшавшими, когда молча и дѣятельно работали участники заговора. За три дня до 18-го брюмера Наполеонъ явился на торжественномъ обѣдѣ, который по подпискѣ дали ему

Совѣты. Присутствующіе скоро разошлись. Никто не начиналъ, и не смѣлъ начать разговора — боялись проговориться.

Недоумѣніе не задлилось. Накапунѣ 18-го брюмера Наполеонъ призвалъ къ себѣ командира 9-го драгунскаго полка, полковника Себастіани, и послѣ увѣренія, что онъ можетъ во всякомъ случаѣ вполнѣ надѣяться на солдатъ сего полка (ихъ было 600 конныхъ и 400 пѣшихъ), приказалъ явиться Себастіани съ полкомъ на другой день, рано утромъ, и занять улицы около его дома. Другимъ полкамъ посланы повѣстки придти нѣсколько позднѣе. Пригласительныя повѣстки были ко всѣмъ генераламъ. Предлогомъ сбора войскъ показанъ военный смотръ. Ночью разослали отъ Исполнительной Коммиссіи приглашеніе членамъ Совѣта Старѣйшинъ собраться на чрезвычайное засѣданіе въ 7-мь часовъ утра. Къ членамъ, на согласіе коихъ не надѣялись, повѣстокъ не было. Опасаясь, что Совѣтъ Пяти сотъ возстанетъ противъ своевластія Коммиссіи, ему назначили засѣданіе въ 11 часовъ, надѣясь между тѣмъ кончить дѣло въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, и тѣмъ уничтожить власть Пяти-сотнаго Совѣта.

Насталъ достопамятный день, долженствовавшій рѣшить судьбу Наполеона, Франціи, Европы. Весь Парижъ былъ въ смятеніи и ожиданіи. Предвидѣли, что Наполеонъ скажетъ наконецъ свое рѣшеніе. Все было однакожь тихо и спокойно. Члены Совѣта Старѣйшинъ спѣшили въ засѣданіе, одни изумленные не-

ожиданнымъ призывомъ, другіе готовые играть выученныя роли. Республиканцы бросились въ Совѣтъ Пяти сотъ. Толпы народа окружили Тюльери. Войска шли къ улицѣ Побѣдъ, гдѣ давно уже находился полкъ Себастіани. Жилище Наполеона наполнилось генералами и офицерами. Въ комнатахъ его не могли всѣ помѣститься. Дворъ, садъ, улица были наполнены гостями. Наполеонъ безпрестанно разговаривалъ со всѣми. Однихъ уводилъ онъ на тайный переговоръ въ свой кабинетъ; другимъ только напоминалъ Италію и Египетъ; тѣмъ говорилъ, что онъ надѣется на нихъ; инымъ прямо открывалъ тайну предпріятія. Его видъ, его слова увлекали всѣхъ. Ожеро былъ изъ первыхъ, прибѣжавшихъ къ нему. «Генералъ!» кричалъ онъ,» если вы хотите что нибудь дѣлать, развѣ вы ни во что считали вашего Ожеришка (votre petit Augereau)?» Іосифъ привелъ Бернадотта; онъ былъ во фракѣ. «Генералъ! для чего вы не въ мундирѣ?» спросилъ его Наполеонъ. — Я въ отставкѣ — холодно отвѣчалъ Бернадоттъ. «За то скоро поступите въ службу.» — Не думаю. — Наполеонъ взялъ его подъ руку и началъ объяснять положеніе Франціи. Бернадоттъ объявилъ, что не приметъ никакого участія, если рѣчь клонится къ убѣжденію его на какой нибудь переворотъ. «Хорошо,» сурово сказалъ ему Наполеонъ, «въ такомъ случаѣ вы останетесь здѣсь, пока все безъ васъ рѣшится!» — Убить меня можете, но арестовать себя я не позволю! — отвѣчалъ вспыльчиво Бернадоттъ. »Кто говоритъ объ аре-

стѣ! Дайте слово, что вы не будете противъ меня!»— Даю его, какъ простой гражданинъ, но если мнѣ велитъ законная власть — я пойду! «Увидимъ!» сказалъ Наполеонъ, отвернулся отъ него, и не замѣчая, что Бернадоттъ ушелъ, обратился къ Лефевру, пришедшему въ большой досадѣ. Онъ хотѣлъ упрекать Наполеона за своевольное распоряженіе войсками, состоявшими въ его командѣ. Совсемъ иначе, нежели съ Бернадоттомъ, заговорилъ съ нимъ Наполеонъ. «Что это? Вы сердитесь, Лефевръ? За что? Не ужели вы, опора республики, допустите ее погибнуть отъ стряпчихъ? Соедините съ нами и спасемъ республику! Посмотрите: вотъ сабля, которая была на мнѣ въ битвѣ подъ пирамидами — возмите ее въ залогъ моего уваженія, моей довѣренности!» Лефевръ не выдержалъ, схватилъ саблю и вскричалъ: «Да, да, я вашъ, и — къ чорту стряпчихъ!» Явленіе Фуше особенно обрадовало Наполеона. Онъ уже успѣлъ оказать важную услугу: ему были извѣстны всѣ подробности заговора, и передавши ихъ Директорамъ, Фуше могъ все разрушить, могъ спасти ихъ и Совѣты, принявши свои мѣры, какъ министръ полиціи. Фуше хорошо разсчелъ выгоды своего положенія, и продалъ ничтожную, упадавшую власть новой, сильной, возвышавшейся власти. Обмѣнъ Барраса на Наполеона былъ очевидно выгоденъ. На случай неудачи у Фуше были темныя донесенія, поданныя имъ Баррасу, и все приготовлено такъ, что онъ являлся ревностнымъ защитникомъ Директоріи.

Наполеонъ зналъ двоедушіе Фуше, но важность занимаемаго имъ мѣста заставляла не только не отвергать его, но даже принимать его услугу и благодарить за нее. Фуше донесъ Наполеону, что онъ велѣлъ затворить Парижскія заставы, и не выпускать изъ Парижа ни почты, ни курьеровъ. Благодаря за усердіе, Наполеонъ сказалъ, что сіи мѣры не нужны, ибо онъ исполняетъ желаніе войска и народа.

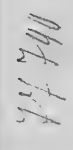
Наполеонъ не могъ скрыть своего волненія — дѣло шло объ его славѣ, его будущности, даже его головѣ. Несогласіе Совѣтовъ, смѣлость Директоровъ, могли разрушить всѣ замыслы. Въ сіи минуты рѣшалось дѣло въ Совѣтахъ. Наполеонъ звалъ къ себѣ Гойе. Ему донесли, что Гойе отказался явиться къ нему, что онъ знаетъ уже всѣ подробности, и что Сантерръ, взволновавшій Парижъ Августа 10, 1792 года, собираетъ толпы народа въ предмѣстіи св. Антонія. Минуты были дороги. Появленіе присланнаго отъ Совѣта Старѣйшинъ удостовѣрило Наполеона въ первомъ успѣхѣ.

Едва собрался Совѣтъ Старѣйшинъ, президентъ Коммиссіи представилъ, что въ Парижѣ существуетъ ужасный заговоръ, и надобно принять мѣры разрушить его и спасти конституцію. Коммиссія требовала опредѣленія Совѣта о томъ, что угрожаемые опасностью, оба Совѣта прекращаютъ свои засѣданія, и сохраняя независимость своихъ разсужденій, переносятъ мѣсто собраній въ Сенъ-Клу, гдѣ на другой день надлежало открыться засѣданіямъ ихъ.

До тѣхъ поръ Коммиссіи подчинялись войско и гарнизонъ Парижа, надъ коими команду вручали Бонапарте, обязывая его озаботиться безопасностью правительства и столицы. Опредѣленіе немедленно было подписано, ибо спорить было не кому: увѣдомленные о собраніи слишкомъ поздно, члены оппозиціи, одни не явились въ засѣданіе, другіе не смѣли спорить, когда сообщники Сіейса и Наполеона кричали громко.

Президентъ Корне, которому поручили передать Наполеону декретъ, и призвать его въ Совѣтъ для принятія присяги въ новой обязанности, едва могъ пробраться сквозь ряды солдатъ и толпы народа. Наполеонъ выхватилъ изъ рукъ посланнаго пакетъ; глаза его вспыхнули огнемъ, лицо ожило. Громко подозвалъ онъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ, началъ говорить имъ горячо, смѣло, и прочиталъ опредѣленіе Совѣта. «Могу ли надѣяться на васъ?» спросилъ онъ, кончивъ чтеніе. Ему отвѣчали громкимъ согласіемъ, и положа руки на сабли, клялись всюду идти за нимъ. Наполеонъ схватилъ свою шляпу и спѣшилъ вонъ. Всѣ слѣдовали за нимъ. Встрѣченный кликомъ войска и народа, окруженный генералами и офицерами, явился онъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ. «Граждане представители!» говорилъ онъ, «республика погибала — ваше опредѣленіе спасло ее! Горе тѣмъ, кто дерзнетъ противиться исполненію вашего приказа! Вспомоществуемый моими товарищами битвъ, я уничтожу усилія мятежниковъ. Напрасно ищутъ примѣровъ прошедшаго, стараясь

встревожить васъ. Ничто въ исторіи не похоже на XVIII-й вѣкъ, и ничто въ этомъ вѣкѣ не сравнится съ окончаніемъ его.... Мы хотимъ республики, мы хотимъ ее, основанной на истинной свободѣ, на представительномъ правленіи, и мы будемъ имѣть ее — клянусь за себя и моихъ товарищей!» — «Клянемся!» закричали генералы и офицеры. Нѣкоторые изъ членовъ хотѣли говорить. Президентъ объявилъ, что засѣданіе кончено декретомъ. «Генералъ!» продолжалъ онъ, обращаясь къ Наполеону, «Совѣтъ принимаетъ ваши клятвы, и не сомнѣвается въ искренности ихъ, и ревности, съ какою вы ихъ исполните. Кто никогда не обманывалъ обѣщая побѣды, конечно, сдержитъ обѣщаніе исполнитъ обѣты служить отечеству и быть ему вѣрнымъ!» Совѣтъ разошелся. Наполеонъ поспѣшилъ къ войску. «Солдаты!» говорилъ онъ, «ваши товарищи гибнутъ теперь безъ славы, народъ несчастенъ! Виновны вовсемъ тѣ злоумышленники, противъ которыхъ собралъ я васъ здѣсь. Скоро поведу я васъ вновь къ побѣдамъ, но прежде надобно уничтожить мятежниковъ, всѣхъ, кто противится общественному благоустройству и благоденствію народному. Декретомъ Совѣта Старѣйшинъ, согласно 102 и 103 статьѣ конституціи, мнѣ передано начальство надъ городомъ и войскомъ. Я принялъ власть, желая споспѣшествовать мѣрамъ Совѣта, согласнымъ съ благомъ народа. Республика худо управлялась въ послѣдніе два года. Вы надѣялись, что мое возвращеніе положитъ



предѣлъ злу. Вашъ общій привѣтъ, какимъ встрѣтили вы меня, налагаетъ на меня исполненіе моихъ обязанностей — исполните ваши, помогите вашему генералу, съ тою силою, тою твердостью, тою довѣренностью, какую всегда видѣлъ я въ васъ! Свобода, побѣда, миръ поставятъ Французскую республику на степень, какую занимала она въ Европѣ, и которую потеряла по неспособности правителей, или измѣнѣ. Да здравствуетъ республика!»

Наполеонъ объѣхалъ ряды, и немедленно распредѣлилъ войска. Макдональдъ занялъ Сенъ-Клу, Серрюрье Версаль, Мильо (Milhaud) Люксанбургъ, Ланнъ Тюльери, Мармонтъ арсеналъ, Беррюйе инвалидный домъ, Мюратъ мѣсто собранія Совѣта Пяти сотъ; Морану и Лефевру поручена вообще безопасность Парижа; Андреосси объявленъ начальникомъ штаба, Каффарелли и Дусе его адьютантами; Моро оставленъ при Наполеонѣ. Съ блестящею свитою отправился Наполеонъ въ собраніе Коммиссіи, гдѣ уже находились всѣ министры. Сюда явились Сіейсъ и Дюко, и представили свои письменныя отреченія отъ должности Директоровъ. Но Баррасъ, Гойе и Муленъ составляли еще большинство, и могли издавать приказы. Талейранъ и Брюн отправились къ Баррасу, уговаривать его также отречься отъ власти. Съ Гойе и Муленомъ не надѣялись сладить, но при отреченіи Барраса, слѣдовательно, разрушеніи большинства, власть ихъ уничтожалась сама собою до избранія трехъ новыхъ товарищей.

Дѣйствительно, Гойе и Муленъ хотѣли удержать власть, даже хотѣли противиться и дѣйствовать. Они прибѣжали къ Баррасу, и разсказали ему о событіяхъ въ Совѣтѣ и поступкахъ Наполеона. Баррасъ собирался идти въ ванну. «Чортъ побери!» вскричалъ онъ смѣясь, «стало, этотъ Корсиканчикъ перехитрилъ всѣхъ насъ!» Гойе и Муленъ требовали, чтобы немедленно отправился онъ съ ними, въ торжественномъ нарядѣ Директора, принялъ начальство, и объявилъ беззаконными всѣ распоряженія Совѣта. Баррасъ колебался, видѣлъ опасность, невозможность предпріятія, и по настоянію Гойе и Мулена, послалъ только съ ними своего секретаря Ботто, обѣщая явиться самъ, если есть возможность противиться перевороту. Гойе, Муленъ и Ботто побѣжали въ Коммиссію, гдѣ предсѣдалъ Наполеонъ, были Сіейсъ, Дюко, министры и многіе члены Совѣтовъ. Наполеонъ встрѣтилъ двухъ Директоровъ гордо, но ласково. «Радуюсь,» сказалъ онъ Гойе, «что и вы съ нами!» Гойе оскорбился и заговорилъ о своихъ правахъ. Разговоръ завязался жаркій. «Ревность ваша не изумляетъ меня,» сказалъ Наполеонъ. «Вы честный человѣкъ, и соедините съ нами спасти республику.» — Было время, когда вы, генералъ, имѣли честь быть ея подпорою, а теперь мы должны противъ васъ спасать ее и конституцію! — «Конституцію? Когда она развалилась? Конституція ваша не годится!» — Кто вамъ сказалъ, генералъ? Измѣнники, льстецы, которые за недѣлю ползали

передъ нами, и увѣряли въ благоденствіи Франціи Директорію.... — «Ее нѣтъ болѣе, вашей Директоріи!» вскричалъ горячо Наполеонъ. — «Нѣтъ? А кто жь уничтожилъ ее? — Ботто осмѣлился сказать что-то. «Молчать!» воскликнулъ Наполеонъ. «Что сдѣлали вы съ Франціею, которую оставилъ я вамъ столь цвѣтущею? Я оставилъ миръ — нахожу войну, оставилъ побѣды — нахожу пораженія, оставилъ милльоны — нахожу бѣдность и хищеніе! Гдѣ сто тысячь товарищей моей славы? Погибли! Дѣла не могутъ такъ продолжаться. Мы требуемъ республики, основанной на равенствѣ, нравственности, свободѣ гражданской, терпимости политической. При хорошемъ управленіи исчезнутъ всѣ партіи, всѣ будутъ Французы. Пора отдать защитникамъ отечества довѣренность, на которую имѣютъ они право. Смѣютъ ли называть врагами республики тѣхъ, кто укрѣпилъ ее трудами и храбростью? Кто патріотъ болѣе храбрыхъ людей, изувѣченныхъ на службѣ отчизнѣ?» Напрасно Сіейсъ хотѣлъ примирить споривщихъ. «Генералъ Муленъ!» сказалъ Наполеонъ Мулену, «вы, кажется, родня Сантерру?» — Не родня, но другъ.» — Скажите жь ему, чтобы онъ не дурачился: онъ хочетъ возмутить народъ — я разстрѣляю его!» Муленъ возразилъ горячо. «Да, велю взять его и разстрѣляю!» грозно вскричалъ Наполеонъ. Тутъ явился Талейранъ съ отреченіемъ Барраса. Настращенный хитрымъ дипломатомъ, видя невозможность бороться, увѣряемый, что при немъ

оставятъ богатства, Баррасъ подписалъ письмо, уже давно заготовленное, и немедленно отправился изъ Парижа въ свое помѣстье Гробуа, съ почетною стражею. «Видите!» вскричалъ Наполеонъ, обращаясь къ Мулену и Гойе. «Сіейсъ и Дюко отреклись— вотъ отреченіе Барраса! Что сдѣлаете вы одни, безсильные? Я требую, чтобы вы ничего не начинали. Республика въ опасности — я хочу спасти ее!» Гойе и Муленъ удалились въ смятеніи, написали протестъ, но увидѣли свои жилища окруженныя солдатами. Моро, посланный Наполеономъ, объявилъ имъ арестъ; протестъ ихъ уничтожили. Стража директорская явилась къ Наполеону съ начальникомъ своимъ Жюбе.

Такъ дѣло съ Директоріею было кончено. Совѣтъ Пяти сотъ собирался, и хотѣлъ разсуждать, но ему объявили декретъ Совѣта Старѣйшинъ, и засѣданіе было закрыто. Фуше, какъ министръ полиціи, закрылъ засѣданія всѣхъ Городовыхъ Правленій. Народъ разошелся. Всюду была тишина. Военные караулы охраняли улицы. Войско не расходилось. Слѣдующій день долженъ былъ довершить начало. Ночью Сіейсъ, Наполеонъ, и друзья ихъ, составили декретъ, который должны были на другой день утвердить оба Совѣта: имъ уничтожалась Директорія, и временно передавалась власть Сіейсу, Дюко и Наполеону, съ новымъ названіемъ *Консуловъ Французской республики.* Такое громкое названіе предложено было Наполеономъ, вмѣсто обезславлен-

наго названія Директоровъ. Консулы избирали себѣ министровъ. Изъ членовъ обоихъ Совѣтовъ должна была составиться Коммиссія для пересмотра конституціи, вмѣстѣ съ Консулами, и черезъ три мѣсяца представить исправленную конституцію на утвержденіе Совѣтовъ и рѣшеніе народное.

Парижъ находился въ недоумѣніи и ожиданіи. Кромѣ приказа солдатамъ изданы были объявленія полиціи, гдѣ говорили о свободѣ, безопасности, владычествѣ народа, опасности отечества, убѣждали оставаться спокойными, и вѣрить попечительности и мудрости правительства. Множество памфлетовъ, гдѣ порицали Директорію, было разсѣяно въ народѣ. Наполеонъ издалъ прокламацію отъ себя:

«Граждане!

Совѣтъ Старѣйшинъ, хранилище народной мудрости, издалъ декретъ, при семъ прилагаемый. Онъ уполномоченъ на то 102 и 103 статьею конституціи. Мнѣ велѣно принять мѣры, охраняющія представительство народное; его перемѣщеніе необходимо и кратковременно. Законодательный корпусъ избавитъ представительство отъ великой опасности, до коей небрежность всѣхъ частей управленія насъ довела. Ему необходимы въ семъ существенномъ дѣлѣ союзъ и довѣренность патріотовъ. Соедините сь окрестъ него — вотъ единственный способъ поставить республику на основаніяхъ гражданской свободы, внутренняго благоденствія, побѣды и мира.

Бонапарте.

Прокламація, тогда же изданная отъ Совѣта Старѣйшинъ, говорила:

«Французы! Совѣтъ Старѣйшинъ употребляетъ право, дарованное ему 102 статьею конституціи, на перемѣщеніе мѣста засѣданій законодательнаго корпуса. Онъ употребляетъ его, дабы связать злоумышленіе, хотящее подчинить себѣ народное представительство, и дабы утвердить внутренній миръ. Онъ употребляетъ сіе право, дабы достигнуть внѣшняго мира, требуемаго вашими долговременными пожертвованіями и человѣчествомъ. Общее спасеніе, общее благоденствіе — такова цѣль сей конституціонной мѣры, и она будетъ достигнута, а вы, обитатели Парижа, будьте спокойны: вскорѣ возвратятъ вамъ присутствіе законодательной власти. Французы! слѣдствія сего дня скоро убѣдятъ васъ, что законодательная власть достойна васъ, и можетъ приготовить ваше благополучіе. Да здравствуетъ народъ, которымъ и въ которомъ существуетъ республика!»

«Какая же опасность угрожаетъ? Кто заговорщики? Чего хотятъ они отъ насъ?» спрашивали Парижане. Но народа опасаться было нечего. Сіейсъ изъявлялъ болѣе опасенія противъ Совѣтовъ, и особливо спора республиканцовъ Совѣта Пяти сотъ. Онъ предлагалъ даже арестовать ночью сорокъ членовъ Совѣта Пяти сотъ, и взять подъ стражу Бернадотта, Журдана и Ожеро. Наполеонъ отвергъ совѣтъ его, и — едва не раскаялся на другой день.

Не смотря на всѣ принятыя мѣры, республикан-

цы собирались ночью, спорили, изыскивали средства сопротивленія. Главное сборище было у Бернадотта. Сюда явился адьютантъ Моро Ранатель, ибо самъ Моро не хотѣлъ дѣйствовать явно. «Что долженъ дѣлать Моро?» спрашивалъ Ранатель. «Стыдно спрашивать генералу, что ему дѣлать!» отвѣчалъ Бернадоттъ. «Пусть призоветъ войско, объявитъ весь замыселъ Бонапарте и Сіейса, и мы всѣ придемъ къ нему.» Моро не смѣлъ, говорилъ объ опасности, боялся неудачи. Тогда Бернадоттъ потребовалъ, чтобы завтра объявили его въ Совѣтѣ Пяти сотъ начальникомъ войскъ. Онъ брался уничтожить враговъ республики. Журданъ и Ожеро были согласны съ нимъ. Хотѣли узнать мысли Лефебра. Тотъ клялся, что умретъ защищая республику. «Вотъ чѣмъ расплачусь я съ каждымъ, кто посягнетъ на республику!» кричалъ онъ, стуча своею саблею. Но опасенія другихъ помѣшали общему рѣшенію. Все отложено до слѣдующаго дня.

Нетерпѣливо ждали сего дня со всѣхъ сторонъ. Только Наполеонъ оставался спокоенъ, уже предчувствуя побѣду, увѣренный въ преданности своихъ военныхъ товарищей и повиновеніи солдатъ. Все остальное окрестъ него волновалось страхомъ и недоумѣніемъ, начиная съ народа, рано утромъ толпами прибѣжавшаго въ Сенъ-Клу, до членовъ обоихъ Совѣтовъ, въ ожиданіи открытія засѣданій, въ полномъ нарядѣ представителей, безпокойно наполнявшихъ дворецъ и садъ, окруженные полками и ар-

тиллеріею. Сіейсъ, Дюко, и многіе другіе, приготовили даже тайно дорожные экипажи, располагаясь бѣжать, если республиканцы воспротивятся, и дѣло пойдетъ неудачно. Можно было ожидать отчаянныхъ усилій, видя ярость и бѣшенство, едва скрываемыя ими. Они уже поняли тогда, и увидѣли, что готовитъ имъ Наполеонъ. Самые сообщники Наполеона, и Сіейсъ первый изъ всѣхъ, сознавали свою ошибку. Они думали управлять Наполеономъ, и страшно обманулись, ибо минувшій день показалъ имъ непобѣдимую волю и тайную мысль того, кому готовили они величіе. Воротиться было поздно: онъ повелѣвалъ всѣми, повелѣвая войскомъ. Обратиться къ республиканцамъ было опасно, ибо побѣда Наполеонова казалась несомнительною. Тѣмъ не менѣе споръ могъ быть ужасенъ, даже кровавъ, и — слѣдствія окончательно неизвѣстны....

Въ два часа по полудни открылись засѣданія Совѣта Старѣйшинъ въ залѣ Аполлона, Совѣта Пяти сотъ въ залѣ Оранжерейной. Въ особой залѣ находилась Коммиссія. Наполеонъ, нетерпѣливо ожидавшій слѣдствій, былъ верхомъ передъ войсками. Мюратъ, Ланнъ и Лефевръ находились подлѣ него. Войско стояло съ заряженными ружьями. Велѣно было стрѣлять въ каждаго, кто осмѣлится говорить съ солдатами безъ позволенія Наполеона. На заставахъ не велѣно пропускать никого изъ Сенъ-Клу въ Парижъ.

Какъ напередъ можно было предвидѣть, нерѣшительность явилась въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, и буйно

началось засѣданіе Совѣта Пяти сотъ. Вопреки вчерашнему декрету, члены перваго требовали объясненія объ опасности, о заговорѣ, и не слушали президента. Когда извѣстили ихъ объ отреченіи Директоровъ, они заговорили, что надобно немедленно избрать новыхъ. Но тѣмъ все ограничивалось. Поступать и говорить рѣшительно никто не смѣлъ. Не такъ было въ Совѣтѣ Пяти сотъ. Требованія членовъ были буйны, и сопровождались крикомъ и воплями, заглушавшими голосъ президента. «Заговора нѣтъ! Опасностей нѣтъ! Заговорщики тѣ, кто окружилъ насъ войскомъ! Прочь тирановъ! Долой диктаторовъ! Да здравствуетъ конституція! Конституція или смерть! Мы не боимся штыковъ!» «Граждане! поклянемся умереть, защищая конституцію!» кричалъ Грантмезонъ. «Поклянемся!» шумно отвѣчали ему всѣ. Опредѣлили дать клятву, и по перекличкѣ каждый членъ громко произносилъ ее. Люціанъ долженъ былъ послѣдовать примѣру другихъ. Хотѣли призвать на помощь Совѣтъ Старѣйшинъ, уничтожить всѣ вчерашнія распоряженія, поручить начальство надъ войсками Журдану, Бернадотту и Ожеро. Узнавши о волненіи Совѣта Пяти сотъ, и въ Совѣтѣ Старѣйшинъ республиканцы заговорили громко. Минута была опасная. Уже сообщники Сіейса и Наполеона умолкали, не смѣли спорить....

Онъ слышалъ обо всемъ. Казалось, онъ колебался нѣсколько времени. Лицо его было гнѣвно — рѣшеніе смѣло: явиться передъ этими толпами людей

ничтожныхъ и заставить ихъ умолкнуть. Онъ соскочилъ съ лошади и бросился въ Совѣтъ Старѣйшинъ. Нѣсколько товарищей пошли за нимъ. Ожеро встрѣтился съ Наполеономъ и насмѣшливо сказалъ: «Ну, что? Каково попались вы, генералъ? Вѣдь дѣло плохо!» — «Подъ Арколой было еще хуже!» угрюмо отвѣчалъ ему Наполеонъ, и трепеща отъ гнѣва, смущенный, явился онъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ.

«Граждане представители!» сказалъ онъ, «вы хотите разсуждать, когда потребно рѣшеніе. Вы не въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ — подъ вами волканъ! Зачѣмъ объявили вы республику въ опасности, перенесли въ Сенъ-Клу засѣданія, призвали меня и моихъ храбрыхъ товарищей? Спокойно жилъ я въ моемъ домѣ....»

«Спокойно жилъ — составлялъ заговоръ!» раздался чей-то голосъ.

«Кто смѣетъ клеветать на меня и товарищей моихъ?» вскричалъ Наполеонъ. «Да, да, говорятъ о новомъ Цезарѣ, новомъ Кромвелѣ. Еслибы я хотѣлъ быть ими, мнѣ легко было, когда съ торжествомъ возвратился я изъ Италіи, когда войско и всѣ партіи приглашали меня, просили меня. Я не хотѣлъ тогда, не хочу и теперь. Только опасность отечества вызвала меня. Предупредимъ бѣдствія, спасемъ то, за что мы отдали столь многое, спасемъ свободу и равенство....»

«И конституцію!» кричалъ депутатъ Лангле.

«Какую конституцію? У васъ нѣтъ ее! Вы раз-

рушили ее 18-го фруктидора, уничтоживъ народное представительство, 22-го флореаля, уничтоживъ народные выборы, 30-го преріаля, посягнувъ на независимость правительства! Всѣ партіи хотятъ уничтоженія вашей конституціи, всѣ просили меня о томъ, обѣщали помогать мнѣ — я назову всѣ партіи, всѣхъ людей!» — «Назови, назови!» кричало множество голосовъ.

«Сами Директоры первые говорили мнѣ о томъ! На васъ надѣялся я, а не на безумный Совѣтъ Пяти сотъ, который хочетъ возвратить насъ ко временамъ Конвента, эшафотовъ, революціонныхъ комитетовъ. Я иду къ нимъ, и если кто нибудь, измѣнникъ, купленный иноземцами, осмѣлится противостать мнѣ — горе ему! Я уничтожу злодѣя....»

«Прочь, прочь! Диктаторъ! Тиранъ!» закричали многіе.

«Нѣтъ! я не диктаторъ, но я долженъ спасти васъ, и не къ вамъ обращусь я, но къ моимъ товарищамъ, которыхъ столько разъ водилъ я къ побѣдѣ, съ которыми дѣлилъ опасности, къ нимъ, и къ моему счастью!.... Вспомните, что богъ Войны и богъ Счастья сопутствуютъ мнѣ....»

Наполеонъ былъ внѣ себя, дрожалъ, блѣднѣлъ. Товарищи трепетали за него. «Пойдемте, генералъ!» говорили они ему, «пойдемте! Вы не знаете что говорите!» Бертье схватилъ его за платье, и насильно повлекъ изъ залы. Наполеонъ опомнился.

«Пойдемъ, и кто любитъ меня, тотъ пойдетъ со мною!» говорилъ онъ.

Онъ вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ себя передъ рядами войскъ. Не теряя ни минуты, бросился онъ въ Совѣтъ Пяти сотъ. Страшный крикъ и оглушающій шумъ слышны были тамъ издали. Наполеонъ велѣлъ слѣдовать за собою нѣсколькимъ гренадерамъ, остановилъ у входа генераловъ, и одинъ вошелъ въ залу.

При появленіи его въ залѣ и солдатъ въ дверяхъ раздались вопли: «Какъ? Здѣсь штыки? Здѣсь солдаты? Въ храмѣ законовъ? Прочь диктатора! Долой тирана! Подъ судъ Кромвеля!» Наполеонъ хотѣлъ говорить — голосъ его былъ заглушенъ. Въ безпорядкѣ, толпами вскочили члены Совѣта съ мѣстъ своихъ и устремились на Наполеона. «Такъ вотъ для чего побѣждалъ ты?» кричалъ ему депутатъ Дестремъ. Депутатъ Бигонне схватилъ его за руки, восклицая: «Что ты дѣлаешь, безразсудный! Удались! Ты нарушаешь святилище законовъ!» Осталось неразрѣшенною загадкою: дѣйствительно ли были подняты кинжалы надъ Наполеономъ, но позорныя, ругательныя слова слышались отвсюду: «Злодѣй! Тиранъ! Кромвель! Онъ посрамилъ свои лавры!» Наполеонъ былъ блѣденъ, хотѣлъ говорить и не могъ. Среди шума и волненія ничего нельзя было разслушать. «Друзья! спасемъ нашего генерала!» раздался тогда громкій голосъ Лефевра. Онъ первый не вытерпѣлъ позора, забылъ свое республиканство,

бросился въ залу съ солдатами, схватилъ Наполеона, передалъ солдатамъ, и они увлекли его изъ Совѣта. Въ дракѣ разорвали мундиръ гренадера Томе. Страшное смятеніе заволновало тогда Совѣтъ, и всѣ голоса слились въ одинъ: «Исключить его изъ закона! Долой тирана» (Hors la loi! A bas le tyran)! Люціанъ тщетно хотѣлъ говорить. Онъ сбросилъ съ себя тогу и свой президентскій токъ. «Презрѣнные!» вскричалъ онъ, «вы хотите чтобы я исключилъ изъ покровительства законовъ моего брата! Вы не хотѣли выслушать его, не дали оправдаться! Вы забыли заслуги его! Я не президентъ вашъ!»

Наполеонъ задыхался, когда вывели его передъ войско. Онъ могъ только выговорить: «Злодѣи хотѣли убить меня! Разбойники, подкупленные Англичанами! Спасите Люціана!» Нѣсколько солдатъ бросились въ залу Совѣта, схватили Люціана и привели его къ брату. Онъ успѣлъ унести свою тогу, свой токъ, надѣлъ ихъ, и при видѣ его, при взорѣ на товарищей, Наполеонъ успѣлъ опомниться. Крики: «Да здравствуетъ Бонапарте!» мгновенно возвратили ему хладнокровіе. Но онъ мѣшался, хотѣлъ говорить, и все еще не могъ. Солдаты замолкли и остановились въ недоумѣніи. Многіе почитали уже все дѣло потеряннымъ. Люціанъ, разгоряченный буйствомъ Совѣта, оскорбленный насиліемъ, оживился вдохновеніемъ гнѣва: «Солдаты!» вскричалъ онъ, «я президентъ Совѣта, и объявляю вамъ, что большинствомъ его овладѣли злодѣи! Они грозятъ

смертью и отнимают свободу разсуждений. Объявляю вамъ, что дерзкіе разбойники, подкупленные Англичанами, возстали противъ Совѣта Старѣйшинъ, и объявили внѣ закона вашего генерала, когда онъ хотѣлъ исполнить волю Совѣта Старѣйшинъ. Не уже ли мы еще въ томъ времени Ужаса, когда отъ одного слова: *внѣ закона*, падали головы достойныхъ сыновъ отечества? Они сами себя поставили внѣ закона, эти безумцы, дерзнувшіе посягнуть на свободу! Во имя народа, бывшаго столько лѣтъ игрушкою злодѣевъ и дѣтей Ужаса, вамъ, воины, поручаю спасти вашихъ представителей, избавить ихъ отъ гибели, возвратить имъ свободу! Генералъ, солдаты, граждане! Только тѣ представители народа, кто будетъ здѣсь со мною — остальныхъ надобно изгнать, какъ недостойныхъ: они представители кинжаловъ — такъ надобно называть ихъ, и пусть каждый, указывая на нихъ пальцомъ, называетъ ихъ заслуженнымъ ими именемъ: представитель кинжала!... Да здравствуетъ республика!»

Слова Люціана оживили, увлекли всѣхъ. Но при командѣ: «*Впередъ! Маршъ!*» недоумѣніе и ропотъ явились опять между рядами. Идти на собраніе людей, которое называли *правительствомъ*, можетъ быть, рѣзать ихъ, хладнокровно, сознательно поднять руки на представителей народа! Иное дѣло было, когда буйная чернь нападала на солдатъ 13-го вандемьера, и Наполеонъ велѣлъ стрѣлять въ нападавшихъ, иное было тогда и время....

«Да за республику ли мы пойдемъ? За свободу ли будемъ драться?» бормотали солдаты. Люціанъ выхватилъ свою шпагу, и обращая ее на Наполеона, вскричалъ: «Онъ мнѣ братъ, онъ вашъ генералъ, но при васъ, я самъ умерщвлю его, если онъ посягнетъ на свободу!» Что могло показаться смѣшнымъ, еслибъ было приготовлено, то теперь увлекло всѣхъ. Наполеонъ успѣлъ опомниться. «Солдаты!» воскликнулъ онъ, тѣмъ голосомъ, который войско его слыхало столько разъ на поляхъ, «развѣ не я, и не васъ водилъ къ побѣдамъ? Мнѣ ли не надѣяться на васъ!» — Да, да! Да здравствуетъ Бонапарте! — «Солдаты! мятежники хотятъ погубить отечество — могу ли на васъ положиться?» — Да! да! — «Хорошо! Ступайте же, образумьте ихъ!» — «Маршъ! Впередъ!» раздалось въ рядахъ. При шумныхъ кликахъ: «Да здравствуетъ Бонапарте!» Мюратъ и Леклеркъ быстро повели отрядъ солдатъ, съ примкнутыми штыками. Увидя ихъ, всѣ члены Совѣта Пяти сотъ, спорившіе между собою, и ни на что еще не рѣшавшіеся, закричали: «Измѣна! Насиліе! Мы умремъ здѣсь! Да здравствуетъ конституція!» — Граждане! по приказанію Президента зала должна быть очищена! вскричалъ Мюратъ. Ему отвѣчали крикомъ и угрозами. «Гренадеры! впередъ! Маршъ!» воскликнулъ тогда Мюратъ. «Во имя генерала Бонапарте Совѣтъ Пяти сотъ распускается! Добрые граждане, удалитесь! Гренадеры! впередъ!» кричалъ Леклеркъ. Барабанный бой заглу-

шилъ вопли членовъ Совѣта. При видѣ штыковъ, устремленныхъ на нихъ, всѣ бросились бѣжать, прыгали въ окошки, уходили въ двери — ни одинъ не остался на своемъ мѣстѣ и не рѣшился умереть.

Часть членовъ Совѣта Пяти сотъ присоединилась къ Люціану, стоявшему передъ войскомъ; другіе разбѣжались, скрылись, поскакали въ Парижъ. На заставахъ останавливали ихъ, и отводили въ Городовое Правленіе. Люціанъ явился въ Совѣтъ Старѣйшинъ, и донесъ ему о сопротивленіи Совѣта Пяти сотъ, о кинжалахъ, поднятыхъ на исполнителя приказаній правительства, о взятіи подъ стражу мятежниковъ. Его слушали безмолвно. Президентъ благодарилъ его и генерала Бонапарте за спасеніе отечества. Черезъ нѣсколько времени, когда собрали до сотни членовъ Совѣта Пяти сотъ, отъ имени сего Совѣта внесено было къ Старѣйшинамъ предложеніе о декретѣ, и ночью декретъ былъ подписанъ. Мы уже видѣли содержаніе его: по власти, данной конституціею, Совѣтъ Старѣйшинъ прекращалъ засѣданія, какъ свои, такъ и Совѣта Пяти сотъ, до Февраля 1800 года. Двѣ Коммиссіи, каждая изъ 25 членовъ, выбранныхъ изъ обоихъ Совѣтовъ, должны были пересмотрѣть конституцію республики, ввести въ нее измѣненія, какія показалъ опытъ необходимыми, и въ Февралѣ представить свой трудъ на утвержденіе Совѣтовъ. До тѣхъ поръ республикою полновластно управляли избранные и утвержденные Совѣтами Консулы: Сіейсъ, Дюко и Бонапарте. Они

предсѣдали въ Коммиссіи пересмотра конституціи, составляя собою правительство, подъ именемъ *Консульской Исполнительной Коммиссіи* (Commission consulaire exécutive), присягая соблюдать владычество народа, единство и недѣлимость республики, свободу, равенство и представительную систему. Совѣты опредѣлили въ заключеніе благодарность Бонапарте и войску за спасеніе отечества.

Противники Наполеона донынѣ не перестаютъ порицать его при переворотѣ 18-го Брюмера въ трехъ отношеніяхъ: нарушеніи законнаго порядка, обманѣ всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ, и трусости, оказанной имъ передъ Совѣтами 19-го брюмера. Обвиненія жалкія, клеветы смѣшныя! «Онъ дѣйствовалъ во имя свободы, и захватывалъ себѣ власть, прикрывалъ дѣла свои формами законности, разрушалъ ихъ въ основаніи, и содрогнулся при величественномъ видѣ представителей народа.» Вопросъ о событіяхъ 18-го брюмера давно былъ рѣшенъ Наполеономъ и утвержденъ Франціею: онъ явился изъ Египта схватить власть, ибо видѣлъ что только удержавъ ее могучею рукою, спасетъ онъ Францію. Восторгъ народа и усердіе войска были ему отвѣтомъ безъ словъ, что войско и народъ согласны съ нимъ. Свобода! Какъ будто представлялъ свободу кумиръ тогдашней вольности, безславный, безчестный! Кто не позорилъ его? Кто не плевалъ въ него, начиная съ Мирабо и Робеспьера до Барраса, Ожеро, и даже Фуше? Законъ! Какъ будто были не-

измѣнные законы послѣ переворотовъ Флореаля и Преріаля, послѣ хищеній Директоріи, безумія дѣйствій ихъ, потерь ихъ внѣ, презрѣнія имъ внутри республики? Какъ будто представляла собою поборниковъ закона и свободы толпа низкихъ интригантовъ, и нѣсколько горячихъ головъ, кричавшихъ о свободѣ, хотѣвшихъ дѣйствовать, безъ плана, безъ цѣли, безъ силъ? И передъ ними могъ струсить Наполеонъ? Не робость, но пылкій гнѣвъ и благородное негодованіе взволновали сильную душу его при безумныхъ вопляхъ ничтожнаго Совѣта Пяти сотъ, при видѣ мѣлкой сѣти интригъ, которая хотѣла опутать и остановить полетъ орла, и можетъ быть, при мысли, что онъ безславно могъ погибнуть здѣсь подъ кинжаломъ безчестнаго убійцы, или сумасброднаго республиканца, онъ, кого щадила судьба подъ Арколою и въ пескахъ Сиріи....

Такъ понялъ народъ поступокъ Наполеона, и съ полною довѣренностью передала жребій свой Наполеону Франція, когда на другой день, 20 брюмера, услышала, что недоумѣнія и смятенія кончились разрушеніемъ правительства, всѣми презираемаго, и соединеніемъ власти въ рукахъ Наполеона. Народная радость была шумная и искренняя. И съ полнымъ, высокимъ сознаніемъ силы своей принялъ верховную власть Наполеонъ. На другой день онъ являлся уже выше всѣхъ — онъ уже царствовалъ надъ Франціею. Оставалось облечь власть его въ законныя формы.

Объявленія полиціи извѣстили Парижъ и Францію о перемѣнѣ правленія. Они были слѣдующія:

«Граждане! правительство было слишкомъ слабо, не могло ни поддержать славы республики противъ враговъ внѣшнихъ, ни оградить правъ гражданъ противъ крамолъ внутреннихъ. Надлежало придать ему силу и величіе.

«Представляя собою мудрость государственную, Совѣтъ Старѣйшинъ мыслилъ о томъ, и изъявилъ свою на то волю. Онъ утвердилъ перемѣщеніе законодательной власти внѣ города, гдѣ излишество страстей угрожало ей опасностію. Оба Совѣты предложили мѣры, достойныя народа Французскаго. Горсть мятежниковъ хотѣла воспрепятствовать, и предалась бѣшенству, которое превосходнымъ большинствомъ голосовъ сдѣлано безсильнымъ. Это спасительное большинство соединилось послѣ разсѣянія мятежниковъ. Оно составило двѣ Коммиссіи, взятыя изъ среды Совѣтовъ, и утвердило ихъ мѣстомъ законодательной власти. Оно передало исполнительную власть въ руки трехъ Консуловъ, коихъ облекло оно тѣми же правами, какъ Директоровъ. Оно избрало гражданъ Сіейса, Бонапарте, Рожера Дюко, и нынѣ они вступили въ свою должность. Отнынѣ новый порядокъ дѣлъ начинается. Правительство угнѣтало, ибо оно было слабо. Принимающее нынѣ власть поставитъ долгомъ быть сильно, дабы исполнить долгъ быть справедливымъ. Оно призываетъ на помощь себѣ всѣхъ друзей республики и свободы, всѣхъ

Французовъ. Соединимся, и содѣлаемъ имя Французскаго гражданина столь великимъ, чтобы каждый изъ насъ, гордый имъ, забылъ пагубныя дѣйствія, помощью коихъ крамольники приготовляли наши бѣдствія, раздѣляя насъ. Консулы достигнутъ сей цѣли, ибо они твердо хотятъ того. Скоро знамена всѣхъ партій будутъ уничтожены, и всѣ Французы соберутся подъ однимъ знаменемъ республики. Вскорѣ труды правительства утвердятъ торжество республики извнѣ побѣдою, благоденствіе внутреннее правосудіемъ, и счастіе народа миромъ.»

Фуше.

Прокламація Консуловъ подтвердила извѣщеніе. Прокламацію сію писалъ Наполеонъ.

«Консулы республики Французской.

20 *брюмера, VIII года.*

«Конституція III-го года погибала. Она не могла оградить вашихъ правъ, граждане, оградить самой себя. Многочисленныя покушенія безвозвратно похищали у нея уваженіе народа. Корыстолюбивыя, ненавистныя крамолы дѣлили республику. Франція приближалась наконецъ къ послѣдней степени всеобщаго разстройства.

«Сыны отечества поняли другъ друга. Все, что могло вредить вамъ, граждане, удалено, все, что полезно, все что осталось чисто въ народномъ представительствѣ, соединилось подъ знаменами свободы.

«Французы! республика, укрѣпленная и поставленная въ Европѣ на степень, которой никогда не должна была терять, увидитъ осуществленными всѣ надежды гражданъ, и исполнитъ свой славный жребій.

«Принесите, вмѣстѣ съ нами, клятву, какую даемъ мы: быть вѣрными республикѣ, единой и нераздѣлимой, основанной на равенствѣ, свободѣ и системѣ представительной.»

Консульство республики. Сіейсъ, Роже-Дюко, Бонапарте.

Прокламація, какъ и всѣ другіе акты, были издаваемы отъ имени трехъ Консуловъ, и имя Наполеона нигдѣ не являлось первымъ. Отъ своего имени, онъ позволилъ себѣ только издать оправданіе событій 19-го брюмера, означивъ его симъ днемъ, какъ будто еще до устройства консульства.

«По возвращеніи моемъ въ Парижъ, я нашелъ раздѣленіе во всѣхъ властяхъ, и общее согласіе утвержденнымъ только на той истинѣ, что конституція была уже въ половину разрушена и не могла спасти свободы.

«Всѣ партіи явились ко мнѣ, довѣряя мнѣ свои намѣренія, открывая свои тайны, требуя моей поддержки. Я отрекся отъ партій.

«Совѣтъ Старѣйшинъ призвалъ меня. Я соотвѣтствовалъ его призыву. Планъ преобразованія всеобщаго былъ утвержденъ людьми, въ коихъ нація привыкла

видѣть защитниковъ свободы, равенства, собственности. Сей планъ требовалъ разсмотрѣнія спокойнаго, свободнаго, безъ всякаго чуждаго вліянія. Въ слѣдствіе сего Совѣтъ Старѣйшинъ опредѣлилъ перемѣщеніе законодательной власти въ Сенъ-Клу. Онъ передалъ мнѣ распоряженія силою, необходимою для его независимости. Я почиталъ обязанностью къ моимъ согражданамъ, солдатамъ, погибающимъ въ арміяхъ, народной славѣ, пріобрѣтенной кровью ихъ, принять начальство.

«Совѣты собираются въ Сенъ-Клу. Войска республики утверждаютъ безопасность ихъ извнѣ. Но убійцы вносятъ ужасъ внутрь. Многіе члены Совѣта Пяти сотъ, вооружась кинжалами и огнестрѣльнымъ оружіемъ, угрожаютъ окружающимъ ихъ смертью.

«Планы, которые надлежало развить, были стѣснены, большинство раздѣлено, самые безстрашные ораторы оробѣли, и безполезность всякаго благоразумнаго предложенія была очевидна.

«Я передаю мое негодованіе, и мою скорбь, Совѣту Старѣйшинъ, прошу обезопасить исполненіе великодушныхъ намѣреній его, представляю бѣдствія отечества, подавшія къ нимъ поводъ. Совѣтъ соединяется со мною новыми изъявленіями своей постоянной воли.

«Я предстаю Совѣту Пяти сотъ, одинъ, безъ оружія, съ открытою головою, такъ, какъ принятъ былъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ и одобренъ имъ; я хочу напомнить большинству его свободу и утвердить власть его.

«Кинжалы, грозившіе членамъ, мгновенно подняты на меня, избавителя членовъ Совѣта. Двадцать убійцъ бросаются ко мнѣ и ищутъ моей груди. Гренадеры законодательной власти, оставленные мною у дверей залы, прибѣгаютъ, бросаются между мною и убійцами. Одинъ изъ сихъ храбрыхъ гренадеровъ пораженъ ударомъ кинжала, разорвавшимъ у него платье. Они увлекаютъ меня.

«Въ то же мгновеніе крики: *Внѣ закона!* слышны противъ защитника закона. То былъ дикій крикъ убійцъ противъ силы, назначенной уничтожить ихъ.

«Заговорщики тѣснятся около Президента, съ угрозами въ устахъ, съ кинжалами въ рукахъ; они принуждаютъ его произнести противъ меня: *Внѣ закона.* Меня извѣстили; я приказалъ спасти Президента отъ ихъ ярости, и шесть гренадеровъ законодательной власти спасаютъ его. Немедленно потомъ гренадеры законодательной власти вступаютъ въ залу Совѣта и очищаютъ ее.

«Испуганные крамольники разсѣяваются и удаляются. Большинство, избавленное отъ ударовъ кинжала, мирно и свободно входитъ въ залу своихъ засѣданій, слушаетъ предложенія, какія должно было представить ему для общественнаго спасенія, разсуждаетъ, и приготовляетъ спасительное рѣшеніе, которое должно содѣлаться отнынѣ новымъ, временнымъ закономъ республики.

«Французы! вы узнаете, безъ сомнѣнія, въ поведеніи моемъ ревность воина свободы, гражданина,

преданнаго республикѣ. Идеи сохранительныя, покровительныя, свободныя вступили теперь въ права свои, послѣ разсѣянія мятежниковъ, угнѣтавшихъ Совѣты, людей, которые, сдѣлавшись самыми ненавистными, не перестали быть въ то же время самыми презрѣнными.

БОНАПАРТЕ.»

19-го брюмера,
11 часовъ вечера.

Оправданіе было излишнее, ибо успѣхъ оправдывалъ все, какъ равно и присоединеніе именъ Сіейса и Дюко къ имени Наполеона не могло прикрыть тайны, что власть была въ его рукахъ. Все обратилось къ его укромному жилищу, гдѣ все еще соблюдая прежнія формы республиканскаго генерала, онъ уже являлся полновластнымъ правителемъ республики. Мрачное выраженіе лица его смѣнилось выраженіемъ величія, силы, спокойствія. Люди всѣхъ партій, послы, министры, генералы, члены Совѣтовъ, всѣ тѣснились въ его передней. Сіейсъ увидѣлъ, что его предчувствія сбылись — онъ уничтожился передъ Наполеономъ. При первомъ засѣданіи Консуловъ въ Люксанбургскомъ дворцѣ, Сіейсъ прежде всего спросилъ: «Кто же изъ насъ предсѣдательствуетъ?» — «Развѣ вы не видите,» добродушно отвѣчалъ Дюко, «что генералъ нашъ предсѣдатель!» По выходѣ изъ засѣданія, Сіейсъ съ досадою и усмѣшкою сказалъ встрѣтившимъ его вопросами о томъ, что положили

въ засѣданіи: «Могу извѣстить васъ, Мм. Гг., что у васъ есть теперь повелитель — *онъ все знаетъ, все дѣлаетъ и все можетъ!*»

Выборъ министровъ былъ учиненъ Наполеономъ. Принимая на себя самого военное управленіе, онъ опредѣлилъ военнымъ министромъ Бертье, вѣрнаго исполнителя его воли, и министромъ иностранныхъ дѣлъ Талейрана; математикъ Лапласъ опредѣленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Годенъ финансовъ, корабельный мастеръ, Форфетъ, морскихъ дѣлъ, Камбасересъ и Фуше остались министрами юстиціи и полиціи. Сіейсъ спорилъ противъ оставленія министромъ безчестнаго Фуше. «Вздоръ!» отвѣчалъ Наполеонъ — «мы начинаемъ новую эпоху: въ прошедшемъ надобно помнить только о хорошемъ, и забывать худое!» Всѣ министры извѣстили свои управленія о перемѣнѣ правительства. «Давно общій голосъ требовалъ измѣненій въ существенномъ составѣ нашего общественнаго договора. Требованіе исполнится. Въ тишинѣ размышленія, мудро соображая, готовятъ уставы, коими утвердятся на незыблемыхъ началахъ свобода, равенство правъ, уваженіе собственности. Тогда сердца всѣхъ предадутся системѣ представительной, и республика получитъ отъ своего законодательства блескъ не менѣе того, какой видитъ она въ торжествѣ ея защитниковъ.» Такъ говорилъ Камбасересъ. Дополнимъ тогдашнія объясненія съ народомъ словами изъ прокламаціи, объявленной отъ имени Президентовъ обоихъ Совѣтовъ. «Фран-

цузы!« говорили они — «республика еще разъ избѣгла бѣшенства заговорщиковъ; вѣрные представители ваши изломали кинжалъ, бывшій въ отцеубійственныхъ рукахъ, но устранивши удары, вамъ угрожавшіе, они чувствовали, что надлежитъ навсегда предупредить сіи вѣчныя волненія, и совѣтуясь только съ своею обязанностью и своимъ мужествомъ, они осмѣливаются сказать, что показали себя достойными васъ.... Злоумышленники не однажды пользовались слабыми частями конституціи, какъ они говорили, и хотѣли разрушить ее. Царствованіе конституціонное было рядомъ революцій. Надлежало наконецъ великому народу имѣть достойное его правительство. Такова была цѣль всего, что совершено въ послѣднія наши засѣданія. Роялизмъ не долженъ былъ подымать головы, когда отвратительные слѣды правленія революціоннаго изглажены......»

Дѣятельно занялись Сіейсъ и другіе немедленнымъ пересмотромъ конституціи. Здѣсь надѣялись одолѣть Наполеона республиканцы своими идеями, Сіейсъ своею метафизикою, ибо, не сомнѣваясь въ обширныхъ дарованіяхъ Наполеона, помня дѣйствія его, какъ политика въ Италіи, всѣ думали, что Наполеонъ неспособенъ и не можетъ понять запутанностей государственной администраціи. Съ перваго засѣданія увидѣли всѣ, и силу, какую пріобрѣлъ Наполеонъ надъ мнѣніями другихъ, и вѣрность системы, которой онъ слѣдовалъ, и геніяльный взглядъ его на дѣла, и умѣнье оспорить каждаго противника. Не исправлять ста-

рую, но составить новую конституцію надлежало Коммиссіи. Въ томъ никто не спорилъ, и Сіейсъ самодовольно положилъ на столъ свою толстую рукопись; ее начали читать, и Наполеонъ съ перваго шага разрушилъ всѣ честолюбивыя мечты хитраго аббата.

Первый споръ начался объ особѣ *великаго избирателя*, или легіарха. Наполеонъ доказывалъ нелѣпость его. Сіейсъ спорилъ. «Послушайте, гражданинъ,» сказалъ наконецъ Наполеонъ, «да кто же, человѣкъ, у котораго будетъ хоть немножко совѣсти и какихъ нибудь дарованій, согласится быть вашимъ легіархомъ, негодяемъ, который ничего не дѣлаетъ, и какъ свинья на убой, откармливается на счетъ республики?» Общій смѣхъ заградилъ уста Сіейсу. Такъ отвергнуты были всѣ его другія предположенія. Осмѣлились наконецъ возразить, что предположенія Наполеона, безопасныя при его управленіи, при другомъ правителѣ, могутъ повести къ деспотизму и междоусобію. — «Да,» вскричалъ онъ угрюмо, «но лучше имѣть деспота, и ходить по колѣно въ крови, нежели играть въ кукольную комедію вашихъ мнимыхъ республикъ!»

Пока спорили о новой конституціи, также самовластно началось управленіе дѣлами, съ тою разницею, что если самовластіе Наполеона возбуждало тайный ропотъ немногихъ, народъ былъ въ восторгѣ отъ его распоряженій. Наполеонъ положилъ правилами забвеніе всего прошедшаго, свободу воли и совѣсти каждаго, довѣренность къ народу, все съ однимъ

условіемъ — полнаго повиновенія правительству. Все знаменовалъ онъ блескомъ ума, твердостью характера, сознаніемъ силы, желаніемъ счастія внутри, чести извнѣ. Все принимая на себя, за все отвѣчалъ онъ самъ. Неутомимость его въ дѣлахъ, разнообразіе работъ, быстрота рѣшеній невольно изумляли всѣхъ. Съ равною легкостью вникалъ онъ въ вопросы юридическіе, финансовые, экономическіе, и вотъ главнѣйшія изъ внутреннихъ мѣръ, немедленно принятыхъ Наполеономъ:

Какъ будто вызывая на примиреніе, Наполеонъ отмѣнилъ законы о *заложникахъ* (otages), и невыборѣ и недопущеніи бывшихъ дворянъ къ должностямъ; позволилъ всѣмъ эмигрантамъ возвращаться во Францію, за исключеніемъ немногихъ; освободилъ отъ суда и казни эмигрантовъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе близъ Кале, и пять лѣтъ содержавшихся въ тюрьмѣ; объявилъ всепрощеніе Вандейцамъ и Шуанамъ; возвратилъ всѣхъ сосланныхъ послѣ 18-го фруктидора; позволилъ возвратиться во Францію Лафайэту; объявилъ свободу вѣръ, возвратилъ церкви католическимъ священникамъ, и разрѣшилъ имъ отправлять богослуженіе. Отмѣнена была клятва въ «ненависти къ Королевскому Дому» (serment de haine à la royauté), и уничтоженъ постыдный праздникъ дня казни Людовика XVI-го, 21-го Января. Сіейсъ заспорилъ противъ сего уничтоженія, говоря, что память Людовика ненавистна всѣмъ, какъ память тирана. «Еслибы Людовикъ былъ тиранъ,» отвѣчалъ

Наполеонъ, смѣясь, «повѣрьте, что я до сихъ поръ оставался бы артиллерійскимъ поручикомъ, а вы служили бы обѣдню, любезный Сіейсъ!» Папа Пій VI-й, перевезенный во Францію во время побѣдъ Суворова, скончался въ Валансѣ (въ Августѣ 1799 г.), содержимый въ строгомъ заключеніи. Тѣло его оставалось непогребеннымъ. Наполеонъ велѣлъ похоронить его съ великою почестью, какъ старца, почтеннаго по его несчастіямъ, ибо «честь имени Французовъ,» говорилъ онъ, «обязываетъ насъ уважать того, кто занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ владыкъ земли.» Такъ, приказывая украсить изображеніями героевъ революціи Тюльери и Люксанбургъ, Наполеонъ велѣлъ поставить между ними статуи Конде и Тюренния.

Товарищи побѣдъ Наполеона увидѣли безпрерывныя заботы его объ нихъ. Опредѣлены были правила наградъ, пенсій, призрѣнія раненыхъ и инвалидовъ. Драгоцѣнныя сабли были посланы Дезе и Брюну; Сенъ-Сиръ получилъ за отличіе званіе «перваго поручика арміи;» другимъ даны денежныя награды. Казалось, Наполеонъ старался показать, что онъ забываетъ всѣ прежнія отношенія, и даже личную вражду. Лафайэтъ былъ принятъ имъ ласково, вмѣстѣ съ Карно, также возвращеннымъ во Францію. Назначивъ пенсію вдовѣ Бальи, щедро награждалъ Наполеонъ всѣхъ вдовъ и сиротъ безъ различія партій. Только Журданъ, бывшій въ числѣ членовъ Совѣта Пяти сотъ 19-го брюмера, былъ удаленъ, но вскорѣ

и его приняли въ службу. Моро, Бернадоттъ, Ожеро, показавшіе непріязнь свою, видѣли прежнюю довѣренность къ нимъ Наполеона. Далѣе увидимъ назначеніе Моро. Ожеро посланъ былъ въ Голландію, откуда Брюнъ переведенъ въ начальники внутренней западной арміи, гдѣ вскорѣ смѣнилъ его Бернадоттъ. «Назначаю васъ, гражданинъ-генералъ,» писалъ Наполеонъ Ожеро, «на важное мѣсто главнокомандующаго Батавскою арміею. Покажите, что вы выше всѣхъ ничтожныхъ раздоровъ трибуны. Слава республики есть плодъ крови нашихъ товарищей. Мы принадлежимъ не какой нибудь политической сплетнѣ, но народу. Если обстоятельства заставятъ меня самого отправиться въ армію, я не оставлю васъ въ Голландіи: *никогда не забуду я прекраснаго дня при Кастильони.*» Когда получено было извѣстіе о смерти знаменитаго Вашингтона, освободителя Соединенныхъ Штатовъ отъ власти Британской, въ память его отправленъ праздникъ въ Домѣ инвалидовъ, и на все войско Французское наложенъ трауръ.

Уничтожая варварскіе слѣды революціи, Наполеонъ увеличилъ Политехническое Училище и Народный Институтъ; художникамъ заказаны были статуи, картины; опредѣлено возстановить многія зданія, воздвигнуть новыя, построить новый мостъ въ Парижѣ.

Изумлялись, откуда бралъ Наполеонъ деньги, ибо финансы Франціи были въ гибельномъ положеніи. Въ казначействѣ нашли только 160,000 франковъ. Ассигнацій выпускать было невозможно. Изъ 600 милльо-

новъ годоваго дохода не собрано 350 миллионовъ. Не смотря на то, Наполеонъ отмѣнилъ тягостный, насильственный заемъ 100 миллионовъ. Источникомъ богатствъ Наполеона были прежде всего строгая экономія, порядокъ сбора и управленія, возстановленіе кредита, уменьшеніе роскоши правительства, прекращеніе хищничества сборщиковъ. Банкъ учрежденъ былъ для выкупа вновь выпускаемыхъ билетовъ, и банкиры согласились выдать огромныя ссуды правительству.

Не прошло трехъ мѣсяцовъ, и уже Наполеона благословляли, какъ мудраго правителя и благодѣтеля народа. Голосъ немногихъ жаркихъ республиканцовъ былъ заглушенъ общими хвалами. Мѣры кротости, принятыя имъ противъ Вандейцовъ и эмигрантовъ, заставляли ихъ видѣть въ Наполеонѣ благодѣтеля Франціи. Узнаемъ далѣе, что въ томъ былъ увѣренъ даже Людовикъ XVIII-й. Роялисты тысячами возвращались во Францію. Послѣдніе предводители Вандейцовъ, священникъ Берньe, Шатильонъ, Отишанъ и Сюзанне покорились. Бретанскіе предводители хотѣли сражаться, были разбиты, взяты въ плѣнъ. Одного изъ нихъ разстрѣляли. Наполеонъ узналъ о томъ, и поспѣшилъ простить всѣхъ остальныхъ. Тронутые его милосердіемъ, мятежники явились въ Парижъ, и безбоязненно были приняты Наполеономъ. Въ числѣ ихъ находились Бурмонъ, въ послѣдствіи маршалъ Франціи, и Жоржъ Кадудаль.

Желаніе оградить себя отъ покушенія революціо-

неровъ заставило Наполеона быть строгимъ къ членамъ Совѣта Пяти сотъ и сообщникамъ ихъ. Многіе были взяты подъ стражу послѣ 19-го брюмера, и изъ числа ихъ 36 осуждены на ссылку въ Кайенну, 21 на содержаніе въ крѣпостяхъ. Такая мѣра показалась насиліемъ, противорѣчіемъ другихъ дѣлъ Наполеона. Онъ увидѣлъ неблагопріятное впечатлѣніе строгости ея на народъ, видѣлъ притомъ безсиліе враговъ порядка, и отмѣнилъ свое приказаніе; осужденные въ ссылку содержались только подъ стражею, осужденные на заключеніе были освобождены, и всѣ были выпущены въ непродолжительномъ времени.

Такъ укрѣплялъ себѣ любовь Франціи и обладаніе властью Наполеонъ. Слѣдствія мудрыхъ поступковъ его не замедлили оказаться, когда новая конституція была приготовлена и представлена на утвержденіе народа. Въ ней сохранились только формы и условныя слова республиканскія — власть неограниченная передавалась Наполеону. Сіейсъ уже не противорѣчилъ, спряталъ свою тетрадь, и подписалъ, что предложили ему другіе. Оставалось узнать мнѣніе Франціи вообще. Наполеонъ употребилъ хитрое средство склонить народъ въ свою пользу; не большинству голосовъ, но личному мнѣнію каждаго гражданина надлежало рѣшить дѣло. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ открыты были листы, гдѣ каждый могъ подписать свое согласіе, или несогласіе. Такимъ образомъ удалены были народныя собранія, гдѣ мнѣніе

одного увлекало многихъ. Декабря 15-го послѣдовало объявленіе Консуловъ:

«Французы! передъ вами конституція. Она прекратитъ затрудненія, какія находитъ временное правительство въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Въ уставахъ, ею утверждаемыхъ, она ставитъ главою сановниковъ, которымъ необходима ваша довѣренность. Она основывается на истинныхъ началахъ представительнаго правленія, на священныхъ правахъ собственности, равенства и свободы. Власть, ею учреждаемая, будетъ крѣпка и надежна, такова, какая должна быть для охраненія правъ граждана и пользъ государства. Граждане! дѣло революціи утверждено на основаніяхъ, коими она начала: *революція кончилась.*

Р. Дюко, Бонапарте, Сіейсъ.

Въ Январѣ 1800 года собраны были всѣ подписки. Изъ 3,012,569 голосовъ оказалось *отрицательныхъ* 1562, *утвердительныхъ* — 3,012,700. Новыя постановленія приняты, и Февраля 7-го велѣно праздновать введеніе новой, консульской конституціи. Радостію исполнили повсюду приказъ. Войско изъявляло особенное усердіе. Солдаты не разбирали сущности конституціи: довольно было, что *Бонапарте,* любимый, славный генералъ, уничтожилъ *негодяевъ стряпчихъ.* На праздникѣ введенія конституціи, жаркій республиканецъ, но простой человѣкъ и храбрый солдатъ, Лефевръ кричалъ товарищамъ: «Мы увидѣли

опять славные дни революціи, солдаты! Разбойники подьячіе не будутъ обижать насъ! Опять пойдемъ мы бить непріятелей! Всѣ раздоры кончены, и тотъ бездѣльникъ, кто отвергаетъ нашу конституцію! Поклянемся посадить на штыки такого негодяя!» Ему отвѣчали кликомъ: «Да здравствуетъ капральчикъ!» и вся армія повторила сей кликъ.

Между тѣмъ, что такое была конституція VIII-го года республики? «Какъ вы находите новую конституцію, генералъ?» спросилъ Наполеонъ Лафайэта. Вопросъ былъ затруднителенъ для мечтателя о республиканскихъ Утопіяхъ. «Мнѣ кажется, гражданинъ консулъ,» отвѣчалъ Лафайэтъ, смѣшавшись, «тутъ немного сильно предоставлено участіе исполнительной власти.» — Чтожь дѣлать? Виноватъ во всемъ Сіейсъ: онъ вездѣ наставилъ призраковъ, призракъ законодательный, призракъ судебный, призракъ правительственный! Надобно было куда нибудь поставить существенность, и я далъ ей мѣсто въ исполнительной власти!»

Лафайэтъ былъ правъ, говоря, что Наполеонъ сдѣлалъ un peu forte la part du pouvoir exécutive. Главныя основанія конституціи были слѣдующія:

Въ основаніе принята свободная, представительная форма правленія по выборамъ народнымъ. Всѣ граждане Французской республики избираютъ *десятаго* между собою для замѣщенія мѣстъ въ нисшихъ мѣстахъ правительства по *округамъ* (arrondissement), которые въ свою очередь избираютъ *десятаго* меж-

ду собою для мѣстъ чиновниковъ *департаментскихъ*, а сіи опять въ свою очередь *десятаго* для занятія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Мѣста умершихъ, или выбывшихъ, замѣняются новыми выборами черезъ три года.

Высшія, правительственныя, *законодательныя* мѣста составляютъ: *Охранительный Сенатъ* (Sénat conservateur), состоящій изъ 80 членовъ, не моложе 40 лѣтъ, избираемыхъ на всю жизнь; *Трибунатъ* (Tribunat), состоящій изъ 100 членовъ, не моложе 25 лѣтъ; *Законодательный Корпусъ* (Corps législatif), состоящій изъ 300 членовъ, не моложе 30 лѣтъ. Сенатъ составляется изъ тройнаго числа кандидатовъ, треть коихъ представляетъ Трибунатъ, треть Законодательный Корпусъ и треть Первый Консулъ. Сенаторы получаютъ по 25,000 франковъ жалованья, и не могутъ быть выбираемы ни въ какую другую должность, даже и по выходѣ изъ Сената. Два другія правительственныя мѣста наполняются изъ кандидатовъ департаменскихъ, и пятая часть каждаго изъ нихъ ежегодно смѣняется, съ правомъ выбора членовъ вновь; члены перваго изъ нихъ получаютъ жалованья по 15-ти, другаго по 10,000 франковъ. Такъ образуется власть *законодательная*. Власть *исполнительная* передается *Консулу*, съ титуломъ *Перваго*, и двумъ другимъ Консуламъ, имѣющимъ при немъ только совѣщательный голосъ. Онъ получаетъ 500,000 франковъ жалованья, полновластно управляетъ республикою, избираетъ министровъ, составляющихъ Го-

сударственный Совѣтъ консульскій, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, распоряжаетъ государственными доходами и расходами, опредѣляетъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Каждое повелѣніе издается именемъ его черезъ министровъ, которые отвѣтствуютъ за незаконность ихъ; онъ даже не имѣетъ права самъ непосредственно предводительствовать арміею, но начальствуетъ черезъ другихъ, распоряжаясь однакожь вполнѣ ихъ дѣйствіями. Каждое важное государственное распоряженіе: миръ, война, трактатъ, новый законъ, по его усмотрѣнію, вносятся имъ въ Трибунатъ, рѣшеніе коего утверждаетъ Законодательный Совѣтъ и подтверждаетъ Сенатъ. Имѣя право отвергнуть предложеніе Консула, всѣ они сами не имѣютъ права предлагать, хотя Сенатъ пользуется правомъ утвердить мнѣніе Консула вопреки Трибунату и Законодательному Корпусу.

Что же значилъ Сенатъ, куда назначалъ кандидатовъ Первый Консулъ, и что значили Трибунатъ и Корпусъ, когда Сенатъ отвергалъ ихъ несогласіе? Полный властитель доходовъ, чиновъ, мѣстъ, Первый Консулъ всегда могъ надѣяться согласія, когда товарищи его не имѣли права спорить, и свободные голоса избранныхъ народомъ членовъ Трибуната и Корпуса опровергали рѣшеніе раболѣпнаго Сената? Были ль и самые выборы свободными при неограниченной власти Перваго Консула? Онъ могъ даже арестовать кого ему угодно, съ условіемъ предать обвиняемаго суду черезъ десять дней, но и то-

гда, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, за беззаконность ареста отвѣчалъ министръ, черезъ коего было сдѣлано задержаніе. Особа Перваго Консула оставалась всегда и во всемъ неприкосновенна. Онъ имѣлъ свою гвардію, жилъ во дворцѣ, какъ правитель республики, принималъ всѣхъ пословъ. Войско и народъ лишены были права имѣть какія либо собранія, или подавать голоса въ какомъ бы то ни было дѣлѣ.

Можно видѣть, какою силою, превышавшею волю всѣхъ, обладалъ Наполеонъ, утвердившій такую конституцію, какъ увѣренъ былъ онъ въ согласіи народа, предлагая сію конституцію, не страшась сопротивленія партій, и какъ надѣялся онъ на себя, принимая великую обязанность правителя Франціи, безъ опасенія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, требуя одного — не связывать его могущей воли.

Только смѣлому генію Наполеона, подкрѣпленному его славою, можно было рѣшиться на подвигъ, коимъ овладѣлъ онъ властью, и только генію его, сознающему безмѣрныя силы свои, можно было осмѣлиться возложить на себя отвѣтственость искупить новыми трудами и благомъ Франціи все, что принималъ онъ на свою обязанность. Ослѣпленія власти, какою облекалъ онъ себя, было недостаточно. Тяжкіе труды предлежали ему въ будущемъ; ими искупалъ все Наполеонъ, и самовластитель республики съ началомъ новаго 1800 года, онъ сдѣлался безусловною судьбою Франціи, совершивъ безконечный переходъ отъ 1796 года. Смѣло взялся онъ те-

перь за руль полуразбитой ладьи Французскаго государства. Увидимъ слѣдствія въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Мы говорили, какъ началъ онъ внутреннее устройство Франціи. Пора обратиться къ дѣламъ внѣшнимъ, къ Наполеону политику и полководцу, уже не связанному никакими условіями повиновенія. Великъ и могущъ былъ онъ скованный властью безразсудныхъ правителей, но что же будетъ теперь, при полной свободѣ воли, тридцати лѣтъ, въ цвѣтѣ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, обязанный отчетомъ только самому себѣ? Дополнимъ здѣсь еще нѣсколькими чертами утвержденіе неограниченной власти его надъ Франціею.

Облеченный верховнымъ достоинствомъ Перваго Консула, онъ самъ избралъ себѣ товарищей и помощниковъ. Сіейсъ видѣлъ невозможность противиться, и уступивъ свою конституцію, онъ уступилъ и власть, награжденный за пожертвованіе богатыми подарками и званіемъ сенатора. Наполеонъ избралъ себѣ товарищами: *Камбасереса*, бывшаго министра юстиціи, жаркаго демагога, и *Лебрюна*, остатокъ прежней аристократіи, бывшаго секретаремъ при министрѣ Мопу. Оба уклончивые, оба одаренные практическимъ умомъ, они могли быть хорошими совѣтниками Наполеона. Молодые дипломаты, Маре и Лагардъ назначены статсъ-секретарями Государственнаго Совѣта. Министры до времени остались прежніе, кромѣ того, что Люціанъ Бонапарте замѣнилъ Лапласа, доказавшаго на опытѣ, что «великіе мате-

матики бываютъ маленькими министрами.» Абріаль занялъ прежнее мѣсто Камбасереса. Правитель Франціи долженъ былъ окружить себя великолѣпіемъ, приличнымъ его высокому сану. Торжественно переѣхалъ Наполеонъ въ Тюльери. Ему предшествовало войско. Карета его была запряжена шестью лошадьми. Назначены были дни пріемовъ, аудіенцій, парадныхъ обѣдовъ. Все опредѣлено по строгому этикету, напоминая прежнее, давнопрошедшее время. Блестящее войско составляло стражу и Дворъ Наполеона, пока готовились другіе представители при особѣ новаго Цезаря.

Внѣшнія дѣла обращали между тѣмъ особенное вниманіе Наполеона, и занимаясь событіями переворота и внутреннимъ устройствомъ Франціи послѣ него, онъ дѣйствовалъ во внѣшней политикѣ смѣло, рѣшительно, неутомимо.

Мы видѣли происшествія въ Европѣ со времени отбытія Наполеона въ Египетъ, союзъ Европейскихъ Государей, пораженіе Французовъ въ Италіи и Германіи, и сказали, что первыя вѣсти о побѣдѣ ознаменовали прибытіе Наполеона. Побѣды одержаны были Массеною въ Швейцаріи и Брюномъ въ Голландіи. Имъ предшествовали и за ними слѣдовали событія весьма важныя.

Искренно дѣйствовалъ императоръ Павелъ, увѣренный въ успѣхѣ, предполагая безкорыстную цѣль: возстановленіе Французскаго престола, возвращеніе его потомкамъ Генриха IV-го, учрежденіе прежняго

порядка дѣлъ въ Европѣ. Не такъ думали его союзники. Они готовы были согласиться на возстановленіе Бурбоновъ, но въ такомъ только случаѣ, когда собственныя выгоды вознаградятъ ихъ за услугу, и всего менѣе помышляли они возобновить прежній порядокъ Европейской іерархіи. Мы видѣли, что Пруссія рѣшительно отреклась отъ союза, соглашалась на передачу престола Франціи одному изъ Прусскихъ принцовъ, и во всякомъ случаѣ требовала себѣ Ганновера. Англія, не уступая Ганновера, хотѣла удержать свои завоеванія внѣ Европы, и лишить Францію и Голландію возможности соперничать съ нею на моряхъ. Австрія хотѣла воспользоваться покореніемъ Италіи, и вознаградить потерю Фландріи пріобрѣтеніями въ Германіи. Думая такъ, каждый готовъ былъ захватить что можно, не думая о Бурбонахъ и договариваясь съ Директоріею, какъ равно стараясь замѣнить войсками союзниковъ свои войска. Въ слѣдствіе сего отвергнутъ былъ превосходный планъ Суворова, думавшаго сильнымъ ударомъ поразить Францію и говорить о мирѣ только въ Парижѣ. Вмѣсто того принятъ былъ планъ высадокъ въ Италію и Голландію, и занятія Швейцаріи Русскими войсками, вопреки спорамъ Суворова. Такъ мысль Суворова, думавшаго немедленно послѣ Нови идти во Францію, оставя Генуя, разрушена повелѣніемъ окончить очищеніе Италіи, и остановлены были мѣры его къ возвращенію Итальянскихъ земель ихъ законнымъ властителямъ. Австрійскіе коммиссары

смѣнили Французскихъ въ Піемонтѣ, и воспрепятствовали пріѣзду Сардинскаго Короля въ Туринъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ бездѣйствовалъ на Рейнѣ, предоставляя сражаться Рускимъ въ Италіи, оставилъ Корсакова безпомощнымъ въ Швейцаріи, и послѣ Новиской битвы, полагая, что Австрійскія войска одни управятся въ Италіи, Суворову велѣно идти въ Швейцарію, очистить ее отъ Французовъ и ждать тамъ рѣшенія. Напрасно спорилъ тогда старый фельдмаршалъ Русскій, что тѣмъ уничтожатся плоды всѣхъ побѣдъ его; что съ остатками изнуреннаго Русскаго войска ему нельзя совершить горнаго похода въ Швейцарію, просилъ эрцъ-герцога Карла, по крайней мѣрѣ, не оставлять одного Корсакова, пока не успѣетъ онъ соединиться съ нимъ. Ничему не внимали. Надлежало повиноваться, и несчастныя событія оправдали слова Суворова. Пока переходилъ онъ черезъ высоты Сенъ-Готарда, сражаясь среди вѣчныхъ снѣговъ Альпійскихъ, Массена двинулся на ослабленнаго удаленіемъ Австрійцовъ Корсакова, разбилъ его Сентября 25-го, овладѣлъ Цюрихомъ, уничтожилъ слабый Австрійскій корпусъ Готца на Лимматѣ, прогналъ корпусъ принца Конде, и устремился на Суворова, едва сошедшаго съ горныхъ высотъ. Рускимъ оставалось думать только о спасеніи. Суворовъ, преслѣдуемый Массеною, совершилъ трудное отступленіе въ Граубинденъ, и въ Баваріи соединился съ остатками войскъ Корсакова. Почти въ то же время, когда Руские гибли въ

Швейцаріи, добычею коварной дипломатики, жертвою неискуства полководца были полки Русскіе въ Нидерландахъ. Соединенными Англійскими и Русскими войсками предводилъ тамъ Герцогъ Іоркскій, памятный прежними неудачными походами. Новое пораженіе послѣдовало за его ошибочными движеніями, и высадка, начавшаяся въ Августѣ, кончилась несчастною битвою Октября 6-го, и безславнымъ удаленіемъ союзниковъ изъ Голландіи.

Бѣдствія Русскихъ войскъ въ Швейцаріи и Голландіи показали императору Павлу коварство Европейской политики. Оскорбленный вѣроломствомъ и неблагодарностью союзниковъ, такъ же мгновенно, какъ прежде рѣшился на союзъ, онъ отрекся отъ всѣхъ союзовъ, поворотилъ войска свои въ Россію, не слушалъ никакихъ увѣщаній, и даже оказалъ немилость Суворову, когда жалѣя о потерянныхъ побѣдахъ и трудахъ своихъ, Суворовъ согласился снова на соединеніе съ Австріею. Встревоженный успѣхами Массены и отреченіемъ отъ союза императора Павла, Австрійскій Дворъ ограничился на остальное время 1799 года только укрѣпленіемъ завоеваній въ Италіи и обороною Германскихъ предѣловъ на Рейнѣ. Эрцъ-герцогъ Карлъ сблизился къ Швейцаріи, прикрывши Мангеймъ корпусомъ Шварценберга. Лекурбъ заставилъ его очистить Мангеймъ, занялъ Гейдельсбергъ и подошелъ къ Стутгардту, но пораженный въ Ноябрѣ и Декабрѣ при Лауффенѣ и Вислохѣ, отступилъ за Рейнъ, предлагая перемиріе; пред-

ложеніе отвергли. Еще несчастнѣе для Франціи были дѣла въ Италіи. Генералъ Меласъ, заступившій мѣсто Суворова, хотѣлъ окончить кампанію взятіемъ Кони. Шампіонетъ безразсудно раздѣлилъ свои войска, двинувши отдѣльно резервный корпусъ изъ Піемонта и остатки Жубертовой арміи изъ Генуи. За ничтожный успѣхъ Сенъ-Сира подъ Нови Октября 24-го, Шампіонетъ заплатилъ пораженіемъ подъ Мондови, разбитіемъ при Женолѣ Ноября 3-го, и снова потерею битвы при Мондови Ноября 10-го. Остатки лѣваго крыла Французовъ были отброшены въ верхнія Альпы, а правое крыло, гдѣ находился Сенъ-Сиръ, укрылось въ Генуѣ. Кони сдалась. Шампіонетъ, пораженный горестью, умеръ отъ заразительной болѣзни въ Антибѣ.

Такимъ образомъ, не смотря на удаленіе отъ союза Россіи, и побѣды Массены и Брюна, мрачно являлось положеніе Франціи въ концѣ 1799 года.

Гордая успѣхами, Австрія не хотѣла мира и готовилась на рѣшительную войну въ 1800 году. Старались сильнѣе укрѣпить союзъ ея съ Англіею, тѣмъ болѣе, что Англія боялась окончанія войны съ Австріею, когда опять досталось бы ей одной выдерживать всю тягость военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Не отчаявались еще уговорить Пруссію и Россію, и возобновили союзы съ Турціею, Баваріею и Виртембергомъ. Имперскій сеймъ приступилъ также къ союзу. Не соглашаясь на союзъ съ Австріею, тѣмъ не менѣе императоръ Павелъ не хотѣлъ

слышать о мирѣ съ Франціею, вывелъ Русскія войска изъ Германіи, но замышлялъ воевать, переговаривалъ о томъ съ Англіею, Пруссіею, Турціею. По его волѣ, завоеванныя Ушаковымъ Іоническіе острова сдѣлались мѣстомъ, гдѣ могли соединяться Турецкіе, Русскіе и Англійскіе флоты и войска. Въ Мартѣ 1800 года императоръ Павелъ и султанъ Селимъ объявили ихъ отдѣльнымъ государствомъ, подъ именемъ *республики Семи острововъ*, подъ покровительствомъ Турціи и Россіи. Предоставляя будущему надежду на помощь Россіи и Пруссіи, дѣятельно вооружались Австрія и Англія. Положено было, что Австрія выставитъ двѣ арміи. Одна съ береговъ Рейна вторгнется во Францію; другая, подкрѣпленная Англійскимъ флотомъ и корпусомъ Англійскихъ войскъ, который соберется на Маіоркѣ, окончитъ покореніе Италіи, перейдетъ въ Провансъ и осадитъ Марсель и Тулонъ. Англія обѣщала отдѣльно выслать флотъ и войско, которые, дѣйствуя вмѣстѣ съ Турками, уничтожатъ остатки Французовъ въ Египтѣ. Другую высадку Англійскихъ войскъ готовили на враждебные Французской республикѣ берега Вандеи и Бретани, дабы подкрѣпить тамъ волненія роялистовъ. Австрія брала къ себѣ корпусъ Конде, на содержаніе коего обязывалась Англія выдать деньги. Начальство надъ Австрійцами въ Италіи принималъ генералъ Меласъ, опытный, старый полководецъ; на Рейнѣ, по болѣзни эрцъ-герцога Карла, генералъ Край, оба отличившіеся въ Итальянскихъ битвахъ

Суворова. Армія Меласа простиралась до 120 тысячь, войска Края до 100 тысячь.

Прилежно слѣдилъ за всѣми движеніями Европейской политики Наполеонъ. Надежный на борьбу, втайнѣ готовя «деньги, желѣзо и солдатъ,» какъ условія успѣха, Наполеонъ хотѣлъ однакожь испытать средства мира. Онъ думалъ, что Европа помнитъ его, онъ полагалъ, что возвышеніе его въ званіе правителя Франціи заставитъ непріятелей республики сомнѣваться въ удачѣ, если онѣ рѣшатся испытать случайность битвъ. Напротивъ, онъ скоро убѣдился, что опасеніе ума и счастія его сильнѣе прежняго скрѣпляетъ союзы: уже не противъ Франціи, но противъ него вооружалась Европа, не опасавшаяся прежнихъ властителей Франціи, но страшившаяся Наполеона. Самый непримиримый врагъ Франціи была Англія, и прежде всего предложилъ онъ миръ Англіи. Устраняя прежнія дипломатическія формы сношеній, онъ послалъ письмо прямо къ королю Георгу.

«*Республика Французская. Владычество народа. Свобода, Равенство.*

«Бонапарте, *первый консулъ республики, Его Величеству,* Королю Великобританіи и Ирландіи.

Парижъ, 5-го нивоза, VII-го года.

«Призванный желаніемъ Французскаго народа занять первое правительственное мѣсто республики, счи-

таю приличнымъ, при вступленіи въ мою должность, извѣстить о томъ прямо В. В.

«Война, восемь лѣтъ опустошающая четыре части свѣта, должна ли быть вѣчною? Неужели нѣтъ никакого средства согласиться между собою?

«Какъ два народа Европы, самые просвѣщенные, могущіе и сильные, болѣе, нежели требуютъ ихъ безопасность и независимость, могутъ жертвовать идеямъ о тщетномъ величіи благами торговли, внутренняго благоденствія, счастія семейнаго? Какъ не почувствуютъ они, что миръ есть первая потребность, первая изъ славъ (première des gloires)?

«Такія чувства не могутъ быть чужды сердцу В. В., управляющаго народомъ свободнымъ, съ единственною цѣлью учинить его счастливымъ.

«В. В. усмотрите въ моемъ предложеніи только искреннее желаніе дѣятельно споспѣшествовать въ другой разъ всеобщему примиренію дѣйствіемъ быстрымъ, съ полною довѣренностью и устраненіемъ отъ тѣхъ формъ, которыя необходимы, можетъ быть, для того, чтобы скрывать зависимость государствъ слабыхъ, но въ государствахъ сильныхъ онѣ скрываютъ только взаимное желаніе обмануть другъ друга.

«Франція и Англія, злоупотребляя свои силы, еще долго могутъ, для несчастія всѣхъ народовъ, предупреждать истощеніе свое, но я осмѣливаюсь сказать, что жребій всѣхъ образованныхъ народовъ со-

единенъ съ окончанiемъ войны, объемлющей пожаромъ своимъ весь свѣтъ. В. В. и проч.

Бонапарте.»

Письмо отослано было при запискѣ Талейрана. Отвѣтъ полученъ немедленно, отъ 4-го Января. Король Англiйскiй не удостоивалъ отвѣчать самъ. Лордъ Гренвиль писалъ вмѣсто него, что «не видя никакой причины нарушать формы, издревле установленныя для сношенiй государственныхъ, Король велѣлъ ему отвѣчать оффицiяльною запискою.» Въ запискѣ излагалось, что «виною войны были Францiя и ея гибельныя идеи,» и «первымъ ручательствомъ мира «должно быть возстановленiе Бурбоновъ.»

Здѣсь явно видно было желанiе оскорбить новаго властителя Францiи. Какъ? Ему, еще недавно столь грозному побѣдителю, ему осмѣливались напоминать о *Бурбонахъ*, когда прежде не смѣли говорить объ нихъ, мирясь съ ничтожною Директорiею? Но вражда Англiи еще болѣе раскрывалась въ парламентскихъ спорахъ, гдѣ не щадили, ругали, позорили Наполеона. Мщенiе Наполеона было достойно его величiя. Талейранъ написалъ отвѣтъ на записку Гренвиля, гдѣ опровергалъ его выводы, а на упоминанiе о Бурбонахъ говорилъ, что оно кажется ему также неприлично, какъ то, еслибы Францiя потребовала возстановленiя Стуартовъ на Англiйскiй тронъ, принадлежащiй имъ по рожденiю и потерянный въ слѣдствiе революцiи. Оскорбленiе было невыносимо.

И предложеніе мира только усилило вражду личною обидою съ обѣихъ сторонъ. Сохраняя такое же безстрастіе, какое соблюдалъ въ сношеніяхъ съ Англіею, Наполеонъ, уже черезъ Талейрана, писалъ къ Тугуту, предлагая миръ на основаніи Кампо-Формійскаго трактата, и черезъ Моро предложилъ перемиріе Краю. То и другое было отвергнуто, и отвѣтъ Тугута заключалъ даже насмѣшку. Дѣйствительно: принять въ основаніе Кампо-Формійскій миръ, заключенный подъ стѣнами Вѣны, теперь, когда Франція была побѣждена, не имѣла средствъ защиты, сама просила мира, когда вся Италія принадлежала Австріи, когда даже въ Эльзасъ и Провансъ готовы были вторгнуться Австрійскія войска! Возстановляя новаго непріятеля противъ Наполеона, Австрія созвала въ Венеціи конклавъ, гдѣ Людовикъ XVIII-й подалъ голосъ, какъ Король Французскій. Въ Февралѣ 1800 г. избранъ былъ въ папы епископъ Имольскій Кіарамонти, принявшій имя Пія VII-го, и столь достопамятный своею жизнью. Торжественно введенъ онъ былъ въ Римъ, и загремѣлъ духовными перунами, когда громы войны готовы были окончить униженіе Франціи.

И такъ — вражда Англіи и Австріи. Но Наполеонъ старался испытать мирныя средства съ другими. Дюрокъ былъ отправленъ въ Берлинъ. Его приняли съ уваженіемъ. Пруссія продолжала соблюдать строжайшій неутралитетъ, не взирая на убѣжденія Австріи и Англіи, на бурю, грозившую со

стороны Россіи. Отказавшись отъ союза съ Австріею и Англіею, императоръ Павелъ, какъ мы видѣли, не прекращалъ непріязни противъ Франціи, отказался отъ всякихъ сношеній съ Наполеономъ, и предпринялъ составить противъ него особенный союзъ: онъ предложилъ Пруссіи соединить войска, и идти во Францію отдѣльно. Всегда быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ оскорбился отказомъ Пруссіи, даже придвинулъ армію къ ея предѣламъ, и угрожалъ ей войною за отказъ. Пруссія оставалась непоколебима. Могла или нѣтъ произойдти война между Россіею и Пруссіею, Наполеонъ могъ быть спокоенъ, имѣя время управиться съ другими врагами. Онъ вѣрилъ въ побѣду, зналъ, что побѣда измѣнитъ всѣ отношенія, и — не ошибся: тогда онъ еще не ошибался!

Сразиться надлежало съ Австріею. Противъ Англіи можно было вести только оборонительную войну, и Наполеонъ побѣждалъ Англію побѣдами на материкѣ Европы. Но обыкновенныхъ походовъ и битвъ было недостаточно. Для утвержденія власти своей во Франціи, для устрашенія Европы надлежало напомнить *прежняго Бонапарте*, напомнить новымъ, неожиданнымъ подвигомъ. Мысль дивная уже созрѣла въ душѣ Наполеона: въ Италіи будетъ главная война; тамъ рѣшится судьба Европы; все остальное будетъ вспомогательнымъ средствомъ.

Въ слѣдствіе сего рѣшенія, глубоко скрытаго въ душѣ Наполеоновой, онъ прикрылъ тремя силь-

ными корпусами Вандею, Бретань и Голландію, вручая начальство надъ ними лучшимъ генераламъ, Брюну, Бернадотту и Ожеро. Главныя силы, около 120,000 человѣкъ, съ Дессолемъ, Сенъ-Сиромъ, Лекурбомъ, собрались на Рейнѣ, и отчасти въ Швейцаріи. Моро былъ здѣсь назначенъ главнокомандующимъ. Наполеонъ велѣлъ Моро идти на Шафгаузенъ, стать въ тылу арміи Края, разбить его и отбросить въ уголъ между Рейномъ и Майномъ. Моро ужаснулся смѣлаго плана и заспорилъ. Наполеонъ казался нерѣшительнымъ, и охотно согласился съ Моро. Также нерѣшительность показывало отправленіе Массены на мѣсто Шампіонета. Неопредѣлительнымъ приказомъ напоминалъ Наполеонъ арміи о прежней славѣ Французскаго оружія, но Массенѣ велѣно только защищаться. И что могъ онъ сдѣлать съ 30,000 худо одѣтыхъ, полуразбитыхъ войскъ, запертыхъ въ Генуѣ и растянутыхъ между Варомъ и Генуею? Все подкрѣпленіе ихъ заключалось въ 10,000, охранявшихъ Дофинейскія Альпы. Объ Египетскихъ товарищахъ своихъ Наполеонъ вовсе забылъ, или не имѣлъ возможности пособить имъ. Оставляя Египетъ, онъ подтверждалъ Клеберу заботиться только о честномъ договорѣ съ Турціею и очистить Египетъ. Горько жаловался Директорамъ Клеберъ, упрекая Наполеона, изображая несчастное состояніе арміи, говоря, что онъ не имѣетъ ни силъ, ни средствъ удержаться. Письмо Клебера было перехвачено, напечатано Англичанами, и служило

предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. И не только Наполеонъ не думалъ помогать Клеберу, но увозя съ собою главныхъ генераловъ, онъ велѣлъ ѣхать во Францію даже и Дезе, опорѣ Египетской арміи.

Слѣдовательно, Наполеонъ предавалъ судьбѣ ихъ Клебера и Массену, поручалъ армію Моро, страшился высадокъ, предоставляя защиту береговъ Франціи Брюну, Бернадотту, Ожеро, а что дѣлалъ между тѣмъ самъ? Оставался сложа руки въ Тюльери. Всего забавнѣе было, что громкими прокламаціями призывалъ между тѣмъ Наполеонъ Французовъ къ оружію, и говорилъ о *резервной* арміи. Что такое была его «резервная армія?» Въ Дижонѣ собирались конскрипты и разные отряды. Бертье назначенъ былъ здѣсь начальникомъ. Мѣсто его въ военномъ министерствѣ занялъ Карно — еще предметъ насмѣшекъ: Наполеонъ не знаетъ что дѣлать. Онъ уже требуетъ совѣтовъ Карно. Бертье горестно доносилъ, что въ Дижонѣ едвали есть 22,000, и если собрать всѣ отряды, то не составится 30,000. Конскрипты бѣгутъ, писалъ Бертье, и если мнѣ предположено идти въ Италію — иду, ибо чѣмъ болѣе опасностей, тѣмъ болѣе славы, но могу ли надѣяться побѣды? Письмо Бертье носили по Парижу, и смѣялись надъ резервною арміею Наполеона. Все, и письма Клебера и Бертье, и споръ Моро, и робость Наполеона, разглашались повсюду съ презрительными насмѣшками. Говорили, что онъ погибъ на высотѣ

захваченнаго имъ величія, надѣялись вѣрной побѣды. Между тѣмъ начиналась война.

Военныя дѣйствія открылъ Моро на Рейнѣ, Апрѣля 25-го. Они были довольно удачны, но объ нихъ мало заботились, ибо всеобщее вниманіе обращалось на дѣла въ Италіи, куда пріучили обращать взоры всю Европу, Бонапарте въ 1796 и 1797-мъ, Суворовъ въ 1799 году. Меласъ началъ кампанію въ Мартѣ. Массена принужденъ былъ растянуть линію защиты, по прибытіи въ Генуую Февраля 16-го. Лѣвымъ крыломъ его начальствовалъ Сюше, центромъ Сультъ, правымъ крыломъ Міоллисъ; резервомъ командовалъ генералъ Маре. Вмѣсто всегдашней медлительной, нерѣшительной войны, старый полководецъ Австрійскій рѣшился дѣйствовать по Суворовски. Пока генералъ Княжевичъ, Марта 6-го, отнималъ Коль ди-Тенде, и Эльсницъ удачно сразился съ Сюше при Монте-Піетра, сильный корпусъ Австрійскій ударилъ на Савону и разрѣзалъ сообщенія Массены съ Сюше. Тщетно старался возстановить ихъ Массена. Ежедневныя битвы уменьшали его войско; храбрость и частные успѣхи были безполезны. Апрѣля 6-го Австрійцы заняли Водо, 9-го Боскету, 18-го Волтри. Массена принужденъ былъ затвориться въ Генуѣ, гдѣ съ моря открылъ бомбардированіе города Англійскій флотъ, съ сухаго пути окружилъ осажденныхъ Отто, съ 30,000 войска. Началась геройская защита Генуи, прославившая имя Массены. Между тѣмъ Сюше былъ оттѣсненъ. Мая

11-го Австрійцы заняли Ниццу; 15-го сдалась имъ Савона. Упорная защита Вара корпусомъ Сюше, и упорство Массены, затруднили на нѣсколько времени Меласа. Но уже Австрійцы стояли на Французской землѣ. Отрядъ Сюше былъ ничтоженъ. Генуя не могла долго удержаться. Изумленный отчаянною защитою Массены, Меласъ предлагалъ ему свободный выходъ. «Я еще не доведенъ до послѣдней крайности, генералъ,» отвѣчалъ Массена. «У меня еще есть довольно войска, дабы доказать, что я могу защищаться, когда вы разобьете Сюше, чему я плохо вѣрю.» Состояніе Массены являлось ужасно. Хлѣба не было; пороху недоставало; люди гибли отъ заразительныхъ болѣзней.

Гдѣ же находился, и что дѣлалъ тогда Наполеонъ? Онъ продолжалъ свои возгласы о резервной арміи, а между тѣмъ оставался до 6-го Мая въ Парижѣ. Накапунѣ 6-го объявлено однакожь объ отъѣздѣ Наполеона въ Дижонъ для *осмотра резервной арміи*, и о возвращеніи его черезъ нѣсколько дней въ Парижъ. Вѣсти изъ Парижа говорили о заговорахъ, о невозможности Наполеону оставить Парижъ. Мая 5-го, въ собраніи министровъ, Наполеонъ полушутя сказалъ о своемъ отъѣздѣ: «Я возвращусь скоро; только осмотрю войска въ Дижонѣ — можетъ быть, проѣду до Женевы. Я не замедлю.... Можетъ быть, обо мнѣ заговорятъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ!...» Всѣ считали пустымъ хвастовствомъ, когда въ ночь Мая 6-го, Наполеонъ дѣйствительно отправился изъ

Парижа, обѣщая возвратиться черезъ недѣлю въ Тюльери. «Что намъ дѣлать въ Дижонѣ? Тамъ арміи никакой нѣтъ!» говорили военные коммиссары Петье, Дежанъ и Дарю, получивъ приказъ немедленно ѣхать въ Дижонъ.

И каковы были изумленіе Меласа, страхъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, восторгъ въ Парижѣ, когда въ концѣ Мая *сто тысячь войска*, лично предводимаго Наполеономъ, явилось въ Италіи, Миланъ и Туринъ находились въ его власти, и Меласъ, мечтавшій вскорѣ быть въ Провансѣ, увидѣлъ себя угрожаемымъ въ тылъ, въ опасности быть запертымъ въ Аппенинахъ! Мысль Наполеона осуществилась. Но откуда взялась армія? Гдѣ была она? Какъ прошла въ Италію?

Все, что говорили о резервной арміи, была правда, но никто не зналъ, что въ разныхъ мѣстахъ Франціи и Швейцаріи, малыми отрядами готовились войска, артиллерія, снаряды. Какъ будто волшебнымъ словомъ все было вдругъ двинуто къ одному сборному мѣсту. Отряды изъ арміи Бретанской и Вандейской, 20,000 съ генераломъ Монсеемъ изъ арміи Моро, Дижонскій резервъ, войска, находившіяся въ Парижѣ, войска изъ южной Франціи, всѣ, сами не зная куда идутъ, стали въ Швейцаріи при подошвѣ Альпійскихъ горъ, и въ одно время, генералъ Тюро повелъ корпусъ черезъ Малый Сенъ-Бернардъ, генералъ Бетанкуръ черезъ Симплонъ, Монсей черезъ Сенъ-Готардъ, а главный, 40,000-й кор-

пусъ собрался у Женевскаго озера. Здѣсь была артиллерія, и находились Ланнъ, Викторъ, Луазонъ, Вотренъ, Буде, Моннье, Мюратъ, Келлерманъ, Риво, Шамю — сюда явился Наполеонъ. Въ ночь на 7-е Мая отправясь изъ Парижа, черезъ 20 часовъ примчался онъ въ Дижонъ, осмотрѣлъ войска, велѣлъ имъ идти форсированными маршами, и 13-го Мая прибылъ въ Женеву. Онъ посѣтилъ Неккера. Разговоръ ихъ продолжался около двухъ часовъ. «Неккеръ пустой мечтатель,» говорилъ потомъ Наполеонъ. Въ самомъ дѣлѣ, Неккеръ, съ его идеями 1789 года, не годился Наполеону. Оставя Женеву, Наполеонъ учредилъ главную квартиру въ Лозанѣ, и осмотрѣлъ войска.

Но куда двинутся, и что могутъ сдѣлать 40,000 человѣкъ? Все было приготовлено издавна. Сей избранный корпусъ, предводимый самимъ Наполеономъ, долженъ былъ нанесть главный ударъ. Онъ долженъ былъ перейдти через гору Сенъ-Бернардъ, дотолѣ считавшуюся непроходимою. Всѣ другіе корпуса, шедшіе черезъ Сенъ-Готардъ, Симплонъ, Малый Сенъ-Бернардъ, Ценисъ и Женевру, были только средствами развлечь вниманіе непріятеля на все протяженіе Альповъ отъ Вара до Граубиндена. Устремясь черезъ Сенъ-Бернардъ, Наполеонъ становился между Миланомъ и Туриномъ, закрывалъ себя теченіемъ По и Танара, бралъ въ тылъ Меласа, и могъ выбрать мѣсто удара, когда Массена и Сюше принимали его также въ тылъ, еслибы онъ обратился

фронтомъ на Наполеона. Не ожидая отсюда нападенiй, непрiятель не былъ здѣсь ни сколько готовъ на встрѣчу. При столь превосходно сображенномъ планѣ, втайнѣ все заготовилъ къ исполненiю его Наполеонъ. Множество запасовъ собрано было у Женевы. Приготовлены были сани, въ которыхъ, разобравши по частямъ, должно было везти черезъ гору пушки и зарядные ящики; снаряжены были мулы для перевоза тяжестей, и проводники. Войско Наполеоново поняло распоряженiя своего капральчика, и привѣтствовало его знакомыми кликами, услышавъ прежнiй голосъ Наполеона. «Солдаты!» говорилъ Ланнъ, предводившiй авангардомъ, «вы сражаетесь за независимость и славу. Вы авангардъ армiи, которая смотритъ на васъ. Дадите ли друзьямъ нашимъ и союзникамъ поводъ жаловаться на васъ? Мы идемъ рвать новые лавры. Прочь того недостойнаго, кто посрамитъ себя хищенiемъ! Пусть бездѣйствiемъ и презрѣнiемъ искупитъ онъ позоръ имени Француза, честь коего избраны мы защищать!»

Съ пѣснями радости и барабаннымъ боемъ потянулись полки черезъ снѣга Сенъ-Бернарда. Еще остальныя дружины выступали изъ Лозаны, когда Ланнъ уже спустился въ Аостскую долину Мая 16-го, черезъ десять дней по отъѣздѣ Наполеона изъ Парижа. Четыре, или пять тысячь Австрiйцовъ составляли здѣсь всю защиту Шатильона, перваго городка на югъ отъ Альповъ. Въ безпорядкѣ отступили они, потерявъ нѣсколько пушекъ при натискѣ превозмо-

гавшей силы. Наполеонъ слѣдовалъ въ послѣднихъ отрядахъ. Остановясь въ знаменитой гостинницѣ Сенъ-Бернардской, онъ посѣтилъ церковь и ласково разговаривалъ съ монахами. Онъ ѣхалъ на лошакѣ, въ большой круглой шляпѣ, въ сѣромъ сюртукѣ своемъ, весело разговаривалъ съ проводникомъ, и горецъ, не зная съ кѣмъ говоритъ, высказалъ *доброму Французскому офицеру* всѣ тайны сердца, сказалъ, что онъ влюбленъ, что по бѣдности его отецъ возлюбленной не отдаетъ ее за него. Наполеонъ смѣялся. При спускѣ съ горы лошакъ его споткнулся, и безъ помощи проводника Наполеонъ могъ упасть въ бездну. Прощаясь съ проводникомъ, онъ далъ ему записку, гдѣ велѣлъ выдать ему тысячу франковъ, и сосватать за него дочь богатаго горнаго пастуха. Въ изумленіи и радости слушалъ приказъ бѣдный проводникъ, и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Едва отъѣхали нѣсколько верстъ отъ горы, Австрійскій отрядъ, скакавшій черезъ дорогу, окружилъ Наполеона, при которомъ едва было нѣсколько человѣкъ. Онъ хладнокровно остановился, началъ разговаривать съ офицеромъ, представилъ ему безполезность сраженія; отрядъ Французовъ успѣлъ прискакать, и Австрійцы сдались.

Неожиданное препятствіе остановило Ланна. Дорога за Шатильономъ стѣснялась горами; узкая тропа идетъ здѣсь по берегу Доры, и небольшая крѣпость Бардъ заслоняетъ ее. Мѣсто крѣпости было неприступное. Французы заняли Бардское селеніе, но

артиллеріи провести было невозможно, ибо селеніе и дорога были подъ выстрѣлами крѣпости. Наполеонъ дождался ночи, велѣлъ обвертѣть колеса пушекъ и ящиковъ соломою, и ночью тихо прокатили ихъ мимо крѣпости. На другой день Французы взобрались на горы, встащили на высоты пушки, и крѣпость сдалась: онъ опять былъ на тѣхъ благословенныхъ поляхъ Италіи, тотъ Бонапарте, который за четыре года явился съ Аппенинновъ съ полунагою толпою воиновъ. Онъ нисходилъ теперь съ вершины Альповъ, по слѣдамъ Аннибала и Цезаря, ведя многочисленные, храбрые полки. Какое безмѣрное разстояніе перешагнулъ, гдѣ не былъ, чего не испыталъ въ сіи четыре года этотъ генералъ — теперь верховный властитель Франціи! Онъ прожилъ столѣтіе — онъ протягивалъ руку къ вѣнцу королевскому — онъ рѣшалъ судьбу Европы....

Меласъ зналъ о резервной арміи Дижонской, раздѣлялъ общее мнѣніе о ничтожествѣ ея, считалъ ее хвастливыми угрозами Наполеона, слышалъ о походѣ ея въ Швейцарію, и когда извѣстили его о переходѣ Французовъ черезъ Сенъ-Бернардъ, Меласъ полагалъ, что его стращаютъ ложною тревогою. Онъ усиливалъ дѣйствія противъ Сюше и Массены, и только 21-го Мая удостовѣрился, что сорокъ тысячь Французовъ, съ Наполеономъ, сошли съ Сенъ-Бернарда, что другія войска идутъ съ Сенъ-Готарда и Симплона, и что сто тысячь грозятъ ему съ тыла, протягивая руки на Туринъ и Миланъ. Всѣ

планы Меласа разрушились. Онъ недоумѣвалъ на что слѣдовало рѣшиться. Не о Генуѣ, и еще менѣе о вторженіи во Францію должно было помышлять: надлежало встрѣтить грознаго противника. Въ недоумѣніи велѣлъ онъ принять оборонительныя дѣйствія противъ Сюше, приказалъ Отту оставить Генуя, если Массена будетъ упорствовать, и наскоро сдвигаться всѣмъ войскамъ къ По и Танару. Слыша о движеніи Ланна на Сюзу, Меласъ полагалъ, что Наполеонъ хочетъ занять Туринъ, и съ 30,000 поспѣшилъ въ Піемонтскую столицу. Такимъ образомъ вся армія Австрійская раздвинулась на обширномъ пространствѣ отъ Генуи до Турина и Ниццы.

Движеніе Ланна на Туринъ было военною хитростью. Разсчитывая, что отъ сего движенія Меласъ растянетъ свои войска, Наполеонъ рѣшился идти на Миланъ, отрѣзать отступленіе Меласа на Адду и Адижъ, освободить Генуя, и тогда уже двинуться къ Турину, стѣсняя Австрійцовъ съ юга войсками Массены и Сюше. Мая 24-го Ланнъ занялъ, послѣ жестокой битвы, Иври; 26-го прогналъ онъ Австрійцовъ изъ Романо; 28-го Наполеонъ былъ въ Шивассо, но отсюда быстро повернулъ онъ на Миланъ. Іюня 1-го Ланнъ занялъ Павію, и 2-го Миланъ торжественно встрѣтилъ Наполеона. Въ Миланскомъ соборѣ присутствовалъ Наполеонъ при пѣніи *Тебе Бога хвалимъ*, и объявилъ *возстановленіе Цизальпинской республики*. Между тѣмъ Мюратъ захватилъ Піаченцу; Дюгемъ занялъ Лоди, обложилъ

Пиччигитону, завладѣлъ Кремоною, и разъѣзды Французскіе проникли до Мантуи. Іюня 6-го Ланнъ перешелъ черезъ По въ Белджіозо. Дивизія Лапоина, изъ Монсеева корпуса, прикрыла берега По отъ Павіи до Доры. Получены были извѣстія объ успѣхахъ Сюше. Мая 28-го, видя отступленіе Эльсница, онъ преслѣдовалъ его до Танаро, разбилъ при Коль ди-Тендѣ, обратился черезъ Финале на Савону. Къ досадѣ Наполеона, Ланнъ, достигнувши Монтебелло, былъ встрѣченъ Австрійскимъ корпусомъ Отта, ибо Массена не могъ болѣе выдерживать гибельной осады, и не дождался сближенія Сюше и Ланна. Рѣшась умереть, а не сдаваться, онъ хотѣлъ оставить Геную и пробиться къ По, или погибнуть сражаясь, когда Отто предложилъ ему свободный выпускъ изъ Генуи, съ тѣмъ, что остатокъ войскъ его, съ оружіемъ, перевезенъ будетъ во Францію. Массена согласился, и 4-го Іюня оставилъ Геную. Защита Генуи Массеною причисляется къ подвигамъ дивной храбрости, но она разстроивала планъ Наполеона. Весь 20,000 корпусъ Отто поспѣшно двинулся къ По, и безъ мужественнаго упорства Ланна, подвергалъ его большой опасности. Имѣя не болѣе 8000, Ланнъ принялъ битву, и нѣсколько часовъ выдерживалъ аттаку превосходнаго непріятеля, пока корпусъ Виктора успѣлъ подкрѣпить его. Тогда Ланнъ напалъ самъ, и Отто принужденъ былъ отступать къ Александріи, оставя 2000 въ Тортонѣ, и потерявши до 3000 убитыми и ранеными, до 5000 плѣнными и 5 пушекъ

Мгновенно измѣнилъ Наполеонъ планъ свой. Силы его начали сосредоточиваться къ Александріи, крѣпости при впаденіи Бормиды въ Танаро. Іюня 11-го въ Страделлѣ явился къ Наполеону Дезе. Исполняя приказъ его, онъ оставилъ Египетъ, и радостно спѣшилъ раздѣлить новые подвиги своего генерала въ Италіи. Обрадованный пріѣздомъ Дезе, Наполеонъ просидѣлъ съ нимъ всю ночь, разговаривая объ Египтѣ и узнавая отъ него положеніе тамошнихъ дѣлъ. Дезе горѣлъ нетерпѣніемъ идти въ битвы, и немедленно принялъ начальство надъ однимъ изъ корпусовъ. Между тѣмъ Наполеонъ не понималъ распоряженій Меласа. Онъ думалъ, что Меласъ робѣетъ, и обрадовался, когда одинъ изъ старыхъ шпіоновъ его донесъ ему, что предположеніе его справедливо, что Меласъ намѣренъ укрыться въ Аппенины, и черезъ Геную пробраться къ Пармѣ и Мантуѣ. Совершенно обезпеченный, Наполеонъ двинулъ Дезе на Ривальто и Акви, дабы отрѣзать отступленіе Австрійцовъ. За оставленіемъ Тюро и Шаброна при наблюденіи Турина, Монсея между Аддою и Минчіо, Дюгема при Пиччигитонѣ и Піаченцѣ, Наполеонъ имѣлъ подъ рукою не болѣе 30,000 человѣкъ. Тщательно обозрѣлъ онъ мѣстоположеніе до Бормиды. Осматривая мѣсто битвы при Монтебелло, и слушая разсказъ Ланна, Наполеонъ съ усмѣшкою сказалъ: «Чортъ возми! у васъ тутъ жарко было!» — «Кажется,» отвѣчалъ Ланнъ, «у насъ кости трещали, какъ стеклы отъ града!» Въ Маренго, на

правомъ берегу Бормиды, находился пяти тысячный отрядъ Австрійцовъ. Виктору велѣно было вытѣснить его. Австрійцы отступили за Бормиду. Вовсе не предполагая чего нибудь рѣшительнаго отъ Меласа, послѣ отряженія Дезе на Ривальто, Наполеонъ разставилъ остальное войско эшелонами отъ Бормиды до Тортоны. Гарданъ находился въ Піетра-Буона противъ Австрійскаго тетдепона на Бормидѣ; за нимъ Викторъ стоялъ въ Маренго, съ дивизіею Шамборлгока и кавалерійскою бригадою Келлермана; далѣе Ланнъ въ Санъ-Джуліано, съ дивизіею Вотрена и кавалерійскою бригадою Шампо. Монье находился позади всѣхъ въ Торре ди Гарофало. Вправо кавалерія Риво наблюдала теченіе Танара и По въ Сале, а Дезе былъ налѣво въ Ривальто. Наступила ночь. Непріятеля не было видно, и удаленіе его за Бормиду показывало желаніе его рѣшительно устраниться отъ битвы. Наполеонъ отправился ночевать въ Вогеру.

Было около пяти часовъ утра, Іюня 14-го, когда прискакали къ нему съ извѣстіемъ, что Меласъ перешелъ Бормиду въ превосходныхъ силахъ и завязалъ сраженіе. Наскоро одѣлся Наполеонъ и поскакалъ въ битву — уже страшно горѣла она, великая битва Маренгская!

Хитрый старикъ Меласъ умѣлъ обмануть Наполеона, слишкомъ обнадеженнаго успѣхами, какіе до тѣхъ поръ ознаменовали походъ его. Шпіонъ былъ нарочно подосланъ Меласомъ. Вмѣсто отступленія въ

Аппенины, Меласъ сосредоточилъ за Бормидою до 32,000 пѣхоты и 8000 конницы, съ огромною артиллеріею. Отступленіе за Бормиду былъ обманъ. Рано утромъ, видя безпечность Французовъ, силы Австрійскія перешли Бормиду, и сорокъ тысячь, съ многочисленною, превосходною конницею, раздвинулись по обширной равнинѣ Маренгской. Все уничтожалось передъ ними. Отправя поспѣшно звать Дезе, Наполеонъ могъ противопоставить не болѣе 18,000 пѣхоты и 2000 конницы. Присутствіе его оживило войско, но положеніе было ужасно, битва была отчаянная. Мѣсто Гардана, сбитаго непріятелемъ, заступилъ Викторъ. Наполеонъ видѣлъ, что надлежало только удержаться, но Викторъ былъ сбитъ. Ланнъ подкрѣпилъ его. Непріятель, пользуясь превосходствомъ числа, обходилъ правый флангъ, черезъ Кастелло-Churiоло. Восемь сотъ человѣкъ консульской гвардіи удержали его здѣсь. Но Викторъ не могъ устоять. Отступленіе его принудило отступать Ланна. Каждый шагъ искупали кровью. Три четверти льё Ланнъ шелъ три часа, далъ средство Виктору опять соединить полки, и еще изумительнѣе былъ подвигъ генерала Карра-Сенъ-Спра, державшагося въ Кастелло-Черіоло, когда вся линія Французовъ была далеко сбита, и поле битвы потеряно, артиллерія находилась въ рукахъ непріятеля, и изъ 20,000 не оставалось въ строю половины. Въ три часа по полудни Меласъ, утомленный боемъ съ ранняго утра, оставилъ поле сраженія, и отправился въ лагерь

свой за Бормидою, отдыхать и писать донесеніе о побѣдѣ, препоручая генералу Цаху преслѣдовать разбитаго непріятеля. Утомленіе обѣихъ армій заставило дать небольшой отдыхъ съ обѣихъ сторонъ. Цахъ сосредоточивалъ пяти-тысячную колонну, которая должна была довершить пораженіе. Тогда облака пыли, подпимавшіяся влѣво, возвѣстили приближеніе Дезе. Онъ шелъ, бѣжалъ, мчался въ битву, скакалъ самъ впереди, опережая полки свои. Едва завидѣлъ Наполеонъ его сближеніе, онъ ожилъ, и не сомнѣвался болѣе въ побѣдѣ. «Стой, стой! Полно отступать, товарищи! Впередъ!» кричалъ онъ, мчась по рядамъ, осыпаемый ядрами. «Впередъ! Впередъ!» раздалось въ рядахъ. Солдаты громкимъ кликомъ: «Да здравствуетъ Бонапарте! Да здравствуетъ Первый Консулъ!» отвѣчали голосу вождя. Баттарея изъ 15 пушекъ встрѣчаетъ Цаха картечью. Дезе устремляется на непріятеля, — падаетъ, пораженный пулею, и умираетъ смертью героя. Войско мститъ смерть его. Кавалерійская аттака Келлермана во флангъ Австрійцовъ довершаетъ разстройство — все бѣжитъ, все уничтожается. Цахъ и штабъ его въ плѣну. Напрасно непріятель старается остановиться; его сбиваютъ вездѣ. Онъ смѣшался, отдаетъ плѣнныхъ, теряетъ артиллерію, отступаетъ поспѣшно. Штыками выбиваютъ его изъ Маренго и Петра-Буона, отрѣзываютъ отъ Бормиды, сбрасываютъ, топчутъ въ рѣку, и когда въ 10-ть часовъ вечера прекратилась битва — побѣда была оконченная; остатки разби-

тыхъ Австрійскихъ войскъ очистили берега Бормиды, съ потерею 4500 убитыми, 8000 ранеными, 7000 плѣнными, 12 знаменъ, 30 орудій. Потеря побѣдителей была велика, но побѣда была совершенная, и слѣдствія ея изумительныя: рано утромъ на другой день князь Лихтенштеинъ явился къ Наполеону переговаривать; споръ не продолжился, и ночью подписали договоръ, по которому заключалось перемиріе: Австрійскій полководецъ уступалъ Наполеону *Туринъ, Миланъ, Геную, Тортону, Александрію, Піаченцу, Кони, Савону, Урбино, и всѣ земли, занятыя Французскою арміею, по рѣку Оліо*. За то Наполеонъ *позволялъ ему удалиться съ оружіемъ, оставлялъ земли отъ Оліо до Адижа во власти Австрійцовъ*, и обѣщалъ не возобновлять военныхъ дѣйствій, пока не получится извѣстіе изъ Вѣны о согласіи Императора на миръ.

Трудно отыскать въ исторіи другое, столь блестящее событіе, передъ которымъ помрачается даже походъ Наполеона въ 1796 и 1797 годахъ. Въ одинъ мѣсяцъ кончена была война; торжествовавшій неприятель уничтоженъ; покорена Италія, и разрушились всѣ успѣхи кампаніи 1799 года. Все было здѣсь необыкновенно: войско, какъ будто волшебствомъ переброшенное черезъ Альпы; битва, гдѣ Наполеонъ былъ разбитъ поутру, но остался побѣдителемъ къ вечеру; участь Дезе, накануне прибывшаго изъ песковъ Ливіи, и павшаго на поляхъ Италійскихъ; неожиданная отважность престарѣлаго Меласа, и страш-

ная расплата за смѣлость его. Многіе осуждали Австрійскаго полководца. Онъ не былъ разбитъ вполнѣ, говорили обвинители, могъ вновь отважиться на битву, могъ отступить черезъ По къ Милану, или по Танару къ Чевѣ и Генуѣ, откуда переходилъ къ Пармѣ, сближался съ войсками отъ Мантуи, и противопоставлялъ непріятелю новыя силы. Но какая надежда на побѣду оставалась послѣ битвы 14-го Іюня? Лихтенштейнъ засталъ Наполеона уже двигавшаго войска черезъ Бормиду. Отступая на Миланъ, Меласъ встрѣчалъ корпусъ Монсея на Тичино, отступая на Чеву, встрѣчалъ корпусъ Сюше, когда въ обоихъ случаяхъ во флангъ его налягалъ Наполеонъ, съ войскомъ, оживленнымъ побѣдою. Правда, Меласъ могъ избирать двѣ крайности: безполезно погибнуть славною смертью, или уступить непріятелю и спасти остатокъ войска, теряя Италію — онъ предпочелъ послѣднее: побѣдить онъ не могъ.

Маренгская битва была любимою битвою Наполеона. Онъ всегда гордился ею, дорожилъ всемъ, что объ ней напоминало. Синій плащъ, бывшій на немъ подъ Маренго, берегъ онъ, какъ драгоцѣнность. Искренно оплакивалъ онъ Дезе, и велѣлъ похоронить его въ монастырѣ на вершинѣ Сенъ-Бернарда, предполагая воздвигнуть тамъ памятникъ. Мѣсто могилы героя означаетъ только мраморная доска, на которой видны слова: D e s a i x. Неописанный восторгъ одушевилъ Парижъ при извѣстіи о побѣдѣ Маренгской и слѣдствіяхъ ея. Извѣстіе по-

лучено вечеромъ. Жители безъ приказа освѣтили домы, всю ночь по улицамъ толпился народъ, пѣли пѣсни, радовались, дивились Наполеону. Черезъ пятнадцать лѣтъ, на скалахъ св. Елены, Наполеонъ грустно повторялъ, вспоминая о Маренго: «то былъ прекрасный день» (ce fut un beau jour)! Давидъ изобразилъ его на вершинахъ Сенъ-Бернарда. Бурный конь взноситъ героя на ледяныя скалы; горный вѣтеръ развѣваетъ его одежду; Наполеонъ указываетъ товарищамъ на поля Италіи.

Въ исполненіе договора, Австрійцы немедленно очистили всѣ назначенныя въ немъ мѣста, и войско Меласа расположилось по теченію рѣки Оліо. Графъ Сенъ-Жюльенъ явился въ главной квартирѣ Наполеона, и изумился умѣренности побѣдителя: трактатъ Кампо-Формійскій предложилъ Наполеонъ принять въ основаніе новыхъ переговоровъ о мирѣ, какъ предлагалъ до побѣды. Нельзя было сомнѣваться, что Императоръ согласится, ибо громъ Маренгской побѣды поколебалъ всю Европу. Согласію Императора могли пособить также успѣхи Моро на Рейнѣ. Апрѣля 25-го перешелъ онъ за Рейнъ въ Келѣ, Брейсбахѣ, Базелѣ и Шафгаузенѣ. Лекурбъ устремился на Штоккахъ, Моро на Энгенъ. Край не успѣлъ сосредоточить силъ своихъ, былъ разбитъ въ обоихъ мѣстахъ, отступилъ, потерялъ пушки и 7000 плѣнными, былъ снова пораженъ при Мескирхѣ, Фуллендорфѣ, Биберахѣ, Меммингенѣ, и остановился около Ульма. Французы вступили въ Бава-

рію. Край рѣшился двинуться на нихъ, но снова пораженный, Іюня 5-го при Биберахѣ и Охсенгаузенѣ, отступилъ къ Ульму и перешелъ Дунай. Лекурбъ преслѣдовалъ его, разбилъ арріергардъ Австрійскій 19-го Іюня, при Гохштетѣ, 27-го при Нейбургѣ, и отнялъ Фельдкирхъ, ограду Тироля, когда Моро занялъ столицу Баваріи, Мюнхенъ. Здѣсь извѣстіе о перемиріи въ Италіи остановило военныя дѣйствія, и было подтверждено Іюля 15-го въ Пасдорфѣ. Французы согласились оставить Императорскіе гарнизоны въ Филиппсбургѣ, Ульмѣ, Вюрцбургѣ и Инголштадтѣ, хотя предѣлы областей, занятыхъ ими, были уже гораздо далѣе.

Съ поля Маренгскаго Наполеонъ прибылъ въ Миланъ, гдѣ жители встрѣтили его благоговѣйнымъ восторгомъ. Казалось, необходимо было продлить пребываніе въ Италіи Наполеона, но онъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Парижъ. Утвердивъ возстановленіе Цизальпинской республики, Наполеонъ дружески привѣтствовалъ Массену, прибывшаго въ то время въ Миланъ, и поручилъ ему начальство надъ Итальянскою арміею. Журданъ былъ опредѣленъ губернаторомъ Піемонта.

Іюня 24-го Наполеонъ оставилъ Миланъ. На пути встрѣчали его какъ верховнаго властителя Франціи и побѣдителя. Въ Ліонѣ заложилъ онъ новыя зданія на Белль-Курской площади, раззоренныя демагогами въ 1793 году. Іюля 2-го Наполеонъ прибылъ въ Парижъ, послѣ отсутствія, не продолжав-

шагося двухъ мѣсяцовъ. Народъ сбѣжался къ Тюльери, едва пушечные выстрѣлы извѣстили о пріѣздѣ Наполеона. Два другіе Консула, сенаторы, чиновники ждали выхода его. Онъ явился веселый, привѣтливый. «Ну, граждане, вотъ я опять съ вами! Что вы сдѣлали безъ меня?» — «Гораздо менѣе, нежели вы,» отвѣчалъ ему, улыбаясь, Камбасересъ. Наполеонъ съ жаромъ разсказывалъ о своемъ походѣ, о Маренгской битвѣ. «Надѣюсь, что миръ не замедлитъ,» говорилъ онъ.

Дѣйствительно, графъ Сенъ-Жюльенъ явился въ Парижъ. Пируя на праздникахъ, коими торжествовали побѣды, онъ началъ переговоры, имѣя въ знакъ полномочія письмо Императора, коимъ просилъ онъ Наполеона вѣрить всему, что будетъ говорить посланникъ его, и давалъ напередъ согласіе во всемъ, на что съ нимъ условятся. Увлеченный славою Наполеона и ловкостью Талейрана, Сенъ-Жульенъ подписалъ, Іюля 28-го, договоръ о мирѣ между Франціею и Австріею, отдѣльно отъ Англіи. Кампо-Формійскій миръ былъ принятъ въ основаніе; о подробностяхъ положено говорить послѣ. Дюрокъ отправился съ Сенъ-Жюльеномъ въ Вѣну, и Наполеонъ нетерпѣливо ожидалъ ратификаціи Императора. Мира только недоставало къ торжеству его. Онъ особенно былъ доволенъ разрушеніемъ союза Австріи съ Англіею.

И тѣмъ досаднѣе было извѣстіе, что договора не только не утвердили, но Сенъ-Жюльенъ былъ

преданъ суду и посаженъ въ крѣпость, какъ преступившій данное ему наставленіе.

Главное затрудненіе составляла отдѣльность Австріи отъ Англіи при договорѣ. Іюня 20-го, когда силы Наполеона угрожали Италіи, въ Вѣнѣ заключенъ былъ союзъ съ Англіею, и снова подтвержденъ договоръ о незаключеніи мира отдѣльно. Ужасъ, наведенный Маренгскою битвою, заставилъ забыть о семъ условіи. Союзъ и помощь Англіи были безполезны, когда ежеминутно ожидали событій, подобныхъ походу Наполеонову въ 1797 году, и вспоминали, какъ въ виду Вѣны стояли аванпосты Французскіе. Умѣренность требованій обрадовала Императора, и вопреки спору Тугута, заступника союза съ Англіею, рѣшились тогда дать полномочіе графу Сенъ-Жюльену. Въ теченіе мѣсяца успѣли опомниться. Англійскій посолъ, лордъ Минто, снова овладѣлъ политикою Австріи, упрекалъ за нарушеніе договора, столь недавно заключеннаго, обѣщалъ всякую помощь, обнадеживалъ даже союзомъ Россіи и Пруссіи. Слѣдствіемъ было уничтоженіе Сенъ-Жюльенова договора, и требованіе ввести въ мирные переговоры Англію. Полагали, что ни Англія, ни Наполеонъ не станутъ долго спорить. Маренго также громко отозвалось въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ. Питтъ, и безъ того больной отъ безмѣрныхъ трудовъ, казался уничтоженнымъ. Говоря о Маренгской битвѣ, печально посмотрѣлъ онъ на карту Европы, и сказалъ: «Теперь можно свернуть ее на двадцать лѣтъ!»

Лордъ Минто увѣрялъ Императора въ готовности Англіи отправить въ Парижъ посла.

Наполеонъ не изъявилъ досады на поступокъ Австрійскаго министерства, не спорилъ противъ нарушенія Сенъ-Жюльенова договора, и велѣлъ Отто, посланному въ Лондонъ для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, предложить условія на миръ съ Англіею. Первымъ изъ нихъ, и прежде всего, было снятіе блокады со всѣхъ береговъ Франціи и прекращеніе военныхъ дѣйствій на морѣ. Питтъ понялъ хитрую мысль Наполеона: снятіе блокады, открывало ему возможность перевезть помощь въ Египетъ, доставить запасы въ Мальту и отправить войска въ колоніи. Въ требованіи отказали рѣшительно, и хотѣли договариваться о мирѣ не прекращая ни блокады, ни даже военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что мужество Вобуа, защищавшаго Мальту, и событія въ Египтѣ, мало обѣщали успѣховъ.

Не взирая на жалобы и упреки противъ Наполеона, Клеберъ хотѣлъ честно исполнить возложенную на него обязанность. Онъ дѣятельно распорядился защитою Египта, слыша, что Сидней Смитъ располагаетъ высадкою на берега Египта, и сильная армія собирается въ Сиріи, подъ начальствомъ Великаго Визиря. Отряды Мамелюковъ снова были разбиты въ верхнемъ Египтѣ, и Верде уничтожилъ 8000 Турковъ, высаженныхъ Сиднеемъ Смитомъ въ Даміеттѣ. Клеберъ переслалъ Визирю письмо, оставленное Наполеономъ, гдѣ предлагали ему очистить Египетъ,

если согласятся на выходъ Французовъ со всѣми воинскими почестями. Визирь отвѣчалъ горделиво, что согласенъ подарить Французамъ жизнь, но требуетъ отдачи артиллеріи и оружія. Клеберъ отвергъ постыдное условіе, и приступилъ къ переговору тогда только, когда Сидней Смитъ предложилъ свое посредничество. Дезе и Даву отправились въ Акру. Послѣ долгихъ споровъ условились, Января 24-го 1800 года, что Французы оставятъ Египетъ, и будутъ съ оружіемъ и артиллеріею доставлены во Францію. Исполняя договоръ, Клеберъ не хотѣлъ спорить противъ вѣроломнаго занятія Эль-Арише Оттоманами, гдѣ перерѣзали они гарнизонъ. Немедленно приступили къ сдачѣ всѣхъ крѣпостей. Уже отданы были Лесбегъ, Даміетта, Мангура, Катіе, Салагіе и Бельбейсъ, когда получено неожиданное извѣстіе отъ Англійскаго адмирала Кейта, главнокомандующаго въ Средиземномъ морѣ, что Англія отвергаетъ договоръ, заключенный съ Клеберомъ, и требуетъ безусловнаго плѣна Французовъ. Такое вѣроломство оскорбило храбраго Сиднея Смита, но онъ долженъ былъ повиноваться приказу. Клеберъ не скрывалъ своего гнѣва и негодованія, и рѣшился умереть. Объявляя войску письмо Кейта, онъ прибавилъ только сіи слова: «Солдаты! на такую наглость отвѣчаютъ побѣдами. Готовьтесь къ битвѣ!» Немедленно потребовалъ онъ выхода Турковъ изъ Египта и возвращенія крѣпостей. Визирь отвергъ его требованіе. Вся армія Турецкая вступила въ Египетъ. Ибрагимъ-бей, съ На-

сифъ пашею бросились къ Каиру. Визирь обратился на Клебера съ 60,000 войска. Имѣя не болѣе 10,000, Клеберъ ждалъ его на развалинахъ древняго Иліополя, 20-го Марта поразилъ на-голову, и разогналъ остатки, бѣжавшіе во всѣ стороны; десять тысячь Турковъ разбиты были Бельяромъ близъ Даміетты, всѣ крѣпости отняты, и Клеберъ обратился къ Каиру, гдѣ появленіе Визиря въ Египтѣ произвело бунтъ. Щадя жителей, Французы обложили городъ, и 21-го Апрѣля приступомъ взяли Булакъ. Такіе неожиданные успѣхи укрѣпили власть Французовъ въ Египтѣ, и возбудили болѣе прежняго уваженіе къ нимъ жителей, такъ, что храбрый Мурадъ-бей, дотолѣ врагъ непримиримый, явился къ Клеберу, предложилъ ему миръ, союзъ и дружбу, и сдѣлался столько же ревностнымъ защитникомъ, сколько былъ прежде опаснымъ врагомъ. Визирь едва могъ убѣжать въ степи, и при посредствѣ Мурадъ-бея Каиръ сдался безъ сопротивленія. Клеберъ простилъ бунтовщиковъ, но обложилъ ихъ контрибуціею, деньгами и припасами, что доставило средства продовольствовать армію.

Побѣдами Клебера былъ обезпеченъ Наполеонъ за Египетъ, и не страшился за участь храбрыхъ товарищей, хотя Гантомъ, которому поручилъ онъ доставить припасы въ Мальту и оружіе въ Египетъ, не исполнилъ его повелѣнія, и робко возвратился въ Тулонъ, почитая счастіемъ, что ушелъ отъ преслѣдованія Англійскаго флота. Надѣясь, что твердость въ поступкахъ заставитъ непріятелей быть сговорчи-

вѣе, Наполеонъ объявилъ Австріи, что начинаетъ немедленно войну. Моро въ Германіи, и Брюну, заступившему мѣсто Массены въ Италіи, велѣно двинуться впередъ. Австрійцы спѣшили остановить обоихъ Французскихъ полководцовъ, увѣряя ихъ въ желаніи мира. Тугутъ былъ смѣненъ; мѣсто его заступилъ Кобенцель. Наполеонъ потребовалъ въ залогъ мира временной уступки трехъ крѣпостей въ Германіи. Ульмъ, Инголштадтъ и Филиппсбургъ сданы были Французамъ; назначено мѣсто для переговоровъ о мирѣ, по желанію Наполеона въ Люневилѣ, въ Лотарингіи; перемиріе подтвердили Сентября 28-го, въ Гогенлинденѣ и Кастильони, на 45 дней.

Но Наполеонъ понималъ хитрость, видѣлъ, что Австрійскіе министры хотятъ продлить только время. Кобенцель отправился въ Люневиль. Министерство передано было графу Лербаху, другу и услужнику Тугутову. Дѣятельно производились между тѣмъ въ Австріи приготовленія войскъ и въ Англіи флота. Беллегардъ смѣнилъ въ Италіи Меласа. Края на Рейнѣ замѣнилъ эрцъ-герцогъ Іоаннъ. Самъ Императоръ обозрѣвалъ армію, и возбуждалъ воинскій духъ рѣчами и приказами. Эрцъ-герцогъ Іосифъ объявилъ поголовное вооруженіе Венгріи; Эрцъ-герцогъ Карлъ набиралъ войско въ Богеміи. Корпусъ Конде и Баварскія войска присоединились къ Австрійцамъ. Въ Вѣну явилась Королева Неаполитанская, и съ нею былъ Нельсонъ, котораго приняли въ Вѣнѣ съ большими почестями. Королева Неаполитанская пробыла

здѣсь недолго; она отправилась въ Петербургъ; Нельсонъ поѣхалъ въ Англію. Продолжая упорно осаду Мальты, Англичане принудили наконецъ Вобуа сдать имъ сію неприступную твердыню, Сентября 5-го, когда онъ доведенъ былъ до послѣдней крайности, и послѣ 23-хъ мѣсячнаго облежанія, имѣя не болѣе 800 человѣкъ изъ 4000, составлявшихъ первоначально гарнизонъ, согласился уступить Мальту съ тѣмъ, что войско его перевезутъ во Францію съ оружіемъ, и безъ всякихъ условій. Неаполь вооружилъ свои войска, и придвинулъ ихъ къ Папскимъ владѣніямъ. Въ Тосканѣ также набирали войска, и Австрійскій генералъ Соммарива принялъ надъ ними начальство. Переговоры въ Люневилѣ шли медленно и безуспѣшно, ибо Кобенцель требовалъ отдачи Мантуи, находившейся во власти Австрійцовъ. Не ужели долженъ былъ уступать побѣдитель Маренгскій?

Онъ рѣшительно прервалъ переговоры съ Англіею. Октября 9-го генералу Дюпону велѣно идти въ Тоскану и обезоружить тамошнія войска. Октября 16-го Дюпонъ занялъ Флоренцію и Ливорну, послѣ слабаго сопротивленія. Резервный Диконскій корпусъ, изъ 15,000, предводимый Магдональдомъ, вступилъ въ Швейцарію. Ожеро собралъ другой резервный корпусъ, изъ 15,000 Голландскихъ и Французскихъ войскъ, въ Майнцѣ. Все предвѣщало войну, сильнѣйшую паче прежняго. Возраженій Кобенцеля не слушали, указывая ему на приготовленія Австріи и дѣйствія Англіи.

Казалось, Англія хотѣла тогда вознаградить за свое прежнее бездѣйствіе въ Европѣ. Пока флоты ея забирали послѣднія колоніи, Суринамъ, Демерари, острова Курассао и св. Евстафія, сильная экспедиція отправилась изъ Англіи, и хотѣла нечаянно завладѣть Испанскимъ флотомъ въ Ферролѣ. Послѣ неудачи здѣсь, она соединилась съ эскадрою Средиземнаго моря, и Октября 6-го, адмиралъ Кейтъ, съ 22 кораблями линейными, 27 фрегатами, и 20,000 войска, подъ начальствомъ генерала Ральфа Аберкромби, бомбардировалъ Кадиксъ. Опасеніе желтой лихорадки, свирѣпствовавшей въ Кадиксѣ, заставило его отложить высадку, и Кейтъ обратился къ Италіи, имѣя главное сборное мѣсто въ Минуркѣ.

Видя безполезность угрозъ, Наполеонъ въ одинъ день двинулъ арміи, едва кончился срокъ перемирія. Брюну велѣно напасть на Беллегарда съ фронта; Магдональду идти черезъ Тироль, и дѣйствовать съ фланга. Такое же предписаніе дано Моро и Ожеро. Мюратъ, съ корпусомъ, стоявшимъ въ Аміенѣ, поспѣшно пошелъ въ южную Италію. Напрасно представляли Наполеону Моро и Брюнъ о неудобствѣ зимней кампаніи, и особливо Магдональдъ говорилъ о невозможности похода зимою черезъ Тирольскія горы. «Я самъ ходилъ черезъ нихъ зимою, и армія всегда пройдетъ тамъ, гдѣ два человѣка могутъ поставить ногу (une armée passe toujours, et en toute saison, partout où deux hommes peuvent poser le pied),» отвѣчалъ Наполеонъ.

Блестящія слѣдствія оправдали всѣ его предположенія. Когда Ожеро занялъ Ашаффенбургъ и Вюрцбургъ, Ноября 28-го Моро началъ наступательныя дѣйствія. Его остановило смѣлое движеніе эрцъ-герцога Іоанна. Оставляя свою крѣпкую позицію на Иннѣ, онъ устремился на Моро, принудилъ отступить генерала Греньe отъ Ампфингена, но въ началѣ Декабря безразсудно вступилъ въ лѣса близъ Гогенлинденa, былъ обхваченъ здѣсь Французами, потерпѣлъ жестокое пораженіе, потерялъ 100 пушекъ, 6000 убитыми, 11,000 плѣнными, отступилъ въ безпорядкѣ, и только медленности Моро былъ обязанъ спасеніемъ остатковъ арміи. Напрасно послали на смѣну его эрцъ-герцога Карла. Моро шелъ впередъ, былъ уже въ 20-ти миляхъ отъ Вѣны, не слушая предложеній о перемиріи, и согласился на него съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, что Австрія заключитъ миръ немедленно и отдѣльно отъ Англіи. Принуждены были уступить, и Декабря 23-го, въ Штейерѣ, снова заключено перемиріе.

Въ Италіи дѣла шли не столь удачно, по несогласію Брюна съ Макдональдомъ, но однакожь не безъ успѣха. Брюнъ не двигался, когда Макдональдъ уже прошелъ черезъ Граубинденъ по горамъ, покрытымъ снѣгомъ, и спустился къ Комскому озеру во флангъ непріятелю. Принужденный дѣйствовать отдѣльно, Макдональдъ пошелъ въ Тироль, и Января 7-го овладѣлъ Тріентомъ, преодолѣвая горы, снѣга, и непріятелей. Здѣсь соединились съ нимъ отряды

Брюна, перешедшаго за Минчіо Декабря 25-го. Непріятель вездѣ отступалъ послѣ слабой защиты. Правое крыло Австрійцовъ, подъ начальствомъ Лаудона, спаслось ловкимъ обманомъ, когда Лаудонъ увѣрилъ Макдональда, что уже заключено перемиріе; онъ успѣлъ соединиться съ Беллегардомъ на берегахъ Адижа. Но Австрійцы не остановились здѣсь, оставили позицію Калдіерскую, отступили поспѣшно, очистили Виченцу, и только тамъ извѣстіе о перемиріи на Рейнѣ остановило Магдональда и Брюна. По договору, заключенному въ Тревизѣ Января 16-го, Австрійцы отдали Верону, Леньяго, Пескіеру, Серміоне, гдѣ оставались еще ихъ гарнизоны, уступили даже Анкону, и выговорили себѣ только Мантую. Подтвердивъ перемиріе Штейерское, Наполеонъ отвергъ Тревизское перемиріе, упрекая Брюна безпечностью, требуя непремѣнно Мантуи, и безъ того приказывая снова приняться за оружіе. Кобенцель принужденъ былъ согласиться. Мантуя сдана Французамъ.

Если успѣхи Наполеона въ войнѣ ужасали Австрію, не менѣе тревожили ее умноженіе требованій и настойчивость Наполеона при переговорахъ. Онъ уже не довольствовался условіями Кампо-Формійскаго мира, и хотѣлъ уступки Тосканы, назначая передать ее сыну Герцога Пармскаго. Кромѣ того, онъ требовалъ утвержденія за Франціею всѣхъ земель по Рейнъ, не дожидаясь согласія Имперскихъ князей, съ тѣмъ, что Императоръ, обще съ Наполеономъ, опредѣлятъ потомъ вознагражденія Тосканскому Герцогу,

Нѣмецкимъ князьямъ и Пруссіи, изъ Германскихъ земель. Онъ хотѣлъ также, чтобы Австрія не вмѣшивалась въ дѣла Франціи съ Неаполемъ.

Мы не говорили о дѣлахъ Неаполя, послѣ возвращенія Неаполитанскому Королю королевства его побѣдами Суворова. Обязанный договоромъ, онъ отправилъ корпусъ Неаполитанскихъ войскъ на соединеніе съ Австрійцами. Неаполитанцы вступили въ Папскія владѣнія, когда битва Маренгская передала судьбу Италіи Наполеону. Заключая перемиріе при Маренго, о Неаполѣ какъ будто забыли, и Король Неаполитанскій оставался въ страхѣ и недоумѣніи, не зная на что рѣшиться. При началѣ военныхъ дѣйствій, когда Французы шли занять Тоскану, графъ Дамасъ, предводившій Неаполитанскими войсками, рѣшился подкрѣпить Тосканцовъ и Соммариву. Міоллисъ разбилъ его, и послѣ Тревизскаго договора, Наполеонъ велѣлъ Мюрату, съ его корпусомъ, выгнать Дамаса изъ Папскихъ владѣній и занять Неаполь. Мюратъ, почти безъ битвъ, погналъ Неаполитанцовъ. Занятіе Неаполя и новое изгнаніе Короля Неаполитанскаго были несомнительны, но Французскія войска внезапно остановились, и неожиданно въ Фолиньо велѣно было Мюрату говорить о мирѣ: заступленіе Императора Россійскаго спасло Неаполитанскаго Короля. Объясняя далѣе столь необыкновенное обстоятельство, скажемъ здѣсь о причинахъ требованія Тосканы сыну Пармскаго Герцога: оно было слѣдствіемъ превосходнаго политическаго разсче-

та Наполеонова. Дружба Франціи съ Испаніею укрѣплена была новымъ трактатомъ, въ Октябрѣ 1800 года. Изъявляя преданность Наполеону, Испанія согласилась возвратить Франціи Луизіану, обширную область въ Сѣверной Америкѣ, переданную Испаніи Парижскимъ трактатомъ 1763 года. За то Наполеонъ обязался доставить сыну Пармскаго Герцога Тоскану, съ тѣмъ, что по кончинѣ отца его, Парма присоединится къ Цизальпинской республикѣ. (*) Такимъ образомъ въ дѣла Италіи вмѣшивалъ Наполеонъ Испанію. Не менѣе искусныя мѣры довели Россію до участія въ Италіянскихъ дѣлахъ.

Однимъ изъ первыхъ политическихъ распоряженій Наполеона было стараніе, если не пріобрѣсть союзъ, по крайней мѣрѣ, отклонить непріязнь императора Павла, и отвлечь его отъ союза съ Австріею и Англіею. Мы уже говорили, что отказавшись отъ пособія Австріи, тѣмъ не менѣе императоръ Павелъ не хотѣлъ слышать о дружбѣ съ Франціею и ея правителями. Мысль о возстановленіи Бурбоновъ оставалась постоянною мыслью его, и стараясь убѣдить Пруссію на отдѣльный союзъ, онъ готовъ былъ соединиться съ Англіею. Войска Русскія, послѣ неудачной Голландской экспедиціи, зимовали въ Англіи и

(*) Парма передана была, по Ахенскому миру, инфанту Филиппу, сыну короля Филиппа, умершему въ 1765 г. Фердинандъ, герцогъ Пармскій, наслѣдникъ его, былъ двоюродный братъ Испанскаго короля Карла IV-го.

назначались на высадку во Францію. Отказъ Пруссіи огорчилъ его, и вскорѣ начались неудовольствія Россіи съ Англіею, ибо императора Павла оскорбили своекорыстные разсчеты Британскаго министерства. Не только всѣ его предложенія были отклонены, но Англія не уважила постановленій о морскомъ неутралитетѣ, съ чѣмъ соединены были честь Русскаго флага и торговыя пользы Россіи и ея союзниковъ по морскому неутралитету, Даніи, Швеціи, Пруссіи. Занятіе Англичанами Мальты явилось новымъ поводомъ несогласій, ибо когда императоръ Павелъ требовалъ передачи сего острова ему, какъ гросмейстеру Мальтійскихъ рыцарей, Англійское министерство отвѣчало разными отговорками.

Видя охлажденіе дружбы между Россіею и Англіею, Наполеонъ усилилъ старанія возобновить сношенія съ Россіею. Во Франціи было около 9000 плѣнныхъ Рускихъ, взятыхъ въ Италіи, Голландіи и Швейцаріи. Черезъ Французскаго посланника въ Стокгольмѣ, Наполеонъ предложилъ, что въ изъявленіе глубокаго уваженія къ Россійскому Императору, съ которымъ Франція никакой непріязни не имѣетъ, онъ проситъ принять плѣнниковъ, безъ всякаго размѣна и безъ всякаго условія. Императоръ Павелъ не могъ не отдавать справедливости уму и дѣламъ Наполеона. Поступокъ его былъ такъ лестенъ, такъ противоположенъ тому, что видѣлъ императоръ Павелъ со стороны своихъ союзниковъ. Черезъ посла своего въ Берлинѣ, онъ благодарилъ Наполеона и изъявилъ го-

товность начать сношенія при соблюденіи опредѣленныхъ условій. Сіи условія были: передача императору Павлу Мальты; возстановленіе Сардинскаго королевства, какъ оно было до начала революціонной войны; неприкосновенность Неаполитанскаго королевства, о защитѣ коего умоляла Императора Королева, бывшая тогда въ Петербургѣ; обезпеченіе Баваріи, союзника Россіи, и Виртемберга, властитель коего былъ родитель супруги императора Павла. Отклоняя только впредь до рѣшенія вопросъ о Сардиніи, Наполеонъ обѣщалъ исполненіе всѣхъ другихъ требованій. Такая уступчивость повела къ сближенію. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, Колычевъ былъ посланъ во Францію и съ почестью принятъ въ Парижѣ. Русскіе плѣнники отданы присланному за ними барону Стренгпортену, одѣтые въ новые мундиры на счетъ Франціи, и немедленно предписано Мюрату мириться съ Неаполемъ при посредствѣ Россійскаго повѣреннаго, Левашева, которому во Флоренціи и при договорахъ о мирѣ въ Фолиньо отдавали особенный почетъ. Въ началѣ условій о мирѣ съ Неаполемъ сказано было, что правительство Французское соглашается на него, уважая участіе, какое принимаетъ въ дѣлѣ Неаполитанскаго Короля Императоръ Россійскій. Неаполь отказывался отъ союза съ Англіею, платилъ Франціи полъ-милльона франковъ за убытки, и временно занимали Французы Отрантскій полуостровъ, до заключенія всеобщаго мира. Сультъ, съ 16,000, вступилъ въ Тарентъ Апрѣля 25-го, 1801 года.

*

Угодливость Наполеона и поступки Англіи, еще болѣе непріязненные съ тѣхъ поръ, какъ начались сношенія Россіи съ Франціею, совершенно измѣнили прежнее расположеніе императора Павла. Грозное положеніе Французскихъ войскъ, затрудненіе Англіи, неутралитетъ Пруссіи, союзъ Россіи съ Франціею, не оставляли никакой надежды Австрійскому Императору, и принужденный на все согласиться, онъ утвердилъ миръ, подписанный Іосифомъ Бонапарте и Кобенцелемъ въ Люневилѣ, Февраля 9-го 1801 г., коимъ исполнены были всѣ требованія Наполеона.

Такъ мечемъ и умомъ Наполеона разрушенъ былъ союзъ Англіи съ Европейскими монархами. Политика Наполеона являлась неутомимою. Исторгнувши изъ власти Англичанъ Италію, онъ устремился отнять у нихъ Португалію, союзницу, данницу Британіи, гдѣ всегда были пристанища ея флотамъ и пріюты торговлѣ. По волѣ Наполеона, исполняемой главнымъ министромъ Испанскаго Короля, Годои, Княземъ Мира, корпусъ Испанскихъ войскъ, соединенный съ небольшимъ отрядомъ Французовъ, вступилъ въ Португалію. Наслѣдный Принцъ, правитель Португаліи, ибо престарѣлая мать его, королева Марія Франциска Изабелла, была поражена слабоуміемъ, спѣшилъ заключить миръ и затворилъ гавани Англичанамъ. Недовольный тѣмъ, Наполеонъ не одобрилъ договора; онъ требовалъ платы убытковъ; корпусъ Французскій пошелъ изъ Италіи на Пиренейскій полуостровъ.

Но общее вниманіе увлекалось тогда событіями

на сѣверѣ. Отторгнутая отъ материка Европы, Англія не хотѣла уступать, усилила свою дѣятельность, горделиво отвѣчала на требованія императора Павла, касательно уваженія условій морскаго неутралитета, что почитаетъ себя въ правѣ дѣлать все упрочивающее власть Англіи надъ морями, ибо можетъ исполнить все, что почтетъ для себя полезнымъ. Столь оскорбительный отвѣтъ сопровождался дѣйствіями непріязненными. Флотъ Англійскій явился у береговъ Даніи. Отзывы и поступки Англичанъ воздвигли противъ Англіи всѣ Сѣверныя державы. Присутствіе Англійскаго флота не устрашило Даніи, и едва удалился онъ, послѣ безполезныхъ переговоровъ, Россія и Швеція прервали торговлю съ Англіею, и наложили амбарго на Англійскіе купеческіе корабли. Датскія войска заняли Гамбургъ и Любекъ, и воспретили въ нихъ торговлю Англичанъ. Еще неожиданнѣе была внезапная рѣшительность Пруссіи. Корпусъ Прусскихъ войскъ вступилъ въ Ганноверъ, занялъ всѣ владѣнія Англійскія въ Германіи, и закрылъ для Англійской торговли устья Эльбы, Везера и Эмса, ссылаясь на нарушеніе морскаго неутралитета и появленіе Англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

Возстаніе Сѣверныхъ державъ, Люневильскій миръ, присоединеніе Неаполя, Португаліи и Пруссіи къ системѣ Наполеона, ставили Англію въ затруднительное положеніе. Какъ за годъ прежде противъ Франціи, такъ теперь противъ Англіи вооружалась Европа. Англійская оппозиція обвиняла своенравнаго мини-

стра. Прекращеніе торговли волновало народъ, и тщетно Питтъ хотѣлъ оправдаться, стараясь показать настоящее положеніе Англіи въ блестящемъ видѣ; онъ долженъ былъ уступить противникамъ. Подъ предлогомъ несогласія Парламентовъ на уравненіе правъ католиковъ, онъ просилъ объ увольненіи, и получилъ его, вмѣстѣ съ друзьями своими, Гренвилемъ, Спенсеромъ, Дундасомъ и Виндгамомъ. Мѣсто Питта заступилъ Аддингтонъ, ораторъ Нижняго Парламента, человѣкъ робкаго, нерѣшительнаго характера. Поставленный между двумя требованіями, войны и мира, онъ уступилъ общему желанію, но хотѣлъ однакожь купить миръ доказательствомъ могущества Англіи. Предположены два важныя предпріятія. Одно было отправленіе Нельсона съ флотомъ въ Балтійское море. Ему приказано требовать уничтоженія союза Сѣверныхъ державъ, и при отказѣ начать военныя дѣйствія противъ Даніи, бомбардировать Копенгагенъ и истребить Датскій флотъ. Въ то же время Кейту и Аберкромби велѣно идти въ Египетъ и уничтожить тамъ власть Французовъ.

Наполеонъ торжествовалъ, ибо поступки Англіи возбудили негодованіе императора Павла. Онъ объявилъ, что будетъ защищать права неутралитета оружіемъ, готовилъ флотъ и войско, велѣлъ Людовику XVIII-му, дотолѣ жившему въ Митавѣ, и всѣмъ Бурбонамъ выѣхать изъ Россіи, и предложилъ союзъ и дружбу Наполеону. Людовикъ XVIII-й переѣхалъ въ Варшаву. Немедленно начались переговоры о союзѣ

съ Франціею. Изыскивая средства угодить императору Павлу, Наполеонъ препроводилъ къ нему драгоцѣнную шпагу, подаренную нѣкогда Папою гросмейстеру Мальтійскихъ рыцарей Лавалетту, послѣ знаменитой осады Мальты Оттоманами. Принимая съ признательностью подарокъ, императоръ Павелъ былъ восхищенъ планомъ предпріятія, предложеннаго Наполеономъ, предпріятія смѣлаго обширнаго — похода въ Индію. Предполагалось, что 25,000 Русскаго войска и 10,000 казаковъ будутъ собраны въ Астрахани; 35,000 Французскаго войска отправятся по Дунаю, сядутъ на Русскіе корабли на Черномъ морѣ, будутъ перевезены въ Таганрогъ и пройдутъ въ Астрахань, откуда переправятся, вмѣстѣ съ Русскими, въ Персію и пройдутъ въ Индію. Расположены были маршруты, приготовлены даже воззванія къ обитателямъ Индіи. Весь походъ съ Рейна до Индіи предположено совершить въ 4 мѣсяца (20 дней плаванія по Дунаю, 16 по Черному морю, 29 для прохода до Астрахани, 55 для прохода до предѣловъ Индіи). Въ Англіи, Даніи, Швеціи, Россіи готовились флоты; Пруссія вооружалась; громъ войны готовъ былъ загремѣть на берегахъ Ганга и Инда, какъ недавно гремѣлъ на берегахъ Нила.

Въ началѣ Марта 1801 года, Нельсонъ, съ 18 лин. кораблями, 4 фрегатами, 35 канонерскими шлюпами, имѣя болѣе 30,000 экипажа и войска, и 2500 орудій, остановился у входа въ Зундъ, и послалъ въ Копенгагенъ требовать покорности Даніи; угрожая

немедленнымъ начатіемъ военныхъ дѣйствій. Предложеніе было отвергнуто, и Нельсонъ вошелъ съ флотомъ своимъ въ Зундскій проливъ. Тайная непріязнь, или измѣна начальника баттарей на Шведскихъ берегахъ, допустили проходъ его, когда безъ того подъ выстрѣлами Кронборга онъ могъ погибнуть. Шведскія баттареи молчали, и Нельсонъ благополучно проплылъ опасный путь. Входъ къ Копенгагену защищали старые корабли, обращенные въ пловучія баттареи. Нельсонъ открылъ канонаду. Не смотря на неравенство силъ и неготовность Датчанъ къ защитѣ, битва была жестокая. Счастіе и искуство благопріятствовали Нельсону, и побѣдитель Абукирскій предложилъ Датскому Наслѣдному Принцу начать переговоры, угрожая гибелью Копенгагену. Вѣроломное нападеніе Англичанъ до того возбудило общее негодованіе, что Данія готова была на всѣ пожертвованія, ожидая скораго пособія союзниковъ. Ночью получено извѣстіе, измѣнившее всѣ отношенія: императоръ Павелъ внезапно скончался, Марта $^{12}/_{24}$, 1801 года.

Мечтая о походѣ въ Индію, предвидя благопріятныя слѣдствія отплытія Англійскаго флота въ Балтійское море, надѣясь, что экспедиція Англичанъ въ Египетъ уничтожится мужествомъ Клебера, Наполеонъ былъ глубоко пораженъ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла. «Боже мой!» воскликнулъ онъ горестно въ первую минуту скорби, и долго, задумчивый и молчаливый, ходилъ по комнатѣ. Онъ предчувствовалъ, что политика Европы измѣ-

нится. Другое извѣстіе было ему не менѣе прискорбно: онъ узналъ о смерти Клебера и завоеваніи Египта Англичанами.

Нѣтъ сомнѣнія, что Клеберъ не допустилъ бы торжества Англичанъ, но храбрый товарищъ Наполеона погибъ подъ кинжаломъ изувѣрнаго убійцы, Іюня 14, 1801 года. Сулейманъ-Эль-Алепи, изступленный фанатикъ магометанскій, поклялся Пашѣ Газскому зарѣзать предводителя невѣрныхъ, и исполнилъ кровавую клятву. Казнь его не вознаградила потери, ни чѣмъ незамѣнимой. Мену, нѣкогда оробѣвшій передъ буйнымъ собраніемъ демагоговъ Парижскихъ (13-го вандемьера), получилъ по старшинству начальство, но не умѣлъ ни пріобрѣсть уваженія жителей, ни поддержать повиновенія солдатъ, ни приготовиться къ защитѣ. Онъ могъ не допустить высадки, собравши сильные отряды на берегахъ Средиземнаго моря, но разбросалъ свои войска, слыша, что нападеніе произведено будетъ съ трехъ сторонъ, ибо, кромѣ флота адмирала Кейта, изъ Сиріи шло войско Визиря, и къ берегу Чермнаго моря, въ Коссеирѣ, пристали Англійскіе полки изъ Индіи. Аберкромби вышелъ на берегъ у Александріи; храбрость 2000 Французовъ уступила числу, послѣ жестокой битвы, гдѣ палъ Аберкромби. Поздно явился Мену, затворился въ крѣпости и началъ переговоры. Другъ Клебера, Муратъ-бей недолго пережилъ его: онъ умеръ отъ чумы. Нѣсколько небольшихъ удачныхъ битвъ не помогли спасенію Каира и Абукира, и толь-

ко способствовали тому, что Англичане, прекращая безполезное кровопролитіе, согласились на капитуляцію, по которой обязались безусловно перевезть во Францію всѣ остальныя Французскія войска. Мену утвердилъ договоръ Сентября 2-го, и надежды Наполеона удержать за собою Египетъ при заключеніи мира, исчезли. Новое завоеваніе Нильскихъ береговъ было невозможно.

Наполеонъ не ошибался, думая, что кончина императора Павла измѣнитъ политику Европы. Первымъ дѣломъ Наполеона было стараніе пріобрѣсть дружбу наслѣдника его, императора Александра. Онъ отправилъ въ Петербургъ брата своего, Людовика, и при немъ Дюрока. Паспорты присланы были изъ Петербурга въ Берлинъ только Дюроку, и по пріѣздѣ въ Петербургъ посланный Наполеона увидѣлъ холодную учтивость юнаго Императора. Актриса Шевалье и гжа Боннёйль, бывшія тайными шпіонами Талейрана въ Россіи, высланы. Дюроку замѣтили, что подобные поступки неприличны Французскому министру. Слѣдствіемъ такихъ отношеній Россіи было прежде всего перемиріе Даніи съ Англіею (Апрѣля 9-го), и выходъ Датчанъ изъ Гамбурга и Любека. Апрѣля 20-го, Россійскій посолъ въ Копенгагенѣ, Лизаневичь, извѣстилъ Нельсона о мирныхъ расположеніяхъ Россійскаго Императора и снятіи амбарго съ Англійскихъ кораблей. Тоже сказалъ ему Шведскій коммендантъ Карлскроны, когда Нельсонъ потребовалъ отвѣта Швеціи о войнѣ или мирѣ. Для возстановленія въ Евро-

нѣ мира императоръ Александръ сдѣлалъ важныя пожертвованія. Таковы были: уничтоженіе морскаго неутралитета и непринятіе званія гросмейстера Мальтійскихъ рыцарей, и слѣдовательно, отказъ отъ требованія Мальты. Іюня 17-го подписана была конвенція въ Петербургѣ между Россіею, Англіею, Даніею и Швеціею, по коей уничтоженъ военный морской неутралитетъ. Англичанамъ предоставлено право осмотра всѣхъ неутральныхъ судовъ, и Англійская торговля дозволена во всѣхъ трехъ Сѣверныхъ государствахъ.

Когда столь великія уступки учинены были Россіею Англіи, противное оказывалось въ отношеніяхъ императора Александра къ Наполеону. Колычевъ подалъ Талейрану ноту, требуя немедленнаго выхода Французскихъ войскъ изъ Неаполитанскаго королевства, признанія независимой власти Папы надъ Римомъ и возвращенія Піемонта Сардиніи. Отвѣта требовали немедленнаго и положительнаго, угрожая разрывомъ сношеній. Радостное движеніе сдѣлалось замѣтно при Вѣнскомъ Дворѣ. Англія горделиво указывала на завоеваніе Египта и разрушеніе Сѣвернаго союза.

Оставалось вызывать на себя бурю всеобщаго союза Европы, или отказаться отъ обширныхъ плановъ униженія Англіи и согласиться на миръ. Наполеонъ разсчитывалъ силы свои, и видѣлъ, что внутреннее состояніе Франціи не позволяло ему отважиться на борьбу, когда начало новой войны могло

подать поводъ къ обвиненію его въ безполезномъ честолюбіи. Онъ могъ надѣяться честнаго мира, проникая, что только мира хотятъ Англія и Россія. Довольно пріобрѣтала Франція въ настоящемъ положеніи. Будущее могло довершить остальное, еслибы даже противники его мирились только для укрѣпленія себя на новую борьбу.

Онъ рѣшился на миръ, но принимая грозный видъ увѣренности въ силахъ купить его новыми побѣдами.

Кончина Герцога Пармскаго привела въ исполненіе договоръ съ Испаніею о Тосканѣ. Августа 4-го, наслѣдникъ Пармскій, принцъ Людовикъ передалъ Парму Цизальпинской республикѣ, и былъ объявленъ *королемъ Этрурскимъ*, ибо Тоскана принимала сіе древнее названіе съ титуломъ королевства. Войска Французскія не оставляли Неаполя, но Мюратъ прибылъ въ Римъ, привѣтствуя Папу Пія VII-го, изъявляя ему почтительное вниманіе, и объявляя ручательство Наполеона за независимость его владычества въ тогдашнихъ предѣлахъ Папскихъ областей. Анкона оставалась однакожь въ рукахъ Французовъ. Наполеонъ не утверждалъ также мира съ Португаліею, оставляя предлогъ къ войнѣ. Вмѣсто отдачи Сардиніи, Піемонтъ объявленъ областью подъ особеннымъ военнымъ управленіемъ Франціи. Новая мысль явилась у Наполеона, когда онъ рѣшился оставить арміи Французскія въ военномъ положеніи: велѣно было собираться войскамъ къ Булонской гавани и за-

нимать берега Ламаншскаго пролива. Великолѣпными извѣщеніями объявлялъ Наполеонъ о намѣреніи своемъ сдѣлать высадку въ Англію. Поспѣшно начали строить въ Булони перевозныя суда и канонерскія лодки, и *сто пятдесятъ тысячь* войска, расположившагося по сѣвернымъ берегамъ Франціи лагерями, подтверждали угрозы Наполеона. Уже такъ привыкли къ необыкновеннымъ предпріятіямъ его, что мнимая высадка произвела въ Англіи всеобщій страхъ и ропотъ народа, требовавшаго мира, не смотря на преимущества, пріобрѣтенныя политикою Аддингтона въ послѣднее время. Войсками покрылись Англійскіе берега; велѣно было набирать милицію; эскадра адмирала Корнваллиса стала у Бреста, Диксона у Текселя, и Нельсонъ вызвался на отважное предпріятіе сжечь Французскія суда, находившіяся въ Булонскомъ портѣ. Отвага, доставившая ему побѣды при Абукирѣ и Копенгагенѣ, не помогла, когда Наполеонъ сталъ на борьбу съ нимъ. Нельсона ждали, встрѣтили пальбою, не боялись его безполезнаго бомбардированія. Августа 13-го, ночью, онъ явился съ брандерами и мѣлкими судами. Французскія пушки отбили нападеніе, и храбрая защита заставила Нельсона поспѣшно удалиться. Въ Англіи ожидало его негодованіе; приписали даже ему въ вину безполезную трату судовъ и людей, въ предпріятіи безразсудномъ и несбыточномъ.

Настойчивость Наполеона, и положеніе, въ какое поставилъ онъ себя, принудили Англію согласиться

на миръ. Рѣшеніе еще болѣе укрѣпилось дѣйствіями императора Александра.

Государь достопамятный, коему провидѣніе опредѣляло уничтожить величіе Наполеона черезъ десять лѣтъ борьбы, въ юныхъ лѣтахъ принявшій престолъ родительскій, окруженный надеждами народа, воспитанникъ мудрой бабки его, императрицы Екатерины, удивляясь генію Наполеона, Александръ вѣрилъ его желанію общаго блага, хотѣлъ начать свое царствованіе требованіемъ всеобщаго мира, и уступивъ столь многое Англіи, готовъ былъ на уступки Франціи, если только онѣ не будутъ предосудительны государственному достоинству Россіи. Онъ видѣлъ невозможность возстановленія Бурбоновъ и учрежденія прежняго порядка дѣлъ во Франціи и въ Европѣ, и вѣрилъ надеждамъ на успѣхи ума человѣческаго и Европейской общественности въ новыхъ отношеніяхъ государствъ и народовъ, какія породили событія минувшихъ двѣнадцати лѣтъ.

Отвѣтъ Наполеона на требованія императора Александра былъ твердый и основательный. Удаляя всякое честолюбіе, онъ говорилъ объ искреннемъ желаніи мира, указывая на морское владычество Англичанъ, и необходимость возстановить равновѣсіе государствъ въ Европѣ и прекратить деспотизмъ Британіи. При такихъ высшихъ взглядахъ его на политику Европы, мѣлкія несогласія были ничтожны. Если не Піемонтъ, то Генуя, или Парма, могли вознаградить Сардинію, а занятіе Тарента и Анконы

было необходимо для уничтоженія власти Англичанъ въ Италіи.

Объясненія Наполеона повели къ сближенію съ императоромъ Александромъ. Вмѣсто Колычева, въ Парижъ присланъ былъ посломъ графъ Марковъ, съ полномочіями, и сношенія съ нимъ скоро довели къ миру. Уже съ Апрѣля тянулись переговоры Отто съ Англійскими министрами, и несогласія касались небольшихъ уступокъ, за которыя спорилъ Наполеонъ, поддерживая государственное достоинство Французской республики. Онъ договаривался за Голландію и Испанію; Англія говорила за Португалію и Турцію. *Сардинія* и *Мальта, Египетъ* и *Неаполь* долго мѣшали согласію; о *Бурбонахъ* не упоминали. Ничего не говорили ни о *Бельгіи,* ни объ *Италіи,* ни о *границахъ Франціи по Рейнѣ,* и Октября 1-го Отто и Гавкесбури подписали прелиминарныя статьи мира. Черезъ сутки загремѣли пушки въ Парижѣ, и слова: *миръ съ Англіею,* произвели всеобщую радость. Не менѣе былъ восторгъ въ Англіи. Коляску Лористона, который привезъ ратификацію Наполеонову, народъ везъ на себѣ почти безпрерывно отъ Дувра до Лондона, при радостныхъ восклицаніяхъ: «Ура Бонапарте! Да здравствуетъ Бонапарте! Bonaparte for ever!» Еще болѣе обрадовались въ Парижѣ, когда узнали условія мира: Англія утвердила всѣ пріобрѣтенія Франціи въ Европѣ, кромѣ Іоническихъ острововъ, которые оставались республикою подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, и воз-

вращала всѣ колоніи въ Азіи и Америкѣ, принадлежавшія Франціи и ея союзникамъ, кромѣ *Цейлана* и *острова св. Троицы.* Французы очищали Неаполитанское королевство, Англичане Мальту, Минорку и Эльбу. Мальта возвращалась Мальтійскимъ рыцарямъ, Минорка Испаніи, Эльба Тосканѣ, или Этруріи. Франція возвращала Портѣ Египетъ.

Такимъ образомъ десятилѣтняя война, въ продолженіе коей однихъ субсидій заплатила Англія своимъ союзникамъ до *двѣнадцати милльоновъ, шести сотъ тысячь* фунт. стерлинг. (300 милльоновъ франковъ), и увеличила государственный долгъ до 160 милльоновъ фунт. стерлинг., кончилась торжествомъ Франціи и передачею Англіи *двухъ острововъ* въ Азіи и Америкѣ.

Рядъ мирныхъ договоровъ предшествовалъ договору съ Англіею и слѣдовалъ за нимъ. Сентября 29-го подписанъ миръ съ Португаліею, коимъ Франція пріобрѣла Португальскую часть Гвіаны. Октября 4-го Марковъ и Азара подписали миръ между Россіею и Испаніею. Октября 9-го, Турецкій посолъ, Эссейдъ-Али-Эффенди, и Талейранъ заключили миръ между Франціею и Турціею. Здѣсь условій было немного — возстановлялась прежняя дружба, и Франція отказывалась отъ Египта. Тѣмъ важнѣе былъ трактатъ Россіи съ Франціею, Октября 8-го. Публичнымъ договоромъ возстановлялись только взаимныя сношенія и дружба, но *тайныя статьи* (сон-

vention secrète) заключали въ себѣ истинную сущность взаимныхъ отношеній Франціи и Россіи, опредѣляя характеръ Наполеона и Александра, и будущую политику ихъ. Кромѣ посредничества Россіи въ мирѣ Франціи съ Оттоманскою Портою и Папою, очищенія Неаполитанскаго королевства, когда *Англичане очистятъ Мальту и Египетъ*, вознагражденій Баваріи, Виртембергу и Бадену, и утвержденія республики Семи острововъ, было опредѣлено, что «Первый Консулъ и Императоръ Россійскій *зай-«мутся дружески и постепенно пользами Короля «Сардинскаго, и соблюдутъ въ семъ случаѣ всѣ «отношенія, сообразныя съ настоящимъ порядкомъ «дѣлъ* (et y auront tous les egards compatibles avec l'état actuel des choses).» Темный и неопредѣленный смыслъ сей статьи не былъ поясненъ и двумя другими статьями: 1, «оба кабинета обязуются «образовать совершенное согласіе *для приведенія «всѣхъ сторонъ къ утвержденію плановъ своихъ,* «которые *будутъ составлены на неизмѣняемомъ «основаніи поддержки справедливаго равновѣсія ме-«жду Австріею и Пруссіею;* 2, немедленно послѣ «подписанія сего трактата, обѣ договаривающіяся «стороны займутся *средствами упрочить всеобщій «миръ, на основаніяхъ, имѣющихъ цѣлью возстано-«вить справедливое равновѣсіе въ различныхъ ча-«стяхъ свѣта и обезпечить свободу морей,* обѣщая «дѣйствовать согласно во всѣхъ мѣрахъ убѣжденія «или силы, условленныхъ между ними для блага че-

«ловѣчества, всеобщаго спокойствія и независимости «государствъ.»

Замѣтимъ здѣсь тѣ великодушныя чувства, коими одушевлялся императоръ Александръ, стараясь внушить ихъ также Наполеону. Умѣлъ ли понять, умѣлъ ли оцѣнить ихъ Наполеонъ, увидимъ далѣе, и скажемъ здѣсь только то, что въ трактатѣ Россіи съ Франціею 1801 года заключалась тайна всей политики императора Александра, неизмѣнной имъ до конца жизни, и слѣдственно, здѣсь тайна великихъ событій политическихъ съ 1802 до 1812 года.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Парижъ заслуженный Англійскій адмиралъ Корнваллисъ, назначенный министромъ Англіи для окончательныхъ мирныхъ переговоровъ. Свита его была великолѣпна. Не менѣе великолѣпія показано было въ пріемѣ его Наполеономъ. Мѣсто конгресса назначено въ Аміенѣ; министромъ Франціи назначенъ Іосифъ Бонапарте, министромъ Испаніи Азара, Батавской республики Шиммельпеннингъ.

Окончательному миру не воспрепятствовало новое важное событіе, можетъ быть, потому, что его ожидали, и что оно облекало только внѣшними формами давно исполнившееся на дѣлѣ: Наполеонъ, оставаясь консуломъ Франціи, былъ объявленъ *президентомъ Цизальпинской республики*, перемѣнившей свое имя на *Итальянскую*. Дѣло было приготовлено издалека, и въ Ноябрѣ собралась въ Ліонѣ *консульта*, или депутаты республики изъ всѣхъ званій. Имъ пред-

ложена была новая конституція, по которой власть, вмѣсто директоровъ, передавалась *одному президенту*, умѣряемая тремя коллегіями, помѣщиковъ, торговцовъ и ученыхъ. Талейранъ и Шампаньи руководили совѣщаніями, которыя кончились выборомъ Наполеона въ Президенты Итальянской республики, хотя симъ выборомъ Итальянская республика не соединялась съ Франціею, и оставалась независимымъ отъ Франціи государствомъ. Появленіе Наполеона въ Ліонской консультѣ было торжественно. Онъ принялъ предложенное ему высшее званіе, и утвердилъ вице-президентомъ республики, въ свое отсутствіе, богатаго помѣщика Ломбардскаго, гранда Испаніи, графа Мельци д'Эрили, уважаемаго всѣми за благородный характеръ и безкорыстную любовь отечества. Пруссія видѣла утвержденіе власти Наполеоновой въ Италіи даже съ удовольствіемъ, ибо тѣмъ полагалась тамъ преграда преобладанію Австріи. Императоръ Францъ не возражалъ. Императоръ Александръ, особенно благосклонно принявшій Коленкура, присланнаго Наполеономъ въ Петербургъ, просилъ его передать Наполеону искреннія поздравленія съ новымъ титуломъ его.

Марта 27-го, 1802 года, подписанъ былъ наконецъ *Аміенскій трактатъ*. Января 25-го заключенъ окончательный трактатъ Франціи съ Портою Оттоманскою, коимъ Султанъ утвердилъ свободу Французской торговли на Черномъ морѣ, и какъ будто совершенной тишинѣ надлежало наступить передъ

бурею, тѣмъ болѣе грозною, въ Декабрѣ 1801 года былъ заключенъ миръ Франціи съ Алжиромъ, и въ Февралѣ 1802 году съ Тунисомъ. Варварійскіе владѣльцы обязались чтить неприкосновенность трехъцвѣтнаго флага Франціи, могущей волею Наполеона.

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ВОЙНА СЪ АНГЛІЕЮ. НАПОЛЕОНЪ ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ. 1802—1805 ГГ.

Le coup d'État est consommé..... L'entreprise est de celles qui offrent à l'homme, capable de les tenter, trois chances séduisantes ou terribles : la couronne civique, le trône ou l'échafaud.... Toutes trois, en quelque sorte, se réaliseront tour à tour. La couronne civique va d'abord ceindre son front républicain. Un trone s'élèvera pour lui, dont la splendeur éclipsera tous les trones. Que sera le rocher de Sainte-Hélène, sinon l'échafaud de la gloire et du génie?....

Биньонъ.

Миръ былъ завоеванъ. Начатое при Маренго, подтверждено при Гогенлинденѣ и окончено упорною волею Наполеона. Война, десять лѣтъ опустошавшая Европу, прекратилась; горящая бездна революціи погасла; къ лавровому вѣнку великаго полководца Наполеонъ прибавилъ гражданскій вѣнокъ спасителя отечества, и къ славѣ побѣдителя честь примирителя Европы. Свѣтла и ярка была въ то время звѣзда Наполеона, и прекрасна казалась будущность его. Никогда прежде, и *никогда потомъ*, Наполеонъ не былъ такъ великъ, какъ по заключеніи Амiенскаго мира. Вѣкъ сталъ за него, и онъ былъ впереди вѣка. Прежде могли видѣть въ немъ полко-

водца, героя, любимца счастія — теперь являлся онъ обновителемъ великаго государства, основателемъ новаго порядка дѣлъ, съ чистою славою воина и честью мудраго законодателя. Неподкупнымъ восторгомъ, безкорыстною любовью окружили Наполеона Французы. Возбудившій удивленіе Европейцовъ, какъ герой, онъ снискалъ благоговѣніе ихъ, какъ человѣкъ, превышавшій другихъ величіемъ подвиговъ, чуждый личной корысти. Европа видѣла въ немъ втораго Вашингтона, человѣка древнихъ временъ, заживо историческаго героя Плутархова.

И можно ли было думать иначе, соображая чудный жребій Наполеона? Какого Цезаря судьба могла сравниться съ его судьбою? Не отличенный ли только Провидѣніемъ изъ среды другихъ могъ, изъ ничтожнаго поручика, стать при первомъ шагѣ рѣшителемъ судьбы царствъ, волшебствомъ генія пронести знамена свои до столицы Императорской, и возвратя славу отчизнѣ, отвергнуть всякое своекорыстіе, искать новыхъ опасностей въ стѣнахъ Египта и Сиріи, при первомъ слухѣ о новой опасности отечества явиться среди знакомыхъ ему дружинъ, при первомъ появленіи разрушить ничтожныхъ правителей Франціи, взять себѣ власть, снова возстановить мечемъ безопасность и славу отчизны, не бояться союза всей Европы, политикою докончить начатое войною, и умирить Европу, поставя Францію на такую чреду величія, какой не достигала она никогда, даже въ пресловутыя времена Людовика XIV-го, обно-

влешая, съ свѣжими силами, далеко распространившая свои предѣлы, стрегомая сильнымъ ополченіемъ, хранимая умомъ Наполеона.

Послѣ Аміенскаго мира, какъ будто стараясь забыть минувшіе ужасы, Франція являлась увлеченною весельемъ, роскошью, любовью искуствъ, возобновила власть своего языка, своихъ модъ, своихъ мнѣній надъ Европою. Торговая дѣятельность ожила всюду; сотни кораблей входили въ порты и выходили изъ нихъ во всѣ страны свѣта; милліоны оборачивались на биржахъ; тысячи иностранцовъ являлись въ Парижъ, казавшійся первымъ городомъ въ Европѣ. Здѣсь были драгоцѣнныя произведенія художествъ, трофеи побѣдъ Наполеона; здѣсь кружились путешественники въ вихрѣ упоительныхъ наслажденій; здѣсь видѣли, наконецъ, *Бонапарте*, съ его блестящимъ Дворомъ, въ сѣромъ сюртукѣ республиканца, окруженнаго послами Государей, товарищами битвъ его, горделивымъ войскомъ, толпами восторженнаго народа. На парады и разводы Наполеона шли, какъ на великое зрѣлище. При Дворѣ его явились знатные иностранцы: Принцъ Саксенъ-Веймарскій, Князь Кастель-Франко, Князь Боргезе, Князь Сальмъ; аристократы Англичане — Голландъ, Эрскинъ, Гордонъ, Дорсетъ, Спенсеръ; богачи и вельможи Русскіе — Толстой, Долгорукій, Куракинъ, Голицынъ, Демидовъ; явился Фоксъ, противникъ Питта, и былъ очарованъ умомъ Наполеона; явился и одинъ изъ Европейскихъ Государей — юный *Ко-*

роль Этрурскій, созданный Наполеономъ; онъ ѣхалъ въ Тоскану черезъ Парижъ, и вмѣшался въ число людей, окружавшихъ Перваго Консула Франціи. Онъ видѣлъ здѣсь блестящій дипломатическій корпусъ, гдѣ отличались послы, Англійскій Витвортъ, Австрійскій Кобенцель, Прусскій Луккезини, Неаполитанскій Галло, Баварскій Четто, Испанскій Азара, Россійскій Марковъ, Португальскій Суза, и среди министровъ Соединенныхъ Штатовъ, Саксоніи, Швеціи, Даніи, Бадена, Гессена, были послы Турецкій и Персидскій, ибо имя Наполеона уже достигло тогда до Испагани и вызвало ему почтеніе шаха.

И среди блеска и мира, какъ при громахъ и тревогахъ войны, неутомимую дѣятельность показывалъ Наполеонъ въ государственныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ и законодательствѣ, какъ будто только сіи одни предметы занимали все его вниманіе. Финансы, правосудіе, администрація, законы, управленіе торговлею, улучшеніе сообщеній, устройство войска занимали у него цѣлые дни. Безпрерывно засѣдая въ своемъ Государственномъ Совѣтѣ, занимаясь съ министрами и секретарями, управляя внѣшнею политикою, присутствуя ежедневно на смотрахъ и разводахъ, нерѣдко по сту писемъ въ день диктовалъ и писалъ Наполеонъ, являясь на мгновеніе на пиры, увеселенія, и среди парадныхъ обѣдовъ и придворныхъ представленій заводя разговоры о важныхъ предметахъ науки или политики, такъ, что они были продолженіемъ кабинетныхъ работъ его.

Строгую систему порядка вводилъ онъ повсюду. Отличіемъ всѣхъ дѣйствій его было знаменіе силы и величія. Творить на вѣка — было какъ будто его правиломъ. Такъ онъ пробивалъ черезъ горы Симплонскую дорогу, учреждалъ портъ въ Антверпенѣ, рылъ огромные каналы, сочинялъ Уложеніе — предпріятія, требовавшія жизни человѣческой, и оканчиваемыя въ нѣсколько лѣтъ его дѣятельностью. Не терпя формъ, онъ вездѣ хотѣлъ дѣла, не терпѣлъ словъ, искалъ мысли. «Господа! разсужденія прежнія намъ не примѣръ,» сказалъ онъ, когда разсуждали объ Уложеніи — «тамъ толковали ученые юристы — будемъ говорить, какъ умные законодатели. Болтовню въ сторону. Искренность въ дѣлѣ: могу ошибаться, но убѣждайте меня не условіемъ буквы, а практическимъ умомъ.»

Трудно исчислить все, на что обращалось его вниманіе, тѣмъ болѣе, что полагая тогда всему основаніе, все начатое распространялъ и развивалъ онъ въ послѣдствіи безпрерывно. Главнымъ основаніемъ его были правила: сосредоточеніе власти, положительная польза, строгій порядокъ и вѣрный отчетъ. Увѣренность въ пользѣ чего нибудь заставляла его презирать всѣ препятствія, и всемогущее: *что скажутъ* (Qu' en dira-t-on?), бывшее страшилищемъ прежняго правительства, прежней политики, для него не существовало. «Что мнѣ до мнѣнія вашихъ салоновъ и болтливыхъ бабъ: я дорожу мнѣніемъ только деревенскихъ толстяковъ, и если имъ хорошо, осталь-

ное вздоръ — риторическія фигуры!» говорилъ онъ. «Кто самъ будетъ министромъ, или правителемъ, тотъ увидитъ, что я правъ. Прежде нежели станете кричать противъ правительства, поставьте себя на его мѣсто, и тогда рѣшайте.»

Важнымъ учрежденіемъ его было новая областная администрація. Оставляя раздѣленіе Франціи на 98 департаментовъ (départements), онъ уменьшилъ число округовъ (arrondissements communaux) отъ 523-хъ до 398-ми. Въ каждый департаментъ опредѣлялся префектъ отъ правительства, имѣя два Совѣта и помощника. Вмѣсто 417 уголовныхъ судовъ и 98 гражданскихъ, въ каждомъ округѣ учрежденъ судъ первой инстанціи; надъ ними 29 аппелляціонныхъ судовъ, и въ каждомъ департаментѣ Судъ Уголовный. Всѣмъ высшимъ областнымъ мѣстамъ и префектамъ поставлялось въ обязанность ежегодно представлять о недостаткахъ учрежденій, необходимыхъ улучшеніяхъ и нуждахъ народа.

Наполеонъ строго пересмотрѣлъ всѣ государственные доходы, расходы, и образъ взиманія однихъ и отпуска другихъ. Въ 1801-мъ году доходы, безъ всякихъ новыхъ накладокъ, увеличились до 489 милльоновъ, но расходы превышали еще доходъ сотнею милльоновъ. Недостатокъ дополнили продажею казенныхъ имѣній. Въ 1802 году, при 500 милльонахъ дохода, недоставало уже только 20-ти. Наполеонъ отдѣлилъ министерство финансовъ отъ казначейства, говоря въ шутку, что они должны быть

врагами: одинъ давать меньше, другой требовать больше. Такъ раздѣлилъ онъ управленіе лѣсовъ, таможенъ и сбора податей съ лицъ и имѣній на особыя Дирекціи. Въ 1803 г. доходы состояли изъ 571 милльона, при строгомъ порядкѣ и увеличеніи предѣловъ Франціи. Они всѣ были получены сполна.

Въ 1802 г. начатъ былъ каналъ, соединяющій Шельду съ Соммою. Другіе каналы были: Арльскій, Эсъ-Мартскій, Санскій, соединяющій Сану съ Рейномъ, Маасомъ и Шельдою, и соединеніемъ Рансы и Виллени, служившій сообщеніемъ Ламаншскому проливу съ Океаномъ. Для доставленія воды въ Парижъ начатъ каналъ Уркскій, что дало средства обогатить Парижъ водою. Наполеонъ смѣялся надъ Версальскими и Марлійскими фонтанами, говоря, что ему надобна вода не для потѣхи, а для того, чтобы мыть и поить Парижъ. Въ то же время огромныя работы предприняты уравнять Парижскія площади, проложить улицы, устроить набережныя. Ветхое положено ломать и замѣнять новымъ.

Сенъ-Сирскій Пританей и новое училище въ Фонтенебло учреждены для образованія военныхъ людей; для навыка гражданскихъ чиновниковъ учреждены аудиторы при Государственномъ Совѣтѣ. Подъ глазами Наполеона занимались работами молодые люди, и за каждымъ наблюдалъ онъ самъ, говоря, что это его разсадникъ министровъ. Въ Компіенѣ открыта ремесленная школа, гдѣ принято 500 воспитанниковъ для обученія ремесламъ кузнецовъ, токарей, плотни-

ковъ, столяровъ, слесарей и тѣлежниковъ. Помышляя объ ученіи ремесленниковъ, Наполеонъ измѣнилъ и увеличилъ Институтъ, прежнюю Академію, высшее ученое сословіе, придалъ ему важность, и раздѣлилъ его на четыре отдѣленія. Съ одной стороны утвердилъ онъ учрежденіе выставокъ промышленности, дабы видѣть успѣхи и недостатки ея, награждалъ, поощрялъ ихъ, самъ посѣщая сіи «великія національныя ярмарки;» съ другой велѣлъ представить ему отчетъ обо всѣхъ успѣхахъ наукъ и искуствъ, о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ литтературы, читалъ его самъ съ избранными учеными людьми, поощрялъ успѣхи наградами, давалъ задачи о рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ наукъ. Гальванизмъ обращалъ его вниманіе; онъ предвидѣлъ въ немъ великія послѣдствія. Награда 60,000 франковъ назначена была за важнѣйшія открытія въ гальванизмѣ и электричествѣ. Въ то же время другія награды обѣщаны были за лучшій ткацкій станъ, за машину прясть и кардовать шерсть. Сколько говорили историки о томъ, какъ Людовикъ XIV-й пригласилъ однажды завтракать Мольера, и Карлъ V-й посѣтилъ Тиціана: у Наполеона, за завтракомъ его, лучшіе гости были Монжъ, Давидъ, Бертолле, Денонъ, Тальма — съ однимъ разрѣшалъ онъ математическій вопросъ, другому заказывалъ картину великой битвы, третьему давалъ задачу, четвертому приказывалъ не жалѣть денегъ на безсмертный памятникъ Египетскаго похода, *Описаніе Египта;* пятаго изумлялъ

урокамн въ мимическомъ искуствѣ. Онъ посѣщаетъ мастерскую Герена, и даетъ ему пенсію, когда простой ремесленникъ Жакардъ, съ станкомъ своимъ, является у него во дворцѣ, подробно объясняетъ ему станокъ свой, и получаетъ приказаніе быть директоромъ особенной мастерской, гдѣ самъ Наполеонъ будетъ надзирать за его работами. Всѣ великія воспоминанія оживляетъ онъ въ народѣ: въ ратушу Дюнкирхена посылаетъ статую Жанъ-Барта; въ Орлеанѣ велитъ возобновить праздникъ въ память Орлеанской Дѣвы, Іоанны д'Аркъ. Воздвигая статуи героямъ, онъ ставитъ ихъ и въ честь Биша и Дюсо, знаменитыхъ заслугами хирургіи и медицинѣ.

Важнѣйшее попеченіе его обращалось на собраніе законовъ и устройство Уложенія. Тма прежнихъ указовъ, приказовъ, уставовъ, исключеній, смѣсь всяческихъ правъ, замѣняется изданіемъ одного краткаго, яснаго, полнаго Уложенія. Наполеонъ хорошо знаетъ важность его. *Единственная, свободная, полезная и необходимая конституція есть хорошее Уложеніе законовъ* (la seule constitution libre, utile et nécessaire, c'est un bon Code civil), говорилъ онъ. Опытные юристы составляютъ Уложеніе, но Наполеонъ самъ читаетъ и разбираетъ съ ними каждую статью. Вопросы о правѣ владѣнія, объ отношеніяхъ семейныхъ, о всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ, увлекаютъ его въ обширныя изслѣдованія, ученые юридическіе споры, и рѣшенія его изумляютъ вѣрностью.

Среди другихъ попеченій забудетъ ли онъ товари-

щей своихъ, среди коихъ начались его слава, его государственное поприще? Всѣ части военнаго управленія, коммиссаріатъ, артиллерія, крѣпости, одежда, продовольствіе солдатъ, медицинская часть арміи, преобразуются. Онъ заботится о дряхлыхъ и увѣчныхъ воинахъ. Нѣсколько инвалидныхъ домовъ вновь устроивается во Франціи. Парижскій Инвалидный Домъ распространенъ. Важное учрежденіе составляютъ поселенія заслуженныхъ воиновъ (des camps pour la vétérance), гдѣ они живутъ съ своими семействами, готовые идти на службу по призыву отечества. Наполеонъ утвердилъ революціонную систему конскрипціи, ибо онъ хочетъ, чтобы Франція была государствомъ военнымъ, оставляя съ сею цѣлью и народную гвардію. Упрочивая судьбу защитниковъ отечества призрѣніемъ ихъ старости и увѣчья, онъ возвышаетъ духъ воиновъ указаніемъ на славу, на награды, на памятники, какими означаются ихъ побѣды и память каждаго частнаго подвига. Когда колонны, тріумфальныя ворота, имена мостовъ, площадей, улицъ будутъ напоминать о великихъ битвахъ, статуи, отличія, почести означатъ дѣла каждаго. Въ рядахъ воиновъ Наполеонъ замѣчаетъ безстрашнаго *Ла-Туръ д'Оверна.* Двадцати трехъ лѣтъ вступивши въ службу, почти сорокъ лѣтъ служилъ Овернъ, и всегда первый въ битвахъ, отказывался отъ чиновъ, оставался капитаномъ, хотя нерѣдко предводилъ нѣсколькими полками. Наполеонъ предложилъ ему генеральскій чинъ, и послѣ отказа, наименовалъ его *пер-*

вымъ гренадеромъ Франціи. Гордый симъ титуломъ, Овернъ купилъ честь его смертью въ Нейбургской битвѣ, 1800 года. Наполеонъ велѣлъ воздвигнуть памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ герой, и приказалъ считать его вѣчно въ службѣ; на полковой перекличкѣ приказано было вызывать Оверна, и громко отвѣчать каждый разъ: *Умеръ на полѣ чести* (Mort au champ d'honneur)! И сколько сердецъ билось благороднымъ соревнованіемъ при семъ кликѣ!

Но Наполеонъ зналъ сердце человѣческое. Такъ у него явилась мысль объ учрежденіи особеннаго знака отличія, который являлъ бы на груди каждаго заслугу его. Онъ рѣшился учредить *Почетный Легіонъ*, отличіе, состоящее изъ пяти-конечнаго знака, носимаго на красной лентѣ, и раздѣленнаго на степени. Имъ должно было награждать равно военныя подвиги и гражданскія заслуги. Мысль его встрѣтила сильное сопротивленіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Говорили о безполезности, ничтожествѣ такой награды, опасности, что ее почтутъ возвращеніемъ прежнихъ привиллегій и нарушеніемъ правъ равенства. «Но покажите мнѣ республику, гдѣ не было бы знаковъ отличія?» говорилъ Наполеонъ. «Это *гремушки*, скажете вы, и я согласенъ, но этими гремушками увлекаютъ сердца и умы. Не скажу такъ на трибунѣ, но для чего не говорить правды въ собраніи умныхъ и государственныхъ людей? Не вѣрю я въ любовь Французовъ къ ихъ liberté, égalité: десять лѣтъ не могли измѣнить ихъ общаго, человѣческаго

характера. Какъ Галлы, они горды и легкомысленны. У нихъ одно неизмѣнное чувство — честь. Надобно дать пищу этому чувству — надобны почести. Посмотрите, какъ народъ глазѣетъ на чужестранцовъ, украшенныхъ этими блестящими игрушками, и повѣрьте, что онъ радъ будетъ носить ихъ. Вольтеръ называлъ солдатъ *Александрами за пять су въ день* (Alexandres á cinq sous par jour), и онъ правъ былъ: солдаты точно таковы. Неужели вы думаете, что заставите ихъ драться вашею философіею? Никогда! Она годится ученому, въ его кабинетѣ. Солдату надобны слава, отличія, награды. Въ революцію дрались хорошо потому, что мужичье дѣлалось офицерами, а чтожь это такое? Такъ одерживалъ побѣды Людовикъ XIV-й. Назовите мое отличіе *орденомъ* — названіе ничего не значитъ. Надобны прочныя постановленія, а ихъ обѣщали и до сихъ поръ не дали. Такъ хорошо было въ революцію: тогда только ломали; теперь надобно строить. Есть правительство, есть власти, а остатокъ что такое? Груда песку.» — «Такъ дайте же отличіе только военнымъ, а на что Легіонъ гражданамъ? Развѣ вы не боитесь, что тогда воинскій духъ исчезнетъ въ преимуществѣ гражданскаго?» говорилъ генералъ Матьё Дюма, и съ нимъ согласились многіе члены Совѣта. Наполеоновъ отвѣтъ былъ продолжительный, и показалъ его превышающій взглядъ на предметы.

«Ваши идеи, генералъ,» говорилъ онъ, «могли годиться въ феодальное, рыцарское время, или при за-

воеванiи Галлiи Франками; народъ былъ тогда рабъ, властители его были свободные; онъ былъ ничто, они были все: они были военные. Тогда первое качество генерала была тѣлесная сила. Кловисъ, Карлъ Великiй были силачи — они каждый стоили цѣлаго батальона и заставляли себѣ повиноваться. Такова была тогда система военная. Рыцари дрались голова на голову, и сила съ ловкостью рѣшали побѣду. Но когда система военная измѣнилась, когда стройные корпуса, Македонскiя фаланги смѣнили толпы рыцарей, уже не частная сила, но взглядъ (le coup d'oeil) и наука стали рѣшать побѣду. Посмотрите на битвы Азинкурскую, Кресiйскую и Пуатьескую: Король Iоаннъ и его рыцари уничтожены Гасконскою фалангою. И вотъ почему ничто не могло устоять предъ Римскими легiонами. Измѣненiе военной системы должно было измѣнить и качества генерала. Короли уничтожили феодализмъ, избавляясь ига феодаловъ. Они освободили городскiя общины и составили войско изъ народа. Военный духъ распространился на всѣхъ, и не ослабѣлъ — напротивъ, усилился. Онъ уже не былъ исключенiемъ силы, но гражданскимъ качествомъ. Порохъ повелъ еще къ большимъ слѣдствiямъ. Что такое теперь сила генерала? Гражданскiя качества, взглядъ, разсчетъ, умъ, знанiе управлять, краснорѣчiе, не ученое, не юридическое, но то, какое пригодно въ битвѣ, и — знанiе людей. Чтожь все это? Гражданскiя свойства. Теперь для великихъ дѣлъ мало того, что генералъ будетъ ростомъ въ 5 фу-

товъ и 10 дюймовъ. Еслибы только это было надобно, всякій гренадеръ годился бы въ полководцы. Генералъ, предназначенный на великое, долженъ соединить въ себѣ гражданскія качества. Потому, что онъ умнѣе всѣхъ, солдатъ будетъ повиноваться ему, уважить его. Послушайте-ка солдата на бивакѣ: онъ гораздо болѣе уважаетъ генерала, который умѣетъ разсчитать, нежели того, который храбрѣе другихъ. Не то, чтобы солдатъ не уважалъ храбрости: генерала труса онъ станетъ презирать, но сила вездѣ уступаетъ гражданскимъ качествамъ. Штыкъ склоняется передъ священникомъ, который говоритъ во имя неба, передъ генераломъ, который противоположитъ ему знаніе. Не потому управляю я Франціею, что я генералъ, но потому, что народъ вѣритъ моимъ гражданскимъ качествамъ, почитаетъ меня способнымъ управлять имъ. Не будь у него такого мнѣнія — я не удержусь. Я очень зналъ, что дѣлаю, когда добивался званія члена Института, я зналъ, что тутъ меня пойметъ послѣдній барабанщикъ. По варварскимъ вѣкамъ не судите о нашемъ вѣкѣ. Насъ тридцать мильоновъ, соединенныхъ просвѣщеніемъ, правомъ собственности, торговлею — 300 или 400 тысячь солдатъ ничто передъ такою громадою. Когда генералъ властвуетъ гражданскими качествами, кончивши свое дѣло, онъ входитъ въ ряды гражданъ. Солдаты — дѣти гражданъ. Армія — народъ. Отдѣлите солдата отъ всѣхъ его гражданскихъ отношеній, онъ будетъ губительною, всепожирающею си-

лою, ибо только гражданинъ хочетъ общаго блага. Солдатъ просто требуетъ всего — гражданинъ подвергаетъ требованіе разсудку, праву, разуму. У нихъ разныя начала, и они оба ошибаются — заставьте ихъ сблизиться, заставьте ихъ совѣтоваться, и явится истина. Если спросите меня, я всегда отдамъ первое мѣсто гражданину. Раздавая разныя почести солдату и гражданину, вы раздѣлите ихъ, а они должны быть одно. Если раздавать отличія однимъ солдатамъ — еще хуже: тогда уничтожится нація » Почетный Легіонъ утвердили, и положено осуществить мысль Наполеона.

Среди всѣхъ другихъ дѣлъ Наполеона два особенно обратили вниманіе Европы: одно изъ нихъ была военная экспедиція въ Сенъ-Доминго. Здѣсь скрывался обширный планъ, касательно Французскихъ колоній. Мы говорили о возвращеніи Франціи Испаніею Луизіаны. Оставляя будущему жребій Французскихъ владѣній въ Индіи, Наполеонъ хотѣлъ немедленно учредить въ Луизіанѣ центръ соединенія власти Французовъ въ Америкѣ. Онъ думалъ взять еще Флориду у Испаніи, и посредствомъ Миссисипи наложить руку на Сѣверную Америку. Богатая Сенъ-Домингская колонія находилась тогда въ странномъ отношеніи къ Франціи. При началѣ революціи колонисты тамошніе начали междоусобную войну; одни стояли за королевскую власть, другіе за республику. Пользуясь раздоромъ ихъ, Негры невольники взбунтовались. Предводителемъ бунтовщиковъ былъ *Тус-*

сенъ, прозванный *Лувертюромъ* (долбило), старый невольникъ, природный Негръ. Онъ пріобрѣлъ необыкновенную власть надъ своими земляками, и хитрый, какъ рабъ, безчеловѣчный, какъ Африканскій варваръ, не лишенный храбрости и воинскихъ способностей, сдѣлался повелителемъ Сенъ-Доминга и полумилльона Негровъ. Провозгласивъ свободу и равенство, Туссенъ устроилъ войско, и управлялъ островомъ, какъ полновластный диктаторъ. Головы Французовъ были тогда объяты революціоннымъ угаромъ. Вмѣсто защиты бѣлыхъ жителей Сенъ-Доминго, революціонеры были въ восторгѣ, прославляли бунтъ Туссеня, какъ доказательство распространенія идей свободы даже въ отдаленныхъ странахъ свѣта, и Туссеня утвердили въ его званіи. Онъ получилъ чинъ генерала отъ правителей Франціи, и называя себя «Бонапарте черныхъ,» писалъ Наполеону, какъ равный равному: «*Первый* между черными *первому* между бѣлыми.» Такой порядокъ дѣлъ не могъ быть терпимъ, и по заключеніи мира съ Англіею была приготовлена экспедиція на Сенъ-Доминго. Она казалась необыкновенною: на 30 линейныхъ корабляхъ и 16 фрегатахъ, отправлялось 25,000 войска. Начальство надъ ними ввѣрено было храброму Леклерку, товарищу Италійскихъ походовъ Наполеона, и супругу сестры его Паулины. Она отправилась вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Тайная мысль Наполеона въ Сенъ-Домингской экспедиціи была та, что она должна была положить начало силѣ Французовъ въ Вестъ-Индіи,

и покореніе Сенъ-Доминго, при обладаніи Луизіаною, и занятіи обѣихъ колоній сильнымъ войскомъ, давало средства противоборствовать Англіи въ Америкѣ.

Другое необыкновенное дѣло былъ конкордатъ, заключенный съ Папою, и торжественное возстановленіе католической религіи во Франціи. Наполеонъ всегда былъ глубоко проникнутъ чувствомъ вѣры, и чуждый суевѣрія, никогда не былъ безбожникомъ. «Кто сотворилъ это?» говорилъ онъ указывая на небо — «не вѣрьте католицизму, но убѣдитесь въ бытіи Бога.» Еще болѣе чувствовалъ онъ необходимость религіи для народа. «Я не могу слышать безъ умиленія звона колоколовъ,» говорилъ онъ — «такова сила воспоминаній, а что долженъ ощущать народъ?» Наконецъ здѣсь являлась важная политическая мѣра. Никакіе ужасы революціи не могли истребить католическаго благочестія во Франціи. Франція оставалась католическою страною, не смотря на безуміе ея правителей. Зная вѣрную гибель, Французы тайно укрывали священниковъ, и сходились слушать священное служеніе, угрожаемые палачами. «Отнимите у насъ золотой крестъ,» говорили священники Робеспьерру — «мы возмемъ деревянный, и Франція послѣдуетъ за нами.» Вводя общественное благоустройство во Франціи, надлежало ввести и духовное управленіе, вмѣстѣ съ гражданскимъ. Тайная мысль о томъ руководила Наполеона, когда онъ старался показывать личное уваженіе Папѣ въ Италіи, когда позволилъ потомъ свободу вѣроисповѣданій, и приз-

павая Пія VII-го, возвратилъ ему владѣніе Римомъ. Введеніе католической религіи примиряло умы, укрѣпляло союзъ Франціи съ Папою, и притомъ Наполеонъ могъ потребовать за то уступки духовными всякой гражданской власти, подчиняя ихъ власти гражданской и оставляя имъ только судъ совѣсти. На такомъ основаніи заключенъ былъ конкордатъ съ Папою, 15-го Іюля, 1801 года. Католическая религія признавалась главною, первенствующею и неприкосновенною. Всѣ церковныя католическія постановленія и обряды возстановлялись. Церкви отданы были служенію католической религіи. Папа подтверждалъ за то отреченіе духовенства отъ имѣній, и замѣну ихъ жалованьемъ; согласился утверждать на мѣста только тѣхъ, кого изберетъ Наполеонъ, и лишалъ духовнаго званія всѣхъ, кто не возвратится во Францію и не покорится правительству, которое по своей волѣ учреждало число и пространство епархій и приходовъ. Кардиналъ Гонзалви, Папскій легатъ въ Парижѣ, подписалъ условія, Папа утвердилъ ихъ, и когда въ Римѣ торжественно отправляемо было благодареніе Богу за присоединеніе вновь Франціи къ паствѣ Римскаго первосвятителя, Августа 15-го въ Парижѣ и во всей Франціи торжественно отправлена была обѣдня. Наполеонъ, Дворъ его, генералы, и толпа народа присутствовали при богослуженіи въ Парижской церкви Богоматери (Notre-Dame), гдѣ, при пушечныхъ выстрѣлахъ, пѣты были Te Deum, и Domine salvos fac Rempublicam et Consules (*Тебе, Бога, хвалимъ*,

и *Господи! спаси Республику и Консуловъ*). Особенное министерство духовныхъ дѣлъ было учреждено, и Порталисъ, защитникъ католицизма, опредѣленъ министромъ. Наполеонъ не допустилъ возстановленія монашества. Онъ отвергъ даже предложеніе іезуитовъ, обѣщавшихъ подчиниться ему, и дѣйствовать по его указанію: «Такіе хитрые союзники слишкомъ опасны,» отвѣчалъ онъ. Велѣно было строго воспрещать всѣ духовныя сословія, еслибы они учреждались даже скрывая свою цѣль, не заводя монастырей и не нося монашескаго платья. Но Наполеонъ возстановилъ благодѣтельное общество *Сестеръ милосердія* и *Материнское Общество* (Soeurs de Charité, Société maternelle), препоручивъ начальство надъ ними своей матери и Жозефинѣ.

Догадывались о тайныхъ причинахъ Сенъ-Домингской экспедиціи, видѣли и въ конкордатѣ опору власти Наполеона, освященной согласіемъ Католической Церкви, и тѣмъ утвержденной среди другихъ властей. Но послѣ того еще важнѣе дѣлался вопросъ: что будетъ Франція, и что будетъ правитель ея, смѣнившій воинскій мечъ свой на жезлъ законодателя? Увидимъ, что къ такому вопросу являлись большіе поводы. Спрашивали: не ужели Франція могла остаться среди Европы въ новомъ ея положеніи? Не ужели и Бонапарте ограничится только мирными подвигами, и заснетъ на лаврахъ? Первое было невозможно, и второе также казалось невозможнымъ. Не вѣрили, чтобы дотолѣ тревожный геній его могъ увлечься въ

условія обыкновенныхъ событій, ждали, требовали выходящаго изъ предѣловъ обыкновеннаго. Онъ самъ увлекъ къ тому Францію и Европу, пріучилъ видѣть вмѣщаемыми въ немногіе годы событія прежнихъ столѣтій. Европа и Франція ждали и не ошибались въ ожиданіяхъ. Миръ только временно и ненадежно прикрылъ бездну страстей, кипѣвшихъ въ самомъ Наполеонѣ и окрестъ его. Самую власть свою онъ не могъ ни получить, ни удержать безъ борьбы свирѣпой и кровавой. Мы видѣли, какъ боролись съ нимъ остатки революціи и Европа. Не должно думать, что и послѣ 18-го брюмера Франція подчинялась ему безъ сопротивленія: не только умомъ, трудомъ, но даже охраненіемъ жизни своей отъ кинжала бѣшеныхъ убійцъ долженъ былъ защищать себя Наполеонъ. Здѣсь надобно исчислить частныя событія, оставленныя нами при описаніи послѣднихъ трехъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, когда верховная власть надъ Франціею была передана Наполеону. Сіи дополненія важны, ибо они раскрываютъ характеръ тогдашней эпохи. Надобно остановиться здѣсь и сообразить общность частныхъ событій и различныхъ отношеній, ибо здѣсь заключено было начало всего, что развилось потомъ въ жизни Наполеона и событіяхъ вѣка его, увлекло его, помрачило свѣтлую звѣзду его, ослѣпило его очарованіемъ одной всепожирающей страсти, сдѣлало неузнаваемымъ, и довело къ паденію, возведя на высочайшую степень власти и величія земнаго.

Если среди всѣхъ современниковъ исполински возвышался образъ Наполеона, прибавимъ, что разсматривая внимательно дѣла, и даже всѣ слова его, въ эпоху, которую описываемъ, мы не найдемъ въ нихъ никакого повода къ упреку въ своекорыстномъ разсчетѣ страстей: чиста, свѣтла, прекрасна была слава, которую искупалъ Наполеонъ битвами, трудами, жизнью. Не для себя искалъ онъ тогда власти: Франція, счастіе, величіе Франціи, святыя, великія идеи, таимыя Наполеономъ въ душѣ его, были цѣлью, для коей искалъ онъ славы и власти. Поставить Францію первымъ среди всѣхъ государствъ Европы, сдѣлать ее счастливою внутреннимъ устройствомъ, укрѣпить вѣрою, закономъ, наукою, оградить сильнымъ воинствомъ и побѣдою извнѣ — такова была единственная мысль Наполеона. Онъ казался превыше себялюбія, зависти, мщенія, хотѣлъ забыть все прошедшее, старался примирить его съ настоящимъ — прощалъ обиды, щадилъ виновныхъ, презиралъ ничтожныхъ, подавалъ руку достойнымъ. Но возможно ли было исполненіе намѣреній Наполеона? Грустно, но тяжелый опытъ Исторіи велитъ сказать — нѣтъ!

Невозможно по внутреннимъ отношеніямъ Франціи, гдѣ смѣшивались, и прежнія, вѣками утвержденныя понятія, и новыя идеи, сплавленныя съ ними событіями переворота, гдѣ самый примѣръ Наполеона возбуждалъ мечты честолюбія, властолюбія, своекорыстія. Когда онъ готовъ былъ примирять ихъ удовлетвореніемъ, поколику не вредили онѣ общему бла-

гу и великой цѣли его, если одни уступали ему, и преклонялись передъ нимъ, тѣмъ упорнѣе стали другіе и не соглашались ни на какія уступки: *все* или *ничего* — слѣдовала борьба на жизнь и смерть.

Прежде всего *республиканцы* — считая здѣсь бѣшеныя головы, все еще кружившіяся отъ безсмысленныхъ, но звучныхъ словъ: *свобода, равенство*, и тѣхъ, кто въ свободѣ и равенствѣ надѣялся достигнуть славы и чести, не покоряясь Бонапарте, какъ покорились ему Сіейсъ, Талейранъ, Бернадоттъ, Массена, Ожеро, Фуше, и тысячи другихъ дѣтей революціи. Противъ нихъ стояли *роялисты*: одни искренно преданные прежней династіи Бурбоновъ, званію королевскому и древнимъ уставамъ; другіе своекорыстные люди, искавшіе въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ своего личнаго разсчета, утраченной власти, потерянныхъ богатствъ, не покоряясь Бонапарте, какъ покорились Богарне, Сегюръ, Буфлёръ, Коленкуръ, Монтолонъ, Нарбоннъ, и другіе представители прежней аристократіи. Наконецъ, среди сихъ двухъ главныхъ крамолъ являлось нѣчто среднее — остатки республиканцовъ 1789 года, главою коихъ былъ легкомысленный Лафайэтъ, и мечтатели объ умѣренной республикѣ, куда особенно принадлежали юные «идеологи», какъ называлъ ихъ Наполеонъ, созидатели Утопій, теоретики, литтераторы — Шатобріаны, Бенжаменъ-Констаны, Дону, Женгене, и другіе друзья г-жи Сталь. Открытый бой съ Наполеономъ былъ невозможенъ ни одной

изъ партій: что сохранилось имъ отъ прежняго переворота, то уничтожилъ переворотъ 18-го брюмера; оставались тайная крамола, темная интрига, и — кровавая месть.

На нее рѣшились прежде всего отчаянные республиканцы, видѣвшіе идеалъ геройства въ Брутахъ и Кассіяхъ, убійцахъ Цезаря. Черакки, ваятель, капитанъ республиканскій, Іосифъ Арена, Корсиканецъ, братъ члена Совѣта Пяти сотъ, бѣжавшаго изъ Франціи, Таппно-Лебрюнъ, Демервиль, Діанъ, поклялись зарѣзать новаго Цезаря, и избрали мѣстомъ злодѣйства Оперу, гдѣ легко можно было поразить Наполеона въ толпѣ. Онъ узналъ о заговорѣ, спокойно явился въ Оперу, Октября 10-го, 1801 г., и заговорщики, собравшіеся по условію, были схвачены въ корридорахъ театра, преданы суду, осуждены и казнены. Едва прошло два мѣсяца, и новое отвратительное злодѣйство едва не погубило Наполеона. Думали, что и здѣсь дѣйствовали республиканцы, но ошиблись: здѣсь были убійцами защитники Бурбоновъ.

Мы говорили, что переворотъ 18-го брюмера, и поступки Наполеона съ роялистами заставили ихъ сначала думать, не возстановленіе ли власти королевской было тайною цѣлью его дѣйствій? Благосклонность его къ Вандейцамъ и эмигрантамъ, уваженіе, оказанное памяти Людовика XVI-го и Пія VI-го, милости духовенству, возстановленіе католицизма, все увѣрило ихъ въ сей мысли, такъ, что

Людовикъ XVIII-й рѣшился даже войдти съ нимъ въ прямыя сношенія. Черезъ консула Лебрюна Наполеонъ получилъ собственноручное письмо Людовика XVIII-го, отъ 20 Февраля 1800 г., изъ Митавы.

«Каково ни было бы внѣшнее поведеніе ихъ, люди, такіе, какъ вы, М. Г.,» писалъ Людовикъ XVIII-й, «никогда не внушатъ опасеній. Вы приняли на себя высшее званіе, и я не виню васъ. Лучше всякаго другаго понимаете вы, сколько надобно силы и могущества, дабы сдѣлать счастливымъ великій народъ. Спасите Францію отъ бѣдственнаго волненія, и вы исполните первый обѣтъ моего сердца. Возвратите ей короля, и грядущія поколѣнія благословятъ вашу память. Вы всегда будете столь необходимы государству, что никогда, никакими важнѣйшими мѣстами не въ состояніи я буду заплатить вамъ долгъ за предковъ моихъ и за меня.»

Наполеонъ не отвѣчалъ. И что̀ могъ онъ отвѣчать? Возвращеніе власти Бурбоновъ казалось ему (и кому не казалось такъ?) невозможнымъ. Обвинимъ ли даже и оскорбленное честолюбіе его, какъ думали иные, что Людовикъ XVIII-й, вымаливая у него свою корону, торгуясь съ нимъ, называлъ его «*господинъ* Бонапарте?» Увѣряли, будто Наполеонъ оскорблялся, и когда ему заговорили объ условіяхъ и обѣщаніяхъ Людовика XVIII-го, онъ указалъ на слово: monsieur, и отвѣчалъ: «Посмотрите! А онъ еще не царствуетъ!» Прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Людовикъ XVIII-й писалъ снова:

«Давно должно быть вамъ извѣстно, *генералъ*, что вы пріобрѣли мое уваженіе. Если вы сомнѣваетесь въ томъ, умѣю ли я быть благодарнымъ, укажите сами себѣ мѣсто, и устройте жребій друзей вашихъ. Что касается до моихъ правилъ (mes principes), я Французъ; кроткій по характеру, буду такимъ и по убѣжденію ума.

«Нѣтъ! Побѣдитель при Лоди, Кастильоне, Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта, не предпочтетъ славѣ ничтожной извѣстности (une vaine célébrité)! Между тѣмъ вы теряете драгоцѣнное время. *Мы* можемъ упрочить славу Франціи — говорю: *мы*, ибо Бонапарте необходимъ мнѣ для того, и безъ *меня* онъ ничего сдѣлать не можетъ.

«Генералъ! Европа смотритъ на васъ, слава ожидаетъ васъ, а я нетерпѣливо хочу подарить миромъ *мой* народъ!»

Что, еслибы Наполеонъ согласился? Слава его могла ль быть выше той, какую пріобрѣлъ бы онъ? Исполнимо ли было предложеніе? Онъ могъ самъ себѣ назначить все, чего онъ хотѣлъ, все — кромѣ вѣнца королевскаго. Людовикъ XVIII-й предлагалъ ему мѣсто коннетабля, или намѣстника своего, и при разводѣ съ Жозефиною, руку одной изъ Европейскихъ принцессъ. И не ужели мощная рука Наполеона не могла возвести Людовика XVIII-го на престолъ, и поддержать его на престолѣ? И еслибы испыталъ онъ потомъ неблагодарность, не выше ли была бы участь его всѣхъ почестей?

Наполеонъ отвѣчалъ:

«Я получилъ, М. Г., ваше письмо. Благодарю васъ за все лестное, сказанное вами.

«Вы не должны желать возвращенія вашего во Францію: вамъ надобно будетъ вступить въ нее черезъ сто тысячь труповъ.

«Пожертвуйте вашими выгодами спокойствію и благоденствію Франціи. За то воздастъ вамъ Исторія.

«Сострадаю бѣдствіямъ вашего семейства, и съ удовольствіемъ узнаю, что вы окружены всемъ тѣмъ, что можетъ способствовать спокойствію вашего уединенія.»

Людовикъ XVIII-й все еще не терялъ надежды: Мирабо, Робеспьеръ, Баррасъ увлекались его предложеніями. Дюмурье, Пишегрю промѣняли на обѣщаніе почестей свою славу. Не ужели Бонапарте устоитъ отъ обольщеній, и невѣрнаго будущаго не отдастъ на вѣрное настоящее? Только трона не даютъ ему!

Въ слѣдствіе всепрощенія, бывшіе предводители Вандейцовъ, графъ Бурмонъ, маркизъ Отишанъ де-Шатильонъ, аббатъ Бернье, *апостолъ Вандеи* (l'apotre de la Vendée), явились къ Наполеону, были приняты ласково, говорили съ нимъ долго, обѣдали у него, и окончаніемъ бесѣдъ ихъ съ Наполеономъ было отреченіе Бурмона отъ партіи Бурбоновъ — мы увидимъ его ревностнымъ защитникомъ Наполеоновымъ (судьба готовила потомъ ему славу завоевате-

ля Алжира, и изгнанника за Бурбоновъ — странная участь!). Аббатъ Бернье также измѣнилъ своей партіи; онъ отправился уговаривать Вандею къ покорности Наполеону, и получилъ мѣсто епископа Орлеанскаго. Краснорѣчіе Наполеоново было непобѣдимо. Въ Парижъ присланъ еще посолъ, герцогиня де-Гишъ, очаровательница Парижскихъ салоновъ, совершенство ума и красоты. Она плѣнила Жозефину, сдѣлалась другомъ ея, вскружила головы всѣмъ окружавшимъ Наполеона. Но желѣзное сердце его устояло и противъ обольстительныхъ предложеній посланницы, и противъ волшебныхъ обольщеній красавицы — новой Армидѣ велѣно выѣхать изъ Парижа. Предсталъ *послѣдній* посолъ, свирѣпый, кровожадный *Жоржъ Кадудаль*, ужасъ республиканцовъ, сынъ Бретанскаго мѣльника, пожалованный въ генералъ-лейтенанты Людовикомъ XVIII-мъ за отчаянную, безчеловѣчную храбрость его. Едва за нѣсколько мѣсяцовъ положивъ оружіе, и не имѣя никакого ручательства за свою безопасность, Жоржъ пробрался въ Парижъ, и однажды утромъ пришелъ въ Тюльери. Съ изумленіемъ отступилъ отъ него дежурный адъютантъ, когда незнакомецъ, требовавшій аудіенціи у Наполеона, сказалъ свое имя: *Жоржъ Кадудаль.* Наполеонъ спокойно велѣлъ впустить его, и болѣе часа былъ у него живой, жаркій разговоръ съ Жоржемъ. Двери оставили отворенными. Могли разслушать слова Наполеона: «Вы не такъ смотрите на дѣло. Послѣ того, что было во Франціи, переходъ къ прежнему

невозможенъ!» Онъ проводилъ Жоржа изъ кабинета. «Могу ли надѣяться?» спросилъ значительно Жоржъ. «О!» отвѣчалъ Наполеонъ, «мы можемъ не соглашаться, но вы безопасны — оставайтесь во Франціи, идите, куда угодно!» Когда удалился Жоржъ, Наполеонъ спросилъ: для чего растворили двери въ кабинетъ его? — «Можно ли было оставить васъ съ такимъ человѣкомъ!» отвѣчалъ адъютантъ. «Какой вздоръ! Можно ли думать объ этомъ!» возразилъ Наполеонъ, задумался, и сказалъ, какъ будто про себя: «Онъ ошибается, но основанія убѣжденій его благородны — жаль, но онъ ошибается!»

Декабря 24-го, 1801 г., въ Оперѣ давали ораторію *Сотвореніе міра.* Блестящая публика собралась слушать геніяльное созданіе Гайдена. Наполеонъ дожидался Жозефины, дремалъ на софѣ, и рѣшился отправиться одинъ. Онъ сѣлъ въ свою карету съ Ланномъ и Дюрокомъ, велѣлъ ѣхать въ Оперу, и опять задремалъ дорогою. Кучеръ былъ не трезвъ, и гналъ лошадей. На поворотѣ въ улицу Сенъ-Никезскую стояла какая-то бочка; онъ едва не зацѣпилъ за нее каретою, и только что повернулъ въ боковую улицу, раздался страшный трескъ, земля дрогнула, стекла изъ оконъ, кирпичи изъ стѣнъ полетѣли, и послышались крики и вопли умирающихъ. Наполеонъ въ изумленіи спрашивалъ, что такое сдѣлалось, и только подъѣхавши къ Оперѣ узналъ причину: это была *адская машина* (la machine infernale). Черезъ нѣсколько мгновеній пріѣхала Жозефи-

на съ Гортензіею; въ ихъ каретѣ отъ взрыва разбило стекла и поранило Гортензію. Зрители увидѣли Наполеона, хладнокровно вошедшаго въ его ложу. Онъ сѣлъ спокойно. Страшный стукъ и трескъ были слышаны въ театрѣ; не знали, чему приписать ихъ, но черезъ нѣсколько минутъ начали шептаться, говорить объ опасности, угрожавшей Первому Консулу, и чувства зрителей не удержались — всѣ встали, обратились къ ложѣ Наполеона, и громкими кликами привѣтствовали его. Многіе плакали. Жозефина не удержала слезъ. Восторгъ зрителей умножился. Забывали объ ораторіи. Когда возвратился Наполеонъ въ Тюльери, толпою прибѣжали министры и генералы. На другой день множество депутацій и тысячи народа явились въ Тюльери, изъявляя чувства радости и преданности Наполеону. «Господа!» говорилъ онъ, «жизнь потеряетъ для меня всю цѣну, когда она не будетъ возбуждать вашего участія!» Всеобщій ужасъ и негодованіе возбудили подробности злодѣйства.

Пако-де-Ламоеланъ, адъютантъ Жоржа Кадудаля, Сенъ-Режанъ, эмигрантъ, Карбонъ, шуанъ, и еще нѣсколько роялистовъ, поклялись умертвить Наполеона, не щадя себя, не жалѣя никого. Долго обдумывали они вѣрныя средства къ исполненію замысла, и нашли ихъ въ устройствѣ адской машины: это была бочка, наполненная порохомъ, пулями, гранатами, обломками желѣза; положено было поставить ее по срединѣ улицы, гдѣ вечеромъ надлежало ѣхать На-

полеону, и зажечь, когда карета его приблизится. Взрывъ былъ ужасный, наполнилъ всю улицу, повредилъ ближніе домы, убилъ въ нихъ, и изъ числа шедшихъ и ѣхавшихъ въ то время по улицѣ, двадцать человѣкъ, изранилъ до пятидесяти. Еслибы кучеръ не гналъ лошадей, Наполеонову карету изломало бы въ дребезги; еслибы Жозефина не отстала на нѣсколько минутъ — она и дочь ея погибли бы. Наполеонъ предупредилъ взрывъ; Жозефина проѣхала, когда взрывъ уже послѣдовалъ.

И такъ, истощивъ силу оружія, политическую интригу, обольстительныя предложенія, враги Наполеона ожидали успѣха отъ убійства. Республиканцы и роялисты равно хотѣли жизни его, одни видя въ немъ врага свободы, другіе смотря на него, какъ на представителя ея — странное противорѣчіе! Обращаемся къ третьимъ противникамъ Наполеона: они не принимались за кинжалы, отвергали убійство, но орудіе ихъ было также опасно.

Открытую войну объявляли ему въ салонахъ Сенъ-Жерменскихъ, въ политическихъ журналахъ и брошюрахъ; сыпали на него эпиграммы; всѣ дѣла и слова его были пересужены, измѣнены, осмѣяны. Разсказывали, что экспедиція Сенъ-Домингская выдумана была Наполеономъ для того только, чтобы сбыть съ рукъ враговъ своихъ и республиканцовъ; говорили, что когда Наполеонъ хотѣлъ узнать мнѣніе своихъ генераловъ о возстановленіи религіи, одинъ отвѣчалъ ему, что «не узнаетъ прежняго Бонапарте

подъ личиною Тартюфа,» а другой, что «зрѣлище возстановленія религіи было красиво, но жаль милльона людей, которые перерѣзаны для того, что хотѣли уничтожить религію.» Противники Наполеона не ограничивались только словами: не составляя заговоровъ на жизнь его, они готовы были пользоваться каждымъ случаемъ борьбы.

Забывая о благѣ и славѣ отечества, они радовались, когда мнимая нерѣшительность Наполеона на войну въ 1800 году, казалось, угрожала ему погибелью, смѣялись надъ его резервною арміею, и надъ хвастливою поѣздкою въ Дижонъ, называли безуміемъ переходъ черезъ Сенъ-Бернардъ, и когда извѣстія о началѣ Маренгской битвы и потерѣ ея переданы были изъ арміи въ Парижъ, партія салонныхъ либераловъ взволновалась. Они собрались, и положили, что если извѣстіе подтвердится, объявить отечество въ опасности, низвергнуть власть Наполеона и его товарищей, избрать консулами Моро, Бернадотта, Карно, и измѣнить конституцію. Камбасересъ и Лебрюнъ знали о движеніи либераловъ и не смѣли ничего сказать; Фуше также зналъ, но не думалъ предупредить и хитрилъ, и заговоръ ободрялъ даже Люціанъ, изступленный республиканецъ. Побѣда Маренгская разрушила замыслъ, и можно было сказать, что при Маренго Наполеонъ завоевалъ не только Италію, но и Францію. Одною изъ причинъ его поспѣшнаго возвращенія въ Парижъ, и потомъ пребыванія безъ выѣзда въ Парижѣ, съ пору-

ченіемъ армій Моро и Брюну, были мятежныя движенія республиканцовъ, заговоръ Черакки, и злодѣйское покушеніе Сенъ-Режана. По возвращеніи изъ Италіи Наполеонъ не изъявлялъ гнѣва либераламъ и показывалъ будто ничего не замѣчаетъ. Только Карно былъ отставленъ отъ военнаго министерства, и Люціану велѣно ѣхать посломъ въ Мадритъ. Негодяй Фуше остался министромъ полиціи.

Ободренная уступчивостью Наполеона, либеральная оппозиція рѣшилась воевать съ нимъ въ засѣданіяхъ Трибуната. Нелѣпо, безтолково, но спорили обо всемъ. Финансовый бюджетъ встрѣтилъ 40 голосовъ противъ 45; законъ объ исключительныхъ уголовныхъ судахъ принятъ большинствомъ только 8 голосовъ. Когда представили проэктъ Уложенія, оппозиція начала опровергать его съ первой строки. Страшный шумъ подняли противъ учрежденія Почетнаго Легіона, какъ нарушенія равенства. Слова въ трактатѣ съ Россіею: «подданные обѣихъ державъ,» возбудили сильный крикъ. «Во Франціи нѣтъ подданныхъ (sujets); мы всѣ свободные граждане,» шумѣла оппозиція. Напрасно говорилъ Наполеонъ о нелѣпости такого сопротивленія. «Какому быть добру, если мы станемъ ссориться на каждомъ шагу? Развѣ Англійская оппозиція тоже самое? Тамъ она необходимость, здѣсь—глупость. Крикуны наши готовы всѣмъ пожертвовать красному словцу. Если правительство не обладаетъ общимъ мнѣніемъ, что оно такое? Ничто! Гдѣ нѣтъ патриціевъ, не можетъ быть и три-

буновъ. Въ Римѣ было иное дѣло, но и тамъ трибуны только портили. Законодательное Собраніе спорило съ Королемъ, потому что противъ него были дворяне и духовенство. Мы съ кѣмъ споримъ?»

Въ словахъ его была правда и неправда. Оппозиція очень хорошо видѣла, что только въ ней оставалась еще тѣнь республики. Увѣренная въ благихъ намѣреніяхъ Наполеона, оппозиція могла спросить: гдѣ ручательство за его благія намѣренія? Но оппозиція и республика были уже ошибкой въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ Франціи и Европы. Народъ и геній Наполеона стояли за него, и можно ли было не понимать, что безъ Наполеона Франція не могла существовать, что едва усмиренная внутри, она стояла извнѣ еще на краю бездны, держалась на острѣѣ меча Наполеонова, безъ него жертва безначалія и партій внутри, и вѣрная добыча непріятелей извнѣ. Тщетный былъ трудъ объяснять и доказывать сіи истины ослѣпленнымъ — надлежало образумить ихъ новыми сильными мѣрами, взять власть вполнѣ, оградить себя и отъ жужжанія партій и отъ кинжала заговорщиковъ—власть безъ условій, и отчетъ только своей совѣсти и своему генію. Сія мысль была немедленно приведена въ исполненіе.

Неосторожнымъ поступкомъ повредилъ тогда себѣ Наполеонъ. Думая вѣрнѣе прекратить борьбу роялистовъ, онъ вздумалъ уничтожить причину ихъ притязаній. Людовикъ XVIII-й требовалъ у него королевства: онъ потребуетъ у него отказа отъ правъ

его на королевство. Людовикъ XVIII-й жилъ тогда въ Варшавѣ, подъ именемъ графа Лилля; Герцогъ Ангулемскій былъ съ нимъ, называясь графомъ Мейльери, ибо послѣ отъѣзда ихъ изъ Россіи, имъ нигдѣ не позволяли оставаться подъ прежними, принятыми ими титулами. Графъ д'Артуа, и сынъ его, Герцогъ Беррійскій, Герцогъ Орлеанскій Людовикъ Филиппъ, Принцъ Конде и старшій сынъ его, Герцогъ Бурбонъ, жили въ Англіи; младшій сынъ, Герцогъ Ангіенскій находился въ Германіи. Всѣ Государи Европейскіе признали Французскую республику и ея Консула. Эмигранты безнадежно бродили повсюду и толпами являлись во Францію. При Людовикѣ XVIII-мъ было не болѣе восьми вѣрныхъ ему особъ (герцоги д'Аварай, Омонъ, Флёри, Гишъ, графъ Коссе, маркизъ Жокуръ). Крайность положенія Людовика XVIII доходила до того, что проѣзжая черезъ Мемель, онъ принужденъ былъ заложить бриллъянты Герцогини Ангулемской за 2000 червонцовъ. Если Бурбоны согласятся промѣнять бѣдную, безнадежную жизнь изгнанниковъ на отреченіе отъ правъ своихъ, Наполеонъ готовъ былъ замѣнить имъ Францію герцогствами и королевствами въ Италіи.

Предложеніе сдѣлано было со всевозможною осторожностью. Посредникомъ было Прусское правительство. Вызвали въ Берлинъ Мейера, губернатора Варшавскаго, бывшаго въ милости у Людовика XVIII-го, и приказали ему переговорить обо всемъ, строго подтверждая, что предложеніе дѣлается безъ согласія

Наполеона, единственно по состраданію Прусскаго монарха къ бѣдственному жребію потомковъ Бурбонскаго дома. То, что предписано было говорить Мейеру, можно почесть совершенствомъ дипломатическаго искуства, и характеристическою чертою къ изображенію отношеній тогдашняго времени.

«Бонапарте,» сказано было въ наставленіи Мейеру, «произведеніе Революціи, но произведеніе необходимое, и его нельзя сравнивать съ зачинщиками переворота. Онъ не разрушалъ трона; онъ возстановилъ его, и передъ его счастіемъ уничтожилось все, что терзало Францію. Самые враги его, если будутъ судить его съ тѣхъ поръ, когда онъ взялъ бразды правленія, согласятся, что онъ благодѣтель Франціи. Несправедливо было бы слушать одно слѣпое предубѣжденіе, когда предметъ его преслѣдованія не существуетъ; безразсудно жить въ прошедшемъ, когда надобно взирать на будущее. Что являетъ будущее для Бурбоновъ? Нельзя не уважать вѣрности, которая не торгуется съ своею обязанностью, и если есть еще Французы, которые, споря съ событіями, отказываются отъ разсчетовъ, предпочитая свою рѣшительность жертвы обольщеніямъ, какія могутъ льстить имъ, жалѣемъ объ нихъ и не смѣемъ осуждать. Но властители народовъ имѣютъ обязанности не къ себѣ только, и если Бурбоны считаютъ себя обязанными чѣмъ нибудь къ Франціи, когда она прервала всѣ связи съ ними, тѣмъ болѣе причинъ смотрѣть на дѣло съ настоящей точки

зрѣнія. По всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ, революція, лишившая ихъ престола, кончена навсегда. Прочное правительство заняло во Франціи мѣсто мимолетныхъ партій, оспоривавшихъ другъ у друга власть. Миръ царствуетъ во Франціи внутри и извнѣ; всѣ званія, утомленныя десятью годами тревогъ, испытавши бѣдствія, какія сопровождали революцію, ощущаютъ одну потребность: хотятъ спокойствія; всѣ держатся настоящаго порядка дѣлъ, одни надеждами, коихъ прежде у нихъ не было, другіе опасаясь потерять то, что еще у нихъ осталось. Полная система состоянія Франціи, какъ она нынѣ существуетъ, есть постепенный выводъ различныхъ эпохъ прошедшаго бурнаго времени, и новое потрясеніе ея страшитъ даже тѣхъ, кто втайнѣ могъ бы питать желанія противныя. Искусная рука держитъ бразды правленія; безчисленное войско поддерживаетъ правительство; религіи возвращенъ блескъ ея, и испытавъ въ своей внѣшности измѣненія, освященныя первосвященникомъ католическимъ, она успокоила тревоги совѣсти, увлекла Французовъ въ новый порядокъ дѣлъ, отняла у враговъ правительства послѣднее средство умышлять противъ него. Если ничто внутри Франціи не являетъ Бурбонамъ надеждъ, голосъ Европейскихъ державъ говоритъ имъ о томъ еще явнѣе. Всѣ государи возвышали его за знаменитый родъ Бурбоновъ, пока непреодолимое владычество событій не обратило монарховъ къ другимъ обязанностямъ; всѣ они признали теперь рес-

публику, и здѣсь являются уже не отношенія временной необходимости, не опасенія, переговаривающія съ честолюбіемъ, или дипломатикою отвращающія опасность, но система новая, укрѣпленная выгодами съ обѣихъ сторонъ, основанная на договорахъ прочныхъ. Если только нынѣшніе договоры съ Франціею не считать игрушкою, честь Европейскихъ властителей, за десять лѣтъ вооружавшая ихъ за дѣло Бурбоновъ, нынѣ предписываетъ имъ дѣйствіе противное. Въ такомъ положеніи дѣлъ надѣяться, что какое нибудь случайное происшествіе призоветъ Бурбоновъ на тронъ, значило бы питать гибельное обольщеніе; упорствуя въ немъ, Бурбоны лишатъ себя драгоцѣнныхъ выгодъ въ своемъ невыгодномъ положеніи, и кто можетъ исчислить дальнѣйшія послѣдствія? Провидѣніе возвело на Россійскій престолъ доблестнаго Монарха, который, при средствахъ, кои даетъ ему безмѣрная имперія его, обладаетъ сердцемъ самымъ великодушнымъ, но потомки Людовика всегда ли найдутъ Александра? И такое зыбкое существованіе не должно ли страшить старшаго въ знаменитомъ домѣ Бурбоновъ? Нынѣ, когда его рѣшеніе имѣетъ еще какую нибудь цѣну въ глазахъ Французскаго Правительства, когда время не уничтожило еще вовсе правъ Бурбоновъ, можно извлечь большія выгоды, можно поставить за себя вѣрныя ручательства, и Бурбоны могутъ передать своимъ дѣтямъ въ наслѣдство не одни надежды и гоненія. Самый долгъ, какой имѣютъ на нихъ тѣ, кто остает-

ся вѣренъ имъ во Франціи, не согласуется ли съ ихъ выгодами? Не должны ли Бурбоны освободить отъ обязанности къ нимъ Французовъ, платимыхъ въ возмездіе за вѣрность изгнаніемъ, если они оставили Францію, бѣдственнымъ и гибельнымъ состояніемъ, если они остаются во Франціи? Тогда исчезнетъ послѣдній поводъ къ смятеніямъ, прекратятся темные замыслы, всегда ничтожные по ихъ слѣдствіямъ, и всегда гибельные зачинщикамъ. Сколько совѣстей успокоится отъ безполезныхъ мученій, и Франція не будетъ страшиться тщетныхъ покушеній. Вмѣсто обвиненій, коими обременяютъ теперь Бурбоновъ, пожертвованіемъ справедливаго негодованія чувству болѣе высокому, они утвердятъ спокойствіе своего отечества.»

Согласіе «Графа Прованскаго» сказано было въ заключеніе, приведетъ къ сему договору участіе Россійскаго Императора, а отъ согласія его, конечно, будутъ зависѣть *условія* договора. Хитрый *Претендентъ*, какъ тогда называли Людовика XVIII-го, понялъ выгоды, какія даетъ ему случай отмстить гордому Наполеону, сильнѣе утвердить свои права и ободрить свою партію. Все выслушалъ онъ терпѣливо, выспросилъ всѣ подробности у добродушнаго Мейера, вывелъ изъ предложеній Наполеона государственный и политическій вопросъ, и придалъ ему всю возможную гласность. Прямо отвѣчалъ онъ Королю Прусскому, отвѣчалъ и Наполеону, разослалъ протесты ко всѣмъ Дворамъ, послалъ ихъ въ *Коро-*

левскій Совѣтъ, какъ называлъ себя комитетъ роя-листовъ, тайно существовавшій во Франціи, и получилъ отъ него новые обѣты вѣрности. Вся Европа узнала о побѣдѣ, какую одержалъ изгнанный наслѣдникъ Французскаго трона надъ всемогущимъ правителемъ Франціи. Прежде онъ *просилъ* о возвращеніи ему престола — теперь онъ требовалъ его отъ похитителя. «Не только предложеніе г-на Бонапарте подтверждаетъ права мои,» говорилъ Людовикъ XVIII-й, «еслибы то было необходимо, но оно показываетъ слабость беззаконной власти его. Знаю все, что могъ я извлечь изъ его предложенія, но ничего не хочу. Спасая своихъ подданныхъ отъ ужасовъ войны, монархи могутъ уступать принужденію, но мое несчастіе служитъ мнѣ опорою. Я страдаю, и въ лицѣ моемъ мнѣ надобно поддержать права всѣхъ государей; никогда не освящу я моимъ согласіемъ дѣйствій революціи, и предвѣщаю, что она кончитъ низпроверженіемъ всѣхъ троновъ.» Вотъ объявленіе его Наполеону:

«Не смѣшиваю г-на Бонапарте съ его предшественниками, почитаю его мужество, его воинскія дарованія, благодарю его за многія дѣйствія управленія, ибо благо, какое дѣлаетъ онъ *моему народу*, мнѣ всегда дорого. Но онъ ошибается, если думаетъ заставить меня торговать моими правами. Далекій отъ того, скажу, что еслибы не казались они сомнительны, ихъ утверждаетъ настоящее предложеніе его мнѣ. Не вѣдаю опредѣленій судьбы о родѣ моемъ, и

обо мнѣ, но знаю обязанности, какія Провидѣніе наложило на меня тѣмъ званіемъ, въ коемъ угодно было ему опредѣлить мнѣ родиться. Христіанинъ, я буду исполнять сіи обязанности до послѣдняго моего дыханія; сынъ святаго Людовика, я буду умѣть, по примѣру его, заставить уважать меня даже въ оковахъ; наслѣдникъ Франциска I-го, я хочу по крайней мѣрѣ сказать, какъ онъ: *все потеряно, кромѣ чести.*

Людовикъ.»

«Съ дозволенія Короля, моего дяди, сердцемъ и душею подтверждаю его слова.

Людовикъ-Антонъ.»

Всѣ другіе принцы Бурбонскіе подтвердили протестъ Претендента своими объявленіями.

Наполеонъ скрылъ огорченіе, не отвѣчалъ ничего, свалилъ всю вину на неловкую услужливость Пруссіи, и здѣсь, конечно, увидѣлъ онъ въ первый разъ новую опасность, угрожавшую ему. Предпріятіе его было смѣло, но твердо: онъ не перемѣнилъ отношеній своихъ къ роялистамъ, но рѣшился противоположить идеѣ фактъ, праву владѣть право владѣнія. Поступки его сдѣлались рѣшительнѣе, и планъ приведенъ былъ въ исполненіе немедленно.

Когда объявили Трибунату Аміенскій трактатъ, президентъ его, Шабо де л'Алье предложилъ воздать Первому Консулу «блестящій знакъ народной благодарности.» Предложеніе принято, передано Сенату,

и Сенатъ опредѣлилъ продолжить консульство Бонапарте еще на шесть лѣтъ, по окончаніи его въ 1809 году. Наполеонъ благодарилъ, прибавя слова, въ послѣдствіи казавшіяся предвѣщаніемъ: «Три года счастіе намъ улыбается, но оно непостоянно, и сколько людей, осыпанныхъ дарами его, прожили нѣсколько лишнихъ лѣтъ (combien d'hommes qu' elle avait comblés de ses faveurs ont trop vécu de quelques années)!» Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленіе Сената казалось ему недостаточнымъ — *все или ничего.* Не опровергая однакожь опредѣленія Сенатскаго, и ничего не требуя, Наполеонъ сказалъ только, что находитъ форму его недостаточною. «Общій голосъ народа облекъ меня высшею властью,» говорилъ онъ. «Не буду увѣреннымъ въ довѣренности его ко мнѣ, если измѣненіе постановленій не утвердится также общимъ его голосомъ.» Здѣсь было вѣрное средство достигнуть желаемаго, и Консулы, товарищи Наполеона, положили, что волѣ народа надобно предоставить рѣшеніе двухъ вопросовъ: продолженіе консульства до 1815 (1815!) года, и облеченіе Наполеона властью на всю жизнь. Наполеонъ согласился. Прежній образъ подписокъ былъ избранъ для узнанія народныхъ голосовъ. Результатъ былъ слѣдующій: 3,576,000 голосовъ утвердили Наполеона консуломъ на всю жизнь — 8000 голосовъ было отрицательныхъ. Франція высказала свое мнѣніе — Наполеонъ былъ властитель ея на всю жизнь свою.

Въ числѣ отрицательныхъ голосовъ былъ замѣча-

теленъ голосъ Лафайэта. Онъ подписалъ: «Не могу согласиться на пожизненное консульство, доколѣ свобода Франціи не будетъ ограждена достаточно; тогда даю голосъ мой Наполеону Бонапарте.» Отношенія Лафайэта къ Наполеону были до тѣхъ поръ самыя пріязненныя. Лафайэтъ всегда былъ любимымъ гостемъ Наполеона, хотя онъ говорилъ смѣясь: «Лафайэтъ не выросъ послѣ 1789 года, и ничего не понимаетъ.» Наполеонъ часто былъ съ нимъ откровененъ. «Согласитесь, Консулъ,» говорилъ ему Лафайэтъ послѣ конкордата, «что вы заставляете Папу разбить Реймскую скляночку?»—«Да, да,» отвѣчалъ Наполеонъ, «смѣйтесь надъ Реймской скляночкой, а мнѣ объ ней безпрестанно толкуютъ, и стоитъ отслужить обѣдню, если Папа разобьетъ ее. Еслибы Папа не существовалъ, надобно бы создать его для насъ, въ нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ, чтобы заключить съ нами конкордатъ. Чего же вы еще хотите?» спросилъ онъ Лафайэта, узнавши объ его голосѣ. — «Свободнаго правленія и васъ въ главѣ его — вотъ чего я хочу,» отвѣчалъ Лафайэтъ. Объясненіе повело къ взаимной холодности, и Лафайэтъ удалился отъ Наполеона. Онъ долгомъ почелъ объяснить свое мнѣніе письмомъ, гдѣ видна была его добродушная ошибка. «Невозможно вамъ, генералъ, первому въ томъ ряду людей, которые для сравненія себя съ другими и отысканія своего мѣста въ исторіи, должны смотрѣть на всѣ вѣка, невозможно вамъ захотѣть, чтобы такой переворотъ, столько побѣдъ,

столько крови, скорбей и чудесъ, не имѣли для васъ и для мира другихъ послѣдствій, кромѣ деспотизма вашего. Любовь къ отечеству и личныя отношенія мои къ вамъ заставляютъ меня желать вашей власти, какъ дополненія вашей славы, но мои правила, мои обѣты, вся жизнь моя требуютъ, чтобы до моего согласія я видѣлъ къ тому причины, достойныя Франціи и васъ....»

Августа 2-го, 1802 года, въ слѣдствіе согласія всей Франціи, Сенатъ провозгласилъ Наполеона Первымъ Консуломъ на всю жизнь его (à vie), и положилъ воздвигнуть въ честь его статую Мира, держащую лавры и опредѣленіе Сената. За тѣмъ слѣдовали необходимыя перемѣны конституціи, коими измѣняли выборы, ослабляли Трибунатъ, дѣлали Сенатъ только исполнителемъ воли Перваго Консула, и давали ему власть неограниченную. Онъ могъ назначать себѣ преемника, и распускать Трибунатъ, число членовъ коего ограничено пятьюдесятью. Сенаторы получили особенныя недвижимыя имѣнія въ пожизненное владѣніе (une sénatorerie), и могли быть опредѣляемы во всякія должности — здѣсь было начало новой аристократіи, долженствовавшей окружить новаго Цезаря. Государственный Совѣтъ (Conseil d'État), дотолѣ частный совѣтъ Консула, получилъ государственное мѣсто, выше Трибуната и Законодательнаго Корпуса.

Франція повиновалась. Всѣ сіи столь важныя перемѣны совершались безъ волненій, спокойно, постепенно, облекаясь законными формами. Вотъ разговоръ

Наполеона, бывшій въ то время съ однимъ изъ государственныхъ совѣтниковъ. «Ну, что новаго въ Парижѣ?» — Что можетъ быть новаго, чего вы не знаете! — «О чемъ говорятъ?» — Всего болѣе о новыхъ перемѣнахъ. — «А! ну, что же?» — Всякой толкуетъ по своему, одни противъ, другіе за нихъ. — «А вы что думаете?» — Думать нечего — дѣло рѣшено. — «И проиграно?» — Вы сами говорите. — «Послушайте: вы честный человѣкъ, но скажите, мой милый, когда всѣ вы, господа, излечитесь отъ вашихъ мечтаній? Такъ нельзя было оставаться. Не смотря на новыя постановленія, Франція останется свободною, и въ дополненіе будетъ первою державою въ Европѣ!» — Да для чего вамъ надобно было все это дѣлать? Не ужели вы вѣрите, что слышали голосъ народа? Не были ль вы и безъ того нашъ вѣчный Консулъ? — «Знаю, и для меня и для народа это форма, но она важна для Европы. Съ этой минуты я стою наряду съ другими монархами. Они и министры ихъ будутъ теперь уважать меня болѣе. Не надобно, чтобы власть человѣка, который правитъ всѣмъ въ Европѣ, была зыбка, и даже казалась такою.» — Не ужели мнѣніе иностранцовъ важнѣе для васъ мнѣнія Франціи? — «Мнѣніе Франціи — я его знаю: исключая нѣсколькихъ сумасбродовъ, которые хотятъ безпорядка, и нѣсколькихъ добряковъ, которые мечтаютъ о Спартахъ, Франція хочетъ твердости и силы правительства! Вотъ все!» — Оппозиція смолкла. Оставалось уничтожить одно послѣднее средство, гдѣ могли еще

противники Наполеона высказывать свои мнѣнія — политическую литтературу, и особливо политическіе журналы, и надлежало усилить средства знать все что думаютъ и дѣлаютъ во Франціи: усилить тайную полицію. Строгая цензура, названная *временною*, наложена была на журналы. Осмѣлились напомнить Наполеону о свободѣ книгопечатанія, утвержденной конституціею. «Что вы мнѣ говорите!» возразилъ онъ — объ этомъ ужь толковали мнѣ Лафайэтъ, Латуръ-Мобуръ, весь этотъ народъ, который ѣздитъ на своемъ конькѣ, на своихъ теоріяхъ 89-го года! Свобода книгопечатанія! Позволь я ее, и завтра же явится тридцать журналовъ роялистскихъ и двадцать якобинскихъ, и послѣ того извольте управлять Франціею — нѣтъ! я вашъ слуга покорный!» Одно правило было принято въ семъ отношеніи Наполеономъ: «позволять все, кромѣ вреднаго настоящему порядку дѣлъ.» Такъ въ управленіи тайной полиціи правиломъ его было: «знать все, но предупреждать властью только злоумышленность, приводимую въ дѣйствіе, предоставляя свободу совѣсти, стараясь даже убѣдить то лицо, за которымъ наблюдаетъ тайная полиція, что за нимъ нѣтъ никакого надзора. Наполеону гадокъ и отвратителенъ былъ Фуше.» Онъ не скрывалъ даже своего отвращенія, но ему надлежало терпѣть, дѣлать Фуше участникомъ всѣхъ тайнъ, хотя могъ ли надѣяться Наполеонъ на него, переходившаго черезъ ступеньки всѣхъ партій, бывшаго палачемъ при Робеспьеррѣ, лощившемъ полы въ пе-

редней Барраса, готовомъ услужить Баррасу и Наполеону въ день 18-го брюмера, и потакавшемъ Люціану, Карно, Моро и Бернадотту въ отсутствіе Наполеоново въ Италію? Учреждено было нѣсколько полицій: *Военная*, подъ начальствомъ Дюрока; *Жандармская*, подъ начальствомъ инспектора жандармовъ, *Гражданская*, Парижскаго префекта, и *Главная*, подъ начальствомъ Фуше. Всѣ онѣ втайнѣ наблюдали одна за другою, и донесенія одной повѣрялись донесеніями другихъ. Окончательныя рѣшенія предоставилъ Наполеонъ особенному чиновнику, подъ именемъ Великаго Судіи (Grand-juge), въ особѣ коего соединялись прежнія значенія канцлера и хранителя печати, и званія министра юстиціи и начальника полиціи. На сіе важное мѣсто избранъ былъ почтенный юристъ, Клавдій Антоній Ренье, вопреки споровъ и досады Фуше.

Нетерпимость теорій, и всего, что называлъ Наполеонъ «идеологіею,» заставляла его смѣшивать здравое и полезное сужденіе съ злоупотребленіемъ мысли. Сія идея побудила Наполеона, преобразуя Институтъ, уничтожить отдѣленіе Нравственныхъ и Политическихъ знаній, учреждая въ немъ отдѣленія Математики, Языкознанія, Исторіи и Изящныхъ Художествъ. Такъ погубилъ онъ для себя всѣ истины Политической Экономіи, и не постигалъ системы государственнаго кредита. Политическія сплетни г-жи Сталь происходили отъ ея характера, а не отъ того, что она была писательница. Выведенный изъ терпѣнія болтли-

вою оппозиціею въ салонѣ г-жи Сталь, Наполеонъ велѣлъ ей оставить Парижъ.

Наполеонъ желалъ общаго блага, поступая ошибочно. Къ несчастію, въ несовершенствѣ здѣшняго міра зло необходимо является при добрѣ, какъ отрицательное блага, какъ тѣнь при свѣтѣ, какъ зародышъ смерти въ рожденіи. Если принять за неоспоримую истину, что мудрость есть добродѣтель властителя, что сердце властителя должно быть въ головѣ, и что цѣль извиняетъ средства, Наполеонъ былъ правъ. Иначе поступать онъ не могъ, слѣдовательно и не долженъ былъ поступать иначе. Но мы еще болѣе оправдаемъ его, если разсмотримъ тогдашнюю Францію въ отношеніи къ Европѣ.

Миръ былъ заключенъ. Онъ былъ купленъ побѣдою. Франція стала среди другихъ государствъ Европы, но миръ былъ ненадеженъ, побѣда невѣрна, и положеніе Франціи не уравнивало ее съ другими государствами.

Не такъ могъ думать тотъ, кто измѣрилъ бы тогдашнее могущество Наполеона, смиреніе Императора Австріи, уваженіе Короля Пруссіи — мы видѣли мнѣніе его о Наполеонѣ при переговорахъ съ Людовикомъ XVIII — и кто сообразилъ бы отношенія къ Наполеону императора Александра, монарха юнаго, великодушнаго, желавшаго блага, не только подданнымъ своимъ, но и всему человѣчеству. Ему ли и Наполеону не сознать взаимно обоюднаго величія? Мирныя сношенія Европейскихъ государствъ, послѣ

Люневильскаго и Амiенскаго трактатовъ, могли подтверждать миролюбивыя предположенiя и мечты о счастiи народовъ какого нибудь поэта и филантропа. «Но» говоритъ одинъ изъ историковъ, «Новая Исторiя представляетъ намъ великое затрудненiе, коего не знали Древнiе, и еще менѣе Среднихъ временъ историки: разнообразiе, одновременность (simultanéïté) и сложность отношенiй, которыя пересѣкаются, сталкиваются и взаимно вредятъ одно другому.» Но еще важнѣе для насъ исторiя идей, которой также не знали Древнiе. Здѣсь тайна событiй, безъ того непостижимыхъ.

Главное изъ дѣлъ, занимавшихъ Европейскихъ государей послѣ заключенiя Амiенскаго мира, были споры о вознагражденiи (indemnité) тѣхъ владѣтелей, которые лишились вовсе своихъ государствъ, или утратили часть своихъ владѣнiй въ слѣдствiе Люневильскаго мира. Сюда принадлежали: Герцоги Тосканскiй и Моденскiй, Императоръ и Король Прусскiй, и Германскiе владѣльцы, лишившiеся областей на лѣвомъ берегу Рейна, по утвержденiи Рейна границею Францiи. Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать вознагражденiя важнымъ и общимъ политическимъ вопросомъ. Не только согласился онъ на посредство Россiи, но даже требовалъ его. Превышая здѣсь всѣхъ своимъ влiянiемъ, онъ являлся посредникомъ между царями, прiучалъ ихъ видѣть его среди другихъ монарховъ, и могъ угодить императору Александру уступками, тѣмъ же самымъ привлекая дружбу Прус-

сіи, и защитою выгодъ разныхъ Нѣмецкихъ властителей, укрѣпляя надежду ихъ на его покровительство. Дѣло было запутанное: надлежало рѣшать дипломатическія и статистическія подробности между сотнями феодаловъ Германскихъ, примиряя противорѣчащія выгоды главныхъ государствъ. Рѣшеніе ихъ начали еще въ Августѣ 1801 года, трактатомъ между Франціею и Баваріею; въ 1802 г. слѣдовали трактаты Франціи съ Пруссіею, Баваріею, Россіею, Виртембергомъ и Баденомъ. Въ Августѣ открылся Регенсбургскій конгрессъ, гдѣ были министрами, со стороны Франціи Лафоре, со стороны Россіи баронъ Бюлеръ. Засѣданія продолжились до Февраля 1803 года. Не исчисляя здѣсь безчисленнаго множества подробностей, довольно сказать, что Принцъ Оранскій, отказываясь отъ правъ Голландскаго Штатгалтера, какъ равно Герцоги Тосканскій и Моденскій, получили владѣнія въ Германіи (первый Фульду, второй Зальцбургъ, третій Бризгау); Пруссія пріобрѣла излишняго противъ потери вознагражденія 409,000 душъ, съ $2^1/_2$ милл. флориновъ дохода; Баварія излишняго 274,500 душъ съ 3 милльонами дохода; Виртембергъ излишняго 106,000 душъ, съ 370,000 дохода; Баденъ излишняго 200,000 душъ съ 1,300,000 дохода. Ольденбургъ пріобрѣлъ епископство Любекское, Англія присоединила къ Ганноверу Оснабрикъ. Всѣ сіи участки взяты были изъ уничтоженныхъ духовныхъ владѣній и тридцати уничтоженныхъ имперскихъ городовъ (ихъ оставили только шесть: Аугс-

бургъ, Нюренбергъ, Франкфуртъ, Гамбургъ, Любекъ и Бременъ). За то владѣтели Гессенъ-Касселя, Бадена и Виртемберга возведены были въ достоинство курфирстовъ, и бывшій курфирстъ Майнцскій явился съ новымъ титуломъ архи-канцлера Имперіи, получивъ въ обмѣнъ за Майнцъ Ашаффенбургъ. Нельзя не изумляться глубокому дипломатическому разсчету, съ какимъ Наполеонъ умѣлъ здѣсь удовлетворить требованія Пруссіи и Россіи, усиливая противъ Австріи Виртембергъ, Баденъ и Баварію, лишая Императора пособій духовныхъ властителей и имперскихъ городовъ, ставя соперницею ея Пруссію, и въ основаніи подрывая ветхое зданіе Римской имперіи.

Становясь такимъ образомъ сильнымъ посредникомъ властителей, и удовлетворяя пользамъ другихъ, Наполеонъ могъ думать, что за то безопасно можетъ укрѣпить Францію усиленіемъ могущества ея въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Совершенно властвуя въ Итальянской республикѣ, онъ распространилъ на нее, съ нѣкоторыми измѣненіями, права конкордата договоромъ съ Папою (въ Сентябрѣ 1803 г.), образовалъ армію изъ Итальянцовъ, составилъ народную гвардію, раздѣлилъ республику на префектуры, заботился о наукѣ и просвѣщеніи. Тма суевѣрія и невѣжества рѣдѣла надъ прекрасными областями Италіи. Множество общественныхъ работъ было тамъ начато. Знаменитый Миланскій соборъ велѣно было достроить. Тогда положено также начало исполинской Симплонской дорогѣ. Вездѣ вводилъ Наполеонъ равенство

гражданъ предъ закономъ, вездѣ оживлялъ онъ промышленость, торговлю, просвѣщеніе. «Хочу, чтобы мѣлкія галеры замѣнились хорошими кораблями. Вспомните, что вы соотчичи Колумба,» говорилъ онъ Генуэзцамъ. Когда Алжирскій Дей осмѣлился захватить нѣсколько кораблей Италіянскихъ, и заспорилъ, что договоръ заключалъ онъ только съ Франціею, уличить его въ ошибкѣ явилась къ Алжиру эскадра контръ-адмирала Лессега. Дей на все согласился, и увѣрялъ, что дѣлаетъ уступку изъ уваженія къ Наполеону — «съ другаго не взялъ бы я за мое снисхожденіе милльона піастровъ,» говорилъ онъ.

Въ Августѣ 1802 г. совершено смѣлое предпріятіе: опредѣленіемъ Сената Піемонтъ присоединенъ былъ окончательно къ Франціи, и составилъ шесть новыхъ департаментовъ: рѣки По, Дуэзскій, Сезійскій, Стурскій, Танарскій и Маренгскій, напоминавшій своимъ именемъ великую битву Наполеона. Парма оставалась занятою Французами, но островъ Эльба, откуда можно было охранять берега Тосканы, причисленъ къ Французской республикѣ. Такимъ образомъ Италія сливалась неразрывнымъ союзомъ съ Франціею, и Наполеонъ презиралъ вопли изступленныхъ Италіянскихъ либераловъ, кричавшихъ о независимости и раздѣльности Италіи, какъ будто она могла существовать отдѣльно.

Также самовластно поступалъ Наполеонъ на сѣверныхъ предѣлахъ съ другимъ оплотомъ Франціи,

Батавскою республикою. Французскія войска не оставляли Голландіи послѣ Аміенскаго мира, хотя число ихъ уменьшено было до 10,000, и положено, что въ Сентябрѣ 1802 года Французы очистятъ Голландію. Получивъ по Аміенскому договору свои колоніи, Голландія пріобрѣла на конгрессѣ Регенсбургскомъ всѣ остававшіяся въ ней феодальныя владѣнія, всѣ частныя имѣнія Принца Оранскаго, и нѣсколько округовъ Бельгійскихъ.

Люневильскимъ трактатомъ положено было, что Австрійскія и Французскія войска равно очистятъ Швейцарію, предоставляя, какъ предоставлено было Батавской, Лигурійской и Итальянской республикамъ, совершенную независимость и учрежденіе конституціи по добровольному разсужденію и согласію. Думали, что здѣсь скрывалась тайная мысль Наполеона, и Гельветическая республика, при мнимой независимости, умножитъ число его подданныхъ, какъ умножила ихъ Цизальпинія. Мнѣніе подтвердилось, когда въ Маѣ 1802 г. консульта, собранная въ Бернѣ, подтвердила соединеніе всѣхъ кантоновъ въ одну республику, единую и недѣлимую. Управленіе ввѣрялось Совѣту, изъ всѣхъ кантоновъ избранному. Вскорѣ оказалось однакожь, что новая форма республики не была выраженіемъ общаго мнѣнія. Сильную партію федералистовъ, или союза, при общемъ управленіи кантоновъ, съ независимыми формами и преимуществами каждаго изъ нихъ, составляли прежніе кантоны, такъ, что едва новая конститу-

ція предложена была обитателямъ Швейцаріи, изъ 332,048 голосовъ, согласіе коихъ было потребно для ея утвержденія, болѣе половины вовсе не было подано, а изъ остальной половины утвердили конституцію только 72,453 голоса, и 92,423 отвергли ее. Защитники конституціи думали перехитрить противниковъ: неподаніе голоса названо было согласіемъ. Конституцію провозгласили, и слѣдствіемъ того было возстаніе Унтервальдена, Швица, Цюриха, Гларуса, Аппенцеля, Граубиндена, Аарау и Золотурна. Возмутившіеся кантоны собрали сеймъ въ Турѣ; начальникомъ ихъ былъ баронъ Алоизій Редингъ, мечтавшій о славѣ Теля, храбро защищавшій Швейцарію при вторженіи Французовъ въ 1798 г., и жаркій защитникъ обычаевъ древней Швейцаріи. Правители республики объявили его мятежникомъ. Редингъ и депутаты обѣихъ сторонъ явились въ Парижъ, и просили пособія Наполеонова. Онъ совѣтовалъ мириться, и желая показать совершенное безпристрастіе, велѣлъ остальнымъ Французскимъ войскамъ выступить изъ Швейцаріи. Едва вышли они, началось междоусобіе. Сеймъ федералистовъ въ Швицѣ уничтожилъ конституцію. Правительство велѣло разогнать ихъ своему генералу Андерматту. Цюрихъ бомбардировали, и огни на горахъ Швейцаріи вызвали на защиту его толпы горныхъ пастуховъ. Тогда Наполеонъ рѣшился принять званіе посредника. Раппъ привезъ въ Швейцарію письмо его. «Жители Гельвеціи!» писалъ Наполеонъ, «въ теченіе трехъ лѣтъ вы яв-

ляете плачевное позорище. Не понимая другъ друга, три года сражаетесь вы, и если предоставить васъ самимъ вамъ, вы будете рѣзаться еще три года. Я не хотѣлъ принимать участія въ вашихъ дѣлахъ, хотя безпрестанно всѣ стороны требовали его, не слушая моихъ совѣтовъ. Не долженъ и не могу я оставаться нечувствительнымъ къ вашему бѣдствію. Хочу быть посредникомъ вашимъ, но мое посредничество будетъ прямое, какъ прилично великому народу, во имя коего говорю вамъ.» Слѣдовало повѣленіе прекратить всѣ сеймы, всѣ вооруженія, и прислать депутатовъ отъ правительства и отъ всѣхъ кантоновъ въ Парижъ. «Оживите надеждою, жители Гельвеціи,» заключалъ Наполеонъ. «Вы на краю пропасти, но будете спасены. Всѣ вы должны тому способствовать. Но еслибы, чему я не вѣрю, нашлись между вами люди, столь недобродѣтельные, что не захотѣли бы пожертвовать своими страстями и предразсудками любви къ отечеству, жители Гельвеціи, это значило бы, что вы выродки вашихъ предковъ. Кто изъ васъ, кромѣ безразсудныхъ, не увидитъ въ моемъ посредничествѣ благодѣяній того Провидѣнія, которое, среди столькихъ переворотовъ, всегда хранило ваше бытіе и вашу независимость? Мое посредничество есть единое средство сохранить вамъ то и другое. Время вамъ подумать, что если любовь къ отчизнѣ и союзъ вашихъ предковъ образовали вашу республику, гибельный духъ вашихъ раздоровъ погубитъ ее. И грустно помыслить, что время начала

другихъ республикъ будетъ ознаменовано разрушеніемъ самой древней изъ нихъ!»

Разгаръ страстей не допускалъ голоса разсудка. Словамъ Наполеона не внимали. Междоусобіе усилилось, и когда Раппъ угрожалъ, что Французскія войска вступятъ въ Швейцарію, обѣ стороны возопили о насиліи. Въ Октябрѣ 1802 г. Ней вошелъ въ Базель, занялъ Золотурнъ, Швицъ и обезоружилъ войско обѣихъ сторонъ. Редингъ, съ его товарищами, были арестованы и посажены въ замокъ Аарбургскій. Депутаты Швейцарскіе явились въ Парижъ, но тщетно думали примирить ихъ взаимныя требованія. Надлежало принудить къ повиновенію, и Наполеонъ предложилъ депутатамъ планъ составленной имъ новой конституціи. Вопреки мнѣнію объ его самовластіи и стараніи преобладать, онъ утвердилъ федеральную республику, съ условіемъ равенства всѣхъ кантоновъ, уничтоженіемъ всякихъ привилегій, отличій, областныхъ и родовыхъ, подчиненности одного кантона другому, и предоставленіемъ каждому самобытнаго правленія. Аппенцель, Гларусъ, Швицъ, Унтервальденъ, Ури и Цугъ удерживали правленіе демократическое; Базель, Бернъ, Фрейбургъ, Люцернъ, Шафгаузенъ, Золотурнъ и Цюрихъ правленіе аристократическое, и наконецъ, вновь учреждаемые кантоны, Аарау, Сентъ-Галлъ, Граубинденъ, Тессино, Тургау, и Леманъ, или Ваадтъ, смѣшанное. Всѣми кантонами въ общихъ дѣлахъ и сношеніяхъ съ другими государствами управлялъ сеймъ, ежегодно собираемый

въ одномъ изъ шести избранныхъ городовъ, подъ предсѣдательствомъ ландаммана. Онъ имѣлъ право сзывать войско въ случаѣ надобности, опредѣляя участки каждаго кантона, и число всего войска составляло 15,000. Для внутренней стражи каждый кантонъ имѣлъ не болѣе 200 человѣкъ. Споры рѣшались большинствомъ голосовъ на сеймѣ.

Здѣсь, какъ и при посредничествѣ Наполеона въ Германіи, нельзя было не удивляться глубокому познанію сущности дѣлъ. Не смотря на тайный ропотъ многихъ, Швейцарія повиновалась; актъ примиренія былъ подписанъ въ Февралѣ 1803 г. Первый сеймъ открытъ въ Фрейбургѣ въ Іюнѣ, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго Наполеономъ ландаммана, графа Аффри, умѣреннаго патріота и храбраго воина. Редингъ былъ выпущенъ изъ заключенія, и вскорѣ избранъ ландамманомъ Швицкаго кантона. Вопреки укорамъ во властолюбіи, Наполеонъ немедленно вывелъ Французскія войска изъ Швейцаріи, и потребовалъ только союза съ Франціею. Швейцарія оставалась неутральною во всѣхъ войнахъ Франціи, не позволяя ни кому перехода черезъ свои земли во Францію, или въ Италію. Франція защищала ее при нападеніи другихъ, и имѣла право нанимать въ свою службу до 16.000 Швейцарцовъ. Кромѣ того, Швейцарія покупала у нея соль, отказываясь отъ торговли солью съ Баваріею. Для прохода Французскихъ войскъ въ Италію, по новой Симплонской дорогѣ, учреждался военный путь черезъ Ваадтъ. Такъ соблюдая се-

бѣ союзъ Швейцаріи, Наполеонъ поставилъ ее оградою Французскихъ предѣловъ со стороны Германіи и Италіи.

Казалось, всѣ дѣйствія Наполеона были благосклонно принимаемы Европою. Россія, Пруссія и Австрія были довольны преобразованіями въ Германіи, утвердили посредничество Наполеона въ Швейцаріи, легко согласились на присоединеніе къ Франціи Піемонта, и только Россія напомнила о вознагражденіи Сардинскаго Короля, не настаивая даже на очищеніе Голландіи. Гдѣ же были причины думать, что миръ не продолжится, и еще болѣе, чего могла опасаться Франція, безпрерывно укрѣплявшаяся въ своихъ предѣлахъ? Европейскіе монархи могли понимать, что Франція уже не была республикою послѣ утвержденія Наполеона Консуломъ на всю жизнь, но по видимому, сей поступокъ Наполеона не только не возбуждалъ опасеній, даже принятъ былъ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ окончаніе революціи и всѣхъ ея ужасовъ и опасностей для Европы. Франція вступала въ рядъ другихъ государствъ на прежнихъ основаніяхъ, возстановляя всегдашнее правило Европейской политики: «Быть, какъ прежде» (statu quo).

Но была ли Франція *прежнею*? Оставалась ли Европа *прежнею* послѣ Аміенскаго мира и слѣдствіи его? Здѣсь заключалась тайна грядущихъ событій. Франція «прежняя,» когда Рейнъ былъ ея границею въ Германіи, когда ей принадлежали Бельгія и Италія, и когда вполнѣ подвластны были ей Швейцарія

и Голландія! Европа «прежняя,» Европа, двукратно, троекратно побѣжденная Франціею, послѣ униженія Австріи, и разрушенія Германской имперіи, отъ коей осталась одна тѣнь! Не явно ли было, что укрѣпляя дружбу съ Пруссіею, и усиливая Пруссію, Франція ставила ее соперницею Австріи, и послѣ того обладала материкомъ Европы? И такое государство было управляемо Наполеономъ, честолюбіе коего не знало предѣловъ, геній коего не зналъ препятствій.

Здѣсь еще не оканчивались опасенія, возбуждаемыя Франціею и Наполеономъ. Не «прежняя» была Франція по ея вещественнымъ силамъ, но еще болѣе по ея нравственному преобразованію. Пусть, называясь Консуломъ, Наполеонъ былъ ея самовластнымъ монархомъ, пусть его генералы, сенаторы и кавалеры Почетнаго Легіона являли новыя начала аристократіи, но сей властитель Франціи не сосредоточивалъ ли въ своей власти всего, чѣмъ прежде грозила революція, уничтоженіемъ прежнихъ привиллегій, уставовъ, преданій, обычаевъ? Не страшенъ ли былъ самый примѣръ возвышенія Наполеонова, плебея среди патриціевъ, человѣка въ сѣромъ сюртукѣ среди блестящихъ Европейскихъ феодаловъ? Онъ облекалъ власть свою республиканскими формами; власть духовенства подчинялъ онъ гражданской власти; право владычества своего опиралъ онъ на волѣ народной, а не на преданіи, освященномъ временемъ. И не кипѣло ли преобразованіями все и повсюду, гдѣ только, и до чего только ни прикасался Наполеонъ — въ Италіи,

Голландіи, даже въ Германіи, гдѣ нашлись люди видѣвшіе свои выгоды въ разрушеніи стараго? Такъ противъ Франціи и Наполеона соединялось въ тайномъ заговорѣ все прежнее: духовная іерархія и феодальная аристократія Европы, права властителей и установленія политическія, обычаи, нравы, вѣрованія народовъ. Послѣ сего должна была начаться борьба идей, битва мнѣній, споръ стараго съ новымъ. Такъ сражались они прежде въ лицѣ Франціи и Европы, а теперь сразятся они въ лицѣ Наполеона и Европы. Сія борьба, сія битва, сей споръ, они могли потомъ облечься въ политическія формы, могли уклониться отъ первобытнаго начала, удалиться отъ цѣли своей; страсти могли вмѣшаться, вопросы запутаться; честолюбіе, личность могли раздражить соперниковъ, увлечь ихъ въ безотчетную ненависть, но начала были не здѣсь, и борьба являлась безконечна, и только гибель одного изъ соперниковъ могла окончить ее.

Вполнѣ и глубоко понималъ и чувствовалъ свое положеніе Наполеонъ, когда при внутреннихъ учрежденіяхъ въ 1800 году, онъ говорилъ: «Хочу соблюсть все, что переворотъ могъ произвесть полезнаго, и не отказываюсь ни отъ чего прежняго, что онъ ошибочно разрушилъ (en conservant tout ce que la revolution a pu produire de nouveautés utiles, je ne renonce pas aux bonnes institutions qu'elle a eu le tort de dètruire). Онъ не обманывалъ, когда говорилъ, ибо тоже самое повторялъ при дверяхъ гроба.

Сынъ вѣка, онъ былъ его представителемъ. Близорукій историкъ можетъ видѣть въ Наполеонѣ чудовищнаго честолюбца, втораго Аттилу, новаго Чингисъ-хана, но онъ ошибется, человѣчество ему не повѣритъ, вѣкъ презрительно отвергнетъ его мнѣніе. Подвигъ Наполеона былъ неисполнимъ, но онъ разрѣшаетъ великія тайны человѣческаго сердца, раскрывая, какъ въ послѣдствіи *человѣкъ* поборолъ въ Наполеонѣ *генія,* какъ палъ онъ, едва потухъ въ немъ оживлявшій его, небесный огонь въ чаду преступныхъ страстей. Урокъ великій, зрѣлище поучительное, и возвышающее душу позорище являетъ самое паденіе Наполеона, среди развалинъ всего, что воздвигъ геній его.

Не предупреждая событій, послѣдуемъ за ними, и да будетъ истина руководителемъ нашимъ. Съ самаго начала Наполеонъ не могъ всего предвидѣть, все проникнуть, освободиться отъ страстей, избѣгнуть ошибокъ — участь человѣка.

Главное было въ противорѣчіи отношеній, въ какія былъ поставленъ Наполеонъ. Что въ немъ осуждала Франція, то устрашало Европу. Покровительство новымъ идеямъ являло его Европѣ представителемъ революціи, когда гоненіе ихъ являлось Франціи деспотизмомъ. Онъ молчалъ, понималъ свое дѣло, и вѣрилъ, что величіе подвига примиритъ все. И для умноженія силъ на подвигъ онъ долженъ былъ дѣйствовать такъ, что казался виновнымъ въ ненасытномъ честолюбіи. Такъ уничтожая буйное сопро-

тивленіе другихъ, онъ уничтожалъ и спасительные совѣты мудрости.

Наполеонъ не хотѣлъ войны. Ему казалось, по опыту трехъ лѣтъ, что достаточно будетъ политики его довершить вполнѣ его предпріятія. Тогдашнее положеніе Европы увѣряло его въ томъ.

Кроткій по характеру и медленный на рѣшеніе, дважды побѣжденный имъ, императоръ Францъ, при управленіи Австрійскою политикою стараго министра, графа Коллоредо, и уклончиваго графа Кобенцеля, при истощеніи силъ Австріи, соперничествѣ Пруссіи и разрушеніи Германской имперіи, не могъ начинать борьбы. Ее не началъ бы также благоразумный и осторожный король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, при управленіи государственными дѣлами миролюбиваго графа Гаугвица, и министровъ Луккезини и Ломбарда. Безопасный со стороны Австріи и Пруссіи, когда союзъ ихъ раздѣлялся «взаимнымъ опасеніемъ» (mutuo metu, какъ говоритъ Тацитъ), и война была ихъ гибелью, Россію не полагалъ Наполеонъ государствомъ, вполнѣ входящимъ въ систему Европейскую. Онъ считалъ возможнымъ подвергнуть юнаго Монарха Русскаго вліянію хитрой политики, почиталъ его неспособнымъ бороться съ нимъ, не полагалъ даже государственныхъ силъ Россіи важными, и войска Русскаго могущимъ противостать ему. Такъ нѣкогда ошибочно думалъ о Россіи Фридрихъ Великій. Наполеону казался императоръ Александръ увлеченнымъ прелестью юной жизни, величіемъ

власти, желаніемъ нововведеній. И главное вниманіе обращалъ Наполеонъ на соперника, коего непремѣнно надлежало ему побѣдить, и между тѣмъ побѣдить было всего труднѣе: сей соперникъ была Англія.

Она не была побѣждена, когда заключала Аміенскій миръ; политическое недоумѣніе склонило ее на миръ. Англія не была истощена войною, ибо послѣдняя война раскрыла только ей самой ея страшныя силы. Англія была недоступна, волшебный островъ среди волнъ Океана, который стерегли непобѣдимые флоты, какъ нѣкогда драконы стерегли сады Гесперидскіе. Второстепенное государство, она обнимала весь міръ своею торговлею, своими богатствами, своею политикою, тучнѣла отъ войны, и только въ Наполеонѣ и Франціи видѣла препятствіе стать первымъ среди государствъ Европейскихъ. Уничтожить силы Англіи, разрушить ея флоты, раздѣлить единовластіе ея торговли, и свести ее на среду второстепенныхъ государствъ, коимъ опредѣляли ей быть ея пространство и народонаселеніе, какъ въ свой чередъ сведены были нѣкогда Венеція, Генуя, Португалія, Испанія, Голландія: такова была цѣль Наполеона. А средства? Онъ находилъ ихъ именно въ мирѣ, а не въ войнѣ.

Надлежало усыпить хитрую политику Британскую миромъ, удалить ея вліяніе на государства Европейскія, противопоставить ей торговлю и промышленность Франціи и другихъ государствъ, устроить флоты, завладѣть колоніяльною системою посредствомъ

вліянія на Испанію и Соединенные Штаты, и укрѣпленія Французскихъ колоній Америкою и Вестъ-Индіею, и наконецъ, возбудить противъ Англіи политику Европейскихъ государей: таковы средства предварительныя. Занятіе Египта, прежняя мысль завоеванія Индіи, и окончательно, грозная высадка въ самую Англію, должны быть средствами дополнительными. Наполеону казалось, что удаленіе Питта, споры партій, восторгъ Англійскаго народа по окончаніи войны, дружба Фокса, все свидѣтельствовало о политическомъ безначаліи въ Англіи. Ошибки безмѣрныя: онъ не понималъ ни Англіи, ни Питта.

Кто могъ сравнивать Англію съ прежними властителями морей, Испаніею, Португаліею, Голландіею, тотъ, конечно, забывалъ прежде всего различіе характера Англичанъ отъ характера безпечныхъ жителей Пиренейскаго полуострова, отъ флегматическаго, торговаго духа жителей Батавіи. Въ Британцѣ течетъ кровь Германца и Нордманна, соединены умъ одного и мужество другаго. Дивными судьбами устроились государственныя постановленія Англіи, извлеченныя изъ исторической жизни государства, чему напрасно вздумали бы подражать другіе, ибо только то бываетъ прочно и велико, что создается самобытно. Кромѣ того Англія воспользовалась ошибками своихъ предшественниковъ, и владѣя морями, она владѣла ими, не какъ Испанія, бѣдная обладательница Американскихъ рудниковъ, не какъ Голландія, только торговый маклеръ Европы. Британія соедини-

ла съ властью на моряхъ силу государственную; золотомъ своимъ создала она промышленность; обширною политикою пріобрѣла то, въ чемъ отказала ей природа, высокимъ и самобытнымъ образованіемъ и наукою дополняя въ то же время вещественныя средства — а *Питтъ*?

Мы говорили объ немъ. Мы уже видѣли его душею Европейской политики, и безъ Наполеона Питтъ побѣдилъ бы Францію, и задушилъ бы переворотъ. Дивный умъ, идеалъ, о коемъ мечталъ Макіавель, изображая правителя государства, Питтъ созналъ въ Наполеонѣ своего единственнаго соперника, и поклялся непримиримою къ нему враждою. Никто не проникалъ Бонапарте, а Питтъ проникъ его, и еще болѣе — угадалъ возможность борьбы, возможность побѣды надъ нимъ. Удаленіе Питта отъ управленія Англіею было только дипломатическою хитростью. Въ глубинѣ своего уединенія Питтъ обдумывалъ планъ, и хорошо обдумалъ его. Бросивъ Аміенскій миръ, какъ потѣху, пустой тревогѣ оппозиціи, примиривши съ собою народъ удаленіемъ, выставя на битву съ противниками призракъ министра въ лицѣ Аддингтона, Питтъ управлялъ втайнѣ политикою Англіи, и когда Наполеонъ думалъ, что сбросилъ съ ногъ своего соперника, новый Антей, упавши на землю, онъ пріобрѣталъ новыя силы, и готовъ былъ снова бороться, бороться на жизнь и смерть, завѣщая послѣ себя борьбу наслѣдникамъ. Борьба будетъ ужасна; битва будетъ смертельна. Наполеонъ и Питтъ зна-

ютъ, что въ борьбѣ Франціи съ Англіею рѣшается судьба ихъ самихъ, жребій цѣлаго свѣта, участь грядущихъ поколѣній. Приступая къ изображенію сей борьбы, невольно спрашиваете: кому пасть въ ней? Не ужели Наполеону, съ его геніемъ, его войсками, его силами? Жребіи людей неисповѣдимы.

Когда Наполеонъ разсчитывалъ свои средства будущей побѣды, Питтъ уже разсчиталъ свои средства настоящей битвы. Англія недоступна Наполеону. Пособія ея неистощимы. Англія продолжитъ прежнюю войну; она вооружала Европу противъ Франціи, указывая на опасность переворота, прикрывая себя названіемъ защитницы королевской власти во Франціи, и правъ Европейскихъ монарховъ въ лицѣ Людовика XVI-го. Она снова вооружитъ Европу, уже противъ Наполеона, указывая на него, какъ на представителя революціи, какъ на дерзкаго плебея, вторгнувшагося въ среду благородныхъ патриціевъ. Гдѣ не убѣдитъ очевидная опасность, тамъ убѣдитъ оскорбленная гордость. И все явится предосудительно въ Наполеонѣ: его умѣренность будетъ почтена хитростью, укрѣпленіе силъ почтется хищеніемъ, уступки ободрятъ къ требованіямъ, успѣхи укрѣпятъ ненависть; бездѣйствіе другихъ покажется позоромъ при дѣятельности Англіи, а дѣятельность другихъ дастъ средства Англіи выбрать мѣста для новыхъ ударовъ сопернику. Пусть вооружится онъ всесокрушающимъ мечемъ своимъ — его опутаютъ интригою, возмутятъ противъ него крамолы, возставятъ бунты, ободрятъ заговоры,

раздражатъ страсти, оскорбятъ его, заставятъ забыться въ гнѣвѣ, опозорятъ его насмѣшкой, содѣлаютъ его смѣшнымъ въ его недосязаемомъ величіи. . . .

И все немедленно приведено было въ дѣйствіе Питтомъ. Притворною радостью, какую изъявилъ онъ при заключеніи Амьенскаго мира, онъ пріобрѣлъ себѣ снова довѣренность соотечественниковъ, видѣвшихъ пожертвованіе собственнымъ убѣжденіемъ общему голосу народа.

Но едва миръ былъ подписанъ, и «еще не засохло перо, коимъ подписали трактатъ, и еще не застылъ сургучъ печати, приложенной къ нему,» по выраженію лорда Гренвиля, какъ Питтъ употребилъ всѣ средства снова возбудить къ войнѣ съ Наполеономъ Англію и Европу.

Начали съ Англіи. Первая заговорила оппозиція, обращаясь къ народной гордости Англичанъ. «Миръ Аміенскій стыдъ и позоръ намъ,» говорили Виндгамы и Гренвили. «Мы отдаемъ завоеванія, мы истратили милльоны, лили кровь, вездѣ торжествовали. За все получаемъ мы два дрянные островишка, а Франція пріобрѣтаетъ цѣлыя царства.» Другой возгласъ былъ объ опасности отъ Французской торговли, отъ появленія Французовъ въ Индіи и Америкѣ. Удары нанесены были мѣтко. Змѣя взаимной народной ненависти Англичанъ и Французовъ, вскормленная столѣтіями, начала оживать. Народъ устыдился своего восторга къ Бонапарте. Купцы встревожились за

свои кассы и корабли. Тогда громко закричали о ненасытномъ властолюбіи Наполеона. Никогда оппозиція не являлась столь ожесточенною, такъ, что друзья мира прозвали ее «стаей бѣшеныхъ собакъ» (a pack of sanguinary blood hounds). Послѣ оппозиціи принялись за дѣло журналы: не было ругательства, не было обвиненія, коихъ не высказали бы они противъ своихъ министровъ и противъ Наполеона. Употребили новое орудіе: надобно, чтобы вопли журналовъ слышала Европа, и въ Лондонѣ явились Французскіе журналы. Нѣкто Пельтье, наемный ругатель, началъ издавать свой Ambigu, гдѣ виньеткой былъ сфинксъ съ головой Наполеона, и не осталось брани и клеветы, коихъ не изругалъ бы журналъ его; ругали Наполеона, безславили семейство, проклинали мать его; передавали слухи и сплетни изъ Парижа, стыдили Французовъ, кричали о позорѣ Франціи, развратѣ Двора Наполеонова, бунтахъ, заговорахъ, взывали къ народамъ Европы, и вызывали кинжалы на пораженіе кровожаднаго чудовища, правившаго Франціею.

Орудіе вполнѣ подѣйствовало. Испуганный народъ со страхомъ услышалъ объ Сенъ-Домингской экспедиціи, о занятіи Французами Луизіаны, о появленіи всюду Французскихъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Моряки съ негодованіемъ видѣли возвѣявшійся на моряхъ Французскій флагъ. Когда Наполеонъ не допустилъ наводнить Франціи Англійскими товарами, требуя особеннаго торговаго трактата и взаимныхъ выгодъ, закричали о вѣроломствѣ его. Французскихъ

торговыхъ консуловъ, посланныхъ въ Англію, представляли шпіонами. Купцы отправили во Францію свои корабли, и когда Наполеонъ арестовалъ ихъ, какъ контрабанду, биржа шумно взволновалась. «Флагъ Британіи оскорбленъ!» закричали оппозиція, журналы и купцы.

Не менѣе удачно оказалось дѣйствіе политики. Еще робко и недовѣрчиво слушали въ Вѣнѣ и Берлинѣ краснорѣчивыя изъясненія Англійскихъ министровъ, указывавшихъ на опасность Наполеонова честолюбія и превозмогающей силы Франціи, но всѣ партіи, всѣ страсти были уже переиспытаны, и все отозвалось опасеніемъ и тайнымъ согласіемъ уничтожить причину общей тревоги. Агентъ Англіи, Муръ явился возмущать Швейцарію, представляя Швейцарцамъ посредничество Наполеона порабощеніемъ свободныхъ сыновъ Гельвеціи.

Англійское правительство не изъявляло явной непріязни. Фоксъ и Аддингтонъ сражались съ оппозиціею, но между тѣмъ, еще скрывая тайную мысль, не думали исполнять главныхъ условій Аміенскаго трактата: войска Англійскія оставались въ Египтѣ; Мальта была по прежнему занимаема Англичанами; колоніи сдавали Французскимъ, Англійскимъ и Испанскимъ экспедиціямъ медленно, спорили, отговаривались неполученіемъ приказовъ, и наконецъ отказались рѣшительно очистить спорный пунктъ — Мысъ Доброй Надежды.

Что же дѣлалъ Наполеонъ? Тщательно исполнялъ

онъ мирныя условія. Французы очистили Неаполитанскія и Папскія области, и въ слѣдствіе того настоятельно потребовалъ онъ очищенія Мальты, Египта и Мыса Доброй Надежды. Началась медленная переписка. Къ досадѣ Наполеона, сперва тихо, потомъ громко заговорили ему о хищеніяхъ его въ Европѣ. Такъ называло Англійское правительство присоединеніе къ Франціи Піемонта и острова Эльбы, посредничество его въ Швейцаріи, занятіе Луизіаны, произвольныя распоряженія при раздачѣ вознагражденій въ Германіи, настоятельно требуя оставленія Голландіи. Тщетно возражалъ Наполеонъ, что Неаполь и Римъ очищены, что Французскія войска готовы оставить Голландію, что распоряженія о Піемонтѣ и пріобрѣтеніе Луизіаны и Эльбы утверждены согласіемъ другихъ Европейскихъ державъ. Сношенія становились непріязненнѣе. Уже въ Парламентѣ потребовали министры прибавки флота и войска, «въ слѣдствіе мудрой и «всегдашней системы Англіи, связывавшей выгоды ея «съ выгодами другихъ государствъ, ибо Англія не «можетъ быть равнодушною при перемѣнѣ ихъ силъ «и отношеній, и поведеніе ея должно соображаться съ «настоящимъ положеніемъ Европы и постояннымъ «надзоромъ Англіи за благомъ народовъ.» Еще яснѣе было сказано о томъ въ рѣчи Короля, требовавшаго средствъ «поставить его въ состояніе дѣятельно употребить всѣ мѣры, какихъ требовали честь Англіи и ея существенныя выгоды.»

Наполеонъ сдѣлалъ важную ошибку — онъ раз-

сердился. Видя, что проникаютъ всѣ его самые отдаленные виды, что хотятъ предупредить его, не допуская утвердить свои замыслы на твердомъ основаніи, онъ предался безразсудному гнѣву и забылъ мудрую политику медленія. Не успѣвши осуществить отдаленныхъ выгодъ, онъ видѣлъ близкій вредъ, какой нанесетъ ему неожиданное начало войны: оно погубитъ весь остальной флотъ его, уничтожитъ всѣ купеческіе корабли, разсѣявшіеся по морямъ подъ покровомъ мира, истребитъ всѣ значительные запасы, отправленные въ колоніи. Оскорбленный, какъ властитель Франціи, еще болѣе оскорблялся онъ, какъ человѣкъ и семьянинъ, видя позоръ, слыша клеветы и ругательства Англійскихъ журналовъ на самыя драгоцѣнныя ему отношенія — честь сестеръ, матери, и трепеталъ отъ негодованія, видя ихъ слезы, скорбь и печаль, ибо отъ нихъ не могли скрыть ругательствъ Англійской журналистики.

Онъ рѣшился требовать окончательныхъ изъясненій: очищеніе Египта, Мальты и Мыса Доброй Надежды; удаленіе враговъ Франціи, эмигрантовъ и принцовъ Бурбонскаго дома изъ Англіи; прекращеніе кликовъ оппозиціи; запрещеніе ругательствъ въ журналахъ — были непремѣнными условіями продолженія мира.

Питтъ торжествовалъ. И такъ онъ пробилъ желѣзную броню Наполеона, онъ тронулъ всѣ тайныя, живыя струны сердца его, честолюбіе, гордость, отношенія родственныя, спокойствіе семейное, и среди

полумилльона войска сдѣлалъ смѣшнымъ и безсильнымъ разгнѣваннаго плебея!

Англія отвѣчала на требованія объ очищеніи Мальты и Египта прежними возгласами о хищеніяхъ Наполеона и благѣ Европейскихъ народовъ. Англія не могла отказать въ убѣжищѣ изгнанникамъ, и особливо «потомкамъ великихъ властителей Франціи;» она не могла ни запретить голоса оппозиціи въ Парламентахъ, ни ограничить свободы печатанія въ журналахъ, ибо тѣмъ нарушились бы основанія Англійской конституціи. Придумали еще болѣе оскорбительное дѣло: Пельтье, какъ иностранецъ и пасквилянтъ, былъ преданъ суду, и всеобщій хохотъ сопровождалъ судопроизводство, гдѣ онъ оправдывался шутками, доказывая, что онъ не выдумываетъ, и публично читалъ соблазнительную лѣтопись Двора Наполеонова. Все, что говорили въ судѣ, было повторено, перепечатано, разбросано, по всей Европѣ. Пельтье осудили. Онъ взялъ апелляцію и осужденіе было его торжествомъ.

Не было послѣ сего мѣры гнѣву Наполеона. Онъ видѣлъ невозможность отмстить и принудить, когда передъ нимъ преклонялись милльоны, и почтительно склонялась почти вся Европа. Тогда кстати подоспѣлъ отказъ Людовика XVIII-го, о которомъ мы говорили, и пришли извѣстія о неудачѣ въ Сенъ-Доминго. Изъяснимъ далѣе, какъ постепенно видѣлъ онъ въ то же время измѣненія политики Европейской, и слѣдствіемъ раздраженія его были новыя, безпрерывныя ошибки.

Монитёръ началъ отвѣчать гордыми и колкими статьями Англійскимъ журналамъ. Въ Парижѣ появились журналы, возражавшіе противъ клеветъ Пельтье и его собратій. Началась непристойная полемика, недостойная Наполеона, и послужила поводомъ къ новымъ обвиненіямъ его, ибо, говорили оскорбленные Англійскіе министры, «наше правительство не отвѣчаетъ за мнѣнія частныхъ людей, голоса которыхъ запретить не можетъ, а во Франціи, гдѣ существуетъ цензура, журналы суть выраженія мнѣній правительства.» Себастіани, посланный въ Турцію, Египетъ и Сирію, для обозрѣнія тамошнихъ дѣлъ, представилъ Наполеону донесеніе, гдѣ говорилъ объ уваженіи, какое изъявляли ему въ Египтѣ, о восторгѣ, съ какимъ встрѣтилъ его въ Акрѣ Джеззаръ, изумлявшійся Наполеону, о покровительствѣ, какого ожидаетъ отъ него Турція, о желаніи быть подъ властью его республики Семи острововъ. Желая устрашить Англію, Наполеонъ велѣлъ напечатать донесеніе Себастіани. Тогда явилось также въ Монитёрѣ обозрѣніе силъ Франціи, и исчислены были опасности, какимъ подвергнется Англія при войнѣ съ Франціею.

Средства были самыя неудачныя, и только оскорбляли Англичанъ. Оппозиція Парламентовъ перешли всѣ предѣлы. Все возстало противъ Наполеона, всѣ вопли соединились противъ него въ одинъ голосъ. Пока Питтъ скромно, но насмѣшливо соглашался, что невольно долженъ увлекаться общимъ мнѣніемъ, Нельсонъ указывалъ на непріязнь Наполеона, и воскли-

цалъ: «Честь для насъ первое дѣло (Our honor was the most valuable of our interests). Если хищное честолюбіе грозитъ намъ, какихъ жертвъ не принесемъ мы за честь Англіи?» «Битва на смерть!» восклицалъ лордъ Мойра, «и (пожимая руку Нельсона прибавлялъ) вотъ человѣкъ, который за все расплатится съ Французами, гордыми своею храбростью!» — «Гордыми?» горячо спрашивалъ Сидней Смитъ — «храбрыми?» Гаеры, которымъ показывайте куклу Александровъ и Цезарей, губите все священное, садите на престолъ Якобинцовъ — все равно: было бы только на что поглядѣть!» — «Война новому Аннибалу, который на алтарѣ своего честолюбія поклялся въ смертельной ненависти, въ погибели нашей!» восклицали другіе. «Когда и кто сказалъ ему, что мы не умѣемъ сражаться? Не въ Акрѣ ли, не въ Абукирѣ ли слышалъ онъ о томъ?» — «Намъ грозили прежде гибельныя правила революціи — мы уничтожили ихъ; теперь грозитъ сила Франціи — уничтожимъ ее!» восклицалъ Виндгамъ. «А гибель и опасность нашей торговли?» прибавляли многіе. «Смотрю на карту Европы,» говорилъ Шериданъ, «и вездѣ вижу Францію: Италія раба ея, Пруссія слуга, Испанія на колѣняхъ, Португалія у ногъ, Голландія подъ рукою, Турція въ сѣтяхъ — остается Англія: ее побѣдить — такова молитва, которую каждый день повторяетъ Бонапарте, молясь своему богу, не знаю только какому, Магометову ли, котораго обожалъ въ Египтѣ, богинѣ ли Разума, которой молился прежде, или богу По-

бѣдъ, котораго призывалъ въ битвахъ!» Не повторяемъ другихъ рѣчей, которыя тщетно старались остановить и укротить Аддингтонъ и Фоксъ. «Если ужь вы хотите войны,» говорилъ Фоксъ, «по крайней мѣрѣ, говорите прямо, а не прикрывайте себя лицемѣрными возгласами о благѣ народовъ, не срамите Англіи лицемѣріемъ.»

Уже народъ согласно кричалъ о войнѣ, уже въ Англійскихъ портахъ готовились корабли, когда Наполеонъ призвалъ къ себѣ Англійскаго посла, лорда Витворта, и хотѣлъ переговорить съ нимъ. Хладнокровіе Витворта невольно разгорячило его. «Египетъ!» вскричалъ онъ—«я пошлю двадцать тысячь, и Египетъ мой, но я не стану изъ него заводить войны, ибо и безъ того онъ будетъ мой — Порта безъ войны отдастъ мнѣ его. Вы говорите о Піемонтѣ и Швейцаріи — вздоръ! Неужели вы этого не предвидѣли, когда мы мирились? Начните войну, и я самъ поведу мои войска въ Англію, и тогда — горе Англіи!» Всѣ слова его переданы были Витвортомъ въ Англію. Не думая объ условіяхъ, какія предлагали Витворту, объ оправданіяхъ Наполеона въ дѣлахъ своихъ, оппозиція, журналы и народъ кричали только о томъ, что говорилъ онъ объ Египтѣ, о Піемонтѣ, о Швейцаріи, о высадкѣ. «Онъ съ ума сошелъ!» восклицалъ Нельсонъ. «Высадка въ Англію? Въ который разъ грозитъ онъ намъ высадкою? Пусть придутъ — я уничтожу его высадку, я ужъ бивалъ его, онъ ужь бѣгивалъ отъ меня!» Переговоры пре-

вратились въ бранчивый споръ. «Мальта!» говорили одни — «Голландія!» отвѣчали другіе. «Вы не исполняете договора,» говорилъ Наполеонъ. — «Честь Англіи дороже всего,» отвѣчали ему. «Стоитъ ли утесъ Мальтійскій войны?» спрашивалъ онъ. «Рѣчь объ утесѣ, на коемъ зиждется благо Англіи,» былъ отвѣтъ.

Марта 13-го, 1803 года, былъ большой выходъ при Дворѣ Наполеона. Онъ явился мрачный, раздраженный, и прямо подошелъ къ Витворту съ словами: «Ну! Такъ вы хотите войны? Хорошо. Мы дрались пятнадцать лѣтъ, будемъ драться еще пятнадцать — вы принуждаете меня!» Онъ обратился къ Русскому и Испанскому посламъ: «Англичане хотятъ войны, но если они первые вынутъ мечъ, я послѣдній вложу его. Они не уважаютъ трактатовъ — il faut dorénavant les couvrir d'un crêpe noir!» Пройдясь по комнатѣ, Наполеонъ улыбнулся и сказалъ ласково: «Такъ воевать?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ хладнокровно Витвортъ. — «Для чего же вооруженія? Для чего мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного корабля въ гавани, но если вы вооружаетесь, и я вооружусь, если вы хотите драться, и я буду драться. Можетъ быть, вы убьете Францію, но никогда не заставите трусить! Надобно уважать договоры — горе нарушителямъ ихъ: они отвѣтятъ всей Европѣ!»

Если, какъ говорили, Наполеонъ хотѣлъ сей сцены нарочно, думая испугать Витворта, онъ еще разъ

ошибся, ибо умножилъ только взаимное ожесточеніе. Витвортъ былъ не Кобенцель, и что приличествовало революціонному генералу, то не годилось полномочному правителю Франціи. Напрасно старался послѣ сего уладить все дѣло Талейранъ. Обмѣнявшись нѣсколькими бранчивыми нотами, Витвортъ оставилъ Парижъ, и въ половинѣ Мая Парламенты объявили войну Наполеону.

Такъ началась сія кровавая, непримиримая, гибельная война, едва прошелъ годъ, *единственный годъ* во все время Наполеоново, когда *не было войны,* война непостижимая по причинамъ, какія предъявлены къ ней съ обѣихъ сторонъ. Но она понятна, если знать тайныя основанія вражды. Тогда мы не скажемъ, что она была слѣдствіемъ «не политическихъ разсчетовъ, но увлеченія страстей,» (*) тогда не удивимся даже ожесточенію, съ какимъ началась, продолжалась и кончилась сія война. Два врага угадали другъ друга, два врага, равно огромные, одинъ геніемъ войны, другой геніемъ политики, и народы сдѣлались жертвою ихъ непримиримой ненависти.

Начало войны еще болѣе умножило раздраженіе Наполеона. Еще не объявляли уничтоженія Аміенскаго трактата, а уже флоты Англійскіе вышли изъ портовъ и обложили Французскіе берега; сотни каперовъ полетѣли по всѣмъ морямъ, всюду захватывали купеческіе корабли Французовъ, блокировали,

(*) Вальтеръ Скоттъ.

осаждали колоніи, занимали ихъ. Наполеонъ мстилъ равнымъ возмездіемъ. Всѣ находившіеся во Франціи Англичане были объявлены военноплѣнными. Пока приказано было строить вездѣ корабли, укрѣплять гавани, войскамъ занимать берега Франціи и Италіи, и Викторъ съ корпусомъ своимъ снова занялъ Голландію (которой объявлена была война Англіею 17-го Іюня), корпусъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ, гдѣ Герцогъ Кембриджскій призывалъ всѣхъ къ поголовному возстанію, и гдѣ собрана была армія Ганноверская, подъ начальствомъ генерала Вальмодена. Быстрый походъ Мортье лишилъ Англичанъ всѣхъ средствъ защиты. Вальмоденъ удалился за Везеръ, и 4-го Іюня заключилъ договоръ, по коему, отдавая оружіе, онъ могъ удалиться въ Англію, съ условіемъ не служить во все продолженіе войны противъ Французовъ. Договоръ послали въ Лондонъ; его отвергли, и отвѣчали протестомъ, что занятіе Ганновера есть нарушеніе правъ Германской имперіи, и что воюя съ Англіею, Наполеонъ не имѣлъ права занять его, ибо Ганноверъ былъ владѣніе Курфирста Германскаго, а не Короля Англійскаго. Мортье потребовалъ тогда безусловнаго плѣна войскъ. Хотѣли сражаться, но видѣли невозможность борьбы, и предоставляя участь Ганновера будущему, по краткомъ колебаніи, Вальмоденъ со слезами подписалъ капитуляцію, условясь распустить войско по домамъ. Оружіе, артиллерія, корабли Англійскіе на Эльбѣ и Везерѣ, крѣпости, гдѣ найдено 500 пушекъ, 40,000

ружей и множество пороха и снарядовъ, сданы были Французамъ. Завоеваніе легкое, но — бѣдственное многимъ по слѣдствіямъ его.

Также завоеваніемъ можно было почесть безпрепятственное вступленіе корпуса Сенъ-Сира въ Неаполитанскія владѣнія, гдѣ, съ согласія Короля, заняли они Бриндизи, Отранто и Тарентъ. Велѣно соблюдать, какъ въ Ганноверѣ, такъ и въ Неаполѣ, строжайшую дисциплину. Черезъ мѣсяцъ по объявленіи разрыва берега Италіи, Франціи, Голландіи и устья Эльбы и Везера были недоступны Англичанамъ. Наполеонъ самъ объѣхалъ Бельгію и сѣверные берега Франціи, осматривая укрѣпленія Антверпена, и лагери въ Гентѣ, Сентъ-Омерѣ, Компіенѣ, Сенъ-Мало и Булони. Но ему недостаточно было только охранительныхъ мѣръ; онъ хотѣлъ привесть въ исполненіе свои угрозы — нанесть Англіи прямой и гибельный ударъ: мысль о высадкѣ въ Англію занимала его.

Здѣсь приводили его въ сомнѣніе не средства высадки, не недостатокъ смѣлости. Онъ не сомнѣвался въ союзѣ Испаніи и Португаліи. Затворивъ берега Пиренейскаго полуострова Англичанамъ, онъ соединитъ Французскіе, Испанскіе, Голландскіе корабли, прикроетъ ими свои перевозныя суда и лодки, на которыхъ передвинетъ войска на Англійскіе берега. Онъ уже слышитъ о тревогѣ Англичанъ. Кто осмѣлится противорѣчить ему? Связать его дѣйствія? Одинъ слухъ о томъ, что по занятіи Ганно-

вера Датскій корпусъ собрался на предѣлахъ Голштиніи, объявляя, что будетъ охранять неутралитетъ, и наблюдать за безопасностію Датскихъ границъ, приводитъ его въ гнѣвъ. «Неутралитетъ? Защита?» восклицаетъ онъ, и прибавляя насмѣшку, что «страсть воевать смѣшна, когда обладаетъ маленькими государями,» велитъ спросить: «не ужели думаетъ Данія сражаться, если какой нибудь Французскій полкъ вступитъ въ ея предѣлы?» Отвѣтомъ былъ приказъ Датскому войску удалиться, и Данія объявила неутралитетъ, умоляя о сохраненіи его. Такъ одинъ вопросъ о причинахъ вооруженія заставилъ Гессенъ-Кассельскаго Курфирста прекратить свои приготовленія.

Все безмолвствуетъ въ смутномъ ожиданіи, видя сближеніе двухъ грозныхъ соперниковъ. Но тишина была ужасна, какъ безвѣтріе передъ громоносною бурею.

Мы видѣли мнѣніе Наполеона о Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ. Его не могла однакожь не смутить вѣсть объ успѣхѣ Англійской дипломатики при Дворахъ Европейскихъ Государей. Онъ слышалъ о движеніи умовъ въ Берлинѣ, о недоумѣніи дипломатовъ въ Вѣнѣ. Не ужели новый союзъ опять соединитъ противъ Франціи Европу? Наполеонъ не страшился его, но тогда открывалась безконечная война на материкѣ Европы и Англія торжествовала, Англія, мщеніе коей сдѣлалось главною, единственною мыслью Наполеона, поработившею все

другія соображенія, мыслью, коей готовъ онъ былъ пожертвовать всѣмъ другимъ, ибо онъ видѣлъ, что здѣсь была развязка всѣхъ намѣреній его, цѣль всѣхъ его предпріятій. Онъ рѣшился поддерживать, если не дружескія, по крайней мѣрѣ, неопредѣленныя отношенія съ Австріею, Пруссіею, Россіею, подвинуть на союзъ Испанію, и между тѣмъ усилить дѣйствія противъ Англіи.

Съ нѣкотораго времени замѣтна была особенная дѣятельность въ Австріи. Готовили войско, укрѣпляли предѣлы. На вопросъ о томъ Наполеона, императоръ Францъ отвѣчалъ, что не можетъ не думать о безопасности своего государства при быстрыхъ измѣненіяхъ политическихъ обстоятельствъ въ Европѣ. Его увѣряли, что Франція не начнетъ войны. «И я не начну ее,» говорилъ Императоръ, «если другіе меня не принудятъ.» Какъ различенъ былъ сей кроткій отвѣтъ отъ того горделиваго рѣшенія судебъ Франціи, какого не скрывала Австрія за три года прежде!

Августа 7-го Австрія объявила неутралитетъ, но сильное войско Австрійское собиралось на предѣлахъ Италіи, «для поддержанія неутралитета,» какъ говорилъ Кобенцель. Кто же могъ нарушить его? Явно было, что предлогъ неутралитета прикрывалъ желаніе воспользоваться первымъ случаемъ къ расплатѣ съ Франціею.

Не менѣе затруднительны становились сношенія Наполеона съ Пруссіею. Вмѣсто ожиданной покор-

ности волѣ его, Наполеону неожиданно предложили условія, на которыхъ Пруссія соглашалась оставаться нейтральною. Условіями были очищеніе Ганновера отъ Французскихъ войскъ и занятіе его Прусскими войсками. Наполеонъ хотѣлъ рѣшенія болѣе опредѣленнаго и окончательнаго. Онъ предложилъ утвердить вовсе Ганноверъ за Пруссіею, ручаясь за согласіе на уступку его всѣхъ державъ при заключеніи мира, но за то потребовалъ онъ союза и объявленія войны Англіи. Предложеніе было обольстительно, но слишкомъ смѣло для робкой Прусской политики. Ганноверъ дѣлался спорнымъ яблокомъ раздора, ибо на занятіи его Англія утверждала нарушеніе правъ Германской имперіи Наполеономъ. Соглашаясь взять его, Пруссія дѣлалась виновною въ произвольномъ хищеніи, и навсегда соединяла жребій свой съ жребіемъ Наполеона, дѣлалась рабою его, утрачивала свою государственную самобытность. Зная прелесть приманки, Наполеонъ настаивалъ въ своемъ мнѣніи. Переговоры длились.

Такимъ образомъ Наполеонъ могъ однакожь надѣяться, что ни Пруссія, ни Австрія не начнутъ воевать. Оставалось утвердить отношенія къ Россіи.

Наполеонъ ошибался въ мнѣніи своемъ объ императорѣ Александрѣ, объ Россіи, и даже объ Русскихъ войскахъ. Казавшійся столь уступчивымъ, императоръ Александръ, подъ самою увлекательною, кроткою наружностью, скрывалъ обширный государственный умъ, твердость воли непобѣдимую, готовую

на подвигъ великій, душу, способную не забыться въ счастіи и не унывать въ бѣдствіи. Онъ не былъ геній, который созидаетъ мгновеніями, изумляетъ рѣшеніями необыкновенными, но также легко гибнетъ, мгновенно разрушая все имъ созданное. Мудрость Александра была мудрость царственная, охранительная, съ полнымъ сознаніемъ своего высокаго призванія, своихъ великихъ обязанностей монарха, и чести и могущества своего государства. Не только не считалъ Александръ дѣлъ Европы чуждыми Россіи, но съ первыхъ дней царствованія былъ увѣренъ въ важности вліянія Россіи на дѣла Европы. Удивляясь генію Наполеона, онъ не думалъ уступать ему первенства въ Европѣ, не хотѣлъ подчиняться его политикѣ, и не вызывая его на опасную борьбу, положилъ однакожь твердо стать неусыпнымъ стражемъ за его честолюбіемъ и самовластіемъ. Увѣренный, что не должно вполнѣ разрушать прежнее, онъ не хотѣлъ невѣрнаго блага въ будущемъ искупать разрушеніемъ настоящаго порядка. Такъ соразмѣрялъ онъ всѣ свои дѣла съ политическимъ состояніемъ Россіи, требовалъ мира при началѣ царствованія, купилъ его даже нѣкоторыми уступками честолюбія, но былъ постоянно твердъ противъ Наполеона, хотя въ то же время Парижскимъ трактатомъ предположилъ, соединенно съ нимъ, ограничить самовластіе Англіи на моряхъ.

Александръ постигъ могущество Россіи, заключенное въ его народѣ, который казался полуварвар-

скимъ Наполеону. Слава, которою обольщались подданные Наполеона, замѣнялась въ Рускихъ гордымъ сознанiемъ своей государственной силы. Въ Россiи была Вѣра, двигающая сердца и души, было патрiархальное благоговѣнiе къ власти Царя, котораго не замѣняютъ отвлеченныя идеи о необходимости повиновенiя правительству. Единство власти, котораго такъ искалъ Наполеонъ, было крѣпко въ рукахъ Александра, властителя 50-ти милльоновъ сильнаго, храбраго сѣвернаго народа. Отвагу Француза замѣнялъ Рускiй мужествомъ, превышающую образованность воиновъ Наполеона непобѣдимою настойчивостью, и недостатокъ образованiя дополнялъ удивительною смѣтливостью, съ какою Рускiй перенимаетъ и усвоиваетъ себѣ успѣхи и мысли другихъ, преображая ихъ въ свою особенную, самобытную форму. Такъ съ самаго начала царствованiя императора Александра великiя преобразованiя учинены были въ Русскомъ войскѣ, и реформа коснулась всѣхъ частей военнаго управленiя, устройства артиллерiи, вооруженiя и одежды. Кто видалъ войска Русскiя въ Италiи съ Суворовымъ, тотъ не узнавалъ ихъ потомъ на поляхъ Кремса и Эйлау.

Нѣтъ! Наполеонъ ошибался и въ Александрѣ и въ Россiи, и всѣ другiя ошибки могъ онъ искупить, но сей ошибки не искупилъ онъ никакими усилiями своего всемогущаго генiя. Императоръ Александръ также проникъ его, какъ проникъ его Питтъ.

Постоянно удерживая принятую имъ систему по-

литики, Александръ изъявлялъ довѣренность и пріязнь Наполеону. Онъ не тревожился, когда Наполеонъ соединилъ въ себѣ званія правителя Франціи и Италіи, когда онъ облекъ себя званіемъ Консула Франціи на жизнь, когда присоединилъ къ Франціи Піемонтъ и принялъ посредничество въ дѣлахъ Швейцаріи. Всѣ сіи событія являлись неизбѣжными послѣдствіями того, что совершилось прежде. Ни — ни шагу далѣе, и полное, взаимное уваженіе правъ, были притомъ неизмѣнными правилами Александра. Потому не принималъ онъ никакого участія въ судьбѣ Бурбоновъ. Наполеонъ оцѣнялъ поступки Александра и старался поддерживать пріязнь его. Александръ изъявилъ ему особенное удовольствіе, когда, при вознагражденіяхъ въ Германіи Наполеонъ, согласно желанію Александра, старался о пользахъ Бадена и Виртемберга. Но въ то же время Александръ не уступалъ ему своихъ прежнихъ требованій, условленныхъ Парижскимъ трактатомъ. Послѣ удаленія Французскихъ войскъ изъ Неаполя, и при изъявленіи готовности очистить Голландію, требованія сіи заключались только въ вознагражденіи Сардинскаго Короля. Послѣ присоединенія Піемонта къ Франціи Наполеонъ предлагалъ Александру вознаградить Сардинскаго Короля Сіенною, или Луккою и Масса-Каррарою. Вознагражденіе казалось недостаточнымъ, но переговоры шли мирно. Здѣсь начался раздоръ Наполеона съ Англіею.

И безъ указаній Питта, Александръ, какъ ска-

зали мы, прописалъ Наполеона, но система политики его была уже опредѣлена. Сообразно тому, онъ показывалъ совершенное безпристрастіе къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ, даже обвинялъ болѣе Англію, и когда споръ сосредоточился всего упорнѣе на Мальтѣ, Александръ принялъ предложенное ему Наполеономъ посредничество, объявляя, что Мальта будетъ занята Русскимъ войскомъ, пока окончатся всѣ другіе споры. Но когда, по объявленіи Англіею войны, Наполеонъ занялъ Ганноверъ и Тарентъ, Александръ объявилъ, что считаетъ оба сіи дѣйствія противными сущности трактатовъ, и требовалъ немедленнаго удаленія Французскихъ войскъ изъ Неаполитанскихъ и Ганноверскихъ областей, несогласный притомъ допустить занятіе Ганновера Прусскими войсками. Онъ ручался за неутралитетъ Ганновера и Неаполя. Забывая правила политики, столько же выигрывающей уступками, сколько упорностью, при раздраженномъ состояніи своемъ Наполеонъ не уважалъ представленій Россіи, и тѣмъ безразсудно оправдывалъ подозрѣнія, которыя старались возбудить въ душѣ Александра Англійскіе дипломаты. Не только Ганноверъ не былъ оставленъ Французами, но желая пресѣчь тайную торговлю Англичанъ съ Германіею, Наполеонъ занялъ Куксгавенъ, портъ Гамбургскій, не заботясь о неутралитетѣ Имперскихъ городовъ. На требованіе о Неаполѣ онъ отвѣчалъ, что доколѣ Англичане не очистятъ Мальты, Французы не оставятъ Тарента.

Вопросъ запутывался, неудовольствія умножались, но Александръ соблюдалъ прежнюю умѣренную политику. Наполеонъ считалъ ее робостью; смѣлость его увеличивалась. Къ несчастію, противъ Наполеона упорно дѣйствовали министры Русскіе въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ.

Графъ С. Р. Воронцовъ, братъ Канцлера Россіи, А. Р. Воронцова, съ 1784 года, уже около двадцати лѣтъ, находился безсмѣнно посломъ въ Англіи, былъ другъ Питта, любилъ Англичанъ, свыкся съ ихъ обычаями, такъ, что не выѣхалъ потомъ изъ Англіи и умеръ тамъ. Вполнѣ слѣдуя политикѣ Англіи, онъ не терпѣлъ Наполеона, и старался довести Россію до войны съ нимъ. Въ Вѣнѣ былъ посломъ графъ А. К. Разумовскій, преданный Австрійской политикѣ, какъ Воронцовъ преданъ былъ Англійской, до того, что Суворовъ, во время похода своего въ Италію, жаловался безпрерывно на излишнюю преданность Русскаго дипломата Австріи. Наконецъ, графъ А. И. Марковъ, посолъ въ Парижѣ, былъ старый дипломатъ временъ Екатерины, не терпѣвшій Французовъ, какъ Воронцовъ и Разумовскій, и лично ненавидѣвшій Наполеона. Онъ даже не скрывалъ своей ненависти и своего презрѣнія, и нерѣдко забывая дипломатическія приличія, оскорблялъ Наполеона грубыми поступками, какъ будто изыскивая средства къ разрыву съ нимъ: давалъ балы и не приглашалъ его; уѣзжалъ изъ дворца, если не съ нимъ первымъ начиналъ говорить

Наполеонъ. «Какой мундиръ на васъ?» спросилъ его однажды Наполеонъ. «Такой же, какъ на васъ — c'est une uniforme de fantaisie,» отвѣчалъ насмѣшливо Марковъ. Разговорясь однажды съ Наполеономъ о Тюльерійскомъ садѣ, онъ вызвалъ его гулять, и когда сошли на крыльцо, поклонился, сѣлъ въ свою карету и уѣхалъ, говоря потомъ, что «заставилъ Бонапарте провожать его до кареты.» Выведенный изъ терпѣнія, Наполеонъ просилъ объ удаленіи Маркова изъ Парижа. Между тѣмъ открылось участіе въ заговорѣ какого-то Крестена, бывшаго нѣкогда секретаремъ при Калонѣ, но тогда находившагося при Русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Наполеонъ арестовалъ его. Марковъ явился на придворномъ выходѣ, началъ объясненія, и настоятельно требовалъ освобожденія Крестена. Наполеонъ разгорячился, заспорилъ, говорилъ, что ему странно кажется, почему императоръ Александръ употребляетъ при посольствахъ такихъ людей, какъ Крестенъ, или эмигранты Вернегъ и Антрагъ, находящіеся при Русскихъ дипломатахъ въ Дрезденѣ и Римѣ, люди, разсѣвающіе противъ него пасквили и клеветы, и явно преданные Бурбонамъ. Онъ не выдалъ Крестена. Марковъ съ своей стороны наговорилъ ему грубостей, взбѣсилъ его, даже принудилъ сказать: «Развѣ вы считаете насъ пряхами за куделью (tellement à la quenouille), что заставляете переносить такія оскорбленія? Знайте, что не только не отпущу я Крестена, но арестую каждаго, не смотря на лицо, кто

задумаетъ вредить Франціи!» Марковъ радовался досадѣ Наполеона, увѣдомилъ обо всемъ свой Дворъ, ждалъ разрыва, и къ изумленію, получилъ отзывъ изъ Парижа. Императоръ Александръ удовольствовался только замѣчаніемъ Наполеонову послу Гедувилю, что ему непріятна «излишняя живость, съ какою обошелся первый Консулъ съ посломъ его на публичной аудіенціи.» Не изъявляя нимало гнѣва Маркову, Александръ пожаловалъ ему Андреевскій орденъ, и назначилъ его членомъ учрежденнаго тогда въ Россіи Государственнаго Совѣта. Императоръ Александръ явился здѣсь выше мѣлкихъ притязаній и разсчетовъ, но тѣмъ упорнѣе настоялъ на своихъ требованіяхъ, и уже не назначалъ никого посломъ въ Парижъ. Дѣла предоставлены были секретарю посольства, съ званіемъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Наполеонъ не умѣлъ оцѣнить великодушной кротости и сильной воли Русскаго Монарха.

Волнуемый сильными страстями, казалось, онъ отдыхалъ только при оглушительныхъ звукахъ военной музыки, среди прежнихъ товарищей, при гулѣ выстрѣловъ, уже раздававшихся на берегахъ Франціи. Но не приступая къ изображенію разгара войны съ Англіею, дополнимъ здѣсь еще предварительныя политическія мѣры Наполеона.

Предоставляя будущему разрѣшеніе дипломатическихъ недоумѣній съ Германіею и Россіею, Наполеонъ настоятельно потребовалъ союза Испаніи и Португаліи. Онѣ умоляли его о неутралитетѣ, но Напо-

леонъ не согласился. Испанія могла купить согласіе его только платою субсидій, обязавшись вносить по 5 милльоновъ ливровъ въ мѣсяцъ, и на такомъ же условіи купила неутралитетъ Португалія, платя по милльону ливровъ въ мѣсяцъ.

Среди сихъ событій, среди волненій, возмутившихъ всѣ части свѣта, насталъ 1804 годъ, достопамятный въ жизни Наполеона.

Война съ Англіею была принята во Франціи единодушнымъ изъявленіемъ усердія всѣхъ жителей, восторга всего войска. Многіе ли могли оцѣнять гражданскіе подвиги Наполеона, среди противорѣчія партій, при медленныхъ плодахъ добра, и кто слышитъ тихія благословенія мирнаго гражданина его повелителю? Но война, стихія Наполеона, снова должна осуществить чудеса, творимыя его геніемъ, думали всѣ, и кликъ воинскихъ дружинъ такъ громокъ, такъ обольстителенъ! Наполеонъ умѣлъ придать войнѣ съ Англіею народность, возбудить чувства ненависти, вѣками раздѣлявшія Францію съ Англіею, представить поступки Англіи оскорбленіемъ государственной чести Франціи, одушевить полки свои жаждою мести. Съ весною 1804 года множество мѣлкихъ судовъ было уже готово въ сѣверныхъ гаваняхъ Франціи. Войска, собранныя на берегахъ, пріучались къ морскимъ маневрамъ, къ внезапнымъ тревогамъ, къ переходу на суда, къ высадкамъ съ судовъ на берегъ. Напрасно утверждали потомъ, что высадка Наполеонова была только средствомъ безопасно со-

средоточить силы на борьбу съ Европою, ибо онъ уже предвидѣлъ тогда союзъ противъ него Европейскихъ государей. Нѣтъ! Его предпріимчивому генію казалась доступною мысль перенесть войну въ нѣдра Англіи и явить въ себѣ новаго Вильгельма Завоевателя. Англія вѣрила осуществленію сей мысли, видя грозныя воинства, собранныя на Французскихъ берегахъ, дѣятельность въ портахъ, работы въ арсеналахъ, въ адмиралтействахъ, на верфяхъ. Силы огромныя собрали въ Англіи отражать Наполеона. Число кораблей, фрегатовъ и другихъ судовъ, вполнѣ готовыхъ, простиралось тогда у Англичанъ до 511-ти; до 373 малыхъ судовъ было заготовляемо, и 624 готово; число морскаго экипажа достигало 98,000, кромѣ 25,000 морскихъ солдатъ (fencibles). Сухопутныя силы Англіи составляли 100,000 регулярнаго войска и 80,000 регулярной милиціи. Но все казалось недостаточнымъ. Питтъ, стоявшій во главѣ оппозиціи, и Фоксъ, соединившійся съ нимъ, требовали мѣръ чрезвычайныхъ. На предложеніе укрѣпить берега — «не укрѣпить,» говорили они, «надобно усыпать ихъ пушками и людьми — загородить недоступною стѣною!» На требованіе прибавки войскъ, объявили, что весь Англійскій народъ долженъ вооружиться. «Никто менѣе меня не боится Французской высадки,» говорилъ Питтъ, «но въ войнѣ все зависитъ отъ случайности, отъ одного дня, часа, мгновенія. Чего не предприметъ никакой генералъ, опасаясь отвѣта головою, то предприметъ генералъ

Французскій, ибо отвѣтитъ головою, если откажется отъ самаго безумнаго предпріятія.... Самые отчаянные замыслы не покажутся такими Бонапарте. Не говорите: «того, или другаго быть не можетъ,» ибо съ нимъ все можетъ быть. Наше положеніе необыкновенно, и мѣры должны быть приняты необыкновенныя.» Кликами восторга отвѣчали на всѣ слова его, и вся Англія превратилась въ лагерь, арсеналъ, крѣпость. Положено, что всѣ Англичане, отъ 17-ти до 55-ти лѣтъ, безъ различія званій должны поступить въ ополченіе. На первый случай составили милиціи 400,000. Всѣ записывались въ полки. Аристократы и чернь, юноши и старики рядомъ стояли въ ополченіи. Питтъ, Каннингъ, Шериданъ были капитанами ротъ, учили ихъ маршировать, и Rule Britannia, God save the king, раздавались на городскихъ и сельскихъ площадяхъ, на пирахъ и обѣдахъ, гдѣ первыми гостями считали моряковъ и военныхъ. Вездѣ устроены были телеграфы, зажжены маяки, учреждены сигналы, и съ первымъ выстрѣломъ, въ нѣсколько часовъ возставала и бралась за ружье вся Англія. Уже не въ журналахъ, но въ церквахъ проповѣдывали войну, осыпая бранью и проклятіями Наполеона. Слово мира смѣнилось въ храмахъ Божіихъ словами брани. Это не была война, но было ожесточенное возстаніе, дышавшее жаждою ненависти и духомъ истребленія. Флоты Англійскіе имѣли предписаніе жечь и раззорять безъ разбора. Кейтъ и Сидней Смитъ отправились къ Було-

ии, Корнвалисъ къ Бресту, Пелью къ Испанскимъ берегамъ, Нельсонъ къ Тулону, Генуѣ и Ливорнѣ. На островахъ Джерсеѣ и Гернсеѣ собирали отряды эмигрантовъ намѣреваясь высадить ихъ на берега Вандеи. Англія защищалась не однимъ оружіемъ: политика, возбужденіе раздора и междоусобія, разрушеніе всѣхъ условій общественныхъ, соблюдаемыхъ въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ — все было вызвано ею на защиту. «Не сравнивайте нынѣшней войны съ «прежними, когда мы сражались съ революціею: те«перь вся сила Франціи въ рукѣ *одного*, и посмо«трите: онъ собралъ войска, число коихъ можно на«звать сказочнымъ. Онъ замѣнилъ флотъ искуствен«нымъ флотомъ, и кто угадаетъ всѣ губительные «замыслы его?» восклицалъ Питтъ. Удивимся ли, что духъ ненависти и злобы увлекъ наконецъ Англію къ поступку, отвергаемому условіями просвѣщеннаго общества и вѣка? Бѣдственны и страшны увлеченія страстей. *Одинъ человѣкъ* страшитъ Англію. Если все позволено противъ Франціи, если Англичанинъ имѣетъ право подкрасться къ часовому на Французскомъ берегу и убить его, почему нельзя подкрасться къ *одному*, который охраняетъ Францію, и почему нельзя поразить его? Кровавыя статьи Англійскихъ журналовъ открыто высказывали сіи гибельные софизмы. И притомъ, не Англія подыметъ кинжалъ, а рука Француза, и кто спроситъ о средствахъ, кто осудитъ ихъ, если успѣхъ увѣнчаетъ дѣло?

На такихъ основаніяхъ утвержденъ былъ планъ обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлью смерть Наполеона. Исполнителями его были *Пишегрю* и *Жоржъ Кадудаль, Дюмурье, Полиньякъ,* и *Моро.* Страшное соединеніе именъ!

Арманъ, Юлій Полиньякъ былъ сынъ Герцога Полиньяка и любимицы королевы Маріи Антуанетты. Мать его была душею тѣхъ пагубныхъ совѣтовъ, которые погубили Людовика XVI-го, и прежде всѣхъ бѣжала изъ Франціи съ мужемъ. Вскорѣ послѣдовалъ за ними молодой Арманъ, находился въ арміи Конде, и когда отецъ и мать его нашли себѣ убѣжище въ Россіи, онъ съ младшимъ братомъ удалился въ Англію. Отличаясь нѣкогда мотовствомъ и шалостями при Дворѣ королевскомъ, Полиньякъ былъ истинный образецъ молодыхъ щеголей прежняго времени, развратныхъ изъ тщеславія, храбрыхъ изъ приличій, и безпечно увлекавшихся первымъ движеніемъ на добро и зло. Въ Лондонѣ сдружился онъ съ Жоржемъ Кадудалемъ, удалившимся изъ Франціи, фанатически ненавидѣвшимъ Наполеона, и съ Пишегрю и Дюмурье. Сосланный Директоріею въ Кайенну, Пишегрю успѣлъ уйдти оттуда съ Бартелеми, Вилльо, Деларю, Обри и Рамелемъ; въ дикарской лодкѣ, и пѣшкомъ черезъ пустыни, достигъ онъ Суринама, и на Англійскомъ кораблѣ прибылъ въ Англію. Здѣсь приняли его съ уваженіемъ и отправили въ Германію, когда Австрія и Россія, въ 1799 году, воевали съ Франціею. Пишегрю былъ у Корсакова въ Швейца-

ріи, бѣжалъ послѣ разбитія его, едва не былъ захваченъ въ Пруссіи, и удалился въ Англію, куда явился также Дюмурье, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Даніи, поѣздки въ Митаву, гдѣ довольно холодно встрѣтилъ его Людовикъ XVIII-й, и посѣщенія Петербурга. На материкѣ Европы Дюмурье оставаться было опасно. Въ Лондонѣ, гдѣ всѣхъ ихъ ласкалъ Питтъ, составился пагубный союзъ Жоржа, Пишегрю, Дюмурье и Полиньяка. Обманывая взаимно другъ друга, они условились въ одномъ — необходимости смерти Наполеоновой, и великой услугѣ человѣчеству того, кто будетъ Брутомъ и Кассіемъ новаго Цезаря, котораго одни изъ нихъ называли похитителемъ престола, другіе измѣнникомъ революціи. Заговоръ образовался. Дали слово другъ другу. Исполненіе злодѣйства брали на себя Пишегрю и Жоржъ. Они вызвались ѣхать въ Парижъ и убить Наполеона. Пишегрю увѣрялъ въ согласіи съ ними Моро, представляя товарищамъ присланнаго отъ Моро въ Англію адъютанта Лажоле. Дюмурье долженъ былъ ѣхать въ Германію, собрать эмигрантовъ, соединиться съ Герцогомъ Ангіенскимъ, и когда получатъ извѣстіе о смерти Наполеона, поспѣшить во Францію и явиться представителемъ Бурбоновъ, власть которыхъ провозгласятъ въ Парижѣ Пишегрю и Моро, пока Жоржъ возставитъ Бретань и Вандею. Надѣялись, что Европа, по крайней мѣрѣ, Англія, дѣятельно помогутъ воспользоваться смятеніемъ, какое необходимо послѣдуетъ послѣ смерти Бонапарте,

и подкрѣпятъ возведеніе Людовика XVIII-го на престолъ Французскій. Питтъ все обѣщалъ. Дюмурье долженъ былъ снестись съ Англійскими посланниками, Дракомъ въ Стутгардтѣ, Спенсеромъ Смитомъ въ Мюнхенѣ, Румбольдтомъ въ Гамбургѣ и Тейлоромъ въ Карлсругѣ. Хорошо снабженные деньгами, сперва Жоржъ, потомъ Полиньякъ, братъ его, и другъ Ларотьеръ, а наконецъ и Пишегрю, переправились во Францію на Англійскомъ кутерѣ, которымъ командовалъ капитанъ Райтъ, другъ Сиднея Смита, вмѣстѣ съ нимъ захваченный нѣкогда и вмѣстѣ убѣжавшій изъ Тампля. Онъ высаживалъ заговорщиковъ на дикомъ берегу Нормандіи, близъ Бивалля. Всѣ тайно добрались до Парижа. Здѣсь начались первыя затрудненія.

Моро, медленный, нерѣшительный, испугался, когда Пишегрю явился къ нему и надлежало приступить къ дѣлу. Послѣ всѣхъ событій съ 18-го брюмера, Моро былъ какимъ-то страннымъ представителемъ либерализма, нигдѣ не выказывая своей оппозиціи на дѣлѣ, не терпя Наполеона и повинуясь ему. Гордый вниманіемъ къ нему либераловъ, онъ собиралъ ихъ у себя, позволялъ имъ бранить Наполеона, старался показать свою независимость мнѣній, хвалился своимъ республиканствомъ, но все ограничивалось хвастовствомъ и пошлыми шутками. Такъ, когда положено учредить Почетный Легіонъ, Моро провозгласилъ за столомъ своимъ учрежденіе «почетной кастрюли» въ награду поваровъ. Либералы, обѣдая и

шутя у Моро, презирали его, называли его восковымъ героемъ, «тыквою подъ фрикасе,» но имъ надобно было имя полководца, которое многіе ставили выше Наполеонова. Пишегрю откровенно говорилъ ему, что именемъ Бурбоновъ хотѣли онъ и Дюмурье только увлечь Жоржа и роялистовъ, но истинная цѣль участія въ заговорѣ его и Дюмурье составить тріумвиратъ республиканскій, когда Жоржъ исполнитъ свое дѣло. Тріумвирами назначалъ онъ себя, Дюмурье и Моро. Въ страшной нерѣшительности, Моро не отрекался, но не захотѣлъ видѣть Жоржа, не рѣшался на убійство Наполеона, и отказался говорить съ Бернадоттомъ и другими либералами. Пишегрю увидѣлъ, что Моро хочетъ медлить, проводить время, предоставить опасность другимъ, и воспользоваться успѣхомъ, если будетъ можно, отрекаясь при неудачѣ. Открыть Наполеону заговоръ у Моро недоставало духа. Сношенія сдѣлались холодны. Жоржъ бѣсился, понявши взаимный обманъ, и ссорился съ Пишегрю, который упрекалъ его въ неосторожныхъ поступкахъ. Онъ рѣшился дѣйствовать отдѣльно, собралъ до 200 сообщниковъ, хотѣлъ напасть съ ними на Наполеона гдѣ нибудь, при поѣздкахъ его изъ Мальмезона, или Сенъ-Клу, даже нѣсколько разъ назначалъ дни и отмѣнялъ ихъ. Несчастные заговорщики не знали, что участь ихъ скоро должна была рѣшиться.

Фуше, оскорбленный недовѣрчивостью и презрѣніемъ Наполеона, хотѣлъ доказать ему страшную силу тайной полиціи, и если не пріобрѣсть снова полной

довѣренности его, по крайней мѣрѣ, показать ему важность свою и заставить считать себя необходимымъ. Онъ проникъ начало заговора въ Лондонѣ. Отважный бездѣльникъ, Меге де ла-Тушъ, нѣкогда палачъ при Робеспьерѣ, бѣжавшій въ Англію, присланный шпіономъ отъ Питта въ Парижъ, предложившій услуги Фуше, принятый имъ, и бравшій деньги съ обѣихъ сторонъ, успѣлъ пріобрѣсть довѣренность заговорщиковъ, былъ посланъ отъ нихъ въ Стутгардтъ, Гамбургъ и Мюнхенъ, и сообщалъ Фуше всѣ подробности. Фуше не щадилъ наградъ, и за то зналъ часъ и мѣсто, когда и гдѣ пристали заговорщики къ берегу Франціи, зналъ, какъ ѣхали до Парижа, гдѣ жили въ Парижѣ и когда видались. Онъ хотѣлъ довести заговоръ до настоящей зрѣлости, но былъ предупрежденъ. Савари, начальникъ жандармовъ, успѣлъ схватить по подозрѣнію нѣсколькихъ сообщниковъ Жоржа, и одинъ изъ нихъ признался, что пріѣхалъ во Францію съ Жоржемъ и Пишегрю, и что Моро участвуетъ въ заговорѣ. Реаль явился съ показаніемъ заговорщика къ Наполеону, который сначала не повѣрилъ. «Какъ? Моро?» воскликнулъ онъ. «Одинъ, кто еще могъ безпокоить меня, и онъ попался такъ глупо? У меня есть звѣзда (J'ai une étoile)!» Поступки Моро и незаслуженная извѣстность его оскорбляли Наполеона. Нѣсколько разъ поручалъ онъ объясняться съ нимъ, и каждый разъ непріязнь умножалась. «Если Моро считаетъ меня Цезаремъ и хочетъ играть роль Помпея, зачѣмъ же стало — дорога от-

крытая — пусть начинаетъ!» говорилъ Наполеонъ. Онъ хотѣлъ даже однажды рѣшить дѣло дуелью. Трудно вообразить себѣ гнѣвъ Наполеона при донесеніи Реаля. Онъ могъ всего другаго ожидать отъ Моро, но — товарищъ убійцъ! Побѣдитель Гогенлинденскій сообщникъ Жоржа! Дѣло приняло еще болѣе важности, когда за Реалемъ явился съ своими донесеніями Фуше. Невольно изумился Наполеонъ остервенѣлой ненависти противъ него Англичанъ и роялистовъ, и вполнѣ предался Фуше, который преувеличивалъ опасность, говорилъ, что Герцогъ Ангіенскій посѣщалъ тайно Парижъ, что онъ ждетъ на берегахъ Рейна вѣсти, что съ нимъ находится Дюмурье, потому что по донесенію одного изъ шпіоновъ при особѣ Герцога находился нѣкто *Тюмери*. Полагали, что Нѣмцы дурно передали имя Дюмурье. Наконецъ, по другимъ извѣстіямъ, скопища эмигрантовъ, содержимыя на счетъ Англіи, разсѣяны были всюду по Рейну и безпрестанно умножались. Сплетеніемъ истины и догадокъ, достовѣрности и предположеній, Фуше совершенно опуталъ умъ Наполеона. Выслушавъ всѣ донесенія его, онъ велѣлъ позвать Ренье, Талейрана и другихъ совѣтниковъ. «Чтожь это такое, гнъ Ренье?» говорилъ гнѣвно Наполеонъ. — «Жоржъ и Пишегрю въ Парижѣ, Моро съ ними, Бурбонъ собираетъ скопища бунтовщиковъ на нашей границѣ, а мы ничего не знаемъ? А вашъ посланникъ въ Карлсругѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ, гнъ Талейранъ? Почему не говоритъ онъ о скопищѣ

убійцъ и злодѣевъ?» Присутствіе Фуше и сатанинская улыбка его поясняли рѣчи Наполеона. Каждый занялъ свою ролю. Всѣ изъявляли страхъ, показывали изумленіе, не смѣли противорѣчить, не дерзали противиться бѣшенству страстей, вспыхнувшихъ въ душѣ Наполеона. Правитель Франціи, герой, политикъ — все исчезло въ немъ: *человѣкъ*, увлеченный жаждою мщенія, *Корсиканецъ*, въ горячей крови коего таилась гибельная *вендетта*, мщеніе кровью за кровь — былъ онъ въ сіи несчастныя минуты гнѣва. «Что жь? Развѣ меня можно убить, какъ собаку на улицѣ, а враги мои должны быть неприкосновенны?» восклицалъ Наполеонъ. «Адская машина! Жоржъ! Моро! Бурбонъ! Нѣтъ! я уничтожу заговоры ихъ — они заплатятъ мнѣ за нихъ головами!»

Подстрекаемый Фуше и согласіемъ всѣхъ другихъ, Наполеонъ принялъ страшныя мѣры разрушить заговоръ и кроваво расплатиться за него. Ничего и никого не хотѣлъ онъ щадить. Первымъ дѣломъ было объявленіе о заговорѣ, пребываніи Жоржа и Пишегрю въ Парижѣ, участіи Моро, и о томъ, что Англія наняла убійцъ, и послы ея были руководителями злодѣйскихъ замысловъ въ Германіи. Объявленія разосланы ко всѣмъ посламъ, бывшимъ въ Парижѣ. Велѣно отыскивать заговорщиковъ, принять мѣры предосторожности. Въ тотъ же день арестовали Моро и отвезли въ Тампль. Препорученіе сдѣлано Монсею. Замѣтили, что онъ другъ Моро. «Такъ, но онъ честный человѣкъ, онъ знаетъ свою обязанность,

и тѣмъ лучше!» отвѣчалъ Наполеонъ. Черезъ нѣсколько дней схватили Пишегрю, который не успѣлъ ни оборониться, ни застрѣлиться. Нашли Полиньяковъ, Ларотьера, Лажоле. Наконецъ и переодѣтаго Жоржа подстерегли на улицѣ. Онъ застрѣлилъ одного изъ полицейскихъ служителей; другіе схватили и одолѣли его послѣ отчаянной борьбы. Всѣ враги Наполеона были въ рукахъ его. Онъ не хочетъ самовластно располагать жизнью ихъ: онъ предастъ ихъ суду Франціи. Но *всѣ* ли враги здѣсь? Оставить ли ему еще *одного*, юнаго и дѣятельнаго? Уважить ли въ немъ имя? Этотъ врагъ — юный Бурбонъ, собирающій эмигрантовъ на берегахъ Рейна... Вѣримъ, что Наполеонъ сначала отступилъ передъ такою страшною мыслью. Къ несчастію, обстоятельства довели его до исполненія, а услужливость и угодливость другихъ довершили то, что внушило ослѣпленіе гнѣва.

Два различныя впечатлѣнія увидѣлъ Наполеонъ послѣ объявленія о заговорѣ. Онъ получилъ холодныя изъявленія участія отъ Европейскихъ дипломатовъ. Казалось, они сомнѣваются, не вѣрятъ въ половину, и всего менѣе изъявляютъ ужасъ и отвращеніе отъ кроваваго замысла, предводимаго однимъ изъ Европейскихъ правительствъ. Но тѣмъ усерднѣе былъ вопль негодованія, поколебавшій Францію. Адресы явились отвсюду: всѣ сословія, всѣ области прислали своихъ депутатовъ изъявить свои чувства. Сенатъ, Совѣтъ, Трибунатъ, народъ, войско соединились въ изложеніи скорби о заговорѣ и радости объ

открытіи его. Проклинали Англію, порицали заговорщиковъ, клялись въ вѣрности Наполеону. «Покушаться на жизнь твою, значитъ отрицать бытіе Бога и не страшиться громовъ его!» говорили духовные. «Моро не только обезславилъ себя союзомъ съ измѣнниками и бѣглецами, но и унизилъ себя, сдѣлавшись орудіемъ людей, которые, съ Англійскою кокардою на головѣ, хотѣли внести гибель въ наше отечество. Мщеніе имъ, мщеніе нашими штыками! Мы всѣ умремъ, чтобы тебя сберечь для Франціи!» восклицали войска. «Съ твоею жизнью,» говорилъ Трибунатъ, «соединено бытіе милльоновъ. Ты спасъ Францію. Нашу независимость, нашу славу, наше спокойствіе, все хотѣли уничтожить чудовищи, касаясь священной главы твоей!» — «Кто вооружается противъ тебя, тотъ вооружается противъ всѣхъ насъ! Тридцать милльоновъ Французовъ трепещутъ за жизнь, съ которою соединены всѣ надежды ихъ, и готовы защищать ее! Содрогаемся отъ ужаса, при мысли, что кинжалъ презрѣннаго злодѣя могъ поразить великаго человѣка, и облечь трауромъ всю Францію!» Такъ говорилъ Законодательный Корпусъ.

Какія же чувства могли возбудить въ Наполеонѣ, съ одной стороны сношенія Англійскаго министерства съ заговорщиками, и невниманіе Европы къ опасности, ему угрожавшей, а съ другой стороны любовь войска и усердіе народа Франціи? Упорство дорого расплатиться за опасность, грозившую ему, и мысль обезопасить въ будущемъ свою голову, рас-

торгнуть послѣднюю связь Франціи съ Бурбонами, сѣсть на тронѣ Людовика XVIII-го., начать новую династію, облечь въ формы монархическія власть, которою обладалъ онъ вполнѣ. Франція уже привыкла повиноваться ему, и Франція, трепещущая за жизнь его, окружитъ любовью тронъ, который поддержатъ побѣды, утвердитъ величіе. Но что скажетъ Европа? Допустятъ ли властители ея въ среду свою новаго монарха? Что же? Пусть Европа низвергнетъ его съ трона, который займетъ онъ съ согласія Франціи, и оградитъ мечемъ своимъ.

Слѣдствіемъ такихъ соображеній были два рѣшенія въ одно время. Одно изъ нихъ: захватить Герцога Ангіенскаго и Дюмурье — смерть всѣмъ, безъ различія званій и рода, въ страшный примѣръ другимъ! Бурбонъ, лишенный правъ гражданства въ отечествѣ, отвергнутый Франціею, сражавшійся противъ нея, онъ, въ союзѣ съ убійцами правителя ея, подвергался строгости закона неумолимаго. Вопросъ: имѣла ли Франція право нарушить неприкосновенность сосѣдняго государства, въ мирное время, силою захвативъ въ немъ преступника? былъ рѣшенъ положительно софизмами Талейрана и утвержденъ согласіемъ другихъ. Наполеонъ рѣшалъ его для себя правомъ сильнаго, все позволяющимъ. Оставалось исполнить: наказать покушенія враговъ и возложить корону Франціи на свою голову.

Въ началѣ Марта, когда начались допросы заговорщиковъ въ Тамплѣ, двумъ отрядамъ драгуновъ,

подъ начальствомъ генераловъ Орденера и Коленкура, велѣно отправиться въ Баденскія владѣнія, соблюдая всевозможную осторожность, окружить городокъ Эттенгеймъ захватить живущаго въ немъ Герцога Ангіенскаго и привезть его во Францію. Ночью Марта 15-го жители Эттенгейма были изумлены появленіемъ отряда Французскихъ всадниковъ. Они окружили жилище Герцога, и безъ сопротивленія взяли его и нѣсколькихъ особъ, бывшихъ при немъ, забрали бумаги ихъ, посадили плѣнниковъ на телѣги, и поскакали обратно, объявляя городскому начальству, что поступаютъ такъ съ согласія Курфирста. Противиться имъ не могли и не смѣли. Вечеромъ Марта 16-го Герцога привезли въ Страсбургъ, и заключили въ тамошней крѣпости. Дюмурье не былъ въ Эттенгеймѣ; шпіоны ошиблись, ибо онъ оставался въ Англіи. Тюмери, подавшій поводъ къ подозрѣніямъ, былъ дѣйствительно, эмигрантъ, генералъ Тюмери, и его захватили при Герцогѣ. Утромъ на другой день полученъ приказъ везти Герцога въ Парижъ, оставя всѣхъ спутниковъ его въ Страсбургѣ. Герцога везли подъ стражею въ закрытой каретѣ. У Парижской заставы ожидало стражу его повелѣніе отвезти плѣнника прямо въ замокъ Венсанскій. Вечеромъ Марта 20-го Герцогъ привезенъ былъ туда. Утомленный скорою ѣздою, онъ крѣпко спалъ, когда разбудили его во 2-мъ часу ночи, велѣли ему одѣваться, и ввели его въ залу, гдѣ за столомъ сидѣли председатель военной коммиссіи, генералъ Гюленъ,

и члены коммиссіи, полковники Гитонъ, Базанкуръ, Равье, Раббъ, Барруа, съ жандармскимъ маіоромъ Датанкуромъ. Начались допросы. Герцогъ напомнилъ о своемъ родѣ. Ему отвѣчали, что объ родѣ его нѣтъ вопросовъ. Горячо отвергалъ онъ всякое участіе съ заговорщиками, спорилъ противъ обвиненій возмутить Францію, и просилъ дозволенія видѣться и говорить съ Наполеономъ. Допросъ скоро кончился. Коммиссія разсуждала недолго, и единогласно утвердила, что подсудимый виноватъ въ поднятіи оружія противъ Франціи, въ сообществѣ съ непріятелями Франціи, въ сношеніяхъ съ агентами Англичанъ, возмущавшими Францію, въ начальствованіи сборищемъ эмигрантовъ на границахъ Франціи, въ стараніи возмутить Францію, въ участіи въ заговорѣ на жизнь перваго Консула Франціи. Согласно законамъ противъ возмутителей и заговорщиковъ, коммиссія опредѣлила смерть. Возвратясь въ свою комнату, Герцогъ спокойно говорилъ съ офицерами, сопровождавшими его, когда черезъ полчаса послѣ допроса вошелъ коммендантъ и просилъ Герцога слѣдовать за нимъ. Его свели въ крѣпостной ровъ, гдѣ уже стоялъ взводъ жандармовъ и была вырыта могила. Прочитали приговоръ. Герцогъ выслушалъ его хладнокровно, попросилъ ножницъ, отрѣзалъ локонъ волосовъ, снялъ кольцо, и вмѣстѣ съ прежде заготовленнымъ письмомъ, просилъ отослать локонъ и кольцо въ Эттенгеймъ къ княгинѣ Роганъ-Рошфоръ (она была его любимица и жила съ нимъ вмѣстѣ). Тѣмъ ограничились всѣ слова и все завѣщаніе Гер-

цога. Онъ не позволилъ завязать глазъ. Раздались выстрѣлы, и — потомокъ Великаго Конде палъ мертвый. Трупъ его опустили въ могилу безъ гроба, безъ всякаго обряда, и на другой день объявлено было въ Парижѣ вмѣстѣ о судѣ его и казни.

Убійство безполезное, дѣло темное — кровавое пятно на жизни Наполеона!

Всѣ участвовавшіе въ судѣ и смерти Герцога Ангіенскаго старались потомъ оправдать себя — Талейранъ, Мюратъ, Фуше, Камбасересъ, даже Гюлленъ, подписавшій приговоръ, и Савари, исполнившій его. «Мы *повиновались*,» говорили всѣ. «И никто *не противорѣчилъ*, всѣ согласились со мною,» говорилъ въ свою очередь Наполеонъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ искреннѣе другихъ, и прибавлялъ, что «хотѣлъ примѣромъ строгости устрашить враговъ своихъ, почиталъ себя въ правѣ платить возмездіемъ за покушеніе на жизнь его, и былъ увѣренъ въ злоумышленіи Герцога Ангіенскаго противъ него и спокойствія Франціи.» Правъ ли былъ онъ въ послѣднемъ, ибо все другое не подлежитъ суду человѣческому?

Обвиненіе старались отклонить отъ Герцога Ангіенскаго, представляли его ни въ чемъ не участвовавшимъ, и ссылались на отрицанія его передъ коммиссіею, по улики противнаго очевидны. Получая жалованье отъ Англіи, Герцогъ Ангіенскій готовъ былъ явиться во Францію, когда услышитъ о смерти Наполеона. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, отвѣчая на просьбы удалиться отъ предѣловъ Франціи, «благо-

дарю васъ за увѣдомленіе, касательно подозрѣній, какія можетъ внушить Бонапарте мое пребываніе здѣсь, и опасностей, какимъ подвергаюсь я отъ тиранской власти его,» говорилъ Герцогъ, «но гдѣ опасность, тамъ почетное мѣсто Бурбона. Теперь, когда приказаніе Тайнаго Совѣта Е. В. Короля Великобританскаго назначило всѣмъ эмигрантамъ собираться на берегахъ Рейна, я не могу, чтобы ни случилось, удалиться отъ моихъ достойныхъ и храбрыхъ товарищей.» Въ бумагахъ Герцога нашли и приказъ Англійскаго Министерства, о которомъ онъ говоритъ. Надобны ли еще доказательства участія его въ дѣлѣ?

Наполеонъ думалъ, что обвиняя его втайнѣ за смерть Герцога Ангіенскаго, никто не посмѣетъ требовать отъ него отчета, ни властители Европы, ни Франція. Въ самомъ дѣлѣ, въ Парижѣ и во Франціи поступокъ Наполеона не произвелъ никакого сильнаго впечатлѣнія. Роптать не смѣли: Фуше все слышалъ и зналъ, и ропотъ могъ показаться преступленіемъ. Втайнѣ оплакивали смерть юнаго принца немногіе, какъ открыто радовались ей другіе, но большинство голосовъ безмолвствовало. Ни Вандея, ни Бретань, ни южная Франція не изъявляли скорби и оставались спокойны. Страннымъ даже показался поступокъ Шатобріана: примиренный съ Наполеономъ его славою, онъ вступилъ въ службу по дипломатической части, былъ посыланъ къ Папѣ, видѣлъ благосклонность Наполеона, и въ самый день смерти Герцога Ангіенскаго принялъ должность посланника Франціи

при Валезскомъ кантонѣ; но едва услышалъ онъ о несчастномъ событіи, какъ отказался отъ мѣста, вскорѣ оставилъ Францію, отправился въ Іерусалимъ, потомъ въ Англію, и краснорѣчивыми уликами высказывалъ Наполеону грозныя истины въ дни величія его. Молчала и Европа, не говорила даже о томъ, что еслибы Наполеонъ и могъ располагать жизнью потомка Французскихъ Королей, онъ не могъ нарушать условій права народнаго, захватывая обвиняемаго въ чужомъ государствѣ, посредствомъ вторженія вооруженною рукою. Все безмолвствовало о судьбѣ несчастнаго Герцога, и напротивъ, все вознегодовало при жалобахъ Наполеона, что участіемъ Англійскихъ пословъ въ заговорѣ нарушаются права народныя. Германскіе Государи спѣшили приказами эмигрантамъ удалиться изъ своихъ владѣній. Курфирстъ Баденскій прибавилъ даже къ тому особенное объясненіе, что онъ нисколько не оскорбляется поступкомъ Наполеона, вынужденнымъ несчастными обстоятельствами. Курфирстъ Баварскій отказался имѣть при Дворѣ своемъ посломъ Спенсера Смита, а Виртембергскій Курфирстъ Драка, какъ равномѣрно и Гессенскій Курфирстъ просилъ объ удаленіи повѣреннаго Англіи Тейлора, ибо всѣ сіи дипломаты были обвинены Наполеономъ въ заговорѣ. Ободренный такимъ снисхожденіемъ, Наполеонъ поступилъ еще дерзновеннѣе: Бернадотту, начальствовавшему войсками въ Ганноверѣ, велѣно было захватить Англійскаго резидента въ Гамбургѣ, Румбольдта. Французскій

отрядъ вступилъ въ Датскія владѣнія, гдѣ близъ Альтоны жилъ резидентъ, и исполнилъ приказъ. Румбольдтъ былъ увезенъ въ Парижъ. Данія молчала.

Будемъ безпристрастны, и осуждая поступки Наполеона, сообразимъ дѣйствія Англичанъ. Уже не ругательства журналовъ, не оппозиція, презрительно говорившая о правителѣ Франціи, «жизнь котораго зависѣла отъ пистолетнаго выстрѣла, давно имъ заслуженнаго,» но само Министерство Англійское, вступая въ сношенія съ убійцами, направляя кинжалы ихъ на Наполеона, не разрушало ли всѣхъ условій народнаго права, основныхъ законовъ взаимнаго уваженія, существующихъ между просвѣщенными государствами? Напрасно пристрастные историки стараются оправдать поступки тогдашнихъ министровъ Англіи. «Договора съ заговорщиками не было; они отправились во Францію по своей волѣ,» говорятъ намъ. Договора, конечно, не было: Питтъ не подписывалъ условія, коимъ обязывался Жоржъ зарѣзать Наполеона, но кто щедро давалъ деньги заговорщикамъ? Кто перевезъ ихъ на Французскій берегъ? Кто предписывалъ эмигрантамъ въ то же время собираться на берегахъ Рейна? Участіе Англійскихъ пословъ доказано было ихъ бумагами и поступками: Дракъ и Спенсеръ Смитъ, узнавши объ открытіи участія ихъ, сожгли свои бумаги и тайно бѣжали изъ Стутгардта и Мюнхена. Дракъ ушелъ даже пѣшкомъ, переодѣтый, и оба остались послѣ того въ почетѣ въ Англіи. Забавенъ софизмъ, что Англія не могла от-

вѣчать за произвольные поступки своихъ пословъ. Но не одобрила ли она ихъ поступка, не только не подвергая ихъ отвѣту, но даже награждая ихъ? Всего лучше говоритъ истину объявленіе министра Гавкесбури на протесты Наполеона. «Англія будетъ отвѣчать ему только молчаливымъ презрѣніемъ,» говорилъ министръ, «но обязана оправдаться въ клеветахъ его передъ другими.» Распространяясь послѣ сего въ описаніи смерти Герцога Ангіенскаго, министръ оправдывалъ Англійскихъ пословъ слѣдующими словами: «Признано право воюющихъ державъ пользоваться «всякимъ неудовольствіемъ (mécontentement) въ той «странѣ, съ которою они воюютъ. Непростительно «было бы Англійскому Правительству пренебречь пра«вомъ, поколику оно соглашается съ основаніями «народнаго права, всѣми просвѣщенными государства«ми признаннаго, правомъ поддержать усилія тѣхъ «Французовъ, которые враждуютъ противъ нынѣшня«го правительства Франціи. Министръ, находясь въ «иностранномъ государствѣ, по существу своего зва«нія и по обязанностямъ своего мѣста, долженъ уда«ляться отъ всякаго сношенія съ недовольными той «страны, гдѣ онъ аккредитованъ, равно отъ всякаго «дѣйствія, предосудительнаго пользамъ той страны, гдѣ «онъ находится, но ему нѣтъ надобности въ подоб«ной осторожности, если дѣло касается государства, «которое воюетъ съ его государемъ.» Дальнѣйшихъ изъясненій не надобно. Видимъ, что ловкая дипломатика можетъ все оправдать. Не будемъ также при-

водить словъ Фрейра, Англійскаго посланника въ Испаніи, говорившаго Князю Мира, въ отвѣтъ на упреки его, что «*убійство врага дѣлается законнымъ дѣ-«ломъ въ настоящемъ положеніи Англіи, дабы спа-«сти ее отъ необыкновеннаго положенія, въ какомъ «она находится.*» Повторимъ: «бѣдственны увлеченія страстей,» и дополнимъ разсказъ о печальныхъ событіяхъ въ началѣ царствованія Наполеонова извѣстіемъ объ участи заговорщиковъ, бывшихъ въ Тамплѣ.

Преданные суду, только Жоржъ и Пишегрю хладнокровно смотрѣли на участь, ихъ ожидавшую. Жоржъ не хотѣлъ оправдываться, не хотѣлъ ничего говорить, ни кого не обвинялъ, смѣялся надъ судьями, называлъ одного изъ нихъ, Тюріо, *Тюруа* (tue-roi, цареубійцею). Число обвиняемыхъ умножилъ капитанъ Райтъ: застигнутый безвѣтріемъ у береговъ Французскихъ, онъ былъ захваченъ Французскими лодками съ судномъ его, и привезенъ въ Парижъ. Судить и осуждать его не могли, какъ чужаго подданнаго, но онъ долженъ былъ явиться на очныя ставки. Пишегрю не дождался осужденія. Однажды утромъ нашли его мертваго въ его тюрьмѣ: онъ удавился галстухомъ; на столикѣ у кровати былъ развернутъ томъ Сенеки, на той страницѣ, гдѣ Римскій философъ оправдываетъ самоубійство. Полиньяки запирались въ умыслѣ на убійство, но сознались въ намѣреніи воспользоваться его послѣдствіями и щеголяли хвастливымъ презрѣніемъ смерти. Младшій, менѣе

старшаго виновный, просилъ замѣнить головою его голову брата. Моро предавался малодушному отчаянію, отъ всего отрекался, клялся, что ничего не знаетъ, никогда не видался съ Пишегрю, исчислялъ свои заслуги, увѣрялъ въ преданности къ Наполеону, называлъ Лажоле клеветникомъ, во зло употреблявшимъ его имя. Въ началѣ Іюня допросы кончились и начатъ былъ публичный судъ. Іюня 10-го произнесенъ судомъ приговоръ, коимъ, изъ 45 обвиненныхъ, Жоржъ Кадудаль, Арманъ Полиньякъ, маркизъ деРивьеръ, Лажоле, и еще 15 человѣкъ осуждены были на смертную казнь. Моро, Юлій Полиньякъ, и еще трое подсудимыхъ, осуждались на двухъ лѣтнее заключеніе въ тюрьму. Всѣ остальные освобождались отъ суда и казни. Жена Армана Полиньяка успѣла умолить Жозефину ходатайствовать за ея мужа, была введена во дворецъ, упала въ ноги Наполеону, рыдала и не могла говорить. Жозефина вмѣстѣ съ нею плакала и умоляла его о прощеніи. Наполеонъ перемѣнилъ казнь Полиньяка на тюремное заключеніе. Лажоле былъ спасенъ по просьбѣ дочери: милое, прекрасное дитя, она повергласъ передъ Наполеономъ, ухватилась за ноги его, не отпускала ихъ, и растроганный ея мольбами, онъ помиловалъ ея отца. За другихъ просили друзья и родные Всего прощено было девять человѣкъ. Думали, что Жоржъ и всѣ остальные преступники также будутъ прощены, но Наполеонъ утвердилъ приговоръ ихъ. «Вы осуждаете ихъ потому, что они мужики, дрянь, когда прощаете

герцоговъ и маркизовъ — я боюсь за васъ, потому что вы поступаете несправедливо и погубите себя въ мнѣніи народа — всѣхъ простить или всѣхъ помиловать!» говорилъ Мюратъ. Наполеонъ ничего не слушалъ. Іюня 26-го Жоржъ и одиннадцать товарищей его были казнены на Гревской площади. Жоржъ остался непоколебимъ до послѣдней минуты и былъ казненъ первый. Увѣренный въ правотѣ своего дѣла, онъ умеръ въ благоговѣйномъ безмолвіи христіанина. Другіе слѣдовали за нимъ, одни съ кликомъ: Vive le roi! Другіе также молились. Арманъ Полиньякъ былъ заключенъ въ Гамскую крѣпость, и черезъ четыре года переведенъ въ Венсанъ, гдѣ содержался еще четыре года. Судьба готовила ему въ послѣдствіи участь достопамятную. Заключенію подвергся и братъ его. Понимая странныя отношенія свои къ Моро, Наполеонъ перемѣнилъ приговоръ суда и осудилъ его на изгнаніе. Моро былъ уничтоженъ. Смерть и заключеніе могли придать имени его болѣе важности. Презрительное великодушіе было лучшимъ мщеніемъ. Моро согласился на все, обязался удалиться въ Сѣверную Америку и никогда не возвращаться во Францію. Подъ стражею провезли его черезъ Францію и Испанію. Онъ сѣлъ на корабль въ Кадиксѣ, поселился въ Соединенныхъ Штатахъ, и — дожилъ до того времени, когда могъ удовлетворить своей ненависти противъ Наполеона. Райтъ остался въ тюрьмѣ, и зарѣзался, получивъ извѣстіе объ Аустерлицкой побѣдѣ, послѣ чего плѣнъ его казался

нескончаемымъ. Разумѣется, смерть его и Пишегрю приписали Наполеону, но самые враги его соглашаются въ клеветѣ по сему несчастному случаю.

Въ то время, когда строгость преслѣдованія заставляла трепетать однихъ и негодованіе противъ враговъ Наполеона возбуждало усердіе къ нему другихъ, ему казалось, что онъ видитъ благопріятную минуту, когда смѣло можно было ему перемѣнить тогу консула на багряницу царскую, и кресла консульскія на тронъ властителя. Не сомнѣваясь въ повиновеніи послѣ пятилѣтняго правленія, когда республики не было уже тѣни, онъ надѣялся убѣдить даже и въ томъ, что государственныя постановленія Франціи не измѣнялись, и перемѣнялось только имя ея повелителя. Сенатъ и всѣ другія правительства соблюдали прежнія права свои. Одна только была перемѣна, что наслѣдіе верховной власти упрочивалось въ родѣ Наполеоновомъ, и царскій вѣнецъ дѣлалъ священною въ глазахъ Франціи власть, которою вполнѣ обладалъ онъ. Онъ оставался «консуломъ на тронѣ,» но когда тронъ уравнивалъ его нѣкоторымъ образомъ со всѣми монархами, народу соблюдалось все что было пріобрѣтено переворотомъ.

Такъ хотѣлъ представить онъ новую перемѣну, такъ мысль его была передана въ народъ, и вскорѣ оказалось, какъ справедливо говорилъ Наполеонъ, разсуждая объ установленіи Почетнаго Легіона. Оскорбились только закоренѣлые республиканцы — обрадовались всѣ: народъ, для котораго благо дѣлъ На-

...олеона упрочивалось навсегда, и войско, которому новымъ званіемъ вождя его открывались пути къ отличіямъ. Принимая власть царственную, Наполеонъ хотѣлъ окружить ее величіемъ, передъ которымъ померкли бы всѣ другія величія Европы. Франція, возведенная въ достоинство *имперіи*, и *императоръ*, который возложитъ на себя корону Франціи и корону Италіи, властитель, котораго первосвященникъ Римскій придетъ благословить на царство, окруженнаго непобѣдимыми полками — было отъ чего взволноваться честолюбію Французовъ, еслибы и не возбудились въ нихъ другія чувства! Едва мысль была брошена въ народъ, какъ прежде адресы городовъ, областей, сословій, войскъ изъявляли Наполеону преданность республики, такъ теперь общимъ голосомъ сдѣлалось требованіе утвердить наслѣдство власти и титулъ Императора Французовъ Наполеону и въ родѣ Наполеоновомъ. «Примите, Первый Консулъ, примите корону императорскую, которую предлагаютъ вамъ тридцать милльоновъ Французовъ! Карлъ Великій, величайшій изъ нашихъ властителей, пріобрѣлъ ее нѣкогда побѣдою — вамъ приноситъ ее благодарность, право, большее побѣдъ!» — «Назовемъ его Императоромъ, его, *Богомъ-даннаго* намъ избавителя (Dieudonné), того, кто раздвинулъ наши предѣлы, возстановилъ законы, отдалъ намъ вѣру, ободрилъ промышленность! Высшіе титулы потребны ему въ знакъ благодарности нашей, удивленія, имъ внушаемаго, ручательства за благо Франціи!» Такъ говорили всѣ, но

прежде всѣхъ возвысился голосъ Сената. Привѣтствуя Наполеона послѣ открытія заговора Жоржа, Сенатъ уже говорилъ ему: «Великій человѣкъ! Окончи твое твореніе и сдѣлай его безсмертнымъ, какъ безсмертна твоя слава! Ты не принадлежишь себѣ. Дай Франціи постановленія, которыя переживутъ тебя! Ты началъ новую эру, ты долженъ увѣковѣчить ее. Величіе ничто безъ прочности. Твой творящій геній уже мыслитъ о томъ, ибо онъ объемлетъ все и не забываетъ ни о чемъ, но не медли! Тебя побуждаютъ спѣшить время, событія, враги, честолюбіе соперниковъ, забота о тебѣ Французовъ. Окуй цѣпями время, овладѣй событіями, удержи враговъ, обезоружь честолюбивыхъ, успокой Францію, во имя которой мы говоримъ, которая любитъ тебя, дивится тебѣ. Спроси въ селахъ и въ городахъ — всюду подтвердятъ тебѣ наши слова!» — Въ отвѣтѣ своемъ Наполеонъ казался непонимающимъ, чего хотятъ отъ него. «Приглашаю васъ изъясниться вполнѣ,» сказалъ онъ. «Народъ Французскій не можетъ ничего прибавить къ почестямъ и славѣ, коими онъ облекъ меня, но самый священный, самый сладостный сердцу моему долгъ упрочить дѣтямъ нашимъ блага, пріобрѣтенныя нами въ теченіе столькихъ лѣтъ, пожертвованіемъ милльона храбрыхъ, падшихъ за дѣло отечества.»

И въ Сенатѣ и въ Совѣтѣ начались послѣ сего разсужденія о поднесеніи Наполеону Императорскаго титула, и утвержденіи наслѣдства власти въ его ро-

дѣ. Всѣ соглашались, и—едва одинъ голосъ, заглушенный другими, напомнилъ о республикѣ. «Что же отъ нея останется?» говорилъ Берлье. «Къ чему же довели насъ перевороты, жертвы, гибель людей, и не боитесь ли вы возбудить общее мнѣніе народа противъ насъ?» Ни метафизика, ни риторика не были здѣсь пригодны. Дѣло убѣждало лучше всякихъ доводовъ ума. Если гдѣ могли ожидать сопротивленія, то, конечно, въ Трибунатѣ, но первый ясный кличъ былъ произнесенъ Трибунатомъ, когда какая-то нерѣшительность все еще видна была даже между раболѣпными сенаторами, даже въ арміи, гдѣ многіе готовы были собраться и провозгласить Наполеона Императоромъ. Онъ не соглашался, страшась быть Пертинаксомъ новыхъ Преторіянцовъ. Рѣшеніе Сената и Совѣта также было бы нарушеніемъ формъ, ибо предложеніе долженствовало слѣдовать отъ *народа,* а его представлялъ *Трибунатъ.* Едва узнали о томъ, какъ члены Трибуната спѣшили отличиться усердіемъ, Кюре, одинъ изъ членовъ, взошелъ на каѳедру и первый рѣшилъ задачу. «Трибуны!» заговорилъ онъ — «революція кончилась, ибо принесла свои плоды: въ 1789 году тридцать милльоновъ народа возстали на уничтоженіе феодализма, на установленіе равенства. Мы перешли черезъ всѣ бѣдствія до счастливаго дня примиренія партій, возстановленія порядка, утвержденія мира, завоеваннаго побѣдами, алтарей, снова воздвигнутыхъ. Теперь возвратились мы на ту точку, съ которой начало Законодательное Собраніе. Докончимъ,

что оно начало: тогда хотѣли *перемѣнить династію*, ибо требуя перемѣнъ, всѣ сознавали необходимость единовластія. Оно единственное средство прекратить непрочность въ будущемъ, оно единое лекарство противъ столькихъ золъ, нами претерпѣнныхъ, и коимъ снова подвергнемся мы, если обладатель верховной власти будетъ избираемъ!» «Правда! Правда!» раздалось со всѣхъ сторонъ. — «И такъ,« продолжалъ Кюре, «когда войско и народъ требуютъ утвержденія наслѣдства въ родѣ властителя нашего, того, кто долго былъ первымъ солдатомъ, пока не сдѣлался первымъ судіею, подтвердимъ общій обѣтъ, дадимъ новый титулъ властителю нашего государства! Да будетъ провозглашенъ Бонапарте Императоромъ, и тѣмъ, да довершится все донынѣ сдѣланное переворотомъ!»

Клики: Vive l'empereur (да здравствуетъ Императоръ)! клики, столько разъ потомъ повторенные на поляхъ брани, отъ Тага до Волги, огласили собраніе. «Намъ надобно монарха! Сбирайте голоса! Бонапарте Императоръ Французовъ!» кричали всѣ. На каѳедру явился трибунъ Симеонъ. «Великъ и тяжелъ былъ нашъ опытъ,» говорилъ онъ. «Излишекъ злоупотребленій власти вокругъ ветхаго трона; государь слабый, не умѣвшій поддержать, раздѣлить, или защитить свою власть; конституція, заключавшая въ себѣ начала безвластія; бури, за тѣмъ слѣдовавшія, и корабль отечества, преданный гибели, пока сильная рука не схватила кормила его, и не привела его въ

пристань — такова исторія наша! Теперь, въ пристани, вспоминая наши опасности, предупредимъ ихъ въ будущемъ. Десять лѣтъ бѣдствій, и четыре года надеждъ и улучшеній, показали намъ невыгоды правленія многихъ и пользу правленія одного.» «Мы хотимъ его!» кричали Симеону. Онъ продолжалъ: «Революціи суть болѣзни государствъ. Слѣдствія превратныхъ правленій, онѣ тѣмъ бываютъ страшнѣе, чѣмъ глубже причины ихъ. Тогда начинается горячка все пожирающая: и зло, ее произведшее, и охранительную силу царствъ, ибо, по слабости своей, она не можетъ сопротивляться болѣзни. Если государство переживетъ переломъ своего страданія, оно занимаетъ прежнее мѣсто, начинаетъ новую жизнь, и требуетъ единовластія въ основаніе всѣхъ законовъ.» Ораторъ распространился о подвигахъ Наполеона, бранилъ Англію, проклиналъ заговорщиковъ, входилъ въ доказательства того, что возвращеніе Франціи роду Бурбоновъ невозможно, вспоминалъ о перемѣнѣ обновленныхъ династій въ лицѣ Карла Великаго и Гюга Капета, утверждалъ, что новою перемѣною ничто неизмѣняется, и при *Императорѣ* остается *Республика*. «Увѣнчаемъ нашего Капета, нашего Карла Великаго!» воскликнулъ онъ въ заключеніе. Тогда одни начали доказывать, что Франція всегда была и будетъ страна монархическая; другіе, что нельзя и не должно сравнивать Наполеона, не только съ Карломъ Великимъ и Гюгомъ Капетомъ, но ни съ кѣмъ, и только не сказали, что Богъ почилъ отъ трудовъ

своихъ, создавши Наполеона. Одинъ Карно осмѣлился умѣренно противорѣчить, но слова его были покрыты изступленными кликами: «Да здравствуетъ Императоръ!» *Единодушное* рѣшеніе Трибуната передано было Сенату, который отвѣчалъ, что предупреждая желаніе Трибуната, онъ подвергъ уже безпристрастному разсмотрѣнію проектъ новой конституціи, по которой утверждается наслѣдственною власть въ лицѣ и родѣ Наполеона.

Мая 18-го насталъ день, ожидаемый всѣми, хотя никто не сомнѣвался въ томъ, чѣмъ все должно было кончиться. Въ собраніи Сената предложена была новая конституція, по которой Наполеонъ возводимъ былъ въ достоинство Императора Французовъ. Всѣ постановленія республики, и самое имя ея, оставались неприкосновенными, какъ равно Сенатъ, высшее мѣсто правительства, и послѣ него Государственный Совѣтъ, Законодательный Корпусъ, Трибунатъ, и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенное правительственное мѣсто, общее собраніе изъ всѣхъ, подъ именемъ Высшаго Императорскаго Суда.

Дворъ Императора составляли высшіе военные и гражданскіе чиновники, но они не были аристократы и дворяне, ибо не передавали титуловъ дѣтямъ. Братья Императора объявлялись принцами имперіи, и въ случаѣ бездѣтной кончины его, императорское достоинство переходило къ Іосифу и дѣтямъ его, а при бездѣтной кончинѣ Іосифа къ Людовику и дѣтямъ его, хотя Императоръ могъ по произволу на-

значить преемникомъ, кого было ему угодно. Всѣ условія власти, какую принималъ Императоръ, заключались въ присягѣ его при возведеніи на тронъ: «Клянусь поддерживать неприкосновенность земель «республики; чтить и заставлять чтить законы кон«кордата и свободу вѣръ; чтить и заставлять чтить «равенство правъ, свободу политическую и граждан«скую, невозвратимость продажи національныхъ имѣ«ній; обѣщаю не взимать никакого налога, не уста«навливать никакой подати внѣ закона; обѣщаю под«держивать уставъ Почетнаго Легіона, и управлять «съ единою цѣлью пользы, счастія и славы народа «Французскаго.» Не исчисляемъ разныхъ подробностей новой конституціи, ибо условія, съ коими передавались власть неограниченная и титулъ Императора Наполеону, все еще носили имя *конституціи*, какъ принимая титулъ *имперіи*, Франція носила имя *республики*, и какъ допуская *титулы* и *чины*, говорили о *равенствѣ*, и при безотчетной волѣ Наполеона твердили о законѣ.

Только четыре голоса объявили себя противъ предложенной перемѣны: одинъ былъ *Сіейса;* другой *Ланжюине*, остатка Жирондистовъ; два остальные были *Грегуара* и *Волнея*, жаркихъ демагоговъ, и всѣ четыре едвали не потому были поданы, что напередъ зная ничтожность ихъ, несоглашавшіеся слагали съ совѣсти всякую отвѣтственность за прошедшее. Рѣшеніе Сената признано единодушнымъ. Когда Камбасересъ, какъ президентъ Сената, объявилъ о томъ,

съ дома Инвалидовъ сто одинъ выстрѣлъ возвѣстили похороны республики, и кликъ: *Да здравствуетъ Наполеонъ I, Императоръ Французовъ!* огласили залу Сенатскую. Всѣ сенаторы торжественно отправились во дворецъ, куда въ то же время шли Законодательный Корпусъ и Трибунатъ. Ихъ ввели въ залу, гдѣ Наполеонъ стоялъ у своихъ консульскихъ кресель, мгновенно перемѣнившихся въ Императорскій тронъ, и здѣсь въ первый разъ произнесены были, столь давно неслыханныя слова: *Государь*, и *Ваше Императорское Величество.* Послѣ возгласовъ: *Да здравствуетъ Наполеонъ I, Императоръ Французовъ!»* хладнокровно отвѣчалъ онъ: «Все, что способствуетъ благу народа, соединено съ моимъ благополучіемъ. Принимаю *титулъ*, который почитаете вы «полезнымъ для славы народа, но пусть *согласіе* его «подтвердитъ ваше *предложеніе*. Надѣюсь, что Франція никогда не раскается въ почестяхъ, которыя «отдаетъ моему роду. Мой духъ отступитъ отъ моего «потомства въ тотъ день, когда оно перестанетъ заслуживать любовь и довѣренность великой націи!» На другой день предложена была Франціи новая конституція, гдѣ въ первый разъ имя Наполеона явилось съ новымъ титуломъ его, въ новой условленной формѣ: «*Наполеонъ, Божіею милостію, и по конституціи республики, Императоръ Французовъ, à tous prèsent et à venir salut.* Голоса опредѣлено было собирать подпискою, какъ собирали ихъ при утвержденіи конституціи 1799 года, и при постановле-

ніи о пожизненномъ консульствѣ Наполеона. Сія форма должна была только *удостовѣрить въ согласіи народа,* высказанномъ имъ черезъ адресы и депутатовъ. Потому, по выходѣ изъ дворца, великолѣпная процессія отправилась по улицамъ Парижскимъ, провозглашая при звукѣ трубъ избраніе Наполеона Императоромъ. Среди высшихъ гражданскихъ чиновниковъ въ ней находились Мюратъ, Лефевръ, Монсей, Бернадоттъ, Макдональдъ, Бертье, Бруссье, Сюше, Карра-Сенъ-Сиръ, Бельяръ, Себастіани. Послы Европейскихъ Государей явились съ поздравленіями во дворецъ новаго Императора, и представили привѣтствія отъ имени Австріи, Германіи, Батавіи, Даніи, Бадена, Баваріи, Гессена, Саксоніи, Виртемберга, Дармштадта, Имперскихъ городовъ, Испаніи, Этруріи, Соединенныхъ Штатовъ, Лигуріи, Лукки, Мальтійскихъ рыцарей, Португаліи, Пруссіи, Неаполя, Папы, Гельвеціи и Оттоманской Порты.

Не будемъ повторять здѣсь безтолковой фразы: «Такъ Мая 18-го 1804 года, кончилась республика,» не будемъ выставлять и разительной противоположности воплей Мирабо и Дантоновъ, въ началѣ переворота, и, писка Кюре и Симеоновъ, заключившихъ переворотъ: переворотъ не кончился Мая 18-го 1804 года, а только измѣнился, перешелъ въ свой новый, необходимый періодъ. Республика умерла, но не тогда, а давно. Тронъ Наполеона былъ только великолѣпный памятникъ на могилѣ ея. Не будемъ восклицать и о похищеніи, обманѣ, честолюбіи: языкъ недостойный

Исторіи, слова безсмысленныя! Если и почитать еще республикою буйную олигархію Директоріи, то она разрушена была 18-го брюмера, и слѣды ея стерты Августа 2-го, 1802 года. Если мы не осуждали Наполеона за сіи два дѣла, и убѣждались въ необходимости ихъ, не осудимъ его и за событіе 18-го Мая 1804 года: оно также было необходимо. Съ Франціею дѣло было рѣшено въ 1802 г. Она безотвѣтно передала тогда Наполеону судьбу свою. Надлежало рѣшить дѣло съ Европою. Среди другихъ древнихъ властителей Европы надлежало стать родоначальникомъ династіи новыхъ монарховъ. Человѣкъ, избранный судьбою, сознающій свое призваніе, долженъ былъ прикрыть главу свою неприкосновеннымъ вѣнцомъ государя, освятить ее таинственнымъ благословеніемъ религіи. Представитель послѣдней династіи спорилъ за вѣнецъ, не уступалъ его Наполеону; онъ потребовалъ вѣнца у Франціи, и Франція передала ему вѣнецъ Гюга Капета. Пусть только утвердитъ онъ его торжествомъ своей имперіи и счастіемъ народа, и ни Франція, ни Европа, ни потомство не будутъ оспоривать правъ его, какъ не оспоривали ихъ у Гюга Капета, у Вильгельма Оранскаго, у Густава Вазы, сознавая въ сихъ перемѣнахъ властителей таинственные пути провидѣнія. Горе ему, если онъ ошибся въ своемъ призваніи! Горе трикраты ему, если голова его закружится въ чаду величія, и онъ забудетъ пути блага и совѣты мудрости, доведшіе его до престола! Тогда вѣнецъ спадетъ съ головы

его, и судьба его останется только поучительнымъ урокомъ потомству!

Не осуждая Наполеона за мысль быть монархомъ Франціи, не будемъ осуждать и за Дворское величіе, за всѣ принадлежности, коими хотѣлъ онъ окружить свой тронъ, чиноначаліе, имъ учрежденное, титулы, коими ознаменовалъ онъ его. Намъ не покажется послѣ сего хитростью, недостойною его генія, что онъ воспользовался обстоятельствами, и что все совершившееся при возведеніи его на престолъ было приготовлено его умомъ и управляемо его волею. Одно должно было утвердить: необходимость дѣла, а все остальное было его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Новая Императорская конституція была предписана Наполеономъ Сенату. Долго и тщательно разсматривалъ и соображалъ онъ ее въ совѣтѣ избранныхъ, отвергалъ одно, измѣнялъ другое, прибавлялъ, дополнялъ. Такъ, не соглашаясь быть избраннымъ отъ войска, онъ не согласился на наслѣдство званія сенаторовъ, и предоставленіе Сенату правъ утвержденія или отрицанія его декретовъ (veto). Онъ требовалъ полной довѣренности, полной власти. «И еще хуже будетъ ваше veto при моихъ преемникахъ,» говорилъ онъ. «Тогда, вмѣсто одного монарха, явится толпа олигарховъ. Вѣрю вамъ, вѣрьте мнѣ — мы понимаемъ другъ друга. Для непонимающихъ оставимъ гремушки. Въ будущемъ каждое поколѣніе разсчитывается въ свою очередь — будемъ желать добра и стремиться къ нему — вотъ все, что отъ насъ зависитъ.»

Намъ не покажется также мѣлочнымъ тщеславіемъ заботливость Наполеона о новомъ порядкѣ его Императорскаго Двора, если онъ видѣлъ необходимость придать всевозможное величіе трону своему, воздвигаемому среди другихъ древнихъ престоловъ Европы. Названіе *Императора,* титулъ властителей Рима, которое носили только два Монарха Европы, поражало воображеніе, когда названіе *короля* напоминало бы въ Наполеонѣ титулъ, котораго не уступали ему Бурбоны. Хотѣли придать къ титулу Императора прилагательное: *Галліи.* Наполеонъ сказалъ, что народъ не пойметъ его, что совѣстно отказаться отъ славнаго имени Франціи, и только для удаленія отъ сходства съ прежнимъ королевскимъ титуломъ, *Францію,* какъ страну, замѣнили *народомъ Франціи,* объясняя волю народа, избравшую Наполеона. Такъ послѣ многихъ соображеній принятъ былъ гербомъ Императора покоящійся орелъ Зевеса, знакъ Римскихъ легіоновъ, символъ силы; оставлена трехъ-цвѣтная кокарда, прославленная побѣдами, но лиліи замѣнены пчелами, знакомъ труда и богатства. Вмѣсто Реймскаго собора, было положено торжествовать коронованіе въ древней Парижской церкви Богоматери, и призвать Римскаго первосвятителя совершить священный обрядъ. Императора Французовъ должны были окружить великіе сановники. Имъ придумали новыя названія: Великій Избиратель, Архи-канцлеръ государства, Архи-канцлеръ имперіи, Архи-казначей; изъ прежнихъ остались Великій Коннетабль, Великій Адмиралъ. Королевскихъ

маршаловъ, высшій воинскій чинъ, замѣнили шестнадцать маршаловъ Имперіи, кромѣ сенаторовъ, получавшихъ за важныя заслуги также титулъ маршаловъ. Дворъ составляли Великій Омонье (милостыни раздаватель), оберъ-каммергеръ, каммергеры, оберъ-гофмаршалъ, дворцовый префектъ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-егермейстеръ, оберъ-церемоніймейстеръ, блестящій рядъ каммергеровъ, пажей, штатсъ-дамъ, фрейлинъ, и придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновъ. Отдѣльные придворные штаты назначались матери, братьямъ и сестрамъ Императора.

Первое мѣсто при Наполеонѣ должно было естественно занять семейство его. Оно состояло тогда изъ братьевъ *Іосифа* и *Людовика*, сестеръ *Элизы*, *Полины* и *Каролины*, матери, супруги Наполеона, дѣтей ея отъ перваго брака, *Евгенія* и *Гортензіи*. Братья, сестры, пасынокъ и падчерица получали титулы принцовъ и принцессъ имперіи. Іосифъ, вѣрный и послушный Наполеону, возведенъ былъ въ почетное званіе Великаго Избирателя. Кроткій Людовикъ, женатый на Гортензіи Богарне, сопровождавшій Наполеона въ Египетъ, и бывшій генераломъ, хотя чуждый дарованій военныхъ, получилъ званіе, Великаго Коннетабля. Старшая сестра Наполеона, Элиза, выдана была, еще въ 1797 году, за незнатнаго Корсиканца, Бачіокки. Полина, возвратившаяся вдовою изъ Сенъ-Доминго въ 1803 году, выдана Наполеономъ за Римскаго богача, Князя Боргезе. Младшая, Каролина, женщина красоты необыкновенной, съ

1800 года была супругою Мюрата. Добродѣтельная мать Наполеона, сохранявшая скромность простолюдинки въ величіи, и жившая уединенно среди Двора сына своего, должна была принять титулъ *Императрицы-матери* (Madame-mère). Люціанъ и Іеронимъ были исключены изъ семейства Наполеонова. Одинъ, проклинавшій похитителя власти и губителя драгоцѣнной для него республики въ Наполеонѣ, готовый низвергнуть его и соединиться съ первымъ крикуномъ о свободѣ и равенствѣ, самъ отказался отъ всѣхъ мѣстъ и званій, и жилъ въ Римѣ. Іеронимъ, вѣтряный, избалованный юноша, поступилъ во флотъ. Наполеонъ хотѣлъ образовать изъ него моряка, но Іеронимъ не думалъ о службѣ, и находясь въ Соединенныхъ Штатахъ, женился на дочери богатаго Американскаго купца безъ позволенія Наполеона. Ему запрещено было являться во Францію. Семейство Наполеона составляло предметъ всегдашнихъ огорченій его, и было одною изъ причинъ его погибели. Безпорядочное поведеніе сестеръ, мотовство и роскошь, дѣлавшія ихъ предметомъ соблазна на высотѣ величія, замѣнялись у братьевъ страннымъ своенравіемъ и неспособностью. Одинъ Люціанъ могъ быть помощникомъ Наполеону, и тотъ помѣшался на несбыточномъ равенствѣ и небывалой свободѣ республиканской.

Усердіе Камбасереса и Лебрюна предложить тронъ Наполеону, награждено было званіями Архи-канцлера и Архи-казначея. Вѣрные спутники Наполеона, *Дюрокъ* получилъ званіе оберъ-гофмаршала, *Коленкуръ*

оберъ-шталмейстера, *Бертье* оберъ-егермейстера. Фешъ, сводный дядя Наполеона, архіепископъ Ліонскій съ 1801 года, возведенный Папою въ кардиналы съ 1803 года, получилъ званіе Великаго Омонье. Въ достоинство маршаловъ имперіи назначены были, безъ различія, друзья и недруги Наполеона, ибо онъ отличалъ только дарованія и заслугу, презирая всѣ разсчеты личные. Маршалами были тогда объявлены: *Бертье*, одаренный талантомъ исполнять его повелѣнія, живая таблица полковъ и военныхъ диспозицій; вторымъ послѣ него былъ *Іоахимъ Мюратъ*, безразсудная, бѣшеная голова, «первый кавалерійскій генералъ въ мірѣ» (какъ называлъ его Наполеонъ) и неразлучный спутникъ въ Италіи, Германіи, Египтѣ. Какъ зять императорскій, онъ возведенъ былъ еще въ почетное званіе Великаго Адмирала, съ титуломъ принца. Далѣе являлись, также спутники Наполеоновы въ Италіи, Германіи и Египтѣ, *Бессьеръ*, *Ланнъ*, *Массена*, *Ожеро*, и *Бернадоттъ*, не смотря на неопредѣленныя отношенія его къ Наполеону, *Сультъ*, *Мортье*, *Ней*, *Даву*, и наконецъ старые генералы революціонныхъ войнъ, *Журданъ*, *Монсей*, *Брюнъ*, *Келлерманъ*, *Периньонъ*, *Лефевръ*, *Серрюрье*. Мортье, Сультъ, Даву и Бессьеръ назначены были полковниками гвардіи императорской. Адьютантами Наполеона были тогда Саварн, Лористонъ, Каффарелли, Раппъ, Лемарруа и Лебрюнъ сынъ. Дополнимъ обозрѣніе первоначальнаго Двора Наполеонова исчисленіемъ тогдашнихъ министровъ его; они остались преж-

ніе: Талейранъ, Фуше, Бертье, Порталисъ, Годенъ, Декре, и только Шапталя, въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, смѣнилъ Шампаньи. Главныя роли играли: *Талейранъ*, столь необходимый при запутанныхъ вопросахъ дипломатики, и *Фуше*, послѣ заговора Жоржа и Пишегрю возобладавшій неограниченною довѣренностью Наполеона. Впрочемъ, быть министромъ при Наполеонѣ, значило исполнять его приказы, ибо онъ не требовалъ ни указаній, ни совѣтовъ.

Послѣ торжественнаго провозглашенія новаго императора слѣдовало народное торжество, гдѣ въ первый разъ явился *Императоръ Французовъ* народу и войску: на Марсовомъ полѣ собрана была гвардія, и Наполеонъ раздалъ знаки Почетнаго Легіона заслуженнымъ гвардейцамъ. Онъ, какъ будто спѣшилъ послѣ того изъ Парижа, хотѣлъ отдохнуть среди ратныхъ друзей своихъ, и явился въ Булонскомъ лагерѣ. Августа 15-го увидѣли тамъ зрѣлище величественное. На холмѣ, близъ морскаго берега, поставлены были кресла, въ коихъ, въ величіи императора, сидѣлъ Наполеонъ. Восемдесятъ тысячь человѣкъ построены были окрестъ его въ видѣ пяти-конечной звѣзды Легіона. При громѣ пушекъ и звукахъ музыки къ Наполеону подходили избранные, и получали отъ него знаки Почетнаго Легіона. Съ каждымъ говорилъ онъ; одному напоминалъ Арколу, другому Пирамиды, третьему Маренго. Шумные клики и слезы радости показывали ему восторгъ войска. На другой день начались блестящіе маневры, фейерверки, морскія эволюціи,

примѣрныя высадки. Недоставало битвы, на которую жадно просились воины Наполеона — кстати явилась и она. Шумъ и волненіе въ Булонскомъ лагерѣ встревожили Англичанъ. Эскадра Англійская, изъ 14-ти большихъ и малыхъ судовъ, появилась передъ гаванью. Ее встрѣтили пальбою и пустились на нее съ сотнями лодокъ. Наполеонъ самъ отправился въ бой — единственный примѣръ присутствія его въ морской битвѣ. Англичане принуждены были отступить, потерявъ одно изъ судовъ своихъ. Легкую удачу сію славили, какъ побѣду, восклицая, что «Наполеонъ побѣждаетъ на сушѣ и на морѣ.» Онъ объѣхалъ все Ламаншское приморье; вездѣ осматривалъ войска, суда, укрѣпленія, и черезъ Фландрію, подъ рядомъ торжественныхъ вратъ, воздвигаемыхъ въ каждомъ городѣ, каждомъ мѣстечкѣ, почти въ каждомъ селеніи, не жалѣя наградъ и привѣтливости своему народу, прибылъ въ Ахенъ, гдѣ встрѣтили, и въ первый разъ привѣтствовали его, какъ императора, Курфирстъ Архи-канцлеръ, Курфирстъ Баденскій, Ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, Герцоги Нассау-Вейльбургскій, Нассау-Узингенскій, властители Гессенъ-Гомбурга, Изенбурга, Сальма, Линанжа, Шварцбургъ-Рудольштадта, Рейса, и многіе другіе феодалы Германіи. Послы Испанскій и Прусскій, въ обмѣнъ за Почетный Легіонъ, посланный ихъ Государямъ, поднесли ему здѣсь ордена Чернаго Орла и Золотаго Руна. Съ Наполеономъ были супруга его, блестящій Дворъ, маршалы, дипломаты. Древній Ахенъ встрѣчалъ бла-

гоговѣйно преемника Карла Великаго, «шумѣлъ весельемъ» и блисталъ великолѣпіемъ. Наполеонъ возвратился въ Парижъ Ноября 12-го. Уже извѣстно было тогда слѣдствіе собранія голосовъ во Франціи: 2569 было отрицательныхъ, и 3,574,898 голосовъ передавали вѣнецъ императорскій Наполеону.

Слѣдственно, какъ темное кровавое дѣло, смерть принца Бурбонскаго, не возбудило негодованія Европы и ненависти Франціи, такъ и багряница императорская, наброшенная на плеча Наполеоновы, не оскорбила властителей Европы? Они забыли о наслѣдникахъ св. Людовика, принимали Наполеона въ среду свою, подавали ему руку, какъ брату, не возражая, что предки его не носили вѣнцовъ и рука его была окровавлена? Неужели геній его уравнялъ въ глазахъ ихъ все, что отдѣляло его отъ трона? Или страхъ его могущества былъ уже столь великъ, что удерживалъ негодованіе и оскорбленіе?

Такъ было. Но не всѣ Государи Европы безмолствовали, когда принцъ Бурбонскій палъ жертвою страшнаго мщенія Наполеонова, не всѣхъ Государей Европейскихъ послы явились поздравить новаго императора: голосъ *одного* возвысился, посолъ *одного* монарха не явился передъ трономъ Наполеона. Русскій горделиво можетъ сказать здѣсь, что сей *единый изъ всѣхъ монарховъ Европейскихъ* былъ императоръ Александръ.

Онъ содрогнулся при извѣстіи о смерти Герцога Ангіенскаго. Изъявляя личныя свои чувства, нало-

жилъ онъ трауръ по немъ при Дворѣ своемъ. Но надлежало ли возмездію за смерть Герцога Ангіенскаго быть причиною войны? Возможна ли была война съ Франціею при бездѣйствіи всѣхъ другихъ монарховъ? Предоставляя суду совѣсти свирѣпое дѣло Наполеона, Александръ, дотолѣ снисходительный, уклончивый, кротко уступавшій, не принимавшій участія во враждѣ между Питтомъ и Наполеономъ, не думалъ упрекать его, не хотѣлъ также спорить противъ принятія Наполеономъ императорскаго достоинства, отданнаго ему согласіемъ Франціи и Европы, готовъ былъ признать его въ новомъ санѣ, ибо онъ былъ выше ничтожныхъ требованій честолюбія. Но поступки Наполеона явно раскрывали обширные замыслы его властолюбія, и что удовлетворяя ему, онъ не пощадитъ никакихъ средствъ, какъ удовлетворяя своей неприязни, не устрашится нарушить святые законы условій общественныхъ. Здѣсь взглядъ на дѣла измѣнялся. Пусть Англія сражается съ Наполеономъ одинакимъ оружіемъ, коварствомъ и вѣроломствомъ, пусть другіе страшатся силы Наполеона, чуждый темной политики Англіи, не страшась силъ Наполеоновыхъ, Александръ изречетъ ему грозное: «Не далѣе,» уступитъ ему титулъ его, но потребуетъ ручательства за безопасность царей и народовъ, за будущность Европы, и если голосъ его не будетъ уваженъ, онъ воззоветъ къ союзу Европу, рѣшенію суда Божія предастъ дѣло царей, рѣшенію мечемъ въ честномъ бою. Сочувствіе силы, обязанность хра-

нить государственное достоинство Россіи, дѣлали такое рѣшеніе необходимостью. Допустить ли Наполеона сломить Англію? Робѣть ли борьбы съ нимъ? Поступки его показываютъ ли, что онъ удовольствуется тѣмъ могуществомъ, коего уже достигъ, и коего робко не думаютъ отнимать у него другіе? Не принимаясь за оружіе, Александръ хотѣлъ испытать въ послѣдній разъ мѣры кротости. При неуспѣхѣ ихъ, онъ возмется за мечъ, онъ подкрѣпитъ Англію, если и не побудитъ на союзъ другихъ монарховъ, и уже не примирится, пока рѣшеніе битвъ не докажетъ невозможности бороться съ Наполеономъ. Тогда уступить будетъ не стыдно — тогда явно будетъ рѣшеніе судебъ въ дѣлѣ великомъ, предъ коимъ благоговѣйно смиряются умъ и воля человѣка.

Молчаніе на ноту, которую Наполеонъ обвинялъ Англійское министерство въ заговорѣ противъ него, и отсутствіе Россійскаго повѣреннаго во Франціи, не явившагося въ толпѣ министровъ привѣтствовать новаго императора, показывали несоглашеніе императора Александра съ Наполеономъ, и причины его несоглашенія вскорѣ объяснились. Мая 7-го, Россійскій повѣренный при Имперскомъ сеймѣ, Клопфель подалъ сейму протестъ противъ нарушенія правъ неутралитета Германіи бѣдственнымъ событіемъ въ Эттенгеймѣ. Протестъ былъ скромный, но твердый. (*)

(*) Вотъ, слово въ слово, текстъ сего важнаго акта, которымъ можетъ гордиться Россія, и въ которомъ поясняются,

Черезъ недѣлю г-нъ Убри потребовалъ отвѣта Наполеонова на предложеніе, сдѣланное Германскому сейму императоромъ Александромъ. Отвѣтъ былъ данъ немедленно, и показалъ оскорбленное самолюбіе, забывавшее мудрую политику.

По какому праву Россія, удаленная отъ всѣхъ отношеній, когда Пруссія и Австрія молчатъ, осмѣливается возвышать голосъ въ защиту *бунтовщика Француза, лишеннаго покровительства законовъ?* Что общаго между Герцогомъ Ангіенскимъ и императоромъ Александромъ? Россія хочетъ войны, покровительствуетъ заговорамъ, посылаетъ враговъ Франціи послами. Для чего не дѣйствовать открыто, если она желаетъ войны? Какъ ни прискорбно будетъ начать войну, но Наполеонъ не отречется отъ нея, ибо *не знаетъ ни кого на землѣ, кто могъ бы заставить*

какъ начало вражды императора Александра съ Наполеономъ, такъ и взаимныя отношенія, въ конхъ находились они при первомъ разрывѣ союза, дотолѣ соединявшаго ихъ: L'événement qui a eu lieu sur le territoire de S. A. S. l'électeur de Bade, et qui s'est terminé, d'une manière si cruelle, a causé à S. M. l'empereur de toutes les Russies la plus profonde douleur; elle n'a pu voir qu'avec peine le territoire germanique violé et la paix de l'Europe troublée. L'étonnement de S. M. a été d'autant plus grand qu'elle ne pouvoit s'attendre à voir une puissance qui, de concert avec S. M., a employé sa médiation pour la tranquillité de l'Allemagne, s'écarter des principes du droit des gens et des obligations qu'elle avait si récemment contractées. La diète sentira facilement les dangers auxquels l'Empire serait exposé si de pareils actes de violence étaient tolérés. Ces importantes considérations ont déterminé l'empereur, en qualité de garant de la con-

робѣть Францію (ne connait sur la terre personne qui puisse intimider la France), *и кому она могла бы отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.* Не выписываемъ дальнѣйшихъ укоризнъ, послѣ коихъ, казалось, не оставалось уже слова на миръ.

Не уже ли думалъ Наполеонъ устрашить Александра своею безразсудною горячностью? По крайней мѣрѣ, Талейранъ, увѣдомляя Гедувиля, что отвѣтъ Россіи сдѣланъ былъ «нѣсколько суровый» (un peu sévère), сообщилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ волю Наполеона немедленно, въ 48 часовъ по полученіи приказа, выѣхать изъ Петербурга, оставя тамъ только секретаря посольства, Рейневаля. «Надобно доказать, что войны мы не хотимъ, но и не боимся ни кого.» Отъ Папы и отъ Саксоніи потребовали высылки Русскихъ пословъ, Антрага и Варнега, потому что они были эмигранты. Варнегъ оставилъ Римъ, схваченъ былъ на дорогѣ, подъ предлогомъ, что съ выѣздомъ

stitution germanique, à protester contre un acte qui attaque aussi ouvertement la paix et la sûreté de l'Empire. S. M. I. n'a pas perdu un moment pour donner l'ordre à son chargé d'affaires à Paris de faire connaitre au premier consul son opinion à ce sujet. En adoptant une mesure que lui prescrivait le motif important de la tranquillité de l'Allemagne S. M. est convaincue que la diète et les états de l'Empire rendront justice à sa sollicitude désintéressée, et qu'ils réuniront leurs efforts aux siens pour transmettre au gouvernement français leurs justes remontrances à ce sujet, afin d'obtenir les reparations qui sont dues à la dignité de l'Empire compromise, et qui sont nécessaires au maintien de la sûreté de l'Allemagne.

изъ Рима онъ лишился званія и преимуществъ посла; его отвезли въ Туринъ, какъ преступника.

Непреклонный въ рѣшеніи, зрѣло обдуманномъ, и увѣренный, что хладнокровіе и умѣренность требованій лучшее противоборство бѣшеному гнѣву, императоръ Александръ отвѣчалъ черезъ г-на Убри нотою, Іюля 21-го, образцомъ дипломатическаго краснорѣчія. «Мы живемъ уже не въ тѣхъ вѣкахъ, кото-«рые столь справедливо называютъ варварскими, и «когда своекорыстіе было закономъ каждой страны,» говорилъ Александръ. «Послѣ установленія государ-«ственныхъ правъ есть общіе всѣмъ законы, и объ-«являя у себя кого угодно внѣ покровительства ихъ, «мы не можемъ распространять сего права на другія «государства. Да, не будетъ сказано, что въ дѣлѣ «столь плачевномъ, никто въ Европѣ не смѣлъ воз-«высить голоса за правду, за человѣчество, за права «народныя, опредѣляемыя общимъ согласіемъ госуда-«рей, а не приказами властителя Франціи.» Далѣе объяснялось, чло Россія имѣетъ право вступаться въ дѣла Германіи по Тешенскому трактату; исчислялись всѣ оскорбленія Франціи, излагалось самоуправство Наполеоново, и ничто не было забыто, даже выходка его на аудіенціи противъ Маркова. Россія не отказывалась отъ мира, но прежде всего требовала удаленія изъ Неаполитанскихъ владѣній Французскихъ войскъ; соглашенія съ Россіею, касательно дѣлъ въ Италіи; вознагражденія Сардинскаго Короля; очищенія Ганновера, съ обязательствомъ уважать неутралитетъ Германіи.

«Россія осмѣливается предписывать условія, когда безмолвствуетъ вся Европа.» Отвѣтъ Наполеона (28-го Іюля) заключался почти весь въ сихъ словахъ, ибо онъ не входилъ ни въ какія объясненія. «Тогда только убѣдимся мы, что Россія искренно желаетъ мира, когда оставя пристрастіе къ Англіи, она соединится съ Франціею, и тѣмъ утвердитъ равновѣсіе въ Европѣ и свободу морей. Такъ говорить, какъ говоритъ Россія, можетъ только побѣдитель съ побѣжденнымъ. Такой языкъ дастъ подозрѣніе, что Россія полагаетъ, будто Франція можетъ страшиться чьихъ нибудь угрозъ, и признаетъ чье бы то ни было преимущество предъ собою. Но исторія времени, предшествовавшаго миру съ Россіею, очевидно показываетъ, что Россіи менѣе всѣхъ другихъ державъ приличенъ требовательный языкъ съ Франціею. Императоръ Французовъ желаетъ мира Европѣ, и онъ все сдѣлалъ, дабы поддержать его съ Россіею, но при помощи Бога и храбрыхъ войскъ своихъ, онъ не страшится никого.»

Подробно изложивъ всѣ несогласія съ Франціею, и справедливость требованій Россіи, въ отвѣтной нотѣ отъ 28-го Августа, г-нъ Убри потребовалъ паспортовъ и оставилъ Парижъ, объявляя, что Россія не начнетъ войны, но прекращаетъ всѣ сношенія съ Франціею. «Императоръ Россійскій принужденъ къ тому поступками правительства, которое отказывается исполнять свои обязательства, не хочетъ соблюдать условій государственнаго права, и заставляетъ

Россію испытывать одни оскорбленія. Вѣрный своимъ правиламъ и бережливый на пролитіе крови человѣческой, Императоръ Россійскій будетъ держаться сей мѣры, которою отношенія Россіи и Франціи позволяютъ ограничиться. Обѣ державы могутъ обойдтиться безъ сношеній, а для возобновленій ихъ потребны взаимная польза и удовольствіе, безъ коихъ лучше ничего не дѣлать вмѣстѣ. Французское правительство довело до такого порядка дѣлъ, и оно должно рѣшить — быть или нѣтъ войнѣ. Если Россію принудятъ къ тому новыми оскорбленіями, насиліемъ противъ нея, или ея союзниковъ, но еще болѣе *угрожая безопасности и независимости Европы*, Е. И. В. приложитъ столько же дѣятельности въ употребленіи средствъ чрезвычайныхъ, требуемыхъ справедливою защитою, сколько показалъ онъ терпѣнія, истощая средства, какія позволяла умѣренность, безъ оскорбленія чести и достоинства его державы.»

Наполеонъ не слыхалъ еще дотолѣ подобнаго языка, столь отличнаго отъ увертливой дипломатики Германской и отъ наглой рѣчи Англійскихъ министровъ. Не признать опасности, если Россія рѣшится на войну, ибо ея рѣшеніе могло увлечь другихъ, было невозможно, и также невозможнымъ казалось исполнить ея требованія. Умѣренность выраженій въ объясненіяхъ Россіи, послѣ всего что говорилъ Наполеонъ, дѣлала еще возможною надежду, по крайней мѣрѣ, выиграть время, ибо поступки другихъ державъ не показывали скораго рѣшенія ихъ на войну, безъ чего

не могла начать войны Россія. Только Король Шведскій присоединялся къ Россіи и возставалъ противъ Наполеона, ссорясь между тѣмъ съ Россіею и съ Пруссіею. Протестъ Россіи на Имперскомъ сеймѣ не имѣлъ никакихъ слѣдствій, хотя императоръ Александръ требовалъ, чтобы Австрія и Пруссія подкрѣпили его. Дѣломъ медлили. Наконецъ, Іюня 4-го, Архи-канцлеръ Имперіи объявилъ, что въ слѣдствіе переговоровъ императора Франца съ императоромъ Наполеономъ, надлежитъ ожидать объясненій Курфирста Баденскаго, какъ государя, въ землѣ коего совершилось *арестованіе* Герцога Ангіенскаго. Іюля 2-го явилось желанное объясненіе: Курфирстъ просилъ, чтобы все случившееся въ Эттенгеймѣ было предано забвенію. Говорили, что такого объясненія недостаточно, но никто не сказалъ что еще потребно для его дополненія.

При столь явномъ страхѣ Германіи, Австріи и Пруссіи, Наполеонъ утвердился въ надеждѣ, что нерѣшительность продолжится, пока онъ успѣетъ кончить дѣло съ Англіею, тѣмъ болѣе, что силы его умножились тогда союзомъ съ Испаніею, и планъ исполненія высадки въ Англію созрѣлъ въ головѣ его. Онъ думалъ даже, что перемѣнивъ выраженіе переговоровъ, онъ успѣетъ загладить оскорбленіе, нанесенное имъ императору Александру. Г-ну Убри сказано было остановиться отъѣздомъ до выѣзда изъ Россіи Рейневаля. Онъ остался въ Майнцѣ, и Сентября 21-го Рейневаль, требуя паспортовъ, подалъ по-

ту, гдѣ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ говорилъ о необходимости «забыть выраженія, коими взаимно могли оскорбляться обѣ державы,» прибавляя, что «особенная наклонность» Наполеона «всегда увлекала и будетъ увлекать его къ союзу, довѣренности, почтенію и дружбѣ съ Императоромъ Россіи, при высокой идеѣ, какую создалъ онъ себѣ о характерѣ его.» Ссылаясь, что началомъ всѣхъ несогласій былъ Марковъ, Наполеонъ готовъ былъ возобновить дружескія объясненія. Такая перемѣна выраженій оскорбительныхъ, безъ положительнаго согласія на условія, какія назначала Россія, ни къ чему не повела, и Рейневалю послали требуемые имъ паспорты безъ отвѣта. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го Сентября, а Убри изъ Майнца Октября 2-го.

Война не была объявлена. Сношенія Франціи съ Россіею прекратились, но битва готова была страшно загорѣться не на материкѣ Европы, а на моряхъ и въ нѣдрахъ Англіи. Мы упомянули о союзѣ Испаніи съ Наполеономъ. Онъ былъ слѣдствіемъ дѣятельности, какою ожила политика Англіи, когда Питтъ и друзья его, Каннингъ, Дундасъ, Гарровби, Мельвиль, Гавкесбюри заступили мѣсто нерѣшительнаго Аддингтона и его товарищей, въ Маѣ 1804 года. Работа дипломатики въ Царьградѣ, Петербургѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ, и новое усиленіе флота и войскъ, казались Питту недостаточными. Отъ Испаніи потребовалъ онъ рѣшительнаго союза или войны, не допуская неутралитета. Когда никакія убѣж-

денія не могли склонить ее ни къ тому ни къ другому, велѣно было, безъ объявленія войны, блокировать Испанскія гавани, брать Испанскіе корабли, обѣщать помощь Бискайцамъ, возмутившимся противъ Короля Испанскаго. Нельсонъ сталъ у Барцелоны и захватывалъ суда, но всего оскорбительнѣе была Испаніи потеря четырехъ гальоновъ съ золотомъ и серебромъ, шедшихъ изъ Америки. Капитанъ Муръ ждалъ ихъ близъ Испанскихъ береговъ, съ бою овладѣлъ тремя, а четвертый взлетѣлъ на воздухъ (Сентября 5-го). Англія объявила, что она не хочетъ войны, но *секверстовала* гальоны, для обезпеченія капиталовъ, какіе должны были Испанскіе купцы Англичанамъ. Безстыдство и наглость Англійскаго посла въ Мадритѣ, Фрейра, дополнили оскорбленія, вывели изъ терпѣнія Испанцовъ, и воспламенили храбрость даже миролюбиваго Князя Мира. «Я самъ сяду на лошадь, и поведу Испанскія войска въ Булонскій лагерь!» говорилъ онъ. Испанія объявила войну Англіи Декабря 12-го. Объявленіе войны Англіею Испаніи послѣдовало уже въ Январѣ 1805 года. Казалось, что въ замѣшательствѣ, какому подверглись всѣ условія и права войны и мира, при неслыханныхъ событіяхъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, всѣ, кромѣ Императора Александра, забыли совѣты государственной мудрости и здравой политики, какъ будто какое-то бѣшеное, безумное головокруженіе овладѣвало всѣми.

Война съ Англіею значила союзъ съ Наполеономъ. Испанія готова была отдать ему флотъ свой, и даже

войско свое. На пособіи Испаніи развилъ онъ вполнѣ планъ высадки въ Англію, дѣятельно готовилъ средства, но исполненіе плана надлежало отсрочить до слѣдующаго года. Остальные два мѣсяца, исполненнаго столь разнообразными событіями 1804 года, были отданы совершенію обряда коронованія Наполеонова.

Оно совершилось, съ давно невиданнымъ великолѣпіемъ, Декабря 2-го. Не щадили золота, страусовыхъ перьевъ, бархата, кружевъ, куреній, алмазовъ, пушечныхъ выстрѣловъ, пировъ и лести. Испанскіе костюмы облекали Дворъ Наполеоновъ при коронаціи. Ученыя изслѣдованія приложены были къ самымъ мѣлкимъ подробностямъ мѣстъ, одежды, обрядовъ, молитвъ. Тальма училъ дѣйствовавшія въ церемоніи лица декламаціи. Изабе составлялъ рисунки, и даже представилъ въ куклахъ всю церемонію и всѣ подробности костюмовъ. Почтительнымъ письмомъ Наполеонъ просилъ Пія VII-го пріѣхать во Францію, и своимъ присутствіемъ и благословеніемъ удостоить священный обрядъ, «да снизойдетъ на насъ и на на-«родъ нашъ благословеніе Божіе, управляющее судь-«бами царствъ.» Папа отвѣтствовалъ согласіемъ своему *благочестивому* сыну (votre dévote fils, какъ писалъ Наполеонъ), и не смотря на зимнее время и старость свою, пустился въ далекій путь — примѣръ первый съ 1554 года, когда Климентъ VII-й пріѣзжалъ въ Марсель для переговоровъ съ Францискомъ I-мъ, дѣло, напоминавшее времена Пепина и Карла

Великаго. Наполеонъ зналъ, что рѣшенію Папы противились многіе изъ его совѣтниковъ, и что надежда пріобрѣсть нѣкоторыя выгоды, показать преимущества духовной власти, явить въ ней источникъ земнаго владычества, рѣшили Папу на отъѣздъ. Но онъ казался ничего не подозрѣвающимъ. Встрѣчи первосвятителю были великолѣпны и торжественны. Наполеонъ самъ встрѣтилъ его близъ Фонтенебло, и почтительно преклонился передъ нимъ. Папа обнялъ и облобызалъ «благочестиваго» сына своего. Толпы народа окружали Папу всюду по дорогѣ, и тѣснились подъ его благословеніе. Весь Парижъ подвигся, когда въ опредѣленный для коронованія день, одѣтый въ великолѣпную императорскую одежду, среди священныхъ гимновъ и куреній оиміама, явился Наполеонъ съ Жозефиною въ Парижской церкви Богоматери. Келлерманъ несъ древнюю корону Карла Великаго, Перниньонъ скипетръ, Лефевръ мечъ, Бертье державу, Бернадоттъ цѣпь Почетнаго Легіона. Папа былъ уже во храмѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ. По окончаніи священнаго гимна Veni Creator, держа Евангеліе, Папа вопрошалъ Императора: исповѣдуетъ ли онъ католическую религію? Наполеонъ отвѣтствовалъ громко: Profiteor. Тогда совершилось миропомазаніе. Замѣтили мимолетную, горькую улыбку, мелькнувшую на устахъ Папы, когда онъ хотѣлъ возложить корону на голову Наполеона, но предупреждая намѣреніе его, Наполеонъ взялъ изъ рукъ его корону, и самъ возложилъ ее на себя. Во всемъ величіи явился на

тронѣ Наполеонъ. Папа первый возгласилъ: Vivat Imperator in aeternum! Своды церкви огласились крикомъ присутствующихъ: Vive l'empereur! Гордъ и всемогущъ казался *онъ*, благословляемый на царство Карла Великаго, воспоминаніе котораго старались возбудить безпрестанно, какъ будто хотѣли изгладить изъ памяти народной все, что было между Карломъ Великимъ и Наполеономъ, гордъ и всесиленъ казался онъ, забывая объ Европѣ, возстававшей противъ него. *Мои потомки долго сохранятъ мой тронъ*, говорилъ онъ наканунѣ Сенату. «Въ битвахъ будутъ они первые солдаты, жертвуя жизнью за спасеніе отечества. Судіи, они никогда не забудутъ, что презрѣніе законовъ и разрушеніе порядка общественнаго суть слѣдствія слабости и недоразумѣнія государей.» — *Потомки!* Еслибы въ ту минуту, когда при громѣ пушекъ герольды возглашали: «Августѣйшій и славнѣйшій Императоръ Французовъ коронованъ и возведенъ на тронъ! Да, здравствуетъ Императоръ!» — еслибы въ ту минуту могъ онъ прозрѣть въ будущее, и видѣть что будетъ — не съ потомками его, но — съ нимъ самимъ черезъ десять лѣтъ...

Впрочемъ, самъ Наполеонъ замѣтилъ, что коронованіе его не достигло вполнѣ своей цѣли. Слишкомъ рѣзкій былъ переходъ отъ того, о чемъ говорили и что дѣлали въ теченіе пятнадцати лѣтъ, до того, что являлось передъ глазами. *Республика*, съ ненавистью къ имени короля, и — *Императоръ*, съ

властью, какой не было прежде примѣра; сѣрый сюртукъ республиканскаго генерала, и — Дворское великолѣпіе, дотолѣ неслыханное, и *Наполеонъ*, чадо революціи и охранитель республики, *Императоръ!* Страннымъ лицемѣрствомъ казались Французамъ церковныя торжества и наружная набожность Наполеона, когда ревностные католики видѣли въ дряхломъ старцѣ, Піѣ VII-мъ, невольника, раба, исполнителя прихотей тирана. Странно также было видѣть Наполеона, его братьевъ, сестеръ съ титулами императорскими, когда зрители помнили еще, какъ Наполеонъ жилъ въ Парижѣ бѣднымъ поручикомъ, какъ сестры его ходили въ бѣдныхъ платьяхъ. Герои на поляхъ битвъ, неловкими царедворцами являлись дѣти мѣщанъ, грубые солдаты республики, одѣтые въ Римскія тоги, съ титулами маршаловъ. Дворъ Наполеона казался забавнымъ старинной аристократіи по неловкости и непривычкѣ его новыхъ придворныхъ. Встрѣчались самыя неожиданныя недоумѣнія. Папа потребовалъ свидѣтельства о бракѣ Наполеона съ Жозефиною. Открылось, что духовнаго благословенія на бракъ не было, ибо при заключеніи его довольствовались гражданскимъ свидѣтельствомъ по уставамъ республики. Папа отказался послѣ сего короновать Жозефину. По непреклонному требованію его должны были совершить втайнѣ обрядъ вѣнчанія. Когда надлежало назначить день тезоименитства новаго императора, увидѣли, что святой Наполеонъ не былъ еще признанъ католическою церковью. Папа поспѣшилъ при-

числить во святые Наполеона, изъ имени коего лесть уже выводила таинственный смыслъ. (*)

Но все прикроютъ успѣхъ и слава. Здѣсь явились тревожныя сомнѣнія въ народѣ. Уже разрывъ съ Англіею, радовавшій военныхъ, воспламенявшій юную Францію, возмущалъ мирныхъ гражданъ. Онъ поражалъ бѣдствіемъ торговлю и промышленность; купеческіе корабли Французовъ были вездѣ захвачены Англичанами; мильоны частныхъ капиталовъ погибли; безконечная война была впереди. Не думая о томъ, Наполеонъ готовилъ высадку, какъ будто забывая объ Европѣ, сомнительное сохраненіе мира съ коею не было уже тайною, и какъ будто жаждалъ только внѣшнихъ почестей и одуряющаго чада лести. Сколь ни велика была вѣра въ геній и счастіе Наполеона, но сомнѣніе вкрадывалось въ души многихъ. Все могъ утвердить только успѣхъ. Пора было рѣшиться грозному вопросу, для рѣшенія коего со-

(*) Досужіе археографы, доказывавшіе происхожденіе *Бонапартовъ* отъ древнихъ Греческихъ *Каломеросовъ*, вывели, что *Наполеонъ* значилъ: *левъ пустынь*, даже составили цѣлую анаграмму изъ его имени: *Ναπολεων απολεων πολεων ολεων λεων εων ων*, то есть: *Наполеонъ, левъ народовъ, шелъ разрушая грады* (Napoleon, étant le lion des peuples, allait détruisant les cités). За то враги Наполеона находили въ имени его имя Апокалипсическаго ангела тмы, *Аполліона*, и даже высчитали, что слова: *Императоръ Наполеонъ*, составляютъ Апокалипсическое знаменіе Антихриста, 666, *семь королевствъ*, имъ созданныхъ, *семь главъ*, и *десять народовъ*, ему подвластныхъ, *десять роговъ* Апокалипсическаго звѣря.

браны были невиданныя дотолѣ средства съ обѣихъ сторонъ. Мы говорили о флотѣ и войскѣ Англичанъ. Они были еще болѣе усплены въ началѣ 1805 года. Расходы на войну, по бюджету сего года, опредѣлены были почти въ *двѣнадцать съ половиною миллiоновъ* фунтовъ стерлинговъ. Не менѣе громадны были силы, приготовленныя Наполеономъ въ два года. *Сто шестдесятъ тысячь* пѣхоты и конницы, съ 450 пушками и безчисленными запасами (14 миллiоновъ ружейныхъ патроновъ, 90,000 пушечныхъ зарядовъ, 32,000 запасныхъ ружей, 30,000 инженерныхъ орудiй, *миллiонъ триста тысячь* кремней, *полтора миллiона* рацiоновъ сухарей) назначены были для высадки. Войска раздѣлялись на семь корпусовъ: 1-й *Бернадотта*, занималъ Ганноверъ; 2-й *Мармона*, стоялъ лагеремъ у Цейста въ Голландiи; 3, 4, 5, 6, *Даву, Сульта, Ланна, Нея*, находились по приморью отъ Амблетёза до Монтрёйля; 7-й *Ожеро*, былъ около Бреста. *Двѣ тысячи двѣсти* мѣлкихъ судовъ, вооруженныхъ 5000 пушекъ, укрывались въ гаваняхъ, и готовы были перевезть въ Англiю полчища Наполеоновы. Подкрѣпленiе имъ должны были составить флоты изъ большихъ кораблей; они находились въ Текселѣ, Остендѣ, Дюнкирхенѣ, Кале, Булони, Гаврѣ, Брестѣ, Рошфорѣ и Тулонѣ. По договору Января 4-го Испанiя передавала Францiи до 30-ти кораблей, бывшихъ въ Ферролѣ, Кадиксѣ и Кароагенѣ. Всѣ сiи корабли, раздѣленные на эскадры, должны были выйдти въ море въ одно время,

плыть въ разныя мѣста, увлечь за собою Англійскія эскадры, освободить Францію отъ блокады, снабдить войсками колоніи, избѣгать сраженій съ Англичанами, и въ Августѣ собраться на назначенныя мѣста въ Ламаншскомъ проливѣ. Тогда присоединялись къ нимъ остальные корабли изъ сѣверныхъ гаваней и суда Голландскія, составлялась новая армада, подъ защитою коей, не страшась Англійскихъ флотовъ, еслибы они и явились, высадка могла надежно передвинуться въ Англію. Сообразно сему плану, Января 11-го вышла изъ Рошфора эскадра адмирала Миссіеси; Января 15-го вышелъ изъ Тулона флотъ съ адмираломъ Вилльнёвомъ. Только Гантомъ не могъ выйдти изъ Бреста, стерегомаго неотступнымъ Корнваллисомъ; ему велѣно выжидать удобнаго случая.

Таковъ былъ планъ, коимъ могла осуществиться послѣ союза съ Испаніею высадка. Много было въ немъ мечтательнаго, и многое отдавалось случаю. «Съ моремъ кто совѣтенъ?» можно было возразить прежде всего на планъ высадки. Не принимая въ разсчетъ несчастнаго и неудачнаго плаванія, погони Англичанъ, и въ случаѣ встрѣчи съ ними, случайностей битвы, надлежало разсчитывать часы, не только дни. Въ удачѣ замысла обнадеживали безуспѣшныя дѣйствія Англичанъ съ самаго начала войны. Кромѣ взятія Испанскихъ гальоновъ, занятія колоній и захвата Французскихъ купеческихъ кораблей, всѣ покушенія Англичанъ истреблять флотиліи и корабли во Французскихъ гаваняхъ были безуспѣшны. Три раза при-

нимались Англичане бомбардировать Гавръ; безпрестанно приходили съ брандерами и адскими машинами къ Булони, и всегда удалялись безъ успѣха. Сидней Смитъ безуспѣшно дрался у Остенды съ адмираломъ Вергюелемъ, а Вилльнёвъ и Миссіеси ускользнули отъ блокадныхъ эскадръ Англійскихъ. Адмиралъ Линуа безпощадно раззорялъ Англійскія Азіятскія колоніи и забиралъ купеческіе корабли Англичанъ въ Азіи.

Къ изумленію всѣхъ, въ то время, когда готовилась развязка спора, Наполеонъ вовсе неожиданно предложилъ миръ Англіи. Кажется, здѣсь вся цѣль его состояла въ желаніи показать, что онъ, котораго столь недавно позорила Англія, можетъ теперь говорить, какъ равный съ равнымъ, съ Монархомъ Англіи, и высказать горделивую умѣренность требованій, когда гроза высадки готова была разразиться надъ Англіею; съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, онъ хотѣлъ оправдать себя передъ Европою миролюбіемъ. «Государь *мой братъ!*» писалъ Наполеонъ, «призванный желаніемъ Французскаго народа на престолъ, прежде всего желаю мира. Мы губимъ взаимно другъ друга, и исполняемъ ли тѣмъ наши священныя обязанности? Не считаю безчестіемъ первый предложить миръ. Кажется, довольно доказалъ я, что войны мнѣ нечего бояться. Она обѣщаетъ мнѣ болѣе мира и никогда еще не измѣняла мнѣ, но миръ обѣтъ моего сердца. Заклинаю В. В. не отвергать его, и чего можете вы надѣяться: союза Европейскихъ Го-

*

сударей? Онъ только умножитъ силу Франціи. Возбужденія внутреннихъ мятежей? Время ихъ прошло. Раззоренія нашихъ колоній? Онѣ для насъ неважны. Война наша безъ цѣли и не поведетъ насъ ни къ чему. Какая печальная будущность заставлять народы сражаться только для того, чтобы они сражались! Свѣтъ довольно обширенъ и намъ можно въ немъ ужиться, а умъ долженъ убѣдить каждаго, что помириться легко, если хотятъ мира.»

Можно было почесть скорѣе всего насмѣшкою предложеніе мириться, послѣ того что было между Англіею и Наполеономъ. И самое письмо Наполеона: такъ гордо не пишутъ, если желаютъ примиренія. Отвѣтъ былъ затруднителенъ. Мюльгравъ отвѣчалъ Талейрану почтительно, не давая императорскаго титула, и называя Наполеона *Начальникомъ Французскаго Правительства* (Le chef du gouvernement français), что «Англія не можетъ говорить о мирѣ съ Франціею безъ согласія своихъ союзниковъ,» и «особливо Императора Россійскаго, давшаго сильнѣйшія доказательства мудрости и возвышенныхъ чувствъ, его одушевляющихъ, при живомъ участіи его въ безопасности и независимости Европы» (and particularly the Emperor of Russia, who had given the strongest proofs of the wisdom and elevation of the sentiments, with which he is animated, and the lively interest, which he takes in the safety and independence of the continent). Такимъ образомъ Англія за насмѣшку платила униженіемъ На-

полеона, и въ отвѣтъ на самоувѣренность его указала ему на грозу, собиравшуюся надъ его головою въ Европѣ. Еще яснѣе выразился о союзѣ Европейскомъ, и высказалъ мнѣніе свое Наполеону Георгъ III-й въ рѣчи при открытіи Парламентовъ. «Правительство, дѣйствія коего были цѣпью насилій и нарушеній всѣхъ правъ, *просило* меня о мирѣ, и я отвѣчалъ, что не отвергаю его, но не могу рѣшиться на него безъ согласія союзниковъ, съ коими соединенъ взаимными обѣщаніями.» Все разгорячало только ненависть и усиливало вражду.

Между тѣмъ, къ досадѣ Наполеона, планъ морскихъ предпріятій его разстроился въ самомъ началѣ. Миссіесси посѣтилъ Вестъ-Индію, былъ у Сенъ-Доминго, и неожиданно воротился въ Маѣ къ Рошфору. Если онъ слишкомъ поспѣшилъ, Вилльнёвъ напротивъ слишкомъ замедлилъ, вышелъ въ море, воротился, претерпѣвши бурю, и требовалъ времени для исправленія флота. Грозное повелѣніе прислано было ему идти вновь немедленно, соединиться съ Испанцами, отвлечь Англичанъ и поспѣшать въ Ламаншскій проливъ. Вилльнёвъ выступилъ вторично уже 30-го Марта, съ 24 кораблями; въ Апрѣлѣ соединился онъ въ Кадиксѣ съ Испанскимъ флотомъ адмирала Гравины, и направился въ Вестъ-Индію. Миссіесси смѣнилъ адмиралъ Лалеманъ, но Рошфортская эскадра не успѣла выйдти, заблокированная Англичанами. Надлежало ожидать возвращенія Вилльнёва и Гравины, и тогда уже ничто не могло остановить предпріятій

Наполеона, ибо до 60 кораблей могли явиться въ Ламаншѣ, пока Нельсонъ и товарищи его искали Французскіе флоты въ Египтѣ, западной Африкѣ и Вестъ-Индіи.

Въ ожиданіи рѣшенія, время Наполеоново занято было важными дѣлами государственными.

Совершенно покорная волѣ его, Батавская республика испытала тогда новое преобразованіе. Наполеонъ видѣлъ необходимость сосредоточить въ ней власть, и по его предложенію высшее управленіе республики ввѣрено было Великому Ратпенсіонарію, въ Мартѣ 1805 г., съ властью диктатора. Важную должность сію передали Шиммельпеннинку, который заслужилъ особенное уваженіе Наполеона въ бытность его посланникомъ въ Парижѣ. Но тайною цѣлью было здѣсь пріученіе Голландцовъ къ самовластію, и легко было понять, что диктаторомъ Голландіи былъ Наполеонъ, а не выставленный имъ призракъ властителя.

Послѣ того, когда Наполеонъ возложилъ на свою голову вѣнецъ Императорскій, Итальянская республика представляла уже несообразное противорѣчіе: *императоръ* Франціи не могъ быть *республиканцомъ* въ Италіи, и Итальянская республика должна была преобразиться въ монархію. Пріучивъ къ повиновенію своихъ Итальянскихъ подданныхъ, Наполеонъ не могъ сомнѣваться въ согласіи ихъ, хотя едва три года прошло со времени новой конституціи Итальянской республики. Впрочемъ перемѣны существенной не бы-

ло. Какъ во Франціи, Наполеонъ перемѣнялъ только *названіе* свое, и за то Италія достигала всегдашней, желанной мечты своей — самобытности. Преобразуясь въ королевство, она не присоединялась къ Франціи, управлялась своими законами, сохраняла свою національность. Власть верховная была въ особѣ Наполеона, но управленіе Италіею передавалось отъ него особенному Вице-Королю, совершенно отдѣльно отъ Франціи, и онъ обязывался избрать себѣ преемника, не соединяя власти надъ Италіею въ рукахъ наслѣдника Французскаго престола.

Всѣ сіи распоряженія успокоивали умы, еслибы Итальянцы не предвидѣли гораздо прежде перемѣны, готовимой имъ Наполеономъ. Оставалось прикрыть формами преобразованіе въ глазахъ Европы. Мельци явился въ Парижъ разыгрывать заученную ролю, бранить республику, и восклицать, что монархія необходима для блага Италіи. «Таковъ общій обѣтъ въ землѣ, дважды вами покоренной, вами созданной, устроенной, правимой, въ землѣ, гдѣ все напоминаетъ ваши подвиги, все свидѣтельствуетъ вашъ геній, все дышитъ вашими благотвореніями. Вы хотѣли, Государь, да существуетъ Итальянская республика, и она существовала. Пожелайте, да будетъ счастлива Итальянская монархія, и она будетъ счастлива.» Соглашаясь на предложеніе, Наполеонъ отвѣчалъ: «Первое дѣло, когда еще не стряхнулъ я съ себя пыли и крови битвъ, было преобразованіе Италіи. Вы думали, что для пользъ вашихъ необходимо мнѣ быть началь-

никомъ вашимъ, и теперь вы хотите, чтобы я былъ первымъ королемъ вашимъ. Соглашаюсь, но Италія останется самобытною. Въ настоящее время гибельно было бы раздѣленіе коронъ Франціи и Италіи, но я сохраню Итальянскую корону только на то время, какого потребуютъ ваши пользы, и радостно увижу ее отдѣльною на юной головѣ, которая, одушевляясь духомъ моимъ, продолжитъ мое твореніе.»

Въ Маѣ мѣсяцѣ, какъ будто ничто не угрожало Франціи, какъ будто мечи нѣсколькихъ сотъ тысячь воиновъ не готовились обнажиться на бой, совершилось путешествіе Наполеона въ Италію. Съ нимъ были Жозефина, Дворъ, министры Европейскихъ государей. Милости сыпались отъ руки его на пути отъ Парижа до Милана. Толпы народа, привѣтственныя рѣчи, громъ пушекъ, торжественныя врата знаменовали повсюду третье прибытіе Наполеона въ ту землю, гдѣ являлся онъ сначала юнымъ, безвѣстнымъ генераломъ, и потомъ властителемъ сильнаго государства. Нѣтъ! Мельци не обманывалъ, когда говорилъ, что Италія хочетъ власти Наполеона. «Онъ нашъ! Онъ все пріобрѣлъ у насъ, побѣду и вѣнецъ!» восклицали Итальянцы, не скрывая пламеннаго восторга жителей юга. Наполеонъ старался усилить восхищеніе народа великолѣпіемъ праздниковъ. Началось маневрами на Маренгскомъ полѣ, гдѣ предводилъ онъ самъ блестящими полками. Другіе маневры были на полѣ Кастильонскомъ, гдѣ собралось сорокъ тысячь войска. Безсчетныя толпы народа были зрителями военныхъ

зрѣлищъ. За тѣмъ послѣдовало коронованіе въ Миланскомъ соборѣ. Обрядъ совершалъ папскій легатъ, кардиналъ Капрара (Мая 26-го). Папа не былъ приглашенъ, хотя разстался съ Наполеономъ съ изъявленіемъ дружбы и взаимнаго уваженія, принужденный довольствоваться до времени обѣщаніями на будущее. Короною Итальянскаго королевства назначенъ былъ древній вѣнецъ Ломбардскихъ королей, въ который вставленъ обручъ, сдѣланный изъ желѣзнаго гвоздя, по преданію одного изъ тѣхъ, коими распятъ былъ Іисусъ Христосъ, и потому вѣнецъ сей назывался *Желѣзною Короною.* Наполеонъ самъ возложилъ его на свою голову, и громко произнесъ: Dio me la diede, guai a chi la tocca (*Богъ далъ мнѣ его, и горе тому, кто до него коснется!*) Слова сіи сдѣлались девизомъ новаго Итальянскаго ордена Желѣзной Короны. Гербъ Итальянскаго королевства представлялъ соединеніе гербовъ Милана, Модены, Болоніи, Венеціи, Піемонта; надъ всѣми покоился Французскій орелъ, съ громами въ когтяхъ. Наполеонъ высказывалъ здѣсь мысль о соединеніи всей Италіи въ одно сильное царство. По крайней мѣрѣ, такъ изъясняли Итальянцамъ ихъ новый гербъ.

За торжествами слѣдовали государственныя распоряженія. Евгеній Богарне былъ объявленъ Вице-Королемъ Италіи. Юный, прекрасный, храбрый, добродѣтельный, онъ восхищалъ Итальянцовъ. Мельци получилъ званіе канцлера королевства. Наполеонъ открылъ засѣданія Законодательнаго Собранія, вновь

учрежденнаго, при которомъ сохранялись три прежнія коллегіи, possidenti, dotti, commerzianti. Показывая совершенное безпристрастіе, Наполеонъ отдѣлилъ доходы Италіи, и опредѣлилъ отдѣльный расходъ ихъ отъ доходовъ и расходовъ Франціи. Всѣ государственныя должности отданы были природнымъ Итальянцамъ. Наполеонъ призывалъ юношество Итальянское къ оружію, ободрялъ науки, приглашалъ къ себѣ ученыхъ Итальянцовъ и бесѣдовалъ съ ними. Миланъ возведенъ былъ въ достоинство столицы королевства. Торжественно посѣтилъ Наполеонъ Геную и Болонію, и всюду великолѣпные праздники, новыя узаконенія и безпрерывныя благодѣянія народу знаменовали его явленіе.

По вскорѣ услышали о новыхъ распоряженіяхъ Наполеона. Депутаты Генуи и Лукки явились «умолять» Наполеона присоединить ихъ къ народамъ, благоденствующимъ подъ его скипетромъ. Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ объявлено было учрежденіе новаго герцогства въ Италіи. *Піомбино,* небольшой округъ на сѣверъ отъ Тосканы, отданъ былъ сестрѣ Наполеона Элизѣ, съ титуломъ герцогини, и съ возведеніемъ супруга ея въ званіе принца имперіи Французской. Когда Генуя и Лукка представили свои просьбы, Наполеонъ согласился, но жребій новыхъ подданныхъ его былъ неодинаковъ: Лукка присоединена была къ Піомбинскому герцогству, бывшему первымъ примѣромъ возведенія членовъ семейства Наполеонова въ санъ властителей; вице-королевство Евгенія было вто-

рымъ примѣромъ. За тѣмъ объявлено присоединеніе Генуи къ имперіи Французской, съ раздѣленіемъ на три департамента, Генуезскій, Монтеноттскій, Апеннинскій. Тѣмъ не кончилось, и послѣднимъ рѣшеніемъ Наполеона, во время пребыванія его въ Италіи, было окончательное присоединеніе герцогства Пармскаго къ Франціи, подъ именемъ Танарскаго департамента.

Были нѣкоторыя изъ дѣлъ Наполеона, причина коихъ казалась непостижимою. Такимъ дѣломъ можно было почесть рѣшеніе судьбы Генуи, Лукки и Пармы. Декабря 31-го, 1804 года, излагая состояніе Франціи въ рѣчи своей при открытіи засѣданій Законодательнаго Корпуса, онъ торжественно говорилъ: «*Не хочу увеличивать областей Франціи*, но буду только удерживать неприкосновенность тѣхъ, коими она владѣетъ. Нѣтъ у меня честолюбивыхъ замысловъ на великое вліяніе въ Европѣ, но я не хочу только отказаться отъ того, что мы уже пріобрѣли. *Никакое государство не будетъ вновь присовокуплено къ имперіи*, хотя я не пожертвую правъ моихъ и связей, соединяющихъ меня съ созданными мною государствами.» И едва прошло три мѣсяца, Генуя и Парма увеличили собою Францію; исчезла Итальянская республика; Лукка, какъ помѣстье, отдана была сестрѣ Наполеона, и Голландія была преобразована, такъ, что оставалось только имя ея ратпенсіонарія замѣнить именемъ Наполеона. Не спрашиваемъ, гдѣ были послѣ того обѣщанія его, но могла ли Европа видѣть дѣла его равнодушно? Была мѣра ея терпѣ-

нію, если не было мѣры распространенію власти Наполеона. Европа не была еще покорна ему до такой степени, что стоило изъявить ему свою волю, и все повиновалось волѣ его безмолвно. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи Голландіи сохранены были условныя формы независимости, а Итальянскую республику признавала Европа принадлежащею Наполеону, и могла видѣть здѣсь только внѣшнее измѣненіе. Но чѣмъ оправдывались его другія дѣйствія? Въ упомянутой рѣчи своей Наполеонъ говорилъ объ отношеніяхъ Европы къ Франціи. «Императоръ Австрійскій посвящаетъ мирную тишину, какую предписываютъ ему правота его характера и пользы его подданныхъ, возстановленію своихъ финансовъ, благоденствію своего государства, успѣхамъ торговли. Король Прусскій во всѣхъ случаяхъ показываетъ себя другомъ Франціи. Данія слѣдуетъ совѣтамъ политики умѣренной, мудрой и справедливой. Духъ Екатерины Великой оживляетъ совѣты Александра І-го. Онъ помнитъ, что дружба Франціи, необходима ему для равновѣсія Европы.» Нѣтъ! Наполеонъ не могъ воображать себѣ положенія Европы такимъ, какъ изображалъ его. Справедливо, что столько огромныхъ перемѣнъ: имперія, смѣнившая республику во Франціи; королевство, замѣнившее республику въ Италіи; Голландія наканунѣ соединенія съ Франціею, по внѣшности все сіе не измѣняло еще политики Европы. Австрія ограничивалась уклончивою дипломатикою, Пруссія продолжала дружескія сношенія, Россія безмолвствовала, и

только одинъ неугомонный герой возставалъ противъ Наполеона — Король Шведскій, врагъ неопасный. Но не такова была сущность Европейской политики.

Признавши Наполеона императоромъ, Австрія признала его и королемъ Италъянскимъ. Все, чѣмъ ограничивались требованія Австріи, были дипломатическія объясненія, споры о Дворскомъ этикетѣ, и разныя выгоды, какихъ за свои уступки требовала себѣ Австрія въ Германіи. Наполеонъ объяснялъ, что измѣненія во Франціи и въ Италіи были только внѣшнія формы, ибо названія консула и президента въ сущности значили тоже, что имена императора и короля, когда тѣмъ совершенно изглаживались слѣды революціи, а о Бурбонахъ и думать было невозможно. Австрія соглашалась, но потребовала за то равенства имперій въ сношеніяхъ. Наполеонъ не заспорилъ. На случай, что императорство Германіи можетъ перейдти въ другой Германскій родъ, властитель Австріи объявилъ себя *Наслѣднымъ Императоромъ Австрійскимъ*, съ тѣмъ, что наслѣдники его сохранятъ титулъ императорскій, если и не будутъ избраны въ званіе Римскихъ императоровъ — Наполеонъ поручился въ сохраненіи сего условія. Баварія заспорила съ Австріею о правахъ «непосредственныхъ дворянъ» (noblesse immediate), то есть, имѣющихъ владѣнія въ областяхъ другихъ государей, но не подвластныхъ имъ, и о правѣ отдѣльныхъ духовныхъ католическихъ земель, находившихся въ разныхъ областяхъ Германіи, когда владѣльцы ихъ были

уничтожены (droit d'epave). Другіе феодалы Германскіе подкрѣпили споръ, и всѣ отнеслись съ жалобами къ Наполеону. Онъ велѣлъ имъ молчать. Даже, когда Австрія вооруженною рукою заняла Линдау и часть Пинскаго округа у Баваріи, ссылаясь на Кампо-Формійскій договоръ — Наполеонъ согласился. Онъ довольствовался предлогомъ, что «поддержаніе достоинства Австріи требуетъ устройства и усиленія войскъ Австрійскихъ,» когда вновь потребовалъ отвѣта о безпрерывномъ умноженіи войскъ Австрійскихъ.

Не только дипломатическую уклончивость, но даже особенное желаніе дружбы изъявляла Наполеону Пруссія, предлагая посредничество, обѣщая союзъ на случай войны, признавая всѣ измѣненія во Франціи, Италіи и Голландіи. Наполеонъ особенно старался поддерживать такія пріязненныя отношенія. По требованію Пруссіи немедленно отпустилъ онъ въ Англію Румбольдта. Пруссія оправдала увѣренія въ дружбѣ на дѣлѣ при сношеніяхъ съ Швеціею. Поступки короля Густава Адольфа безпрерывно показывали болѣе и болѣе безразсудство наслѣдника странностей, а не дарованій Карла XII. Мы говорили, что онъ протестовалъ послѣ смерти Герцога Ангіенскаго, но протестъ его былъ сопровождаемъ смѣшными нелѣпостями. Густавъ находился тогда въ Германіи, и при первомъ слухѣ о казни Герцога надѣлъ трауръ, публично называлъ Наполеона палачемъ, разругалъ посланника его въ Стутгардтѣ, велѣлъ вывезти подъ стражею посланника Наполеонова

изъ Стокгольма,— вызвалъ своего посла изъ Парижа, за дорогую цѣну досталъ собаку, бывшую при Герцогѣ Ангіенскомъ, назвалъ ее Наполеономъ и всегда ходилъ съ нею, отослалъ орденъ Чернаго Орла Прусскому Королю, когда орденъ сей посланъ былъ Королемъ Наполеону за Легіонъ, звалъ Бурбоновъ въ Швецію, и послѣ принятія Наполеономъ титула Императорскаго, отказалъ ему во всякомъ титулѣ, даже не прибавлялъ слова: monsieur, къ имени Бонапарте. Ненависть его противъ Наполеона походила на сумасшествіе, но о протестѣ онъ все еще не думалъ. Напротивъ, онъ спорилъ съ Россіею за то, что мостъ черезъ пограничную рѣку Кюмень въ Финляндіи былъ выкрашенъ Русскою краскою, и готовъ былъ воевать, утверждая, что мостъ должно выкрасить краскою Шведскою. Протестъ Россіи на Регенсбургскомъ сеймѣ возбудилъ его негодованіе. Онъ немедленно подалъ свой протестъ въ ругательныхъ выраженіяхъ противъ Наполеона, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспоривая право Россіи вмѣшиваться въ дѣла Германіи. Онъ хотѣлъ войны всеобщей, надоѣдалъ требованіями тестю, Курфирсту Баденскому, и свояку, Курфирсту Баварскому. Рады были, когда безпокойный гость убрался наконецъ въ Швецію. Первымъ дѣломъ его въ Стокгольмѣ былъ союзъ съ Англіею. Питтъ готовъ былъ заключить договоръ, потому что могъ послѣ того указать Парламенту хоть на одного союзника. Онъ обѣщалъ Густаву выдать 80 т. ф. с. немедленно, за что Густавъ отдавалъ

Англіи Шведскія войска и флотъ. Положено было (договоромъ Декабря 5, 1804 г.) устроить въ Стральзундѣ складку оружія и запасовъ, мѣсто сбора Англійскихъ и Шведскихъ войскъ, и идти изъ Помераніи въ Ганноверъ. Едва извѣстіе о томъ достигло Берлина, Король Прусскій объявилъ, что не допуститъ подобныхъ распоряженій, ибо они могутъ нарушить неутралитетъ сѣверной Германіи. Отзывъ былъ твердый, и никакія гнѣвныя возраженія Густава не могли поколебать рѣшенія Фридриха Вильгельма. Предпріятіе разрушилось отзывомъ Пруссіи.

Такова была внѣшность политическихъ отношеній Европейскихъ державъ къ Франціи, когда Наполеонъ возвратился въ Парижъ изъ Милана, и Августа 2-го отправился въ Булонскій лагерь. Здѣсь опять начались маневры, движенія, смотры, морскія эволюціи. Казалось, онъ думалъ только о высадкѣ, нетерпѣливо ждалъ извѣстій о флотѣ, и изъявилъ сильнѣйшее негодованіе, когда услышалъ о новой неудачѣ.

Поступокъ Вилльнёва при вторичномъ плаваніи его, въ самомъ дѣлѣ, могъ огорчить Наполеона, ибо вовсе былъ непонятенъ, какъ непонятны были дѣйствія Вилльнёва при Абукирѣ. Соединясь съ Гравиною, онъ посѣтилъ Вестъ-Индію, и счастливо избѣжалъ преслѣдованій Нельсона, который гнался за нимъ по слѣдамъ, не засталъ его въ Америкѣ и полетѣлъ за нимъ въ Европу. Вилльнёвъ и Гравина опять ускользнули удачно, но вмѣсто поворота въ Ламаншъ, направились, вопреки всѣмъ предписаніямъ, къ Испан-

скимъ берегамъ. Здѣсь встрѣтили они эскадру адмирала Калдера у Финистерре, и 22-го Іюля напали на нее. Послѣ нерѣшительнаго боя, причемъ Англичанамъ достались два корабля, Вилльнёвъ ушелъ сперва въ Ферроль, потомъ въ Кадиксъ, и тамъ заблокировалъ его сильный флотъ Англійскій, подъ начальствомъ Коллингвуда и Найта, соединившихся съ Калдеромъ. Дѣло было столь безтолково, что Нельсонъ, не полагая соединеннаго флота въ Испаніи, направился изъ Америки въ Ламаншскій проливъ. Вмѣсто Вилльнёва и Гравины, Наполеонъ увидѣлъ торжествующаго Нельсона, услышалъ о битвѣ Финистеррской, и узналъ, что флоты Французскій и Испанскій заперты въ гавани Кадикской.

Гнѣвъ его былъ ужасенъ. «Знаете ли гдѣ Вилльнёвъ?» вскричалъ онъ, входя въ свой кабинетъ. «Знаете ли гдѣ Вилльнёвъ?» повторилъ онъ громовымъ голосомъ Дарю, бывшему въ кабинетѣ, и не дожидаясь отвѣта, началъ ходить скорыми шагами. «Англія! Ферроль! Кадиксъ! Вилльнёвъ! Еще разъ глупость! Трусость!» Таковы были безсвязныя слова, вырывавшіяся у Наполеона. Вдругъ хладнокровно оборотился онъ къ Дарю, спокойно сказалъ ему: «Садитесь, Дарю, и пишите,» сѣлъ, и послѣ минуты молчанія началъ диктовать планъ похода за Рейнъ.

За *Рейнъ?* А *высадка?* Она была уже оставлена, и въ тѣ минуты, когда Наполеонъ диктовалъ планъ похода, сотни тысячь войскъ уже двигались во всѣхъ концахъ Европы. Какъ могла совершиться столь мгно-

венная перемѣна, когда мы видѣли нерѣшительное положеніе дипломатики Европейскихъ державъ? Но таковы были всѣ событія времени Наполеона. Ножъ убійцы надъ грудью его въ Маѣ, и — корона Императора на головѣ его въ Декабрѣ 1804 года, корона королевская въ Маѣ 1805 года! Въ Августѣ 1805 года еще главная мысль о высадкѣ, и Французскія войска на Ламаншскомъ берегу — въ Сентябрѣ война Европы противъ Наполеона, и Французскія войска на берегахъ Дуная!

Мы изобразили только внѣшность дѣлъ въ Европѣ, и сказали, что Россія безмолвствовала. Но Россія не бездѣйствовала. Тотъ, кто возвысилъ голосъ за Герцога Ангіенскаго, кто одинъ смѣло поддерживалъ достоинство монарха, не вмѣшиваясь въ интриги дипломатики, императоръ Александръ безмолвствовалъ при всѣхъ событіяхъ во Франціи и Италіи потому только, что тогда уже рѣшился замѣнить слова дѣломъ, и взяться за мечъ, не страшась ни счастія, ни генія Наполеонова. Рѣшеніе было непоколебимо. Исполненіе соотвѣтствовало величію его.

Вѣрною, постоянною, одною мыслью руководствуясь въ своей политикѣ, прервавъ сношенія съ Наполеономъ, императоръ Александръ убѣдился, что только война можетъ и должна рѣшить споръ. Убѣжденіе было глубоко и неистребимо никакими препятствіями. Какъ прежде, цѣлью войны долженствовало быть отнятіе у Франціи средствъ угрожать Европѣ, и утвержденіе взаимныхъ правъ на основа-

ніи трактатовъ между Россіею и Франціею — болѣе ничего не хотѣлъ требовать Императоръ Александръ, но сіе требованіе полагалъ онъ цѣлью, которой должно было достигнуть, чего бы то ни стоило. Для достиженія сей цѣли онъ хотѣлъ истощить всѣ средства и вооружить всю Европу. Никто не долженъ былъ оставаться праздныкъ зрителемъ при дѣлѣ общемъ, при рѣшеніи, отъ коего все зависѣло. И поступки императора Александра доказали истину словъ его, что онъ «приложитъ столько же дѣятельности «въ употребленіи средствъ для защиты, сколько по- «казалъ терпѣнія, истощая средства, какія дозволяла «умѣренность, безъ оскорбленія чести и достоинствъ «его державы.»

Съ Наполеономъ онъ не хотѣлъ говорить, но дѣятельно началъ сношенія въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Стокгольмѣ, Неаполѣ, Мадритѣ, Лиссабонѣ, Копенгагенѣ, даже Царьградѣ. «Война Франціи и переговоры послѣ побѣды»—таковы были вездѣ предложенія Александра, и онъ вызывался самъ подать примѣръ другимъ.

Первый союзъ императоръ Александръ заключилъ съ Шведскимъ Королемъ (Января 14-го 1805 г.). Россія обѣщала корпусъ войскъ, предводительствуя коимъ, долженъ былъ Густавъ, съ Шведами и Англичанами, очистить Ганноверъ. Осталось тайною, какія мѣры почиталъ тогда императоръ Александръ прочными утвердить безопасность Европы. Знаемъ только, что онъ устранилъ требованіе возвести Бур-

боновъ на престолъ Франціи. Предположенія его высказались рѣшительнѣе при слѣдовавшемъ послѣ того союзѣ съ Англіею. Онъ отвергъ проектъ Питта, предлагавшаго заключить договоръ на слѣдующемъ основаніи: 1) привесть Францію въ тѣ предѣлы, какіе имѣла она въ 1791 году, то есть, отторгнуть отъ нея всѣ пріобрѣтенія во Фландріи, Италіи и Германіи съ 1791 года; 2) всѣ сіи земли раздѣлить на двѣ категоріи; однѣ обратить въ первобытное состояніе, возвращая Голландію Штатгальтеру, Піемонтъ Сардиніи, Тоскану и Модену ея властителямъ. Изъ остальнаго надлежало сдѣлать особенное употребленіе: за союзъ Пруссіи отдать часть зарейнскихъ земель, Голландіи Фландрію, и возвратя Австріи часть зарейнскихъ земель, передать Итальянское королевство и Генуя Сардиніи, устранивъ Швейцарію отъ покровительства Франціи. Такимъ образомъ, для спокойствія Европы Францію облегали сильныя государства, Австрія, Пруссія, Голландія, Сардинія, Швейцарія; Италія устранялась отъ вліянія Австріи; соперничество Австріи съ Пруссіею безопасно равновѣсіе Европы. Императоръ Александръ проникъ коварную политику Англійскаго министра, который уже засѣвалъ сѣмена раздора въ будущемъ, умалчивая объ уступкахъ и выгодахъ Англіи. Онъ не ослѣплялся также гордою надеждою огромнаго успѣха. Достаточно будетъ, если положатся предѣлы новымъ хищеніямъ Франціи, устранится ея вліяніе на сосѣдей, и принимая въ основаніе Люневильскій и Амьен-

скій договоры, Европа останется въ томъ положеніи, какое опредѣляли сіи два договора, при взаимномъ уваженіи правъ Государями Европейскими. Питтъ безсогласился. Всякая война противъ Наполеона безопасила Англію, и избавляла ее отъ тягостнаго и опаснаго положенія, а пораженіе Наполеона упрочивало ея безопасность, каковы ни были бы потомъ слѣдствія. Такъ, съ искреннимъ желаніемъ добра съ одной стороны, и съ хитрымъ умысломъ съ другой, заключенъ былъ договоръ между Россіею и Англіею, въ Петербургѣ, Апрѣля 11 (Марта 30-го). Россія обязывалась, въ слѣдствіе договоровъ съ Австріею и Пруссіею, выставить противъ Франціи не менѣе 400 тысячь, считая участокъ Россіи отъ 115 до 180 тысячь, Австріи до 250 тысячь, и дополняя остальное число Прусскими, Англійскими, Неаполитанскими, Шведскими и Сардинскими войсками. Англія обязывалась платить 1.250.000 ф. с. субсидій на каждыя *сто тысячь войска* союзниковъ. Россія и Англія обѣщали взаимно склонять къ войнѣ всѣхъ Европейскихъ Государей, и объявить войну всѣмъ государствамъ, которыя вступятъ въ союзъ съ Наполеономъ. Цѣль договора обозначалась слѣдующими словами: «Установляя крѣпкій союзъ, съ намѣреніемъ обезпе-«чить Европѣ прочный и постоянный миръ, основан-«ный на началахъ справедливости, взаимности и права «государственнаго, коими руководствуются обѣ дого-«варивающіяся стороны, онѣ признаютъ необходи-«мость утвердить основанія, какія найдутъ очевид-

«ными по предварительному согласію, когда успѣхи «войны покажутъ ихъ необходимость. Сіи основанія «суть: отнюдь не стѣснять народнаго желанія, отно-«сительно формы правленія, ни во Франціи, ни въ «другихъ странахъ, гдѣ арміи союзниковъ будутъ «дѣйствовать; не присвоивать прежде мира никакого «завоеванія, которое можетъ быть учинено тою или «другою державою, и занимать города и земли, ко-«торыя будутъ отняты у общаго врага, только во «имя той страны, или государства, коимъ принад-«лежатъ они по признанному праву, и во всякомъ «случаѣ, во имя всѣхъ членовъ союза; наконецъ, «собрать, независимо отъ войны, общій конгрессъ, «дабы разсудить и утвердить на неизмѣнныхъ пра-«вилахъ, коихъ, по несчастію, донынѣ не было, «опредѣленіе права народовъ, и упрочить соблюде-«ніе его установленіемъ союзной системы, раз-«считанной по положенію различныхъ государствъ «Европы.»

Весьма важными являются слова о договорахъ съ Австріею и Пруссіею, на основаніи коихъ императоръ Александръ обѣщалъ союзъ Пруссіи и Австріи. Договоры сіи сохранялись въ глубокой тайнѣ, и донынѣ знаемъ мы объ нихъ только то, что еще въ половинѣ 1804 года, ведены были тайные переговоры между Австріею, Пруссіею и Россіею. Убѣждая Австрію, императоръ Александръ старался доказать ей необходимость общихъ правилъ политики и неосновательность страха, производимаго Наполеономъ, «бо-

«лѣе сильнымъ по внушаемой имъ боязни, и по ста-«ранію раздѣлить мнѣнія Европейскихъ Государей, «когда событія въ Эттенгеймѣ очевидно показали, «если оставалось еще въ томъ сомнѣніе, что Бона-«парте руководствуется только ненасытною жадностью «власти и желаніемъ всемірнаго владычества.» Императоръ Францъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ императора Александра, и въ Октябрѣ 1804 г. заключенъ былъ договоръ, коимъ Россія обязалась послать въ помощь Австріи 115.000 войска, *если послѣдуетъ нападеніе на Австрію.* Такія же убѣжденія заставили Пруссію заключить договоръ съ Россіею, коимъ обѣ державы, обязались воевать съ Наполеономъ, *если онъ покусится на спокойствіе сѣверной Германіи.* Въ слѣдствіе сихъ договоровъ императоръ Александръ предложилъ Австріи и Пруссіи заключенные трактаты съ Швеціею и Англіею, и требовалъ приступленія къ союзу Пруссіи и Австріи.

Но если всѣ поступки сихъ державъ съ Наполеономъ не могли убѣдить въ боязни и нерѣшительности ихъ, отвѣтъ ихъ на предложеніе императора Александра разрѣшалъ всякое сомнѣніе. Австрія находила различіе между «объявленіемъ войны Наполеону» и «защитою въ случаѣ его нападенія.» Онъ не нападалъ, и напротивъ, старался поддержать миръ. Австрія полагала также невозможною войну безъ содѣйствія Пруссіи. Еще далѣе простирала предосторожности Пруссія, и не только не хотѣла войны съ

Наполеономъ, пока онъ не покусится прямо нарушить спокойствіе сѣверной Германіи, но подтвердила прежнее объявленіе, что не допуститъ Швецію собирать войска въ Помераніи и идти въ Ганноверъ, ибо намѣрена соблюдать совершенный неутралитетъ. Тщетны были очевидность опасности, и напрасны всѣ убѣжденія Русскихъ министровъ.

Но ничто не могло отвратить императора Александра отъ единожды предположенной цѣли. Надлежало показать твердость рѣшенія. Онъ объявилъ, что Пруссія можетъ рѣшаться или не рѣшаться на войну, но не должна связывать воли другихъ Государей, препятствуя дѣйствіямъ Швеціи, и что въ случаѣ всякаго покушенія препятствовать походу Шведовъ, Россія соединитъ силы свои съ Шведскими, въ исполненіе договора о взаимной помощи. Поставивъ такимъ образомъ Пруссію въ затруднительное положеніе, въ то же время усилили переговоры въ Вѣнѣ. Императоръ Александръ былъ готовъ увеличить помощь Австріи до 180,000, и даже предлагалъ слѣдующій планъ войны: Россія отправляетъ въ Германію 100,000, сближаетъ на Прусскую границу 40,000, посылаетъ въ Померанію 16,000 и въ Неаполь 25,000. Австрія выставляетъ 250,000. Онѣ принуждаютъ Пруссію къ союзу и выставленію 100.000 войска, соединяя съ собою другихъ Германскихъ владѣтелей, Данію, Швецію и Неаполь. Послѣ сего 50,000 Рускихъ, Неаполитанцовъ и Англичанъ идутъ изъ Неаполя въ Ломбардію; имъ помогаетъ Австрія

изъ Тироля. *Сто тысячь* Рускихъ, Австрійцовъ, Баварцовъ, Баденцовъ и Виртембергцовъ дѣйствуютъ на Рейнѣ; ихъ подкрѣпляютъ *сто тысячь* Пруссаковъ; *пятдесятъ тысячь* Рускихъ, Шведовъ, Датчанъ и Мекленбургцовъ идутъ изъ Помераніи; *семдесятъ тысячь* Рускихъ, Саксонцовъ, Гессенцовъ и Брауншвейгцовъ присовокупляются къ нимъ изъ Германіи, занимаютъ Ганноверъ, очищаютъ Голландію и вторгаются во Францію; между тѣмъ Англія дѣйствуетъ флотами и высадками въ Италіи, Ганноверѣ, Голландіи. Если предположить войско Наполеоново въ 600.000, онъ не можетъ отдѣлить для дѣйствія болѣе 400.000, и не въ состояніи будетъ противиться.

Планъ доставленъ былъ въ Вѣну генераломъ Винценгероде въ Маѣ мѣсяцѣ. Онъ затруднилъ Австрію. Соглашались съ основательностью его, но страшились обширнаго объема, не надѣялись на готовность другихъ, видѣли ожиданіе не союза, но войны съ Пруссіею, боялись быстроты дѣйствій Наполеоновыхъ, говорили о неготовности Австріи, и отлагали рѣшеніе, когда паче всего утверждалъ императоръ Александръ необходимость *рѣшиться* и *немедленно дѣйствовать*. «Всего опаснѣе система медленія,» говорилъ онъ, «ибо доставляетъ Франціи болѣе пріобрѣтеній во время мира, нежели во время войны. Если Франція выигрывала сраженія, она не менѣе и теряла ихъ, но всегда увеличивала могущество свое въ теченіе времени отъ заключенія одного, *изъ такъ называвших-*

ся миров (entre les soi-disant paix), до другаго. Неужели станем дожидаться, пока Бонапарте нападет на нас? Неужели опасеніе его сильнѣе надежды на меня? Честь Россіи не дозволяет мнѣ равнодушно видѣть униженія Европы, и неужели я не пріобрѣтаю довѣренности союзников, предлагая войну, всѣ выгоды коей будут в пользу их, а на часть Россіи остаются только пожертвованія?» — Ничто не могло побѣдить упорства Пруссіи и нерѣшительности Австріи. Пруссія объявила наконец, что Наполеон желает мира, и вмѣсто войны, Россія должна испытать переговоры. *Наполеон желает мира?* «Желаніем» его названо было предложеніе о мирѣ в письмѣ к Англійскому Королю, в началѣ 1805 года!

Сколь ни прискорбно было, но надлежало уступить необходимости, и император Александр рѣшился на переговоры, согласился даже отправить в Париж своего посла, и в Іюнѣ мѣсяцѣ посол его, Новосильцов, пріѣхал в Берлин и потребовал паспорта для проѣзда во Францію. Не была ли сія посылка посла, при доказательствѣ снисхожденія и умѣренности императора Александра, средством увѣрить Пруссію и Австрію в том, что время переговоров прошло? Иначе нельзя понимать ее.

Зорко слѣдил за всѣми тайнами Европейской дипломатики Наполеон из Булони, из Парижа, из Милана, и если не все было ему извѣстно, неутомимо работала его дипломатика. Внѣшность не

прикрывала для него настоящей сущности дѣлъ. Какъ императоръ Александръ, онъ также убѣдился тогда въ неизбѣжности войны. Ранѣе или позднѣе, Австрія согласится съ Россіею. Лучше предупредить ударъ, не давши непріятелю приготовиться. Онъ увидѣлъ уже тогда недоступность на миръ императора Александра и предчувствовалъ разрушеніе средствъ для высадки. Даже въ случаѣ удачнаго исполненія приказаній его, болѣе нежели опасно было оставить за собою Европу, готовую взяться за оружіе. Въ присылкѣ Новосильцова онъ усматривалъ только уступку императора Александра предубѣжденію союзниковъ. Потому, кажется, что дѣла его съ Генуею, Луккою и Пармою были средствомъ испытать: дойдетъ ли снисходительная робость Европы до того, что даже и сіи дѣйствія, послѣ коихъ вознагражденіе Сардиніи было невозможно, не рѣшатъ Европейскихъ Государей на войну? Иначе они были бы необъяснимою прихотью властолюбія. Поддержаніе мысли о высадкѣ до послѣдней минуты рѣшенія было послѣ сего однимъ изъ глубокихъ соображеній Наполеона, и входило въ самый планъ войны, уже расположенной имъ. Потому требованія его отъ Австріи сдѣлались тогда взыскательнѣе, отношенія къ Пруссіи дружественнѣе прежнихъ, и онъ не отказался начать переговоры съ Россіею, ибо понималъ, что они едвали могутъ даже начаться. Дѣйствительно, пріѣздъ Новосильцова въ Берлинъ ни къ чему не повелъ. Новосильцовъ объявилъ, что будетъ говорить съ «начальникомъ Фран-

цузскаго правительства,» не придавая ему, принятаго имъ, но не утвержденнаго Россіею, императорскаго титула, и притомъ тогда только, «когда *Бонапарте* увѣритъ предварительно въ искреннемъ желаніи мира.» «Такъ ли говорятъ, если хотятъ мира?» возражалъ Наполеонъ. Онъ удовлетворилъ однакожь просьбамъ Пруссіи, и согласился принять Новосильцова, «не въ качествѣ посла, а какъ путешественника.» Но едва пришло извѣстіе о перемѣнахъ въ Генуѣ, Луккѣ и Пармѣ, приказъ Новосильцову «возвратиться немедленно» былъ присланъ изъ Петербурга. «Не могу входить ни въ какія сношенія съ тѣмъ, кто предлагая миръ, въ то же время новыми хищеніями вызываетъ на войну, «говорилъ императоръ Александръ. Сей поступокъ императора Александра какъ будто рѣшилъ недоумѣнія Австріи. Она объявила, что приступаетъ къ союзу, и 4-го Іюля подписана была въ Вѣнѣ конвенція, которою опредѣлено: объявить войну Франціи; Россія выставляетъ 165,000, Австрія 220,000; 50,000 Рускихъ немедленно присоединяются къ Австрійскимъ войскамъ, и дѣйствуютъ на Рейнѣ и въ Италіи; Пруссію принуждаютъ къ союзу, или воюютъ съ нею, для чего 106,000 Рускихъ, съ 16,000 Шведовъ, становятся на границахъ Пруссіи и переправляются въ Померанію. При согласіи Пруссіи требуютъ отъ нея не менѣе 60,000; тогда еще 50,000 Рускихъ отдѣляются къ Австрійцамъ, а 56,000, съ Пруссаками и Шведами, идутъ въ Ганноверъ. Изъ 220,000 Австрійцовъ 80,000 идутъ въ

Италію, гдѣ въ Неаполѣ собираются 25,000 Рускихъ, 15,000 Неаполитанцовъ и 5000 Англичанъ. Австрія надѣялась составить еще до 100,000 своихъ и другихъ Германскихъ ополченій, не считая высаднаго войска Англичанъ въ Ганноверъ. Въ договоръ ввели нѣкоторыя оговорки. Не вѣря опытности Рускихъ полководцовъ, или боясь встрѣтить новаго Суворова, непремѣннымъ условіемъ положили, что Рускія войска будутъ подъ начальствомъ Австрійскихъ генераловъ, и что не отлагая вооруженія и похода, предложатъ Наполеону миръ. Императоръ Александръ на все соглашался. Тогда съ Англіею заключили Австрійцы договоры о денежныхъ пособіяхъ, и когда Наполеонъ поѣхалъ изъ Парижа въ Булонскій лагерь, Русскія войска уже шли въ Австрію, Австрійскія войска двигались въ Баварію.

Онъ былъ готовъ. Арміи, назначенной на высадку, отданъ приказъ поспѣшно собираться въ походъ. Но тайна рѣшенія Наполеонова была сокрыта столь глубоко, что обманула союзниковъ и изумила Францію и войско Французское. Казалось, что новая война была рѣшена неожиданно. Многіе маршалы полагали даже, что *походъ* значитъ начало высадки, и тѣмъ съ большимъ восторгомъ узнало все войско, что идутъ не на сомнительную морскую борьбу, но на знакомыя поля за Рейномъ. Клики радости и воинскія пѣсни раздались между солдатами; полтора года бездѣйствія надоѣли имъ. Всѣ жадно хотѣли боя, и съ воплями: Vive l'empereur! окружали импера-

торскіе орлы, которые въ первый разъ несли на поля битвъ.

Довольный расположеніемъ солдатъ своихъ, Наполеонъ поскакалъ въ Парижъ, гдѣ надлежало приводить въ исполненіе планъ войны, оканчивать дипломатическія дѣла, располагать защиту Французскихъ береговъ и Италіи, распорядиться управленіемъ Франціи въ его отсутствіе, объявить новый наборъ, и спѣшить — спѣшить на битву, ибо непріятели уже не медлили! И не ужели сомнѣніе побѣды не вкрадывалось въ душу Наполеона? Онъ не могъ не думать объ угрожавшей ему опасности, но въ тѣ годы никогда не бывалъ онъ такъ великъ, какъ въ подобныя минуты рѣшенія судебъ: онъ выросталъ тогда безмѣрно, являлся исполиномъ, не зналъ мѣры труда, и заглаживалъ всѣ ошибки, какія дѣлалъ въ бездѣйствіи, увлекаемый страстями, волновавшими душу его.

Союзъ Европы противъ него казался огромнымъ и твердымъ. Австрійцы не могли рѣшиться на войну безъ увѣренности въ силахъ, которыя имѣли время приготовить; Россія подкрѣпляла ихъ громадою войска; Англія не щадила денегъ и средствъ. Первые платежи субсидій были произведены Австрійцамъ немедленно. По Балтійскому и Адріатическому морю цѣлые флоты везли изъ Англіи ружья и аммуницію. Дипломатика другихъ Дворовъ являлась запутанною.

Занимаясь главными событіями, мы не говорили о частностяхъ. Онѣ, конечно, были неважны, но показывали дѣятельность и успѣхи непріятелей Напо-

леоповыхъ. Ссылаясь на невозможность сопротивленія, Португалія явно передавалась Англіи. Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ переписку Неаполитанской Королевы съ Австріею, гдѣ изложена была готовность на союзъ Неаполя съ Россіею и Австріею. Папа, оскорбленный неудачею услужливости, объявилъ, что не допуститъ Французскія войска занять его области, ибо и непріятели Франціи также «вѣрныя дѣти» его. Напрасно говорили ему, что «вѣрныя дѣти» его соединяются съ «Русскими *еретиками*,» и даже съ «невѣрными музульманами.» Послѣднее относилось къ союзу Россіи и Австріи съ Турціею, ибо Англійская и Русская дипломатика дѣйствовали въ Царьградѣ столь удачно, что посолъ Наполеона, маршалъ Брюнъ, долженъ былъ выѣхать изъ Турціи, и Султанъ не только не призналъ Наполеону титула императорскаго, вопреки поздравленій посла своего въ Парижѣ, но даже заключилъ договоръ съ Россіею, Септября 11-го 1805 года, обязываясь помогать взаимно. Данія рѣшительно оставалась неутральною. Гессенъ, Виртембергъ, Баденъ, Саксонія слѣдовали ея примѣру. Баварія умоляла о томъ же, представляя, въ случаѣ союза съ Наполеономъ, опасность вторженія въ ея земли Австрійцовъ. Другіе Германскіе владѣтели оставались нерѣшительными.

Главнымъ дѣломъ Наполеона былъ планъ военныхъ дѣйствій. Война должна быть наступательная. Не допуская соединиться и укрѣпиться союзниковъ, быстрымъ переходомъ Наполеонъ нападаетъ на Ав-

стрійцовъ, разбиваетъ ихъ, занимаетъ Вѣну, обезпечиваетъ себѣ союзъ Германіи и Пруссіи, и дѣйствуетъ противъ Рускихъ. Потому, при невозможности отдѣлить много войскъ въ Италію, тамъ будутъ только оборонительныя дѣйствія, и даже всѣ войска сосредоточатся въ Итальянскомъ королевствѣ. Въ слѣдствіе того Неаполю и Папѣ предоставленъ неутралитетъ, и Сенъ-Сиръ оставилъ Неаполитанскія владѣнія послѣ заключенія трактата съ Неаполемъ о неутралитетѣ, Сентября 21-го. Можно надѣяться, что страхъ удержитъ Неаполь, но — горе ему, если полагаясь на отдаленную помощь Россіи, онъ нарушитъ договоръ! Отъ Испаніи нечего требовать, и пусть только угрожаетъ она Португаліи, и тѣмъ не допуститъ Англичанъ занять ее.

Всего важнѣе въ разсчетахъ Наполеона была Пруссія, ибо здѣсь политика его соединялась непосредственно съ планомъ войны. Дюрокъ отправился въ Берлинъ съ новыми, обольстительными предложеніями. Каковъ ни былъ бы успѣхъ войны, Наполеонъ обѣщалъ, что никакое новое приобрѣтеніе не умножитъ силъ Франціи послѣ побѣды; что Швейцарія сохранитъ свой неутралитетъ, Голландія свою независимость, и даже Итальянское королевство отдѣлится отъ Франціи. Пособія Пруссіи не требуютъ, если только не допуститъ она движенія Шведовъ, Рускихъ и Англичанъ въ Ганноверъ, и за то Ганноверъ и Померанія будутъ переданы Пруссіи при заключеніи мира, въ доказательство чего немедленно очистятъ Ган-

новеръ Французскія войска. Такія пожертвованія выгодны Наполеону, ибо они предохранятъ Ганноверъ и Голландію отъ вторженія непріятеля, и дадутъ возможность употребить корпусъ Бернадотта, весьма важный въ планѣ Наполеоновомъ, когда передача Ганновера вовлечетъ Пруссію въ союзъ съ Наполеономъ, а неутралитетъ ея разстроитъ планъ союзниковъ, если не вовлечетъ ихъ въ войну съ Пруссіею. Оскорбленная заступленіемъ Россіи за Швецію и неудачею посредничества съ Новосильцовымъ, Пруссія обѣщала строгій неутралитетъ и начала переговоры о Ганноверѣ.

Безопасный со стороны Пруссіи, быстрымъ походомъ за Рейнъ Наполеонъ увлекалъ Гессенъ, Виртембергъ и Баденъ, но ему особенно важенъ союзъ Баваріи, не потому что десять, двадцать тысячь Баварцовъ значительно усиливали его войско, но соблюденіе неутралитета Баваріею измѣняло планъ похода. Къ счастію, рѣшительность союзниковъ помогла нерѣшительности Баварскаго Курфирста.

Послѣ конвенціи 4-го Іюля мгновенно измѣнились поступки и рѣчи Австріи. Вмѣсто прежнихъ уклончивыхъ переговоровъ, Австрія заговорила горделиво. Соглашавшись столь охотно на императорство Наполеона, на преобразованія въ Италіи и въ Голландіи, Австрія изъявила чрезвычайное негодованіе на послѣднія дѣйствія Наполеоновы, присвоеніе Генуи и Лукки, называя ихъ неслыханнымъ нарушеніемъ трактатовъ, а отказъ въ переговорахъ съ Новосильцо-

вымъ явнымъ желаніемъ войны. Но Австрія не только смѣло говорила, но даже смѣло дѣйствовала: въ Венеціи захватили двухъ Французскихъ офицеровъ, и на требованіе объясненій отвѣчали, что они были шпіоны. Наполеонъ также не щадилъ Австріи. «Она пріобрѣла гораздо больше меня своими притязаніями въ Германіи во время мира,» говорилъ онъ, ссылаясь на споры о правѣ на духовныя имѣнія, на имѣнія непосредственнаго дворянства, и на овладѣніе Линдау, «но я молчалъ.» Пусть Россія отдастъ Крымъ Турціи, Англія Цейланъ Голландіи, Гоу Португаліи, земли Типпо-Саиба наслѣдникамъ его, и я откажусь отъ Италіи. Я не принуждалъ Генуя и Лукку просить меня о принятіи ихъ въ подданство. Странно говорить о ничтожныхъ лоскутьяхъ, когда согласились отдать мнѣ Піемонтъ, и когда я дозволилъ дѣлежи земель въ Германіи, гдѣ всякій бралъ что могъ. Посылка Новосильцова была оскорбленіемъ меня. И съ чего вмѣшивается Россія, и чего она хочетъ? «Внушите ей, что съ государственнымъ достоинствомъ, коимъ она столько гордится, несовмѣстно ей быть орудіемъ Питта, второстепенною державою въ дѣлѣ Европы, помощницею Австріи. Слѣдствія союза будутъ для нея гибельны. Войска ея будутъ разбиты, и слѣдствіемъ войны явится новое усиленіе Франціи.» За арестъ Французскихъ офицеровъ арестовали двухъ знатныхъ Австрійцовъ.

Когда уже все кипѣло явнымъ раздоромъ, явилось предложеніе посредничества Австріи на миръ между

Франціею и Россіею, какъ положено договоромъ, Іюля 4-го. Наполеонъ казался оскорбленнымъ. «Не хочу принять его, даже не хочу знать условій его,» отвѣчалъ онъ, «пока Россія и Австрія не поставятъ армій на мирную ногу и не прекратятъ вооруженій.» Размѣнъ нотъ о посредничествѣ былъ послѣднимъ упоминаніемъ о мирѣ. Августа 28-го Австрійская армія объявлена состоящею въ военномъ положеніи. Сентября 3-го прислана въ Парижъ нота, гдѣ излагались требованія Австріи и Россіи: независимость Голландіи и Швейцаріи, вознагражденіе Сардиніи, возвращеніе свободы Генуѣ, Луккѣ и Пармѣ. Потомъ Сентября 9-го и 12-го требованія сіи объявлены Австріею Регенсбургскому сейму. Тогда же обнародованъ былъ манифестъ Россіи о войнѣ, вмѣстѣ съ указомъ о новомъ наборѣ со 125 человѣкъ по рекруту. Сентября 20-го обнародованъ манифестъ Австріи, но гораздо прежде эрцъ-герцогъ Карлъ и эрцъ-герцогъ Іоаннъ отправились къ арміямъ, изъ коихъ одна сближалась къ границамъ Италіи, другая перешла за Иннъ Сентября 9-го, и заняла Мюнхенъ и Ульмъ Сентября 11-го. Неутралитетъ Баваріи былъ нарушенъ. Вотще хотѣлъ отвратить бѣдствія войны, угрожавшія Баваріи, Курфирстъ Баварскій. Вступленію Австрійцовъ предшествовали окончательные съ нимъ переговоры. Заключивъ, Августа 24-го, тайный союзъ съ Наполеономъ, Курфирстъ хотѣлъ выгадать по крайней мѣрѣ время до сближенія Французскихъ войскъ. Хитрость его поняли, и онъ увидѣлъ при-

бывшаго къ нему въ Мюнхенъ князя Шварценберга. Тщетно писалъ Курфирстъ къ императору Францу, что проситъ повременить рѣшеніемъ только до возвращенія Наслѣднаго Принца изъ Франціи, гдѣ онъ тогда путешествовалъ. «На колѣняхъ молю васъ о томъ, Государь! Вы отецъ, и къ сердцу родителя обращается отецъ, трепещущій за участь сына!» Не было милости, и Сентября 9-го подписанъ былъ союзный договоръ Баваріи съ Австріею. Но едва согласившись, Курфирстъ ужаснулся мщенія Наполеонова, и ночью уѣхалъ изъ Мюнхена въ Вюрцбургъ. Здѣсь возобновленъ былъ союзный трактатъ съ Франціею, и манифестомъ Курфирста изъяснены всѣ оскорбленія, нанесенныя ему Австріею. «Мнѣ оставалось одно средство спасти себя отъ позора и гибели — предаться великодушію Императора Французовъ. Съ надеждою на Бога, на могущаго союзника, на храброе войско, на вѣрный народъ, на справедливость брани, мы рѣшились сражаться, и Богъ благословитъ оружіе наше!» Любопытно, что въ 1813 году манифестъ сей объявленъ подложнымъ, и союзъ съ Наполеономъ въ 1805 году признанъ невольнымъ, вынужденнымъ злобою свирѣпаго тирана. Времена тогда перемѣнились!

Послѣднимъ дѣйствіемъ Наполеона былъ протестъ, поданный посломъ его Регенсбурскому сейму. Выставляя свое миролюбіе, свои пожертвованія, коими старался сохранить миръ, неумѣстныя требованія союзниковъ, нарушеніе неутралитета Баваріи, «время

объясненій кончено — настало время дѣйствій,» говорилъ Наполеонъ. «Цѣль войны, мною начинаемой, отразить несправедливыя нападенія, возстановить независимость Германіи. Не оставлю оружія, доколѣ Австрія не будетъ принуждена уважать договоры и безопасность государствъ.»

Оставимъ опроверженія, какія взаимно обнародованы были Наполеономъ и Австріею. Дипломатика еще не отчаявалась, и даже при самомъ отъѣздѣ Наполеона въ армію хотѣла еще говорить и объясняться, какъ будто невольное предчувствіе сказывало ей о пагубныхъ слѣдствіяхъ войны.

Съ негодованіемъ отвергъ Наполеонъ всѣ дальнѣйшія объясненія. Войска его уже двигались къ Рейну. Сентября 23-го, въ торжественномъ засѣданіи, передалъ онъ Сенату всѣ дипломатическіе акты, объявилъ войну Австріи, и сказалъ, что идетъ предводить войсками, наказать вѣроломство непріятелей, уже перешедшихъ за Иннъ, занявшихъ Мюнхенъ, изгнавшихъ союзника Франціи, Курфирста Баварскаго, изъ его столицы. «Мой народъ поспѣшитъ подъ мои знамена,» говорилъ Наполеонъ. «Судіи, солдаты, граждане, всѣ хотятъ освободить отечество отъ вліянія Англіи, обѣщающаго намъ миръ на условіяхъ стыда и безславія, истребленіи нашихъ флотовъ, гибели нашей торговли и промышленности. Сдержу всѣ обѣты, данные мною Франціи, какъ донынѣ сдерживалъ и исполнялъ все что обѣщалъ. Увѣренъ, что въ настоящихъ важныхъ событіяхъ, отъ коихъ зависятъ

слава моя и слава Франціи, Французы утвердятъ за собою имя великаго народа, данное имъ мною при кликахъ побѣдъ. Французы! вашъ Императоръ исполнитъ свою обязанность, солдаты исполнятъ свой долгъ, вы исполните мои надежды!» — Сентября 26-го Наполеонъ былъ уже въ Страсбургѣ. Октября 7-го загремѣли выстрѣлы, зашумѣла битва.

Не переходя еще на поля битвъ, гдѣ новыми подвигами готовъ былъ знаменовать себя геній Наполеона, дополнимъ рядъ событій съ Аміенскаго мира замѣчаніемъ о предположенной въ началѣ мира Наполеономъ колоніяльной системѣ.

Мы говорили о видахъ его на Луизіану и цѣли экспедиціи на Сенъ-Доминго. Экспедиція была неудачна. Лувертюръ не могъ противиться сильному войску Леклерка. Послѣ отчаянной борьбы, онъ былъ захваченъ, перевезенъ во Францію и умеръ въ заключеніи. Сенъ-Доминго покорился, но климатъ острова былъ пагубою побѣдителей, и новыя возмущенія взволновали колонію. Леклеркъ и войско его погибли отъ желтой лихорадки. Война съ Англіею нанесла окончательный ударъ предпріятію. Напрасно Миссіеси и Вильнёвъ доставили пособія. Стѣсненный Англичанами, остатокъ Французовъ сдался Англійской эскадрѣ; другіе погибли отъ руки Негровъ, и съ 1803 года, кровожадное чудовище, негръ Дессалинъ овладѣлъ властью, объявилъ себя императоромъ Гаити (какъ назвали тогда Сенъ-Доминго) въ 1804 году, и погибъ въ 1806 году. Сенъ-Доминго провоз-

глашенъ республикою, а негръ Христофъ президентомъ. Дальнѣйшая исторія Гаити не принадлежитъ къ жизни Наполеона.

Война съ Англіею разрушила также предпріятія въ Сѣверной Америкѣ. Опасаясь, что Англичане займутъ Луизіану, Наполеонъ предложилъ ее Соединеннымъ Штатамъ за плату 80 миллыоновъ франковъ. У Штатовъ были старинныя требованія на Францію, за суда, захваченныя каперами, и по разсчетамъ за Американскую войну. Положено уничтожить сіи требованія и доплатить еще 60 миллыоновъ. Договоръ о томъ подписанъ въ Парижѣ, Апрѣля 30-го 1803 года, и Луизіана составила одну изъ областей Сѣверо-Американскаго союза.

Когда Европа готова была всколебаться отъ грома оружія, на сѣверѣ ея собрались остатки династіи прежнихъ королей Французскихъ. Едва поразила ихъ вѣсть о бѣдственной смерти Герцога Ангіенскаго, извѣстіе о принятіи Наполеономъ императорскаго титула, по видимому, разрушило навсегда надежды ихъ на пріобрѣтеніе престола, и даже возвращеніе когда либо на родину. Дѣдъ Герцога Ангіенскаго, принцъ Конде, послѣ Люневильскаго и Аміенскаго мира забывшій о прежней мысли завоевать Францію, удрученный лѣтами (ему было около 70 лѣтъ), написалъ Наполеону письмо, гдѣ угрожалъ ему небеснымъ правосудіемъ за смерть внука. Людовикъ XVIII-й разослалъ изъ Варшавы протесты ко всѣмъ Дворамъ. Никто не отвѣчалъ ему. Императорскій титулъ На-

полеона возбудилъ новые протесты Людовика. Ихъ также не слушали, и напрасно разсыпали ихъ во Франціи агенты Бурбоновъ. Наполеонъ столь мало считалъ ихъ важными, что велѣлъ напечатать въ Монитерѣ, и прибавилъ къ нимъ изъявленія оскорбительнаго сожалѣнія. «Низверженный король долженъ завоевать свое королевство или молчать. Пусть слѣдуетъ представитель Бурбоновъ примѣру предка своего Генриха IV-го, а не смѣшному примѣру Іакова Стюарта, ежегодно посылавшаго въ Лондонъ томы доказательствъ, что престолъ Англійскій принадлежитъ ему. Неразрушимая преграда отдѣлила навсегда тронъ Франціи отъ рода Бурбоновъ.» Желая возбудить участіе, придумали заговоръ на жизнь Людовика XVIII-го: захватили какого то бродягу, и обвинили его, будто онъ уговаривалъ повара отравить Людовика. Прусское правительство велѣло изслѣдовать дѣло. Открылась вздорная интрига. Король Прусскій изъявилъ послѣ того желаніе, чтобы скучный гость оставилъ Варшаву. Война 1805 года оживила надежды Людовика, но вскорѣ увидѣлъ онъ, что начиная борьбу съ Наполеономъ, монархи Европы отдѣляютъ притязанія Бурбоновъ отъ причинъ войны. Ничто не могло побѣдить Людовика. Изъ Варшавы отослалъ онъ Испанскому Королю орденъ Золотаго Руна. «Не хочу имѣть ничего общаго съ величайшимъ изъ злодѣевъ, котораго судьба возвела на мой тронъ, и который обагрилъ руки въ чистой крови Бурбоновъ,» писалъ Людовикъ. «Какъ христіанинъ,

прощаю убійцу, какъ государь Франціи, клянусь ненавистью тирану моего народа!» Онъ оставилъ Варшаву, и назначилъ всѣмъ Бурбонамъ свиданіе въ Швеціи. Тамъ, въ Калмарѣ, собрались бѣдствующіе изгнанники, которыхъ раздѣляли между собою несогласія. Людовикъ XVIII-й, графъ д'Артуа и принцъ Конде не могли простить дѣтямъ Герцога Орлеанскаго злодѣяній отца ихъ, и того, что они сражались въ рядахъ республиканскихъ. Въ Калмарѣ послѣдовало примиреніе. Смиренно палъ къ ногамъ Людовика Герцогъ Орлеанскій, и страшными клятвами обязался быть вѣрнымъ ему и графу д'Артуа. Отъ имени всѣхъ Бурбоновъ, Людовикъ XVIII-й издалъ протестъ о законности правъ своихъ, (*) и воззваніе къ Французамъ, гдѣ обѣщалъ имъ конституцію и убѣждалъ низвергнуть тирана Слабый голосъ из-

(*) Въ виду волнъ Балтійскаго моря, предъ лицомъ и подъ покровомъ неба, въ присутствіи нашего брата, и Герцога Ангулемскаго, нашего племянника, съ согласія другихъ принцовъ нашей крови, раздѣляющихъ наши правила и проникнутыхъ чувствами, насъ одушевляющими, свидѣтельствуясь и августѣйшими жертвами, и тѣми, коихъ вѣрность, честь, благочестіе, невинность, любовь къ отечеству, преданность къ монархамъ, предали свирѣпству революціи, или злобѣ и ненависти тирановъ, призывая тѣнь юнаго героя, нечестивыми руками похищеннаго у отечества и славы, предлагая нашему народу, какъ залогъ примиренія, добродѣтели ангела-утѣшителя, коего Провидѣніе, да подастъ намъ великій примѣръ, благоволило подвергнуть бѣдствіямъ, избавя отъ палачей и цѣпей, клянемся: никогда не увидятъ насъ разрывающими священный узелъ, связующій жребіи наши съ жребіемъ вашимъ, вашихъ семействъ,

гнанника былъ заглушенъ громами битвъ и побѣдъ Наполеона. Исторія могла бы забыть о поступкахъ Людовика XVIII-го, еслибы казавшееся въ 1805 году страннымъ упорствомъ и неумѣстнымъ упрямствомъ, не было провозглашено, черезъ десять лѣтъ потомъ, геройскимъ дѣломъ, достойнымъ потомка св. Людовика и Генриха IV-го, и воззваніе къ Французамъ не послужило основаніемъ образа правленія Франціи съ 1814 года. Графъ д'Артуа, принцъ Конде и Орлеанскіе принцы возвратились въ Англію. Людовикъ XVIII-й и Герцогъ Ангулемскій поѣхали въ Варшаву, но имъ объявлено, что послѣ Калмарскаго съѣзда Пруссія отказываетъ имъ въ покровительствѣ. Изгнанники не знали, гдѣ преклонить имъ голову. Великодушный императоръ Александръ, не защищая права Бурбоновъ, не хотѣлъ отказать въ убѣжищѣ брату, зятю и дочери Людовика XVI-го. Онъ предложилъ имъ на выборъ поселиться въ Митавѣ или въ Кіевѣ. Людовикъ XVIII-й переѣхалъ въ Митаву, и здѣсь ожидалъ рѣшенія судебъ, совершавшагося на поляхъ Германіи. Оно было горестно, и лишило Людовика послѣдней надежды.

вашихъ сердецъ, вашихъ совѣстей, никогда не отступимся мы отъ наслѣдія нашихъ отцовъ, никогда не оставимъ нашихъ правъ. Французы! мы беремъ во свидѣтели сей клятвы Бога святаго Людовика, судящаго судъ праведный!

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ВОЙНА ВЪ ГЕРМАНІИ. УЛЬМЪ И АУСТЕРЛИЦЪ.

ПРЕСБУРГСКІЙ МИРЪ. 1805 Г.

И Франція, добыча славы,
Смятенный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ!
Ты звалъ мечи на пиръ обильный,
Все съ шумомъ пало предъ тобой,
Европа гибла — сонъ могильный
Носился надъ ея главой...
И се, въ величіи постыдномъ,
Ступилъ на грудь ея колоссъ....

Пушкинъ.

Dominus miscuit in medio eorum spiritum vertiginis, ut palpent in meridie, sicut in tenebris, et candelabra eorum movit de loco suo, ut coeci sint et duces coecorum.

Золотая булла Карла IV-го.

Едва прошло пять лѣтъ со времени битвы Маренгской, едва минуло три года со времени Аміенскаго мира, опять Европа шла ополченіемъ противъ Наполеона, и жребію битвъ долженъ былъ онъ отдать судьбу Франціи и собственную участь. Прежнія побѣды, вѣнецъ императорскій, могущество, какое пріобрѣлъ онъ, все было тщетно. Опять мечъ долженъ былъ рѣшать споръ, и если соображать внѣшнее положеніе Наполеона и Европы, оно могло внушать такія же опасенія, какія внушало въ 1796 и 1800 годахъ. Пусть онъ былъ могущественнѣе, нежели прежде, когда мечемъ принудилъ подписать

Кампо-Формійскій и Амiенскій миръ, непріятель его былъ теперь опаснѣе, борьба съ нимъ была труднѣе.

Не говоримъ объ Англіи, вражда съ коею превратилась въ какую-то народную ненависть, и объ Австріи, воевавшей уже не для завоеваній, какъ прежде, не изъ мѣлкихъ политическихъ разсчетовъ, но за безопасность государственную. Страшнѣе всего была Россія, уже два раза доселѣ рѣшавшая участь Европы, государство, передъ которымъ, за пятдесятъ лѣтъ прежде, уничтожился геній Фридриха Великаго, царство, войска котораго за шесть лѣтъ являлись на поляхъ Италіи, и въ три мѣсяца погубили плоды двухъ-лѣтнихъ побѣдъ Наполеона, царство, наконецъ, союзомъ коего такъ дорожилъ Наполеонъ, пока ослѣпленіе страстей не увлекло его въ поступки, не оправдываемые государственною мудростью. Неутралитетъ Пруссіи былъ болѣе нежели сомнителенъ, и Наполеонъ понималъ, что не смотря на всѣ обольщенія, дружба Пруссіи зависитъ отъ удачи, а первая неудача поставитъ во флангъ разбитой арміи его двѣсти тысячь войска, и силу государства, укрѣпленнаго десятилѣтнимъ миромъ, ибо война начиналась въ Германіи, на новомъ, еще неизвѣстномъ Наполеону полѣ битвъ. Война была страшна всего болѣе тѣмъ, что вопросъ шелъ не о временномъ преобладаніи, но, какъ мы старались изъяснить прежде, то была война идей, война о бытіи или небытіи прежняго или новаго порядка дѣлъ, хотя она облекалась въ политическіе разсчеты и отношенія.

Оставя всѣ другія соображенія, самая вещественная сила союзниковъ была огромна. Къ Январю 1805 года полевыя войска Россіи составляли болѣе 276,000 (пѣхоты: 24 тысячи гренадеровъ, 144 тысячи мушкетеровъ, до 27 тысячь егерей, болѣе 20 тысячь артиллеристовъ, до 7 тысячь гвардіи; конницы: до 5 тысячь кирасировъ, болѣе 22 тысячь драгуновъ, болѣе 14 тысячь гусаровъ); гарнизоновъ считалось болѣе 87,000, казаковъ болѣе 110,000, рекрутовъ и нестроевыхъ, изъ коихъ формировали новые полки, до 77,000. Австрійская армія считала до 292,000 пѣхоты, болѣе 50,000 конницы, болѣе 18,000 артиллеристовъ. Изъ плана союзниковъ мы видѣли, что они надѣялись на помощь Пруссіи, Англіи, Швеціи, Германскихъ владѣтелей, а въ Италіи Неаполя, и даже Турціи. «Противъ столькихъ силъ кто станетъ съ тобою?» можно было спросить у Наполеона. «*Я*,» могъ онъ отвѣчать, и указать на надежды успѣха. Сіи надежды заключались въ сущности союза, ему угрожавшаго, составѣ войскъ союзныхъ, планѣ ихъ военныхъ дѣйствій — даже выборѣ предводителей.

Только императоръ Александръ несъ на поля брани непреоборимую увѣренность, что война была необходима. Робко приступала къ ней Австрія; среди великихъ рѣшеній спорила о подробностяхъ, изъявляла опасенія, такъ, что нельзя не удивляться замѣчаніямъ Австрійскаго министерства, на которыя требовало оно поясненій. Не опредѣлена была положительно цѣль войны, а разсчеты уже раздѣляли со-

юзъ: одного хотѣлъ Питтъ, другаго Густавъ Адольфъ; удачи и побѣды ждали другіе для рѣшенія. Составъ союзныхъ войскъ не представлялъ единства, и если Рускіе смѣло и отважно хотѣли сразиться, память прежняго вселяла невольную робость въ Австрійцовъ. Планъ войны представлялъ всѣ неудобства многосложности и раздробленія. Сколько соображеній предлежало исполнить, дабы сдвинуться Русскимъ и Шведскимъ войскамъ изъ Галиціи, изъ Помераніи, и дѣйствовать въ одно время въ Ганноверѣ, на Адижѣ, въ Неаполѣ и на Рейнѣ, или на Дунаѣ! Не были опредѣлены ни мѣра, ни мѣста высадокъ Англичанъ. Далѣе убѣдимся, что Австрія не ошибалась, говоря, что она еще не готова, какъ ни много имѣла она времени приготовиться. Полки еще формировались, крѣпости не были вооружены, но главное и непостижимое была увѣренность въ союзѣ Пруссіи, когда ничто не подавало къ тому вѣрной и окончательной надежды, а между тѣмъ союзъ Пруссіи входилъ существенно въ планъ военныхъ распоряженій, ибо безъ него смѣшивались и разъединялись всѣ дѣйствія, и не только вторженіе въ Ганноверъ дѣлалось невозможнымъ, но даже соединеніе Русскихъ войскъ съ Австрійскими затруднительнымъ. Предположеніе принудить Пруссію къ войнѣ силою, вѣроятно, должно было почесть только угрозою, ибо въ такомъ случаѣ Пруссія соединялась съ Наполеономъ и умножала силу его въ несоразмѣрномъ объемѣ. Наконецъ, несчастный выборъ предводителей довершалъ всѣ несо-

образности. Эрцъ-герцогъ Карлъ, единственный полководецъ Австрійскій, былъ отправленъ въ Италію, а находившіяся въ Германіи войска поручили юному, неопытному эрцъ-герцогу Фердинанду. Но онъ имѣлъ только названіе главнокомандующаго, ибо, соглашаясь на подчиненіе Русскихъ войскъ Австрійскимъ генераламъ, Александръ положилъ непремѣннымъ условіемъ, что начальство надъ соединенными арміями долженъ принять самъ императоръ Францъ, или кто либо изъ эрцъ-герцоговъ. Потому назначенъ былъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ, но именемъ его управлялъ генералъ-квартирмейстеръ, баронъ Маккъ, знаменитый только неудачнымъ планомъ войны въ 1793 году, и пораженіемъ и плѣномъ въ Италіи въ 1798 г., когда онъ начальствовалъ Неаполитанскими войсками. Увезенный во Францію, онъ бѣжалъ изъ Парижа въ 1800 году, и скрывался пока заключенъ былъ Люневильскій миръ. Бѣгство его ставили ему въ число подвиговъ. Храбрый лично, и великій теоретикъ въ военномъ дѣлѣ, еще болѣе былъ онъ краснорѣчивый говорунъ. Разсказывали, что Лаудонъ, умирая, говорилъ императору Леопольду: «Не жалѣйте обо мнѣ, государь — я вамъ оставляю моего ученика — Макка.» Можетъ быть потому, къ нему имѣли такую довѣренность, что не подчиняя его гофъ-кригсъ-рату, снабдили его императорскими бланкетами, и удалили отъ начальства эрцъ-герцога Карла. При такомъ составѣ союза, и при такихъ планахъ союзниковъ, противъ нихъ былъ Наполеонъ, предводя войскомъ мно-

гочисленнымъ, одушевленнымъ побѣдами, гордымъ именемъ вождя, воспоминаніемъ прошедшаго, надеждами будущаго, войскомъ, въ теченіе полутора года обучавшимся и готовившимся на битвы. Единство воли и вѣрный планъ были ручательствами за побѣду. Мы уже упоминали, что всю предлежавшую кампанію Наполеонъ сосредоточивалъ въ ударѣ на главную Германскую армію союзниковъ, безопася себя въ Ганноверѣ неутралитетомъ Пруссіи, и располагая въ Италіи только оборонительную войну. Главнымъ дѣломъ было послѣ того въ началѣ кампаніи показать неготовность свою, обмануть союзниковъ, а между тѣмъ со всевозможною быстротою двинуть войска, и вѣрно поставить ихъ въ опредѣленное для удара мѣсто. То и другое исполнено было превосходно.

Союзники полагали, что не смотря на начатыя ими движенія, Наполеонъ остается неподвижно на Ламаншскомъ берегу. Увѣренность простиралась до того, что Кобенцель ни о чемъ не извѣщалъ изъ Парижа, когда войско Наполеона уже шло къ Рейну, и напротивъ, по другимъ извѣстіямъ, уже начиналась высадка въ Англію. Дѣйствительно, корпусъ Сульта, часть Неева корпуса и экипажи Наполеона были посажены на суда и вышли въ море. Въ половинѣ Сентября, предводя 80,000, Маккъ вступилъ въ Баварію и расположился по Иллеру, между Ульмомъ и Меммингеномъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ, съ 80,000, подходилъ въ то время къ Адижу. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ, съ 30,000, занялъ Тироль, поддерживая сооб-

щенія между обѣими арміями. Но Русскія войска еще не соединялись съ Австрійцами. Они собраны были на границѣ тремя корпусами, Беннигсенъ у Бреста, 40,000, Буксгевденъ у Гродно, 50,000, Кутузовъ у Радзивилова, 50,000; корпусъ графа Толстаго, назначенный въ Померанію, собирался около Петербурга и Ревеля. Августа 25-го Кутузовъ выступилъ на соединеніе съ Маккомъ, но шелъ обыкновенными переходами, отъ 20 до 25 верстъ въ день. Бывши душею союза, и нетерпѣливо желая испытать опасности битвъ, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга Сентября 21-го, и 29-го прибылъ къ корпусу Буксгевдена, гдѣ остановился въ Пулавахъ, ожидая извѣстій. Здѣсь оказались первыя неудобства плана войны. Увлеченный предложеніями Наполеона, Король Прусскій рѣшительно объявилъ, что намѣренъ продолжать неутралитетъ, не допуститъ Русскія войска переходить черезъ Пруссію, а Шведовъ и Русскихъ идти въ Ганноверъ изъ Помераніи. Напрасно убѣждали его Россійскій посланникъ Алопеусъ, Австрійскій посланникъ Меттернихъ, новый министръ его Гарденбергъ, смѣнившій тогда Гаугвица, жаркій противникъ Наполеона, юный принцъ Прусскій Лудовикъ, жаждавшій идти по слѣдамъ Фридриха Великаго, и начальникъ партіи молодыхъ людей, нетерпѣливо требовавшихъ войны; даже безполезны были просьбы юной, прекрасной супруги короля, одушевляемой любовью къ чести и славѣ Пруссіи — Фридрихъ Вильгельмъ оставался непреклоненъ. Угроза, что

Рускіе насильно пройдутъ черезъ Пруссію, оскорбила его. Оставалось приняться за оружіе. Императоръ Александръ не хотѣлъ прибѣгнуть къ сей крайней мѣрѣ, и рѣшился испытать послѣднее средство — лично уговорить короля, знакомаго съ нимъ съ 1802 года, когда видѣлись они въ Мемелѣ. Положено быть свиданію въ Грушинѣ, куда хотѣлъ пріѣхать и императоръ Францъ. Между тѣмъ приказано собирать новый корпусъ войскъ у Полангена Корсакову, и на югѣ Россіи Тормасову, ибо получены были извѣстія о движеніи Турковъ, вопреки трактату, съ ними заключенному, такъ, что только возраженія Австріи убѣдили не отдѣлять въ Молдавію части войскъ изъ корпуса Кутузова. Время проходило, а грозный противникъ дѣйствовалъ.

Число войскъ, коими могъ располагать Наполеонъ, по словамъ его, простиралось до 600,000, не считая Голландскихъ, Баварскихъ и Итальянскихъ. Вся назначавшаяся на высадку, и бывшая въ Ганноверѣ армія, до 200,000 числомъ, получили повелѣніе поспѣшно двинуться въ Баварію. Особенные корпуса, подъ начальствомъ Брюна и Колло, составились у Булони и Антверпена; они, 100,000 національной гвардіи и морское войско охраняли берега Франціи и Италіи. Лефевръ и Келлерманъ формировали въ Майнцѣ конскриптовъ. Массена, съ 50,000, сталъ на Адижѣ; Сенъ-Сиръ спѣшилъ къ нему изъ Неаполя. Дѣйствующая въ Германіи армія раздѣлена была на семь корпусовъ: 1, Бернадотта, 2, Мармона, 3, Да-

ву, 4, Сульта, 5, Лапна, 6, Нея, 7, Ожеро, кромѣ кавалерійскаго резерва, Мюрата, и гвардіи, конной Бессьера, и пѣхотной Мортье. Соображая положеніе Макка на Иллерѣ, Наполеонъ велѣлъ Ланну переправляться за Рейнъ у Страсбурга и Келя, и показывать видъ, что нападеніе на Австрійцовъ послѣдуетъ съ фронта. Ожеро, которому надлежало совершить самый дальній переходъ отъ Бреста, долженъ былъ отрѣзать вправо сообщенія Макка съ Тиролемъ, между Рейномъ и верховьями Дуная. Когда вниманіе непріятеля будетъ такимъ образомъ занято, Ней, Сультъ, Даву переходятъ Рейнъ въ Карлсругѣ, Шпейерѣ, Мангеймѣ, и направляются на Дунай, въ правый флангъ Макка. Главный разсчетъ Наполеона составляли однакожь не они, но корпуса Бернадотта и Мармона. Бернадотту велѣно идти на Дунай лѣвѣе всѣхъ, соединиться въ Вюрцбургѣ съ Мармономъ, переходившимъ Рейнъ въ Майнцѣ, и съ Баварцами, собравшимися около Вюрцбурга, въ числѣ 25,000; перейдя Дунай въ Инголштадтѣ, Бернадоттъ долженъ былъ отрѣзать сообщеніе съ Русскимъ корпусомъ, шедшимъ изъ Галиціи. Такимъ образомъ, Маккъ, отдѣленный отъ Тироля, отъ сообщеній съ Рускими, и взятый во флангъ, былъ окружаемъ со всѣхъ сторонъ болѣе нежели двойнымъ числомъ войска, и ему оставались на выборъ—смерть или плѣнъ. Кромѣ поспѣшности похода и точности движеній, Наполеону предлежало еще важное препятствіе: неутралитеты Гессена, Виртемберга, Бадена и Пруссіи.

Не уважая неутралитетовъ, объявленныхъ ими, Ней долженъ перейдти прямо черезъ Виртембергскія владѣнія, а Бернадоттъ черезъ Гессенъ, и что еще важнѣе, изъ Вюрцбурга черезъ княжество Анипахское, принадлежавшее Пруссіи. Не слушать ни жалобъ, ни представленій, пройдти обманомъ, даже съ бою, если станутъ сопротивляться — строжайше подтверждалъ Наполеонъ, и только стараться быть въ назначенный срокъ на Дунаѣ. Отвѣтственность за слѣдствія бралъ онъ на себя.

Все было исполнено точно, быстро, смѣло, какъ будто всѣ сіи обширныя движенія производились на полѣ маневровъ. Войска, посаженныя на суда въ Булони и Монтрёйлѣ, и обманувшія тѣмъ шпіоновъ Кобенцеля, ночью сошли на берегъ; въ однѣ сутки сняты были лагери во всѣхъ мѣстахъ; отвсюду двинулись корпуса по назначенію, перешли разстояніе отъ 250 до 275 лье, и Сентября 25-го и 26-го начали переправу за Рейнъ. Генералъ Фуль, командующій Виртембергскими войсками, не хотѣлъ пропустить Нея; ему указали на заряженныя пушки, и Ней прошелъ черезъ Стутгардтъ. Гессенскій властитель не заспорилъ, и Бернадоттъ быстро перешелъ черезъ Кассель. Когда сблизился онъ къ Анипаху, Прусскіе чиновники явились съ протестомъ. Имъ предоставили протестовать; сопротивляться было не кому, и Октября 3-го Бернадоттъ прошелъ черезъ Анипахъ отъ Уффенгейма до Вейссенбурга, а 6-го прошли Мармонъ отъ Фейхванга до Вассертрюдингена, и Ба-

варцы, съ генералами Вреде и Деруа, отъ Швабаха до Абенберга. Въ началѣ Октября вся армія Французская стала на Дунаѣ, переброшенная съ Ламанша, какъ будто волшебнымъ жезломъ, волею Наполеона. Первое дѣйствіе войны было кончено. Вмѣсто того, чтобы застать въ расплохъ Наполеона, Маккъ, какъ нѣкогда Меласъ, увидѣлъ себя угрожаемаго Наполеономъ.

И таково было ослѣпленіе, что ни появленіе со всѣхъ сторонъ Французскихъ войскъ, ни совѣты другихъ генераловъ, не могли убѣдить Макка въ опасности плана его. Онъ говорилъ, что Наполеонъ маневрируетъ по Дунаю, желая принудить его оставить крѣпкую Ульмскую позицію, и что главное нападеніе будетъ учинено съ фронта. Онъ послалъ только приглашеніе Кутузову поспѣшать, и писалъ въ Вѣну, что «никогда, никакая армія не находилась въ положеніи болѣе выгодномъ,» и жаль одного, что «Императоръ Францъ не можетъ быть свидѣтелемъ вѣрнаго торжества Австрійцовъ.» Маккъ не вѣрилъ и сосредоточенію войскъ Наполеона; полагалъ, что опасеніе со стороны Пруссіи заставило его отдѣлить въ Вюрцбургъ Бернадотта и Баварцовъ; почиталъ сообщенія съ Рускими обезпеченными неутралитетомъ Пруссіи, и вѣрилъ извѣстіямъ, что Французскія войска, изнуренныя походомъ, находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Очарованіе не продолжилось.

Изъ Страсбурга Наполеонъ прибылъ, Октября 2-го, въ Лудвигсбургъ, гдѣ, вмѣсто жалобъ на на-

рушеніе неутралитета, Курфирстъ Виртембергскій привѣтствовалъ его почтительно, заключилъ съ нимъ союзъ, передалъ ему 10,000 своего войска, и манифестомъ изъявилъ жалобы на Австрію. Въ Эттингенѣ было свиданіе Наполеона съ Курфирстомъ Баденскимъ, и договоромъ, Октября 10-го, 4000 Баденцовъ соединились съ Французами. Обѣщая вознагражденіе союзникамъ, Наполеонъ помчался далѣе, и началъ кампанію приказомъ, напоминавшимъ прежнія времена:

«Солдаты!»

«Война третьяго союза начинается. Австрійская армія перешла Иннъ, нарушила трактаты, напала на нашего союзника и выгнала его изъ столицы. Даже вы сами, вы должны были скорыми маршами прибѣжать на защиту нашихъ предѣловъ. Но вы уже перешли Рейнъ, и мы не остановимся болѣе, пока не упрочимъ независимости Германскихъ государствъ, не поможемъ нашимъ союзникамъ, не поразимъ гордости несправедливыхъ притѣснителей. Мы не заключимъ болѣе мира безъ обезпеченія, и наше великодушіе не обманетъ болѣе нашей политики. Солдаты! Императоръ вашъ среди васъ! Вы только авангардъ великаго народа. Если будетъ необходимо, онъ весь подымется по моему призыву, сразитъ и разсѣетъ новый союзъ, составленный ненавистію и золотомъ Англичанъ. Но, солдаты, намъ надобно будетъ дѣлать скорые марши, переносить труды и лишенія всякаго рода. Какія препятствія ни поставятъ намъ, мы

нихъ побѣдимъ, и не будемъ отдыхать, пока не водрузимъ нашихъ орловъ на земляхъ враговъ нашихъ!»

Въ одно время отданъ былъ приказъ Баварцамъ. «Солдаты Баварскіе!» говорилъ Наполеонъ — «иду во главѣ моей арміи избавить ваше отечество отъ несправедливыхъ притѣсненій. Австрія хочетъ разрушить вашу независимость, и присоединить васъ къ своимъ обширнымъ землямъ. Вы будете вѣрны памяти вашихъ предковъ, которые, иногда угнетенные, никогда не были покорены, и всегда сохраняли свою независимость, свое государственное бытіе, первое благо народовъ, какъ вѣрность къ Палатинскому дому есть первая изъ вашихъ обязанностей. Вѣрный союзникъ вашего государя, я тронутъ былъ знаками любви, какіе показали вы въ столь важныхъ обстоятельствахъ. Знаю вашу храбрость. Льщу себя надеждою, что послѣ первой битвы, докажу вашему государю и моему народу, что вы достойны сражаться въ рядахъ великой арміи.»

Столь гордое самоувѣреніе не было хвастовствомъ. Первыя битвы показали прежняго Наполеона, прежнихъ солдатъ его. Настала ужасная осенняя погода. Забывая усталость, съ неслыханнымъ дотолѣ кликомъ: Vive l'empereur, съ невиданными дотолѣ на поляхъ брани, императорскими орлами, рвались въ битвы Французы. Онъ былъ съ ними среди военнаго стана не императоромъ, но прежнимъ «маленькимъ капраломъ,» раздѣлялъ опасности боя и труды похода, стоялъ въ огнѣ битвъ, бивакировалъ въ грязи, день

и ночь являлся на лошади. Не видали усачи его, какъ въ то время, когда въ промежутки битвъ и похода, они предавались безпечному отдыху и шумному разгулью, Наполеонъ бодрствовалъ въ шатрѣ своемъ, правилъ дѣлами всей Европы, обнималъ политику цѣлаго свѣта, создавалъ свои геніяльные планы битвъ, помышлялъ о будущей судьбѣ царствъ и народовъ, переговаривалъ съ дипломатами и властителями, изумляя ихъ умомъ, и каждый день получая донесенія о подробностяхъ правительства Франціи отъ Іосифа, Камбасереса и Фуше, коимъ, вмѣстѣ съ Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ, далъ полномочіе, распоряжался законами, финансами, всѣми подробностями управленія Франціи, Италіи, Голландіи. Въ каждую битву безстрашно несъ онъ голову, забывая, что на ней лежатъ вѣнцы двухъ царствъ. Маленькая шляпенка его замѣняла ему діадему, сѣрый сюртукъ замѣнялъ порфиру царскую. Когда офицеры въ самыхъ передовыхъ цѣпяхъ изумляемы были неожиданнымъ появленіемъ среди нихъ Наполеона, Талейранъ и Дарю не успѣвали обработывать кипы бумагъ, передаваемыя имъ ежедневно для исполненія.

Приступая къ изображенію событій похода 1805 года, должно прежде всего обозрѣть мѣста ихъ, дабы видѣть, на чемъ основывалась увѣренность Макка въ планѣ его, и побѣда, на семъ же самомъ планѣ разсчитанная, и столь издалека приготовленная Наполеономъ.

Дунай, начинаясь въ Швабіи, течетъ на востокъ

черезъ Баварію и Австрію, составляя, какъ будто дорогу въ Вѣну. Съ праваго берега впадаютъ въ него рѣки, почти параллельно текущія съ юга, Иллеръ, Лехъ, Изеръ, Инъ. При впаденіи Иллера въ Дунай находится, на лѣвомъ берегу Дуная, Ульмъ, въ долинѣ, окруженной высотами, а выше его по Иллеру Меммингенъ. На Лехѣ лежитъ древній Аугсбургъ, на Изерѣ Мюнхенъ, столица Баваріи, на Инѣ, составлявшемъ тогда границу Баваріи съ Австріею, первый пограничный городъ Австрійскій, Браунау. За Ульмомъ внизъ по Дунаю слѣдуютъ города: Гюнцбургъ, Донаувертъ, Нейбургъ, Инголштадтъ, Регенсбургъ, и Пассау, при впаденіи Ина въ Дунай. На семъ пространствѣ сосредоточивалось поприще первыхъ битвъ. Войско Макка занимало линію по Иллеру отъ Меммингена до Ульма. Сильные наблюдательные отряды его были разставлены по Дунаю, отрядъ д'Аспре въ Гюнцбургѣ, Постица въ Регенсбургѣ, Кинмейера у Донауверта и Нейбурга. Становясь на Иллерѣ, Маккъ переносилъ войну въ Баварію, дожидался здѣсь Кутузова, и хотя соединеніе Баваріи съ Наполеономъ разрушило первоначальную надежду на умноженіе силъ Баварцами, не сомнѣваясь въ соединеніи съ Кутузовымъ, и подкрѣпляясь въ случаѣ надобности изъ Тироля, Маккъ могъ противопоставить около 150,000 войска непріятелю, изнуренному продолжительнымъ походомъ. При нападеніи съ фронта по Иллеру, Наполеонъ встрѣчалъ всю силу Макка, и Кутузовъ безпрепятственно соединялся съ Австрій-

цами. Отряды по Дунаю защищали отъ движеній во флангъ, а при сильномъ напорѣ и прорывѣ черезъ Дунай, Маккъ оборачивалъ фронтъ, и ставилъ Наполеона между двухъ огней: главною арміею отъ Иллера и войсками Кутузова отъ Инна, когда Тирольская армія шла ему во флангъ. Еслибы Наполеонъ успѣлъ перевесть за Дунай силы, достаточныя противиться Макку и Кутузову, Австрійцы выходили изъ Ульма на лѣвый берегъ Дуная, соединялись съ Кутузовымъ у Регенсбурга, или Пассау, и противопоставляли на Иннѣ сильную громаду войскъ. Наконецъ, полагая, что и сіе движеніе дѣлалось невозможнымъ, Маккъ сдвигался къ Меммингену, и шелъ на соединеніе съ Кутузовымъ черезъ верховья Леха, Изера и Инна на Зальцбургъ, подкрѣпляемый изъ Тироля. Такъ внимательно разсчитала всѣ случайности близорукая тактика, и до того былъ увѣренъ Маккъ въ вѣрности своего плана, что кромѣ его арміи на Иллерѣ и корпуса Кутузова, до самой Вѣны не было болѣе войскъ, не было даже сзади Ульма и Иллера ни одной оборонительной точки. Медленно укрѣпляли нѣкоторыя немногія мѣста, и нигдѣ укрѣпленія не были вполнѣ окончены.

Отдаленность Русскихъ войскъ вначалѣ, затрудненія, встрѣченныя въ переговорахъ съ Пруссіею, быстрота похода Наполеонова и переходъ черезъ нейтральныя земли, разрушили главныя основанія Маккова плана. Еще въ Тешенѣ, недалеко отъ границъ Моравіи былъ Кутузовъ, когда Наполеонъ уже пере-

реправлялся за Рейнъ, и не смотря на поспѣшность похода отъ Тешена, Кутузовъ не достигъ еще Браунау, когда всѣ силы Наполеоновы уже стояли противъ Макка. Отдадимъ справедливость личной храбрости, если не слѣпой самоувѣренности Макка: онъ не оробѣлъ, и даже Октября 8-го писалъ Кутузову, оправдывалъ свой планъ, готовился разбить Наполеона, и «рѣшить жребій его такъ, какъ онъ заслуживаетъ» (den Feind angreifen und schlagen zu können, und das Schicksal dem Feinde zu zubereiten, so er verdienst), прибавляя: «У меня 70,000 войска, одушевленнаго мужествомъ.» Между тѣмъ уже за два дня прежде начались битвы.

Удачно исполнивъ свои первыя предположенія, быстро и упорно продолжалъ ихъ Наполеонъ. Пока движеніе части корпуса Ланна изъ Чернаго лѣса на Иллеръ, и Нея отъ Альбека на Ульмъ, показывали намѣреніе аттаковать непріятеля съ фронта, какъ предполагалъ Маккъ, Сультъ, Даву и Бернадоттъ переходили за Дунай ниже Ульма. Сультъ напалъ въ Донаувертѣ на Кинмейера, Октября 6-го. Отвага Вандама и превосходство силъ заставили Кинмейера отступать, не смотря на храброе защищеніе. Донаувертъ былъ взятъ, и Сультъ занялъ, 9-го Октября, Аугсбургъ. За нимъ шли Мюратъ, Ланнъ и самъ Наполеонъ. Кинмейеръ потерялъ до 5000, и слыша, что Бернадоттъ переходитъ Дунай въ Инголштадтѣ, съ остальными 18-ю тысячами спасался отъ гибели отступленіемъ за Изеръ. Маккъ хотѣлъ подкрѣпить

Кинмейера, и послалъ къ Донауверту Ауффенберга, съ 12-ю батальонами Венгерскихъ гренадеровъ и 4-мя эскадронами кирасировъ. Мюратъ встрѣтилъ ихъ, 8-го, у Вертингена; окруженный со всѣхъ сторонъ, Ауффенбергъ построилъ войска въ каре и началъ отступать. Драгуны Мюрата разбили каре Австрійцовъ, и подкрѣпляемые гренадерами Удино, заставили остатокъ непріятелей сдаться въ плѣнъ. Мюратъ быстро двинулся по правому берегу Дуная на Гюнцбургъ. Уже 120 тысячь Французовъ стояли между Маккомъ и Кутузовымъ, а Маккъ, слыша о взятіи Донауверта, спокойно говорилъ, что «непріятель не смѣетъ идти прямо на Ульмъ, и хочетъ обойдти его» (der Feind findet nicht für gut diese Stellung mit offenen Stirne anzugreifen — er will sie tourniren). Тогда надлежало предпринять предположенный оборотъ фронта, идти на встрѣчу непріятеля, или обезпечить себѣ обходъ на Пассау, или Зальцбургъ. Кажется, что посылка Ауффенберга была средствомъ узнать настоящее положеніе дѣлъ за Донаувертомъ. Но Наполеонъ предвидѣлъ мысль Макка, и принялъ предосторожности отнять всѣ средства отступленія за Дунай и на Меммингенъ. Приказавъ Даву и Бернадотту немедленно занять Мюнхенъ, преслѣдовать Кинмейера и наблюдать движенія Кутузова, онъ велѣлъ Сульту обратиться на Меммингенъ и отрѣзать Макку сообщеніе съ Тиролемъ; Мюратъ, Ланнъ и Мармонъ должны были слѣдовать на Ульмъ, а Ней овладѣть Гюнцбургомъ, открыть здѣсь сообщеніе съ

Мюратомъ, расположиться въ Эльхпигенѣ и Альбекѣ, наблюдать движенія непріятеля, если онъ покажется изъ Ульма по лѣвому берегу Дуная, и охранять парки и обозы, тянувшіеся отъ Рейна на Дунай. Подкрѣпленный дивизіею Газана, пѣшими драгунами Бараге-д'Иллера и кавалерійскою дивизіею Бурсье, Ней имѣлъ до 40 тысячь. Оставя у Альбека, противъ Ульма, дивизію Дюпона, Ней овладѣлъ Гюнцбургомъ и разбилъ д'Аспре. Мюратъ подошелъ къ концу сраженія, и принудилъ д'Аспре, съ остатками отряда его, положить оружіе.

Еще не постигая, что въ два дни разрушены были всѣ его тактическіе разсчеты, но слыша объ успѣхахъ непріятеля и разбитіи отрядовъ Кинмейера, д'Аспре и Ауффенберга, Маккъ не смѣлъ уже отважиться на наступательное движеніе, и не зная на что рѣшиться, собралъ военный совѣтъ. Засѣданіе было шумно. Голоса разрознились. Сражаться никто не предлагалъ, и всѣ единогласно признавали необходимымъ оставить Ульмъ, на который такъ надѣялся Маккъ. Но куда надлежало отступать? Маккъ утверждалъ, что должно идти на Меммингенъ, вызвать войска изъ Тироля и слѣдовать на Зальцбургъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ предпочиталъ отступленіе на Богемію и обратный переходъ за Дунай въ Пассау. Рѣшено примирить обѣ стороны, обезпечивая оба средства. Іеллахичъ былъ отряженъ, съ 6000, подкрѣпить генерала Шпангена, стоявшаго въ Меммингенѣ, и обезопасить дорогу къ Тиролю. Эрцъ-

герцогъ Фердинандъ, съ 20-ю тысячами отборнаго войска, выступилъ къ Эльхингену и Альбеку. Здѣсь ошибка Мюрата едва не спасла Макка. Принявъ начальство надъ Неемъ, Мюратъ не думалъ охранять лѣваго берега Дуная, велѣлъ Нею передвинуть всѣ его войска за Дунай, и поспѣшно стремиться на Ульмъ. Ней спорилъ, долженъ былъ повиноваться, но предвидя опасность, оставилъ дивизіи Дюпона и Бараге-д'Иллера у Альбека, послалъ за Дунай дивизію Луазона, и самъ пошелъ за нею медленно. Дюпону велѣно было приблизиться къ Ульму, наблюдая движеніе оттуда непріятеля. Онъ подвинулся на Гасслахъ, и 11-го Октября встрѣтилъ здѣсь превосходныя силы эрцъ-герцога Фердинанда. Имѣя не болѣе 7000 (6 батальоновъ и 3 эскадрона), Дюпонъ принялъ бой, укрѣпился въ селеніи Юнгингенѣ, и послѣ отчаянной битвы удержался до ночи. Съ нимъ были 9-я легкая и 32-я бригады, знаменитыя съ Маренгской битвы. Селеніе шесть разъ переходило изъ рукъ въ руки. Упорство Французовъ и намѣреніе Австрійцовъ, старавшихся окружить непріятеля и заставить его сдаться въ плѣнъ, по малочисленности отряда, спасли Дюпона. Онъ потерялъ обозъ, 9 пушекъ, но къ ночи аттаковалъ самъ Австрійцовъ, отрѣзалъ 3-хъ тысячный отрядъ, полонилъ его, и пользуясь замѣшательствомъ, ночью отступилъ къ Альбеку. Считая его погибшимъ, Бараге-д'Иллеръ, шедшій за нимъ, остановился въ Лангенау. Получивъ новый приказъ Мюрата непремѣнно перевести весь корпусъ за Ду-

най, Ней сдвинулъ Дюпона къ Гюнцбургу, хотя битва при Юнгингенѣ показывала движеніе непріятеля изъ Ульма, и приказъ Мюрата рѣшительно противорѣчилъ волѣ Наполеона.

Онъ находился въ Аугсбургѣ, распоряжаясь движеніемъ войскъ на Мюнхенъ и на Иннъ противъ Кутузова, когда услышалъ о приказаніяхъ Мюрата. Видя безразсудство ихъ, онъ затрепеталъ отъ гнѣва, понимая, что Макку открывается свободный выходъ на лѣвый берегъ Дуная; послалъ гвардію въ Гюнцбургъ, велѣлъ Мармону усилить движеніе на Иллеръ, Сульту спѣшить на Меммингенъ, а Нею немедленно перейдти снова за Дунай, чего бы то ни стоило, овладѣть Эльхингеномъ, если непріятель уже занялъ его, и двинуться на Альбекъ и Гасслахъ. Недовольный тѣмъ, онъ оставилъ въ Аугсбургѣ распоряжаться Бернадотта, и самъ поскакалъ къ Нею. На пути, утромъ 13-го Октября, услышалъ онъ о битвѣ и отступленіи Дюпона, и по прибытіи въ Киссендорфъ поспѣшно двинулъ Нея на Эльхингенъ, гдѣ слышна была сильная пальба. Между тѣмъ Сультъ окружилъ Меммингенъ, и Шпангенъ, обхваченный тройнымъ числомъ непріятелей, сдался съ 7000, не имѣя, ни рѣшительности защищаться въ худо укрѣпленномъ Меммингенѣ, ни отважности отступить. Іеллахичъ не успѣлъ помочь ему, не могъ возвратиться въ Ульмъ, отрѣзанный быстрымъ движеніемъ Сульта отъ Меммингена на Анштеттенъ, и въ недоумѣніи остановился въ Биберахѣ. Когда Ней посланъ былъ

въ Эльхингенъ, Дюпону велѣно отъ Гюнцбурга идти на Альбекъ, и держаться тамъ, если найдетъ непріятеля, что доказывало бы, что Маккъ рѣшился отступать по лѣвому берегу. Предположеніе оправдывалось движеніемъ Австрійцовъ на Эльхингенъ. Генералъ Мальгеръ оставался тамъ съ однимъ полкомъ, уступилъ превосходству силъ и перешелъ за Дунай, до половины разрушивъ мостъ Эльхингенскій. Тогда явился Ней, но наступившая ночь остановила его. Старались исправить мостъ. Дождь лилъ ливмя, и Дунай поднялся необыкновенно. Лаудонъ, съ 15-ю тысячами и 40 орудіями, защищалъ Эльхингенъ, расположенный на возвышеніи, и окруженный обширнымъ садомъ, съ каменною стѣнкою; старинное аббатство на верху возвышенія давало также средства защиты, и Эльхингенъ казался неприступнымъ. Дюпонъ, достигнувъ Альбека, былъ тамъ аттакованъ сильнымъ отрядомъ генерала Вернека, но держался упорно. Наполеонъ ничего не понималъ въ распоряженіяхъ Макка, слыша, что войска его растянулись за Иллеромъ до Бибераха и за Дунаемъ до Альбека. Очевидно, что Маккъ оставляетъ Ульмъ, но куда онъ идетъ? На Богемію или на Тироль? Первое было вѣроятнѣе, и боясь за Нея и Дюпона, Наполеонъ послалъ Ланна, уже стоявшаго въ Фулѣ и Кирхбергѣ, противъ Ульма, подкрѣпить Нея, замѣнивши Ланна въ Фулѣ Мармономъ. Октября 14-го былъ день рѣшительный. Ней оправдалъ довѣренность къ нему Наполеона, и загладилъ ошибку, учиненную повиновеніемъ Мюрату.

Рано утромъ бросился онъ по полусгорѣвшему мосту за Дунай, съ волтижерами 6-й легкой и гренадерами 39-й гренадерской бригады, врѣзался въ Эльхингенъ, бралъ съ боя каждый домъ, овладѣлъ аббатствомъ, и бился, пока переправилась конница Кольбера и Бурсье, и Мальгеръ перешелъ съ своею дивизіею. Непріятель отступалъ въ безпорядкѣ на Гасслахъ, потерялъ 20 орудій и 3000 плѣнными. Часть его была отброшена на Альбекъ къ Дюпону. Ней преслѣдовалъ Австрійцовъ туда, стараясь подкрѣпить Дюпона, передъ которымъ непріятель отступалъ отъ Альбека къ Лангенау. Наполеонъ велѣлъ Нею обратиться на Гасслахъ и Ульмъ. На помощь ему перешли въ Эльхингенѣ Ланнъ и Мюратъ. О встрѣченныхъ Дюпономъ войскахъ нельзя было рѣшить, шли ли къ Ульму, или удалялись изъ него. Во всякомъ случаѣ движеніемъ Нея на Гасслахъ они были отрѣзаны отъ Ульма. Ланну приказано подкрѣплять Нея, Мюрату идти къ Дюпону, Сульту сближаться къ Ульму по теченію Иллера, Мармону напирать на Ульмъ изъ Фуля. Ульмъ окружали такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ. Опасаясь, что непріятель, тѣснимый у Альбека и Лангенау, бросится на Донаувертъ, Наполеонъ отрядилъ пѣшихъ драгуновъ туда и въ Гюнцбургъ, и успокоенный во всѣхъ мѣстахъ, отправился къ Ульму, куда въ смятеніи уходилъ непріятель изъ Гасслаха, гонимый Неемъ и Ланномъ.

Неудивительно, что Наполеонъ не понималъ распоряженій Макка, ибо самъ Маккъ не зналъ уже то-

гда, что такое онъ дѣлаетъ. Опять шумно спорили въ военномъ совѣтѣ. Бой у Юнгингена заставилъ Макка думать, что путь по лѣвому берегу Дуная уже прегражденъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ утверждалъ противное, и въ слѣдствіе сего велѣно было Лаудону занять Эльхингенъ, а Вернеку идти и преслѣдовать Дюпона. Извѣстія о взятіи Меммингена, отдѣленіи Іеллахича и битвѣ Эльхингенской усилили замѣшательство. Приближеніе Нея отъ Гасслаха дѣлало положеніе войскъ, стѣснившихся въ Ульмѣ, лишенныхъ продовольствія, отвсюду окружаемыхъ, отчаяннымъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ говорилъ, что остается одно средство — ударить всею силою на Гасслахъ и Альбекъ, идти на Нюренбергъ и достигнуть Богеміи. Маккъ спорилъ, что надобно держаться въ Ульмѣ и ждать Кутузова, или эрцъ-герцога Іоанна изъ Тироля. Онъ утверждалъ, что не смотря на удачи, положеніе Французовъ гибельно, что Кутузовъ уже соединился съ другими войсками Русскими, занялъ Мюнхенъ и находится въ Дахау близъ Аугсбурга, что въ Парижѣ бунтъ, и Наполеонъ долженъ спѣшить во Францію. Всѣ сіи ложныя свѣдѣнія передавалъ Макку шпіонъ, подкупленный Наполеономъ. Видя упорство Макка, эрцъ-герцогъ Фердинандъ предалъ его опредѣленію карающей судьбы, съ нѣсколькими конными отрядами оставилъ Ульмъ, пробился по дорогѣ къ Альбеку, соединился тамъ съ Вернекомъ, и спѣшилъ уходить на Лангенау. Здѣсь Муратъ и Дюпонъ догнали его, Октября 16-го. Бросивъ огром-

ный обозъ и арріергардъ въ жертву непріятелю, эрцъ-герцогъ Фердинандъ и Вернекъ уходили. Захвативъ 2000 плѣнныхъ, Мюратъ погнался за ними неотступно. Вернекъ остановилъ его, далъ средство отдѣлиться эрцъ-герцогу Фердинанду съ конницею, бился отчаянно и отступалъ. Дюпонъ и Мюратъ захватили еще 1000 плѣнныхъ, и Октября 18-го окружили совершенно Вернека близъ Нордлингена. Защищаться не было средствъ. Онъ предложилъ сдачу. Пока Дюпонъ обезоруживалъ войска Вернека, Мюратъ неутомимо преслѣдовалъ эрцъ-герцога Фердинанда, уходившаго на Нюренбергъ; у него оставалось еще 14 эскадроновъ, но не смѣя сражаться, онъ отдѣлилъ 4 эскадрона, повернулъ съ ними на Донаувертъ, потомъ на Альтмюль и Хамъ, и успѣлъ спастись въ Богемію. Оставленные близъ Нюренберга десять эскадроновъ защитили бѣгство эрцъ-герцога Фердинанда, но были разбиты, разсѣяны и сдались въ плѣнъ.

По крайней мѣрѣ, эрцъ-герцогъ Фердинандъ спасъ себя отъ позора, какому подвергся въ то время Маккъ. Оставленный собственному произволу, Октября 15-го былъ онъ совершенно окруженъ. Ульмъ находится въ долинѣ, надъ которою господствуютъ возвышенія, изъ коихъ главныя Михельбергъ и Тюльери. Самый городъ окруженъ стѣнами и рвомъ, наполненнымъ водою. Въ 1800 г. Край хорошо укрѣпилъ его, устроивъ редуты на высотахъ. Они были потомъ срыты, и Маккъ едва началъ возобновлять

ихъ. Ней овладѣлъ неконченнымъ редутомъ на Михельбергѣ, а Сюше редутами, начатыми на Тюльери. Сброшенные въ самый Ульмъ, Австрійцы были преслѣдуемы до городскихъ воротъ, и едва успѣли укрыться въ городѣ. Среди всеобщаго смятенія собрался военный совѣтъ, и князь Лихтенштейнъ, тотъ, который нѣкогда подъ Маренго заключилъ договоръ отъ имени Меласа, произнесъ роковое слово: *капитуляція.* Маккъ чрезвычайно разсердился, кричалъ о рѣшительности умереть, о помощи Кутузова, о безславіи сдаться безъ боя, распустилъ совѣтъ, и велѣлъ издать приказъ, которымъ оставлялъ на чести, обязанности и счастіи каждаго генерала и офицера, который осмѣлится говорить о сдачѣ, отвѣтственность за подобное малодушіе. Маккъ увѣрялъ въ приказѣ, что непріятель находится въ бѣдственномъ положеніи, и что въ случаѣ крайности, онъ первый станетъ ѣсть лошадиное мясо, но не согласится на безславіе плѣна.

Другое чувство обуревало станъ Наполеона. Утромъ Ней первый явился къ нему, требуя приказа идти на приступъ. Всѣ нетерпѣливо подтверждали его желаніе. Наполеонъ сказалъ, что почитаетъ безполезнымъ тратить храбрыхъ солдатъ на такое дѣло, которое черезъ нѣсколько часовъ рѣшится безъ пролитія крови. Онъ объѣхалъ высоты, велѣлъ бросить въ Ульмъ нѣсколько бомбъ и гранатъ; къ вечеру прекратилъ пальбу, провелъ день раздавая награды и осматривая полки, и вечеромъ послалъ къ Макку пол-

ковника Сегюра. Сдаться безусловно, если через пять дней не будетъ пособія, или немедленно Французы бомбардируютъ Ульмъ и идутъ на приступъ: таковы были условія, посланныя съ Сегюромъ. Онъ поѣхалъ въ Ульмъ, а Наполеонъ отправился въ Эльхинген, гдѣ основалъ мѣсто своего пребыванія въ тамошнемъ аббатствѣ.

Ночью Сегюра ввели въ Ульмъ. Едва могъ онъ отыскать главнокомандующаго среди общаго смятенія и безпорядочной толпы войскъ по улицамъ; пушки и обозы стояли безъ карауловъ; солдаты бродили безъ оружія, дрались, шумѣли. Маккъ былъ одинъ, и казался помѣшаннымъ, блѣдный, убитый горемъ. Онъ говорилъ безъ связи, то приходилъ въ ярость, то начиналъ жаловаться и просить. Кончилось тѣмъ, что Сегюръ успѣлъ представить ему невозможность защиты, вѣрную гибель, и уговорить на то, о чемъ Маккъ запретилъ упоминать приказомъ поутру въ тотъ день: безусловную сдачу Ульма и войска. Маккъ требовалъ только восьми дней отсрочки. Наполеонъ послалъ опять Сегюра, и съ нимъ Бертье. Три дня лишніе были весьма важны въ настоящемъ положеніи дѣлъ, но между тѣмъ приступъ былъ дѣломъ весьма затруднительнымъ, при изнуреніи солдатъ, невозможности продовольствовать ихъ, опустошеніи окрестностей Ульма, осенней погодѣ, затруднявшей движенія, отчаяніи, какое могло одушевить непріятеля. «Смерть или восемь дней!» говорилъ Маккъ, ожидавшій нетерпѣливо рѣшенія, и онъ показался обрадованнымъ.

когда согласились на предлагаемый имъ срокъ. Онъ все еще мечталъ о приходѣ помощи. Лихтенштейнъ присланъ былъ отъ него къ Наполеону, и поѣхалъ обратно съ приглашеніемъ Макка пріѣхать въ Эльхингенъ переговаривать съ Наполеономъ. Маккъ явился. Наполеонъ подробно объяснилъ ему положеніе своей и непріятельской арміи; говорилъ, что для увѣренія въ невозможности ожидать помощи, онъ оставитъ для наблюденія Ульма небольшой корпусъ, самъ немедленно пойдетъ со всею арміею далѣе, и въ исполненіе договора Маккъ принужденъ будетъ постыдно сдаться небольшому отряду по истеченіи срока. Доведенный до отчаянія, томимый голодомъ, угрожаемый возмущеніемъ солдатъ, убѣжденный въ невозможности защиты, при взглядѣ на Французское войско, Маккъ рѣшился сдать Ульмъ немедленно. Австрійцы отдавали артиллерію, оружіе, обозы; всѣ солдаты и офицеры отправлялись во Францію, какъ военноплѣнные, но офицеры сохраняли шпаги; Маккъ и генералы его отпускались въ Австрію на честное слово, съ условіемъ не служить въ настоящую кампанію. Наполеонъ старался быть умѣреннымъ въ словахъ, изъявлялъ сожалѣніе, принималъ участіе въ бѣдствіи несчастнаго полководца. Вышедши отъ Наполеона, Маккъ почти плакалъ. «Господа!» сказалъ онъ бывшимъ въ комнатѣ генераламъ, «горько показаться обезчещеннымъ передъ глазами храбрыхъ, но таковъ жребій войны, и не я виноватъ въ позорѣ, который падаетъ на меня!»

Октября 20-го насталъ ясный осеннiй день. Наполеонъ прiѣхалъ къ Ульму, остановился на одной изъ высотъ, и передъ нимъ открылось зрѣлище, какого не видывалъ даже и онъ до того времени. Французская армiя стояла подъ ружьемъ. Австрiйцы выходили изъ Ульма, клали на землю знамена и оружiе, конница отдавала лошадей, артиллерiя пушки. Маккъ и его генералы вручили шпаги Наполеону. Маккъ сталъ въ сторонѣ, сложилъ руки и опустилъ голову. Кто-то спросилъ объ его имени. «Ктожь не знаетъ меня!» тихо отвѣчалъ онъ — «я несчастный Маккъ!» Многiе изъ солдатъ Австрiйскихъ бросали, ломали шпаги и ружья; другiе кричали: Vive l'empereur! Наполеонъ былъ важенъ и ласковъ, разговаривалъ съ Маккомъ и его генералами, оправдывалъ ихъ, обвинялъ императора Франца за увлеченiе совѣтами Питта, говорилъ о желанiи мира, и арестовалъ одного изъ своихъ генераловъ, позволившаго себѣ посмѣяться надъ Австрiйцами. «Тотъ не уважаетъ самого себя, кто смѣется надъ бѣдствiемъ другихъ,» говорилъ Наполеонъ.

Дѣло было изумительное: не 15, какъ говорилъ Маккъ, не 20, какъ полагалъ Наполеонъ, но 27,000, и 3000 раненыхъ, лежавшихъ въ Ульмѣ, а всего 30,000 Австрiйскихъ войскъ сдалось въ Ульмѣ, съ 17-ю генералами, въ числѣ коихъ находились старики Гiулай и Кленау, два князя Лихтенштейна, Готтесгеймъ, и другiе извѣстные Австрiйскiе генералы. До 60-ти пушекъ и 40 знаменъ достались побѣди-

телямъ. Четыре часа проходили плѣнники передъ Наполеономъ. Изъ *восьмидесяти* тысячь Австрійцовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Макка, въ двѣ недѣли, когда притомъ не происходило ни одного большаго сраженія, такъ, что вся потеря Австрійцовъ убитыми и ранеными не превосходила 7000 человѣкъ, не осталось ничего, кромѣ части отряда Кинмейера, отряда Постица, бывшаго въ Регенсбургѣ и ушедшаго за Иннъ безъ боя, и отряда Іеллахича, отступавшаго въ Тироль. Число всѣхъ плѣнныхъ составляло до 45,000 солдатъ, 1500 офицеровъ, и слишкомъ 50 генераловъ. Артиллерія, обозы, знамена, казна, все досталось Наполеону. Баварія была очищена и дѣло кончено въ десять дней. Потеря Французовъ не простиралась болѣе 8000 убитыми и ранеными.

Но, какъ справедливо говорилъ Курфирстъ Гессенскій посланнику Наполеона: «Много работы остается еще вашему императору» (Que de choses l'empereur a encore à faire), разгромъ Ульмскій составлялъ едва начало того, что надлежало исполнить Наполеону для совершенной побѣды.

Опаснѣе всего являлись тогда, не Австрійское войско, разгромленное, пораженное страхомъ, не Австрійскій Императоръ, изумленный внезапнымъ бѣдствіемъ, и даже не Русское войско, еще не успѣвшее соединиться, но Пруссаки. Непреклонный ни на какія убѣжденія, готовый сражаться съ Россіею и Австріею за ихъ угрозы, даже приказавшій войскамъ идти противъ Рускихъ, тѣмъ сильнѣе оскорбленъ былъ

король Фридрихъ Вильгельмъ нарушеніемъ неутралитета Прусскихъ земель. Въ первыя минуты гнѣва, онъ совершенно прервалъ всѣ переговоры съ Франціею, хотѣлъ выслать Дюрока изъ Берлина и немедленно отправить войска свои противъ Наполеона. Напрасно прислалъ Наполеонъ дружеское письмо, увѣряя въ ненарушимости союза съ Пруссіею, извиняясь въ необходимости принятой мѣры, ссылаясь на прежнія конвенціи, по которымъ, во время войнъ 1796 и 1800 года, опредѣлено было, что войско Французское можетъ переходить черезъ Франконскія области Прусской державы, и присовокупляя, что переходъ совершенъ былъ безъ малѣйшаго нарушенія спокойствія жителей. Ни чему не внимали. Гарденбергъ объяснилъ нотою, что Король Прусскій не знаетъ чему болѣе удивляться: насилію ли, которое заблаговременно обдумывали въ то время, когда увѣряли его въ дружбѣ и просили союза, и когда Пруссія готова была воевать съ Россіею, охраняя свой неутралитетъ, или презрѣнію, какое оказано было симъ дѣломъ Наполеона государственному достоинству Пруссіи. Прежніе договоры не могутъ быть прилагаемы къ настоящему случаю. Дюроку съ упреками говорили о насиліяхъ, какія совершены Французскими войсками при переходѣ, по донесеніямъ мѣстныхъ начальствъ Аншпаха, и онъ сознавался, что «семдесятъ тысячь солдатъ, конечно, были не семдесятъ тысячь кроткихъ дѣвушекъ.» Гроза усилилась изъявленіемъ общаго духа Пруссаковъ, когда въ со-

*

ранномъ королемъ совѣтѣ было рѣшено, что нанесенное Пруссіи оскорбленіе требуетъ возмездія оружіемъ, и Прусской арміи велѣно было собираться четырьмя корпусами, въ Ганноверѣ, Вестфаліи, Байрейтѣ и у Берлина. Полки шли поспѣшно на Эльбу и къ Везеру. Ежедневно собирались военные совѣты подъ предсѣдательствомъ Герцога Брауншвейгскаго. Тактики Прусскіе, Фуль и Шарнгорстъ, составляли планы похода. Курфирстъ Гессенскій, князь Гогенлоге, принцъ Евгеній Виртембергскій, фельдмаршалъ Меллендорфъ и генералы Рихель и Гравертъ назначались предводителями армій и корпусовъ. Графъ Калькрейтъ отправился для переговоровъ къ императору Александру. Народъ принималъ всѣ мѣры съ радостнымъ одобреніемъ, изъявляя согласіе адресами королю, депутаціями, праздниками военнымъ людямъ.

Дѣло было однакожь столь важно, что вскорѣ сомнѣніе остановило рѣшительность Короля Прусскаго. Войска Прусскія не были вполнѣ готовы къ походу. Объявляя войну, Пруссія измѣняла политику, которой слѣдовала почти десять лѣтъ, и предавала жребіи государства и народа всѣмъ случайностямъ войны. Всѣ сіи соображенія довели къ тому, что приготовленія не прекращались, но военный порывъ Пруссіи стихалъ. Важнымъ событіемъ для войны Наполеона съ Австріею было однакожь согласіе короля на переходъ Русскихъ войскъ черезъ Пруссію въ Моравію и Богемію, и Шведскихъ и Русскихъ войскъ

изъ Помераніи въ Ганноверъ. Пользуясь столь неожиданными, благопріятными обстоятельствами, императоръ Александръ поспѣшалъ походомъ. Корпуса Буксгевдена и Эссена пошли отъ рѣки Пилицы, границы Австрійской и Прусской Польши, куда передвинулись они отъ Бреста, черезъ Троппау, на Ольмюцъ и Кремсъ на Дунаѣ, для соединенія съ Кутузовымъ. Корпусъ Беннигсена пошелъ отъ Гродно на Варшаву и Бреславль. Корпусъ графа Толстаго, въ началѣ Октября перевезенный въ Померанію, получилъ приказъ немедленно идти въ Ганноверъ. Императоръ Александръ послалъ убѣждать Короля Шведскаго о скорѣйшемъ соединеніи и движеніи войскъ его, вмѣстѣ съ Толстымъ. Надѣясь между тѣмъ окончательно укрѣпить рѣшительность Пруссіи, онъ самъ отправился въ Берлинъ, и прибылъ въ Потсдамъ Октября 20-го. Встрѣченный изъявленіями искренней дружбы, онъ не допустилъ къ себѣ Дюрока, который, послѣ тщетнаго требованія аудіенціи, отправился къ Наполеону съ извѣстіемъ о началѣ войны Пруссіею, хотя императоръ Александръ видѣлъ уже тогда, что война едвали начнется. Кромѣ умѣренности требованій, какія хотѣлъ Король Прусскій предложить Наполеону, онъ полагалъ непремѣнными условіями союза его уступку Англіею Пруссіи Ганновера, за что предлагалъ замѣну Англіи въ Вестфаліи; кромѣ того, предварительную посылку для переговоровъ съ Наполеономъ, и мѣсяцъ срока для начатія войны послѣ полученія рѣшительнаго отвѣта Наполеонова.

Императоръ Александръ предвидѣлъ несогласіе Англіи, безполезность посылки къ Наполеону, необходимость немедленнаго начала войны. Споры о Ганноверѣ особенно едва вовсе не прервали начинавшагося союза. Требованіе такого пожертвованія со стороны Англіи казалось тѣмъ болѣе неумѣстно, что Пруссія въ то же время не могла начать войны безъ субсидій Англіи, и договаривалась объ нихъ. Въ надеждѣ, что очевидность убѣдитъ въ остальномъ, надлежало согласиться, и довольствоваться договоромъ, заключеннымъ Ноября 3-го въ Потсдамѣ. Пруссія приступала къ союзу на вышеозначенныхъ условіяхъ, если Наполеонъ не согласится на миръ, статьями коего были: немедленное прекращеніе войны, выходъ Французовъ изъ Германіи, независимость Швейцаріи и Голландіи, отдѣленіе Италіянскаго королевства отъ Франціи, вознагражденіе Сардиніи, безопасная военная граница Австріи. Время гибло въ переговорахъ, а грозный противникъ дѣйствовалъ.

Не боясь того, какое дѣйствіе производилъ поступокъ его на Пруссію, и не уважая извѣстій о перемѣнѣ Прусской политики, онъ полагалъ навѣрное, что войны не будетъ, по крайней мѣрѣ, не принималъ никакихъ предосторожностей, и устремлялъ всѣ средства воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами, разрушая союзъ Австріи и Россіи. Едва подписанъ былъ договоръ съ Маккомъ, часть корпуса Ланна и Сультъ посланы къ Мюнхену, и всѣ войска Наполеона послѣ занятія Ульма устремились на Иннъ,

гдѣ дѣйствія Бернадотта и Вреде ограничивались дотолѣ преслѣдованіями Кинмейера и Постица. Туда велѣно идти черезъ Регенсбургъ Мюрату, и Лашу, съ нимъ бывшему, оставя преслѣдованіе эрцъ-герцога Фердинанда. Ней соединился съ Ожеро, перешедшимъ Рейнъ у Гюнингена; имъ приказано преслѣдовать Іеллахича и остановить движеніе Австрійскихъ войскъ изъ Тироля. Послѣ сдачи Ульма многочисленныя толпы плѣнныхъ Австрійцовъ отправлены были во Францію. Наполеонъ придумалъ новое средство избавить себя отъ содержанія ихъ, и употребить руки ихъ съ пользою: велѣно распредѣлить плѣнниковъ по всей Франціи у сельскихъ жителей, и занять ихъ земледѣльческими работами, предоставляя имъ за то содержаніе и небольшую плату отъ крестьянъ, которымъ замѣняли они работниковъ, поступавшихъ въ конскрипцію. Маккъ и генералы его были отосланы въ Вѣну. Надлежало подкрѣпить духъ и силы войска при новыхъ, предлежавшихъ ему трудахъ. Отдыха дать было некогда, и Наполеонъ употребилъ самое вѣрное орудіе — честолюбіе Французовъ, когда прежнія орудія, свобода народовъ и республика, уже не годились. Почетный Легіонъ, приказы, гдѣ превозносились дѣла арміи, и особенныя почести воспламеняли храбрость Французовъ. Весело шли они въ походъ по непроходимымъ отъ грязи дорогамъ, и нетерпѣливо хотѣли сражаться. При вступленіи войска въ Аугсбургъ, послѣ взятія Ульма, 80 гренадеровъ шли впереди и несли Австрій-

скія знамена. Въ Инспрукѣ найдены два знамя, потерянныя въ Итальянскомъ походѣ однимъ изъ Французскихъ полковъ; ихъ вручили полку торжественно; солдаты приняли ихъ со слезами, цѣловали и клялись заплатить за подарокъ побѣдою. «Солдаты! вы дѣти мои, вы первые воины въ мірѣ — я съ вами, и кто станетъ противъ насъ?» говорилъ Наполеонъ въ приказѣ. Онъ дѣйствительно *былъ съ ними*, возбуждая общій восторгъ. Одинъ изъ Австрійскихъ офицеровъ изъявилъ удивленіе, когда увидѣлъ его на бивакѣ, обрызганнаго грязью. «Чтожь?» отвѣчалъ Наполеонъ, «вашъ Императоръ называетъ меня солдатомъ, и я дѣйствительно солдатъ, и кажется, не позабылъ моего ремесла!» Надлежало усилить очарованіе побѣдъ въ глазахъ Европы и Франціи. Наполеонъ писалъ объ нихъ союзникамъ, звалъ Баварскаго Курфирста въ столицу его, возвращенную ему побѣдами, и послалъ часть знаменъ въ Парижскій соборъ, приказывая поставить ихъ тамъ при торжественномъ обрядѣ и пальбѣ. Другая часть послана была Сенату. Тогда началось изданіе знаменитыхъ бюллетеней. Вмѣсто простыхъ реляцій, они составили газету подъ редакціею Наполеона. Здѣсь по своему разсказывалъ онъ всѣ военныя дѣла, изъявлялъ свои мнѣнія, говорилъ о политическихъ отношеніяхъ, и даже планахъ своихъ. Не имѣя средствъ повѣрить разсказъ, вѣрили всему, и бюллетени не только управляли мнѣніемъ войска и народа, но двигали и измѣняли Европейскую политику. Между тѣмъ Напо-

леонъ помышлялъ и о мирѣ, который могъ предписать, пользуясь страхомъ Австріи. Онъ препоручилъ Лихтенштейну и Гіулаю передать императору Францу его согласіе на миръ, съ однимъ условіемъ, что до переговоровъ Австрія расторгнетъ союзъ съ Россіею. «Императоръ Францъ увлеченъ Англіею: я не врагъ ему; не я началъ войну. Чувствую необходимость существованія Австріи для равновѣсія Европы. Общій врагъ нашъ Англія. Уважаю характеръ императора Франца, но не ручаюсь за послѣдствія, если война продолжится. Всѣ государства, рано или поздно, достигаютъ своего разрушенія, и неужели императоръ Францъ не трепещетъ при мысли, что настало, можетъ быть, время разрушенія власти Лотарингскаго дома?» Всѣ сіи слова должны были передать Гіулай и Лихтенштейнъ.

Не дожидаясь отвѣта, Наполеонъ продолжалъ войну съ усиленною дѣятельностью. Приказавъ защитить переправу черезъ Лехъ въ Аугсбургѣ предмостнымъ укрѣпленіемъ, Октября 24-го прибылъ онъ въ Мюнхенъ, три дня прожилъ здѣсь и отправился за Иннъ. Корпусъ Кутузова казался вѣрною добычею. Все устремилось на него. Тремя колоннами шли Французскія войска. Бернадоттъ и Мармонъ на Вассербургъ и Зальцбургъ, гдѣ находился отрядъ Австрійскаго генерала Мерфельда; Даву на Мюльдорфъ и Бурггаузенъ черезъ Зальцу; Ланнъ влѣво на Ландсгутъ и Браунау; Сультъ слѣдовалъ за нимъ съ резервами. Но здѣсь увидѣлъ Наполеонъ первый опытъ

трудности борьбы съ Рускими, и убѣдился въ справедливости словъ Фридриха, которыя повторялъ въ послѣдствіи неоднократно: «Мало того, что Рускаго убьете—его еще надобно бить, пока онъ повалится (Il ne suffit pas de tuer un soldat russe, il faut encore le pousser pour le faire tomber)!»

Положеніе Кутузова было гораздо опаснѣе, нежели воображалъ Наполеонъ, полагавшій его съ 40,000 сильнаго, свѣжаго войска, умноженнаго остатками Кинмейера и отрядомъ Постица. Потому при сближеніи съ нимъ принималъ онъ всевозможныя предосторожности.

Получивъ приказъ поспѣшать походомъ, отъ Тешена пустился Кутузовъ усиленными маршами, по 45-ти, даже по 60-ти верстъ; солдатъ отчасти везли на подводахъ; подъ артиллерію подпрягали подставныхъ лошадей. Но никакая поспѣшность не помогла, и достигнувъ Браунау, Кутузовъ началъ получать извѣстія о сомнительномъ положеніи дѣлъ въ Ульмѣ. Явился Русскій посланникъ изъ Мюнхена. Онъ объявилъ, что Мюнхенъ занятъ Французами. Послѣ хвастливыхъ писемъ Макка не было никакихъ положительныхъ извѣстій. Явились Кинмейеръ и Постицъ съ своими корпусами, но не могли сказать, что дѣлается въ главной арміи. Все предвѣщало бѣду. Кутузовъ поставилъ Кинмейера въ Зальцбургѣ, Постица въ Пассау. Наконецъ страшная истина раскрылась: явился Маккъ, Октября 23-го, и извѣстилъ, что Австрійская армія не существуетъ.

Тогда явились въ первый разъ великія военныя дарованія Кутузова, вождя, въ послѣдствіи безсмертнаго подвигами. Шестидесятилѣтній старецъ, Кутузовъ дотолѣ былъ извѣстенъ умомъ хитрымъ, мужествомъ хладнокровнымъ, разсчитаннымъ, непреклоннымъ, но нигдѣ еще не ознаменовалъ онъ себя великими дѣлами военнаго генія, подобно Суворову. Двѣ тяжкія раны, лишившія Кутузова глаза, сохраненіе жизни послѣ коихъ считали чудомъ (пуля ударила его въ високъ и вылетѣла въ другой високъ, а другая пуля пролетѣла въ ротъ сквозь шею), уваженіе Суворова, обширное образованіе, умѣнье уживаться, дипломатическія способности, показанныя при посольствахъ въ Царьградъ и Берлинъ, выводили Кутузова изъ ряда другихъ генераловъ Русскихъ, но только походъ 1805-го года въ первый разъ явилъ въ немъ полководца необыкновеннаго. Опытнымъ взоромъ измѣрилъ онъ опасность, сообразилъ качества солдатъ своихъ, положеніе дѣлъ, характеръ противника, и смѣло принялъ обязанность борьбы съ Наполеономъ, и поддержаніе чести Русскаго оружія при неожиданной съ нимъ встрѣчѣ. Первымъ рѣшеніемъ было стараніе не о побѣдѣ, не о защитѣ Австріи, но о спасеніи ввѣреннаго ему войска, ибо безразсудно было мечтать о побѣдѣ, и безполезна была погибель въ неравномъ боѣ. Съ пути до Браунау Кутузовъ заѣзжалъ въ Вѣну, согласился на всѣ условія Гофъ-кригсъ-рата, но въ слѣдствіе рѣшенія своего поступалъ по своему. Напрасно предписывали

ему изъ Вѣны идти немедленно за Иннъ; онъ отзывался неприбытіемъ войскъ, и еще менѣе могъ соглашаться на дальнѣйшій походъ по мѣрѣ того, какъ узнавалъ настоящее положеніе дѣлъ. Послѣ тяжкаго осенняго похода и отдѣленія одного отряда, изъ 46 тысячь, которыя повелъ изъ Россіи, онъ имѣлъ въ Браунау едва 32,000 войска, изнуреннаго походомъ до того, что даже обувь ихъ износилась, и многіе солдаты шли босые. Постицъ и Кинмейеръ привели не болѣе 18,000. Когда и послѣ Ульмскихъ событій повторены были приказы идти за Иннъ, Кутузовъ отвѣчалъ, что теперь его корпусъ есть единственная защита Вѣны, пока сблизятся другія Русскія войска, соберутся новыя силы Австрійцовъ, и придутъ эрцъ-герцоги Карлъ и Іоаннъ съ Адижа и изъ Тироля, откуда велѣно было имъ поспѣшно сближаться на Вѣну, оставя предпріятія на Италію. Говоря такъ, Кутузовъ не думалъ о защитѣ Вѣны, ибо видѣлъ невозможность спасти столицу Австріи. Отступленіе было его цѣлью, но какъ и гдѣ можно было выгоднѣе достигнуть сей цѣли? Онъ отвергъ совѣтъ Макка перейдти за Дунай и укрыться въ Богеміи, ибо подвергался тогда опасности быть отдѣленнымъ отъ другихъ Русскихъ войскъ, изъ коихъ Буксгевденъ не достигъ еще Ольмюца, а Беннигсенъ былъ у Варшавы. Не слушая разнообразныхъ приказовъ изъ Вѣны, и убѣдившись въ наступленіи на него всѣхъ силъ Наполеона, Кутузовъ рѣшился отступать по теченію Дуная, удерживаясь сколько

возможно, занимая непріятеля, стараясь перехитрить его, и стремясь только къ сближенію съ Русскою арміею, послѣ чего, при соединеніи около Вѣны войскъ изъ Тироля и Италіи, и союзѣ Пруссіи, составлялась сила, могущая противостать Наполеону, далеко увлеченному и изнуряемому быстрымъ походомъ. Октября 29-го началось достопамятное отступленіе Кутузова, и если печальный примѣръ ошибокъ являли дѣла подъ Ульмомъ, великій урокъ борьбы двухъ великихъ полководцовъ показали событія съ 29-го Октября до 20-го Ноября.

Первое отступленіе Кутузова назначено было до Ламбаха. Кинмейеру велѣно идти за Траунъ, Постицу стать у Линца; артиллерія, парки, больные отправлены впередъ; сзади войскъ приказано уничтожать мосты; арріергардъ порученъ генераламъ Багратіону и Милорадовичу, храбрымъ сподвижникамъ Суворова въ Италіи; конницею арріергарда командовалъ графъ Витгенштейнъ (тогда еще генералъ-маіоръ), артиллеріею Ермоловъ (тогда еще подполковникъ).

Браунау найдено Французами оставленное. Здѣсь поставилъ Наполеонъ точку опоры дальнѣйшихъ дѣйствій, утверждая другую въ Зальцбургѣ. За Зальцою Мюратъ догналъ, 29-го, отрядъ Кинмейера, и 31-го завязалъ съ нимъ дѣло у Ламбаха, на берегу Трауна. Кутузовъ съ войскомъ былъ тогда за рѣкою въ Вельсѣ. Багратіонъ отрядилъ на помощь Кинмейеру Русскихъ егерей и гусаровъ; 17-й линейный полкъ, нѣкогда разбитый на Требіи, посланъ расплатиться

за его пораженіе съ Рускими. Произошла первая встрѣча съ Русскими войсками; битва была свирѣпа; только лишившись полковника, графа Головкина, когда начальникъ Французовъ, генералъ Биссонъ былъ также тяжело раненъ, Рускіе отступили, потерявши пушку. Въ главной квартирѣ Кутузова находился тогда императоръ Францъ, пріѣхавшій изъ Вѣны. Кутузовъ откровенно сказалъ ему, что почитаетъ невозможною защиту Вѣны. Другіе спорили, что надобно защищаться на Энсѣ, потомъ въ Кремсѣ, гдѣ строятся сильныя укрѣпленія. Кутузовъ, по видимому, согласился, двинулся къ Энсу, и Ноября 4-го перешелъ за сію рѣку, разрушивъ мостъ, подъ сильнымъ огнемъ Мюрата, когда Постицъ успѣлъ уничтожить мостъ у Линца. Союзники расположились отъ Энса до Штейера, гдѣ Кутузовъ оставилъ Мерфельда, принявшаго начальство надъ отрядомъ Кинмейера. Наполеонъ два дня пробылъ въ Линцѣ. Здѣсь прибылъ къ нему съ изъявленіями благодарности Курфирстъ Баварскій; явился Гіулай съ предложеніемъ перемирія; пріѣхали депутаты изъ Парижа; получено было извѣстіе о появленіи Рускихъ и Англичанъ въ Ганноверѣ; надлежало распорядиться дальнѣйшимъ походомъ, и связать дѣйствія на Дунаѣ съ дѣйствіями въ Италіи и Тиролѣ.

Тамъ также счастливо исполнялось все, что предполагалъ Наполеонъ. Имѣя 80,000 войска, эрцъ-герцогъ Карлъ медлилъ, ожидая еще 20,000 войска, и растянувши линію отъ Вероны до Леньяго, когда

Массена собрался около Вероны, готовый отражать его, сообразно приказу Наполеона. Вмѣсто ожиданной присылки войскъ, опасенія, возбужденныя въ Вѣнѣ быстрымъ походомъ Наполеона, были причиною повелѣнія отдѣлить на Дунай 20,000. Они пошли черезъ Тироль. Встревоженный дѣлами на Дунаѣ, эрцъ-герцогъ Карлъ предложилъ Массенѣ не начинать военныхъ дѣйствій до 18-го Октября. По истеченіи срока договора, 19-го Октября Массена началъ наступательныя дѣйствія. Половина Вероны, отдѣляемая Адижемъ, принадлежала по Люневильскому трактату Австрійцамъ. Массена выгналъ ихъ изъ Вероны послѣ упорнаго боя, съ потерею 1500 плѣнными, 1200 убитыми и ранеными. Эрцъ-герцогъ Карлъ сосредоточилъ всѣ войска въ крѣпкой Калдіерской позиціи, и обѣ арміи простояли бездѣйственно, пока получены были извѣстія объ Ульмскихъ бѣдствіяхъ, предписаніе эрцъ-герцогу Карлу идти къ Вѣнѣ, и приказъ Массенѣ нападать, тѣмъ болѣе, что Сенъ-Сиръ уже сближался къ Адижу. «Солдаты! вспомните, что мы будемъ сражаться на поляхъ, прославленныхъ побѣдами императора, гдѣ повсюду остались воспоминанія генія его,» говорилъ Массена, и Октября 30-го завязалъ кровавый бой, возобновилъ его на другой день, и продолжалъ на третій день, захвативъ 3500 плѣнныхъ и нѣсколько орудій. Ночью эрцъ-герцогъ Карлъ началъ поспѣшное отступленіе. Съ нимъ соединилась часть войска, прежде посланнаго къ Макку, и возвращеннаго съ пути, послѣ безполезнаго похода.

Стараясь только сохранить свою армію, эрцъ-герцогъ Карлъ двинулся южнѣе, не думая защищать Тарвиса, гдѣ нѣкогда столь упорно бился съ Массеною. Онъ успѣлъ перейдти за Бренту, пока Массена, пустившійся за нимъ, забиралъ отдѣльные отряды Гиллера, бралъ Виченцу, гдѣ, кромѣ 900 плѣнныхъ, взято 1000 раненыхъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ. Отдѣливъ отрядъ на защиту Венеціи, которую обложилъ Сенъ-Сиръ, эрцъ-герцогъ Карлъ не остановился на Тальяменто. Повѣривъ слуху, что корпусъ Русскихъ войскъ ожидается въ Тріестѣ, и желая сообразить дѣйствія въ Тиролѣ, Массена прекратилъ преслѣдованіе на Изонцѣ, занявши въ половинѣ Ноября Горичъ, Градишку и Тріестъ.

Имѣя до 30,000, эрцъ-герцогъ Іоаннъ стоялъ въ Инспрукѣ, поставя отряды принца Рогана въ Фуссенѣ, Сенъ-Жюльена въ Шарницѣ. Тирольское ополченіе собрано было въ Куфштейнѣ; отрядъ Гиллера соединялъ Тирольскія войска съ Итальянскими через Тріентъ и Бютценъ. Осужденный на бездѣйствіе, эрцъ-герцогъ Іоаннъ безполезно дождался окончанія бѣдствій Ульмскихъ и отступленія эрцъ-герцога Карла отъ Адижа, вмѣстѣ съ повелѣніемъ соединиться съ эрцъ-герцогомъ Карломъ и поспѣшать къ Вѣнѣ. Но Ожеро и Ней уже наступали на него отъ Дуная. Съ боя взялъ Ней Шарницъ, пока эрцъ-герцогъ Іоаннъ, оставивъ Инспрукъ, передвинулся на Бреннеръ, ожидая прибытія къ нему Гиллера, Рогана, и Іеллахича, изъ Бибераха успѣвшаго уйдти въ Фельдкирхенъ,

гдѣ окружилъ его Ожеро, и заставилъ сдаться, пока Ней овладѣлъ Инспрукомъ, поспѣшно шелъ на эрцъ-герцога Іоанна, принудилъ его удалиться въ Клагенфуртъ, и встрѣтилъ отрядъ принца Рогана. Удачно отбивши нападеніе Луазона, Роганъ бросился черезъ горы, надѣясь пробраться гдѣ нибудь. Встрѣчаемый повсюду Французами, онъ обратился въ Бассано, и думалъ укрыться въ Венеціи, но едва сошелъ онъ съ горъ, Массена послалъ на встрѣчу ему отрядъ изъ Горича, Сенъ-Сиръ пошелъ на него отъ Венеціи, и разбитый при Кастель-Франко, Роганъ сдался въ плѣнъ. Присоединивъ остатки отрядовъ Сенъ-Жюльена, Гиллера, и войскъ, прежде посланныхъ къ Ульму съ Адижа, эрцъ-герцогъ Іоаннъ спѣшилъ къ Виндишграцу, гдѣ назначилъ ему мѣсто соединенія эрцъ-герцогъ Карлъ.

Гіулай пріѣхалъ въ Линцъ предложить не миръ, но перемиріе. Наполеонъ видѣлъ, что хотятъ только выиграть время для соединенія Русскихъ и Австрійскихъ войскъ, и полученія рѣшительнаго согласія Пруссіи. Онъ отвѣчалъ, что хочетъ мира, а не перемирія, но готовъ даже на перемиріе, если Русскія войска оставятъ Австрію, прекратятся наборы войскъ въ Венгріи, Австрія откажется отъ союза Англіи и Пруссіи, и отдастъ ему въ залогъ Венецію и Тироль. Не ожидая отвѣта на столь грозныя условія, Наполеонъ не думалъ болѣе о мирѣ.

Войска союзниковъ, явившіяся въ Ганноверѣ, угрожали вторженіемъ въ Голландію, когда вооруг-

женіе Пруссіи, сближеніе Рускихъ изъ Моравіи, ополченій изъ Венгріи, и Австрійцовъ изъ Тироля и Италіи, ставили Наполеона въ затруднительное положеніе на главномъ поприщѣ войны. Надлежало ли идти далѣе, или должно было остановиться, стянуть свои силы и дожидаться нападеній непріятеля? Послѣднее казалось болѣе вѣрнымъ, ибо, при усиленіи опасности со стороны Ганновера и при рѣшеніи Пруссіи, не давая возможности союзникамъ отрѣзать путь во Францію, оно открывало свободное отступленіе на Рейнъ. Наполеонъ предпочелъ однакожь движеніе впередъ, увѣренный, что истребитъ Кутузова, и лишитъ тѣмъ союзниковъ значительныхъ силъ. Далѣе разсчитывалъ онъ, что занятіемъ Вѣны станетъ между войсками, идущими изъ Италіи и Тироля, и Русскими, находящимися въ Моравіи, уничтожитъ наборы и приготовленія въ Венгріи, доставитъ средства продовольствія войску, и — едвали не главное — надобно было оцѣнять великое нравственное вліяніе, какое произведетъ занятіе Австрійской столицы на Австрію, Пруссію, Россію, Европу, и даже Францію. Оно продолжитъ очарованіе Ульмскаго дѣла. Наполеонъ надѣялся на медленность Пруссіи и Англіи. Походъ на Вѣну былъ рѣшенъ. Во всемъ остальномъ надлежало принять предосторожности. Армія Массены и корпуса Нея и Ожеро, послѣ отступленія Австрійцовъ, были безполезны въ Италіи, ибо слухъ о появленіи Рускихъ и Англичанъ въ Неаполѣ не безпокоилъ Наполеона. Ожеро велѣно идти

къ Ульму; Нею присоединиться къ главной арміи; Массенѣ преслѣдовать эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна, задерживая походъ ихъ и стараясь разбить. Брату Людовику послалъ Наполеонъ повелѣніе сосредоточить войска Брюна въ Голландіи, и при усиленіи движенія непріятелей въ Ганноверѣ, Ожеро спуститься по Рейну на Майнцъ. Изъявляя особенныя увѣренія дружбы и уваженія Курфирсту Баварскому, Наполеонъ вытребовалъ у него всѣ войска, коими можно было распоряжаться. Часть ихъ присоединилась къ отряду Бараге д'Иллера для наблюденія движеній изъ Богеміи на верхній Дунай. Баварская дивизія Деруа должна была идти въ Куфштейнъ, разогнать тамъ Тирольское ополченіе и охранять Тироль. Распоряженія въ главной арміи были слѣдующія: Кутузова преслѣдовать по обоимъ берегамъ Дуная. Мортье, съ дивизіями Дюпона, Газана и Дюмонсо, перейдти на лѣвый берегъ, и стараться отрѣзать сообщенія Кутузова съ войсками, шедшими изъ Моравіи. Придунайская долина, на правомъ берегу, стѣсняясь отъ Линца Тирольскими и Штирійскими горами, оставляетъ путь только по прибрежью рѣки; побочная дорога идетъ здѣсь на Штейеръ и Вайдгофенъ, откуда опять соединяется съ главною въ Санктъ-Пельтенѣ, гдѣ возвышаются горы, покрытыя лѣсомъ и обтекаемыя рѣкою Тразеномъ; подъ именемъ Вѣнскаго Лѣса (Wiener-Wald), горы сіи занимаютъ пространство отъ Санктъ-Пельтена до Вѣны, и представляютъ крѣпкую позицію, гдѣ непріятель могъ

остановиться, защищать Вѣну, и дать средства Буксгевдену перейдти Дунай въ Кремсѣ. Даву, Мармонъ и Бернадоттъ посланы на Штейеръ и Вайдгофенъ; одинъ долженъ былъ обойдти позицію въ Лиліенфельдѣ, другой спуститься правѣе на Леобенъ, и дѣйствовать прямо на Вѣну. Бернадотта вернули обратно изъ Штейера, когда потребовалось усилить дѣйствія на Дунаѣ. Такимъ образомъ Кутузовъ былъ тѣснимъ на правомъ берегу Дуная, и отрѣзанъ Мортье у Кремса, чѣмъ предупреждалось соединеніе съ нимъ Буксгевдена. Еслибы Кутузовъ остановился у Вѣнскаго Лѣса, Даву обходилъ его позицію, а Мармонъ, идя во флангъ его, занималъ Вѣну. При сильномъ напорѣ Буксгевдена, или переходѣ Кутузова за Дунай въ Кремсѣ, Мортье переправлялся на правый берегъ, для чего рядомъ съ нимъ плыла по Дунаю флотилія, составленная изъ всѣхъ судовъ, какія могли собрать на Дунаѣ. Тогда вся армія Наполеонова переходила за Дунай и уничтожала Кутузова превосходными силами.

Депутаты присланы были въ Линцъ отъ Трибуната, Сената и Парижа, благодарить Наполеона послѣ полученія отъ него знаменъ и извѣстій объ его побѣдахъ. Приготовленныя изъявленія лести превратились въ изъявленія истиннаго восторга, когда депутаты проѣхали по слѣдамъ Наполеона отъ Рейна, и увидѣли его въ величіи полководца среди войскъ, вблизи Австрійской столицы. Наполеонъ вручилъ имъ новые трофеи, и отправилъ ихъ въ Парижъ, прено-

ручая передать чувства признательности, обѣщаніе новыхъ побѣдъ и скораго мира.

Пока продолжались всѣ сіи распоряженія, быстро совершался походъ, и старый полководецъ Русскій умѣлъ разстроить всѣ соображенія Наполеона на вѣрную погибель его.

По переходѣ за Энсъ Кутузовъ хотѣлъ остановиться, укрѣпивъ берегъ рѣки, и поставя Мерфельда отдѣльно въ Штейерѣ. Французы напали на Мерфельда, перешли Энсъ, и ослабленный въ то время отдѣленіемъ отряда Мерфельдова, которому велѣно изъ Штейера идти на защиту Вѣны горною дорогою, Кутузовъ поспѣшилъ отодвинуться къ Амштеттену, гдѣ Ноября 4-го завязалось жаркое арріергардное дѣло у Багратіона и Милорадовича съ Мюратомъ; они схватились потомъ еще разъ у Мелька, и Кутузовъ, опираясь на мужество арріергарда, достигъ Санктъ-Пельтена. Онъ не медлилъ тамъ, не остановился и у Кремса, гдѣ Австрійцы предписывали ему защищаться. Кутузовъ видѣлъ, что на него могли надвинуться всѣ силы Наполеона, пока Мортье заходилъ ему въ тылъ. Нимало не останавливаясь, перешелъ онъ за Дунай въ Кремсѣ, Ноября 9-го, истребилъ мостъ, и былъ безопасенъ, когда Мюратъ, ничего не понимая въ его движеніяхъ и распоряженіяхъ Наполеона, рвался впередъ, и промчался, 10-го Ноября, до Букерсдорфа, въ 4-хъ миляхъ отъ Вѣны. Сультъ, имѣвшій приказъ остановиться въ С. Пельтенѣ, увлекся за Мюратомъ до Зейгорткирхена, а

Бернадоттъ, возвратясь отъ Штейера, остановился въ С. Пельтенѣ.

Обманувшись въ надеждѣ, что у Вѣнскаго Лѣса будетъ битва, и услышавъ о переходѣ Кутузова за Дунай, Наполеонъ, находившійся съ гвардіею въ Мелькѣ, разсердился на Мюрата. «Куда жь бѣжитъ этотъ сумасшедшій Мюратъ?» говорилъ онъ. «Теперь Мортье пропалъ! Вѣну мы должны взять, но не бѣжать въ нее, какъ будто слѣпые, ничего не видя!» Немедленно послано повелѣніе Мортье переправиться на правый берегъ Дуная, и Бернадотту подкрѣплять его, если непріятель нападетъ, а Сульту поспѣшнѣе вернуться къ Кремсу. Слыша въ сторонѣ Кремса сильную пальбу за Дунаемъ, Наполеонъ не скрывалъ ни скорби своей объ участи Мортье, ни гнѣва на своихъ генераловъ.

Что онъ предвидѣлъ, вполнѣ сбылось. Безопасный отъ преслѣдованія войскъ, шедшихъ по правому берегу Дуная, надѣясь, что Вѣну будутъ защищать, и что послѣ Кремса Французы не могутъ нигдѣ переправиться за Дунай ближе Вѣны, Кутузовъ хотѣлъ дать небольшой отдыхъ войску, утомленному двухънедѣльнымъ, безпрерывнымъ походомъ и боемъ. Онъ сождалъ здѣсь остальные отряды своего корпуса, и видя невыгодное положеніе Мортье, рѣшился воспользоваться неожиданною находкою. Не заботясь о предосторожностяхъ, Мортье старался только идти поспѣшнѣе къ Кремсу. Путь его составляло безпрерывное дефиле между Богемскими горами и Ду-

паемъ; оно расширяется нѣсколько за Дириштейномъ (замкомъ на Дунаѣ, гдѣ нѣкогда былъ заключенъ Ричардъ Львиное Сердце), и здѣсь, выдвинувшись отъ Кремса, ждалъ его Кутузовъ. Мортье былъ впереди, ведя дивизію Газана; верстахъ въ 12-ти отъ него шелъ съ дивизіею Дюпонъ, и въ маршѣ разстоянія была дивизія Дюмонсо. Артиллерію везли на судахъ по Дунаю. Едва прошли Дириштейнъ, Милорадовичъ аттаковалъ Мортье, Ноября 11-го. Полагая, что наткнулся на какой нибудь отрядъ Русскій, Мортье принялъ сраженіе. Бились упорно. Въ жестокой дракѣ два раза переходило изъ рукъ въ руки селеніе Лойбенъ. Начавшись по утру, сраженіе тянулось до 5-ти часовъ вечера, но Мортье все еще не догадывался о хитрости Кутузова, и опомнился тогда только, когда услышалъ сзади себя пальбу. Дохтуровъ, обошедши по горамъ, занялъ Дириштейнъ. Мортье увидѣлъ себѣ отрѣзаннымъ отъ Дюпона и обреченнымъ на погибель. Не зная на что рѣшиться, онъ совѣтовался съ своими товарищами. Всѣ сказали, что спасенія нѣтъ, надлежало сдаться, и просили его переплыть въ лодкѣ на другой берегъ, дабы не умножить торжества Рускихъ плѣномъ маршала Французскаго. Мысль о пораженіи послѣ столькихъ славныхъ дѣлъ, ознаменовавшихъ начало войны, ужаснула Мортье. Помощи не было, и онъ рѣшился искупить свою и другихъ ошибку смертью героя, отвергая предложеніе бѣгства и плѣна. Смеркалось; пошелъ проливной дождь; земля, по утру покрытая снѣ-

гомъ и застывшая, растворилась грязью. Оставя часть отряда отбивать Милорадовича, и надѣясь на прибытіе Дюпона, Мортье устремился обратно на Дирнштейнъ. Стѣсняемый Милорадовичемъ съ тыла, отбиваемый Дохтуровымъ съ фронта, Мортье ждалъ погибели, но, къ счастію его, Шмитъ, генералъ-квартирмейстеръ Австрійскій, ведшій Русскія войска по горамъ, сбился въ лѣсахъ съ дороги; Дюпонъ успѣлъ придти къ Дирнштейну, и Дохтуровъ очутился въ положеніи затруднительномъ. Бой продолжался еще часа три, уже въ совершенномъ мракѣ. Мортье былъ нѣсколько разъ окружаемъ, и самъ рубился съ Рускими. Наконецъ Дохтуровъ отступилъ, отодвинулся на горы, и съ радостнымъ кликомъ остатки храбрыхъ солдатъ Мортье соединились съ Дюпономъ за Дирнштейномъ. Ночью Мортье отступилъ къ Шпицу, и переправился на правый берегъ Дуная. Рускіе потеряли здѣсь до 2000; Французы, вѣроятно, болѣе, ибо Рускіе захватили въ плѣнъ до 1500, взяли два знамя и 5 пушекъ. Безъ ошибки Шмита истребленіе корпуса Мортье было неизбѣжно. Шмитъ заплатилъ за ошибку смертью въ бою, сожалѣемый всѣми; онъ былъ соученикъ и другъ эрцъ-герцога Карла. Кремское, или Дирнштейнское сраженіе обрадовало союзниковъ, какъ первый успѣхъ съ самаго начала войны. Императоръ Францъ прислалъ Кутузову орденъ Маріи Терезіи 1-й степени — награду, данную Суворову за всю Италіянскую кампанію 1799 года. Надежды побѣдъ возобновились.

Но недолго обольщались ими. Обрадованный спасеніемъ Мортье, и утѣшенный храбростью войскъ своихъ въ день Дирнштейнскаго «побоища» (une journée de massacre, какъ говорилъ онъ), казалось, Наполеонъ удвоилъ дѣятельность своего генія, узнавши въ Кутузовѣ достойнаго соперника. Удостовѣрясь, что Кутузовъ не успѣлъ еще соединиться съ другими войсками, онъ надѣялся теперь рѣшительно уничтожить его — и мысль геніальная была придумана и исполнена: завладѣть немедленно Вѣною, перебросить черезъ тамошній мостъ Мюрата за Дунай, велѣть ему промчаться до Цнаима, на дорогѣ отъ Кремса въ Брюннъ, куда долженъ былъ идти Кутузовъ, и куда шелъ Буксгевденъ отъ Ольмюца. Бернадоттъ долженъ былъ между тѣмъ переправляться въ Кремсѣ на судахъ, если замѣтитъ движеніе Русскихъ отъ Кремса, и занять Кутузова наступленіемъ съ фронта. Взятіе Вѣны было тѣмъ легче, что почти въ одно время получены извѣстія о разгонѣ Тирольскаго ополченія генераломъ Деруа въ Куфштейнѣ и объ успѣхахъ Даву: онъ перерѣзалъ дорогу Мерфельду въ Анпаберге, и едва Австрійцы двинулись по горнымъ тропинкамъ изъ Маріацелле, Даву напалъ на нихъ, гналъ упорно до Лиліенфельда, отнялъ 24 пушки, обозы, захватилъ плѣнныхъ, и допустилъ добѣжать до Вѣны остатокъ потому только, что получилъ приказъ Наполеона поспѣшнѣе идти въ Санктъ-Пельтенъ.

Вѣна беззащитная предавалась непріятелю. Мармонъ отрѣзывалъ отъ нея эрцъ-герцоговъ Карла и

Іоанна въ Леобенѣ, когда, преслѣдуемые Массеною, они должны были помышлять только о сохраненіи своего войска, стараясь уйдти за Дунай черезъ Венгрію ниже Вѣны. Послѣднимъ усиліемъ избавить столицу былъ вторичный пріѣздъ Гіулая въ Санктъ-Пельтенъ къ Наполеону, Ноября 12-го. Услышавъ прежнее предложеніе перемирія, съ увѣреніемъ, что Прусскія войска уже соединились съ Русскими и Австрійскими, Наполеонъ отвѣчалъ, что извѣстіе о соединеніи съ Пруссаками было несправедливо, на перемиріе онъ болѣе несогласенъ, и идетъ въ Вѣну. Уже Мюратъ стоялъ у Вѣны, откуда выѣхало императорское семейство, и за нимъ поспѣшали уѣхать многіе богачи и знатные; обозы и экипажи перегоняли одинъ другаго по дорогѣ въ Пресбургъ. Императоръ Францъ оставилъ Вѣну со слезами. Препоручая столицу любимцу своему, графу Вурбнѣ, онъ строго запретилъ защищаться, и велѣлъ Вурбнѣ встрѣтить Наполеона съ депутаціею, прося о сохраненіи порядка и спокойствія беззащитныхъ жителей столицы. Войска Мерфельда и другіе отряды должны были очистить Вѣну, стать на лѣвомъ берегу Дуная, и по вступленіи Французовъ, взорвать мостъ на Дунаѣ и идти въ Пресбургъ. Мостъ былъ покрытъ горючими веществами; по выстрѣлу изъ пушки, офицеру, стоявшему подлѣ него съ зажженнымъ фитилемъ, приказано было зажечь его. Князю Ауерсбергу поручено наблюденіе за истребленіемъ моста. Разрушить мостъ прежде вступленія Французовъ не хотѣли, ибо че-

резъ него тянулись безконечные обозы и ѣхали жители Вѣны. Ноября 13-го депутація Вѣнская явилась къ Наполеону съ графомъ Цинцендорфомъ. Увѣривъ ее въ покровительствѣ, онъ приказалъ между тѣмъ Мюрату поскорѣе занять Вѣну, даже насильно, если встрѣтитъ сопротивленіе, промчаться черезъ городъ, и всячески стараться захватить мостъ, силою, хитростью, или обманомъ. Ланнъ и Удино были приданы Мюрату. Все исполнилось по желанію. Рано утромъ драгуны Себастіани подошли къ Вѣнѣ. За ними ѣхали Мюратъ и Ланнъ. Вѣна отворила ворота; покорность съ одной стороны, миръ и покровительство съ другой были первыми словами. Бертранъ и Ланюссъ отправились къ мосту, крича о мирѣ, махая бѣлыми платками; за ними ѣхалъ отрядъ гусаровъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи другія войска. Австрійцы, стоявшіе за мостомъ, знали о посылкѣ Гіулая къ Наполеону, и дались въ обманъ. Бертранъ велѣлъ вести себя къ Ауерсбергу. Войско Французское незамѣтно скоплялось у моста. Офицеръ, держа фитиль, ждалъ приказа зажечь мостъ. Ланнъ и Бельяръ бросились по мосту, все еще крича о мирѣ, но едва перебѣжали они черезъ мостъ, какъ схватили офицера, повалили его на землю, потушили фитиль, и толпы Французовъ, пѣхота, конница, артиллерія смѣшались на лѣвомъ берегу съ Австрійцами. Смѣлость могла бы еще спасти Австрійцовъ, но въ замѣшательствѣ не знали что дѣлать, и рѣшились отступать. Между тѣмъ городская гвардія столицы готовилась встрѣ-

тить Наполеона; толпы зрителей стояли по улицамъ; Французскія войска вступали съ музыкою и барабаннымъ боемъ, но Наполеона не было. Все совершилось тихо и спокойно. Французы смѣнили Австрійскіе караулы. Наполеонъ въѣхалъ ночью, переодѣтый, и проскакалъ прямо къ мосту на Дунаѣ. Здѣсь немедленно сдѣлано было распоряженіе: Мюрату спѣшить на Цнаимъ, черезъ Корнейбургъ, и перерѣзать отступленіе войскамъ Кутузова; Ланнъ, Сультъ и Удино должны были слѣдовать за нимъ, и всячески удерживать Цнаимъ, пока Бернадоттъ и Мортье будутъ тѣснить Кутузова отъ Кремса, и тѣмъ поставятъ его между двухъ огней; Маргарону приказано преслѣдовать Ауерсберга, отступавшаго на Волькерсдорфъ, отхватывать обозы и экипажи, и распространить тревогу въ Пресбургѣ.

Увѣренный, что теперь Кутузову не вырваться изъ облавы, устроенной столь превосходно, и осуществленной столькими благопріятными обстоятельствами, Наполеонъ отправился въ загородный дворецъ императорскій, Шенбруннъ, и на другой день явился здѣсь въ величіи императора, окруженный блестящимъ штабомъ и чиновниками, принимая депутатовъ Вѣны, графа Вурбна, и многихъ знатныхъ Австрійцовъ. Онъ обѣщалъ исполнить просьбу императора Франца, касательно спокойствія столицы; опредѣлилъ Кларка генералъ-губернаторомъ Вѣнскимъ и Дарю интендантомъ его; распредѣлилъ постой и содержаніе войска; велѣлъ опечатать государственное

казначейство, соблюдать строжайшій порядокъ, и оставить гвардію городскую и полицію.

Наконецъ, она была его, гордая Вѣна, за два мѣсяца грозившая ему гибелью. *Императоръ Римскій* удалился, оставивъ беззащитною древнюю столицу свою, съ XIII-го вѣка не видавшую въ стѣнахъ своихъ непріятелей, спасенную два раза отъ Оттомановъ, за восемь лѣтъ купившую избавленіе миромъ, когда Наполеонъ стоялъ вблизи ея, нисшедшій съ горъ Тирольскихъ. Но ничто не могло теперь сохранить ея — разсѣяны были сильныя охранительныя арміи; другія искали спасенія въ бѣгствѣ, въ покровительствѣ союзниковъ. Все, собранное вѣками, доставалось въ добычу побѣдителю. Огромные запасы лежали въ магазинахъ и коммиссаріатахъ. Въ арсеналахъ нашли 2000 пушекъ, въ томъ числѣ 500 осадныхъ, 100,000 ружей, 600 тысячь квинталовъ пороху, 600 тысячь ядеръ, 160 тысячь бомбъ. Послѣ Ульма Наполеонъ подарилъ Баварскому Курфирсту 20,000 ружей; 15,000 ружей подарено было ему еще изъ взятыхъ въ Вѣнѣ, и къ нимъ присовокуплены знамена и пушки, отнятыя Австрійцами у Баварцовъ въ войну 1740 года, и хранившіяся въ Вѣнѣ.

И какъ будто судьба хотѣла напомнить Наполеону, что нѣтъ свѣта безъ тѣни и радостей безъ печали: передъ Вѣною получилъ онъ печальную вѣсть о гибели флотовъ своихъ при Трафалгарѣ, а торжество взятія столицы Австрійской потемнила ему новая неудача съ Кутузовымъ, умѣвшимъ еще

разъ избѣгнуть приготовленной ему, неминуемой гибели.

Причиною были не ошибки въ вѣрно расположенномъ планѣ Наполеона, но безразсудство Мюрата, оплошность въ исполненіи приказа, даннаго Бернадотту, предусмотрительность Кутузова, и непобѣдимое мужество Русскихъ солдатъ.

Послѣ Кремской битвы Кутузовъ оставался въ Кремсѣ, но узнавъ о взятіи Вѣны и овладѣніи мостомъ на Дунаѣ, онъ понялъ грозившую ему опасность, не дожидался движенія Мюрата за Дунай, и ночью съ 13-го на 14-е Ноября тихо поднялся отъ Кремса, даже оставя больныхъ и раненыхъ, и ночью совершилъ переходъ къ Эберсбрюну, на половинѣ пути до Гюнтерсдорфа, гдѣ сходятся дороги изъ Кремса и Вѣны. Походъ совершался по колѣна въ грязи, въ бурную, дождливую ночь, не допустившую Бернадотта замѣтить отступленіе Рускихъ. Бернадоттъ былъ послѣ сего неопасенъ. Оставалось оградить себя отъ Мюрата. Изъ Эберсбрюна Кутузовъ отрядилъ Багратіона, съ 4 полками и 2-мя батальонами пѣхоты, двумя гусарскими, однимъ Австрійскимъ, однимъ Русскимъ, однимъ драгунскимъ, двумя казачьими полками и ротою конной артиллеріи, и послалъ его проселками, приказывая занять селеніе Голлабрунъ на Вѣнской дорогѣ. Идя всю ночь отъ Кремса, Багратіонъ пустился къ Голлабруну безъ отдыха, и успѣлъ не только предупредить Мюрата, но и приготовиться къ отпору. Онъ поставилъ графа Постица,

съ казаками и Австрійскими гусарами, передъ Голлабруномъ, и самъ занялъ позицію верстахъ въ двухъ сзади его, за ручьемъ и за селеніемъ Шенграбеномъ; три пѣхотные полка стали здѣсь въ первую линію, драгуны и гусары были съ фланговъ, центръ защитила артиллерія; егери заняли Шенграбенъ, а сзади его укрѣплена была деревня Грундъ. Въ одно время услышалъ Багратіонъ о приближеніи Мюрата, и переходѣ Кутузова съ войскомъ нѣсколько выше Грунда черезъ Гюнтерсдорфъ и Эцельсдорфъ, куда поворотилъ Кутузовъ съ Цнаимской дороги, стараясь ближайшимъ путемъ достигнуть Брюнна черезъ Погорлицъ.

Встрѣтивъ неожиданно Рускихъ, и узнавъ, что здѣсь сосредоточилась вся Русская армія, Мюратъ не осмѣливался напасть, ждалъ шедшей за нимъ пѣхоты, и вздумалъ хитрить. Онъ извѣстилъ Ностица о заключеніи отдѣльнаго перемирія съ Австріею. Ностицъ былъ столь легковѣренъ, что всему повѣрилъ. Онъ отослалъ казаковъ къ Багратіону, отказался сражаться и отступилъ. Мюратъ занялъ Шенграбенъ. Рускіе егери отошли къ отряду Багратіона. Тщетно убѣждавши Ностица не вѣрить извѣстію Мюрата, Багратіонъ увидѣлъ также присланнаго къ нему отъ Мюрата, съ предложеніемъ начать переговоры. Не принимая на себя обязанности дипломата, Багратіонъ отослалъ посланника Мюратова къ Кутузову. Хитрый старикъ обрадовался, согласился переговаривать, отправилъ къ Мюрату генерала Винцингероде, и къ

изумленію Мюрата, повѣренный Кутузова не только слѣпо повѣрилъ всѣмъ словамъ его, но робко согласился на всѣ предложенныя условія: Кутузовъ обязывался отдѣлить Русскія войска отъ Австрійскихъ, и вести ихъ въ Россію, съ условіемъ, что Французы не будутъ преслѣдовать его. Ратификаціи Наполеона и утвержденія Кутузова условились ожидать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заключенъ былъ договоръ, а въ случаѣ несогласія, каждая сторона предупреждала о начатіи военныхъ дѣйствій за четыре часа.

Мюратъ торжествовалъ. То, чего не могла сдѣлать вся политика Наполеона — разрушеніе союза Россіи съ Австріею было достигнуто внезапнымъ страхомъ, который обуялъ легковѣрнаго Кутузова. Еслибы Наполеону было недовольно даже и такого успѣха, Кутузовъ беззащитно дожидался пораженія, ибо Ланнъ, Сультъ и Удино уже успѣли подойдти тогда къ Мюрату: 40,000 нападали на Кутузова, не считая того, что по дорогѣ отъ Кремса, какъ увѣренъ былъ въ томъ Мюратъ, поспѣшно шелъ Бернадоттъ. Но часы проходили — не было ни подтвержденія договора отъ Кутузова, ни благодарности за дипломатическій подвигъ отъ Наполеона. Такъ прошла ночь, и уже на другой день, Ноября 16-го, часу въ пятомъ вечера, прискакалъ адьютантъ Наполеона.

Необходимость распорядиться важнѣйшими дѣлами заставила Наполеона остаться на сутки въ Шенбруннѣ. Впрочемъ, предписаніе Мюрату и Бернадотту бы-

ло ясно и положительно, и безмѣренъ былъ гнѣвъ Наполеона, когда получилъ онъ извѣстіе отъ Мюрата о переговорахъ съ Кутузовымъ, и узналъ, что Бернадоттъ не замѣтилъ отступленія Рускихъ и еще не переправлялся за Дунай. «Мюратъ пустился въ политику! Онъ съ ума сошелъ! Онъ упустилъ эту хитрую лисицу — Кутузовъ провелъ дурака и теперь уйдетъ!» вскричалъ Наполеонъ. Немедленно отправленъ былъ строгій выговоръ Мюрату, и приказъ немедленно аттаковать Кутузова. Не менѣе гнѣвное замѣчаніе послано было Бернадотту. Приказывая ему спѣшить переправою за Дунай, «солдатамъ вашимъ, конечно, будетъ прискорбно,» говорилъ Наполеонъ, «что они не могутъ имѣть полнаго участія въ славѣ нынѣшняго похода. Товарищи ихъ сражаются въ двухъ дняхъ перехода отъ Вѣны, и когда мы думали, что вы догнали Кутузова, работаете штыкомъ и бьете Рускихъ, вы еще не переходили за Дунай!» Не довольствуясь посланными приказами, Наполеонъ бросилъ всѣ другія дѣла, послалъ за Дунай гвардію, поскакалъ самъ, и перегнавши гвардію на пути, поспѣшалъ къ Голлабрунну — все было поздно, и одно изъ самыхъ блестящихъ соображеній Наполеона погибло безполезно.

Взбѣшенный выговоромъ Наполеона, Мюратъ въ то же время удостовѣрился въ справедливости гнѣва его, ибо Кутузовъ вовсе не думалъ ни робѣть, ни дожидаться. Удержавши у себя договоръ, заключенный Винцингероде, онъ призвалъ къ себѣ Багратіо-

на, сказалъ ему, что оставляетъ его на славную жертву за честь Россіи и спасеніе арміи, благословилъ стать на битву и умереть, и немедленно началъ отступать къ Погорлицу. Уже цѣлыя сутки продолжался походъ его, а Мюратъ ничего не замѣчалъ. Обреченный на смерть, Багратіонъ стоялъ спокойно на прежнемъ мѣстѣ. Свирѣпо вспыхнулъ бой, когда Мюратъ извѣстилъ Багратіона о прекращеніи перемирія, и думая вознаградить потерю, хотѣлъ уничтожить Русскій отрядъ и гнаться за Кутузовымъ. Шенграбенъ загорѣлся отъ Русскихъ выстрѣловъ, и задержалъ пожаромъ движеніе Мюрата. Сультъ и Ланнъ обходили Багратіона съ фланговъ. Наступила ночь и не прекращала битвы. Въ Грундѣ, облитомъ кровью, бились грудь съ грудью, и еще упорнѣе дрались въ Гюнтерсдорфѣ. Въ полночь пріѣхалъ Наполеонъ, и прекратилъ безполезную гибель храбрыхъ. Багратіонъ потерялъ болѣе 2000, ушелъ съ остальными, и самъ Кутузовъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, когда онъ достигъ Погорлица. Старый полководецъ обнялъ Багратіона, и съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли товарищи на героя и его воиновъ, не только спасшихся отъ гибели неминуемой, но даже успѣвшихъ подарить Кутузова плѣнными и трофеями, ибо Рускіе отбили одно знамя и захватили въ плѣнъ трехъ офицеровъ и пятдесятъ рядовыхъ. Багратіонъ былъ народнымъ героемъ послѣ Шенграбенскаго сраженія, достойно заключившаго славный походъ Кутузова. Ноября 18-го достигъ онъ Брюнна, гдѣ извѣстился о

приходѣ Буксгевдена въ Вишау. Здѣсь 19-го Ноября соединился съ нимъ Кутузовъ, и 20-го Рускіе перешли въ Ольмюцъ. Кончилось отступленіе, совершенное въ теченіе трехъ недѣль, на протяженіи 400 верстъ, въ виду тройнаго числа непріятелей, одушевленныхъ побѣдами, предводимыхъ Наполеономъ, при стѣсненіи воли Кутузова распоряженіями Австрійцовъ, при ошибкахъ, какія они безпрестанно дѣлали, при неудачахъ, которыя безпрерывно испытывали они, едва отдѣлялись отъ Кутузова. Каждая схватка доказывала мужество Рускихъ. Дирнштейнское сраженіе явило смѣтливость и смѣлость вождя ихъ. Дѣла Амштеттенское и Шенграбенское ставили войско императора Александра наравнѣ съ Наполеоновымъ, испытаннымъ въ стольких битвахъ. Вся потеря Рускихъ при отступленіи не превзошла 6000.

Начался новый, послѣдній періодъ похода, рѣшавшаго участь Европы и Наполеона.

Въ Шенбрунѣ сдѣланы были имъ различныя распоряженія. Пользуясь правомъ побѣдителя, онъ объявилъ требованіе 100 милльоновъ контрибуціи съ занятыхъ имъ областей Австріи. Мармону велѣно наблюдать движенія войскъ эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна. Бернадоттъ и Вреде, по переходѣ ихъ за Дунай, сдвинуты влѣво до Иглау на предѣлахъ Богемскихъ, для наблюденія за войсками, собираемыми въ Богеміи эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ. Мортье занималъ, съ 8-мъ корпусомъ, Вѣну. Венгрія волновалась ревностью возстанія, но съ тѣмъ вмѣстѣ вид-

но было недоумѣніе монарха, не хотѣвшаго отнестись прямо къ воинственному духу Венгерцовъ, не потому ли, что питая слабую надежду на побѣду, онъ уже мыслилъ о мирѣ, и страшился раздражать побѣдителя безполезнымъ, можетъ быть, вооруженіемъ. Императоръ Францъ недолго пробылъ въ Пресбургѣ, закрылъ засѣданія Венгерскаго сейма, и отправился въ Брюннъ. Слухъ о приближеніи Маргарона встревожилъ Пресбургъ. Императорское семейство, Дворъ и всѣ удалившіеся туда изъ Вѣны, оставили Пресбургъ. Даву отправленъ былъ занять столицу Венгріи. Такое разсѣяніе Французскихъ войскъ во время сближенія союзниковъ, когда Пруссія была уже готова начать походъ, казалось безразсудствомъ, но Наполеонъ понималъ выгоды опасенія, внушаемаго имъ, когда въ одно время готовъ онъ былъ принять битву съ Рускими въ Моравіи, угрожалъ Богеміи и Венгріи, занималъ Вѣну, и выставлялъ войска на встрѣчу эрцъ-герцога Карла. Даву безпрепятственно занялъ Пресбургъ. Его встрѣтили депутаціею, которая условилась, что Венгрія прекратитъ всѣ свои вооруженія, съ тѣмъ, что войска Французскія удовольствуются занятіемъ Венгерской столицы и не пойдутъ далѣе. Движеніе Мармона на югъ отъ Вѣны, гдѣ онъ занялъ Брюкъ, и состояніе Венгріи, остановили движенія эрцъ-герцога Карла. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ, успѣвшій собрать въ Богеміи не болѣе 12, или 15 тысячь, также не могъ двинуться оттуда, пока не соединится съ нимъ

Беннигсенъ. Всего менѣе опасался тогда Наполеонъ Пруссіи.

Мы видѣли, что затрудненія встрѣтились при самомъ началѣ ея рѣшенія, и что обстоятельства побудили императора Александра удовольствоваться договоромъ о союзѣ съ условіями, отлагавшими на нѣкоторое время содѣйствіе Пруссіи. Сомнѣніе и нерѣшительность Короля Прусскаго увеличились, когда въ Берлинъ пріѣхалъ эрцъ-герцогъ Антоній, съ извѣстіемъ о бѣдствіи Ульмскомъ, и съ требованіемъ скорѣйшей помощи Пруссіи въ столь крайнихъ обстоятельствахъ. Предметъ посылки и извѣстія о дѣлахъ Ульмскихъ такъ противорѣчили одно другому, что рѣшеніе еще болѣе затруднилось. Прусскіе министры упорно ссылались на условія, заключеннаго ими союза, и говорили, что не обязаны начинать войны, пока не получатъ отвѣта Наполеонова. Видя, что дальнѣйшее присутствіе его въ Берлинѣ безполезно, императоръ Александръ отправился черезъ Веймаръ въ Моравію. Разставанье его съ Королемъ Прусскимъ и семействомъ его было самое дружеское. Передъ отъѣздомъ оба монарха посѣтили подземный склепъ, гдѣ находится гробница Фридриха Великаго. Въ невольномъ благоговѣніи, императоръ Александръ поцѣловалъ гробницу героя. Растроганный король Фридрихъ Вильгельмъ бросился въ его объятія, и оба клялись въ вѣчной дружбѣ, какъ будто предчувствуя, что вскорѣ надобно будетъ доказать ее на дѣлѣ, въ тяжкихъ и горестныхъ обстоятельствахъ. Андреев-

скія ленты даны были Гарденбергу, Меллендорфу, Герцогу Брауншвейгскому.

По отъѣздѣ императора Александра, извѣстія изъ Англіи, сильно возстававшей противъ несправедливости требованія Ганновера, и затруднявшей платежъ субсидій, странныя, съ обстоятельствами несогласныя притязанія Густава-Адольфа, и наконецъ печальныя слѣдствія Ульмскаго бѣдствія, и занятіе Вѣны, не могли быть побудительными причинами къ скорѣйшему рѣшенію Пруссіи. Въ половинѣ Ноября войска Пруссіи, Саксоніи, Саксенъ-Веймара и Гессенъ-Касселя были однакожь готовы, составляя болѣе 242,000. Но самое расположеніе похода ихъ показывало, что Пруссія выжидаетъ на рѣшеніе времени. Вмѣсто того, чтобы двинуть немедленно войско на соединеніе съ союзниками, главная дѣйствующая армія Прусская, 120,000, подъ предводительствомъ Короля, Герцога Брауншвейгскаго, принца Гогенлоге и Меллендорфа, назначалась на перерѣзъ сообщеній Наполеона съ Франціею черезъ Байрейтъ. Для того же опредѣляли 50-ти тысячный корпусъ Шметтау, долженствовавшій идти на Фульду. Только 15,000 Пруссаковъ, съ генераломъ Калькрейтомъ, должны были идти въ Ганноверъ; 17,000 составляли резервъ у Магдебурга, а 40,000, стоявшихъ въ Силезіи, не имѣли особеннаго назначенія. Посылка къ Наполеону показывала, что Пруссія нападетъ на Наполеона, если онъ, разбитый союзниками, побѣжитъ за Рейнъ, но что она предложитъ ему миръ, если побѣда рѣшитъ окончательно

споръ между нимъ, Австріею и Россіею. Для посылки къ нему выбрали поборника союза съ Франціею, графа Гаугвица. Только въ половинѣ Ноября выѣхалъ онъ изъ Берлина, жилъ нѣсколько дней въ Дрезденѣ, заболѣлъ, лечился въ Прагѣ, и когда въ Моравіи уже все было готово къ рѣшительнымъ битвамъ, Гаугвицъ еще не являлся къ Наполеону.

Послѣ Шенграбенской битвы Наполеонъ слѣдовалъ за Кутузовымъ, но не наступалъ сильно. Ноября 20-го занялъ онъ Брюннъ, радуясь, что союзники оставили его безъ сильнаго гарнизона, который задержалъ бы его, хотя на нѣсколько дней. Приказавъ укрѣпить Брюннъ, Наполеонъ остановился въ немъ, и расположилъ въ окрестностяхъ до 50,000 войска. Ланнъ, Сультъ и Мюратъ стали по дорогѣ къ Ольмюцу, гдѣ находилась главная квартира союзниковъ, и гдѣ Кутузовъ засталъ уже императора Александра и императора Франца. Свиданіе обоихъ монарховъ было трогательное. Императоръ Францъ встрѣтилъ Александра за Ольмюцомъ, обнялъ его и заплакалъ. Прекрасно было зрѣлище юнаго Русскаго Императора, безкорыстно приведшаго полки свои на избавленіе Европы, и твердо рѣшившагося помогать союзнику, не смотря на бѣдствія, имъ испытанныя, и готоваго на борьбу съ соперникомъ, не взирая на изумительные успѣхи его оружія. Войска Русскія уже успѣли оправдать надежду на нихъ Русскаго Монарха, и однимъ изъ первыхъ дѣлъ императора Александра въ Ольмюцѣ были изъявленія признательности старцу

Кутузову, и награды сподвижникамъ его, Багратіону и Милорадовичу. Кутузовъ былъ объявленъ главнокомандующимъ союзныхъ армій. Ноября 24-го пришла блестящая Русская гвардія, предводимая братомъ императора Александра, великимъ княземъ, цесаревичемъ Константиномъ. Войска нетерпѣливо ждали битвъ.

Наполеонъ оставался въ принятомъ имъ положеніи, раздѣленный отъ непріятелей 70-ю верстами разстоянія отъ Брюнна до Ольмюца.

Не смотря на самопожертвованіе Россіи и дружбу монарховъ, въ станѣ союзниковъ вскорѣ возникли разногласія. Одинъ изъ нихъ, полный надеждами, твердый въ намѣреніи оружіемъ остановить Наполеона, не хотѣлъ слышать о мирѣ, несовмѣстномъ съ спокойствіемъ Европы. Другой, уже испытанный тринадцатилѣтними несчастіями на войнѣ, убитый горестью, мыслилъ о мирѣ, даже еслибы надлежало купить его великими жертвами. Онъ не рѣшался однакожь объявить о томъ императору Александру, и даже скрывалъ отъ него сношенія съ Наполеономъ черезъ Гіулая. Только Кутузовъ случайно проникъ тайну переговоровъ. Также различны были духъ и мнѣнія войскъ, одного, исполненнаго самоувѣренности въ побѣдѣ, и другаго, которое было обезнадежено, уныло, не вѣрило возможности побѣды надъ Наполеономъ, хотя остановка Наполеона въ Брюннѣ, и прекращеніе быстроты дѣйствій его, показывали въ немъ какую-то робость, а извѣстія о расположеніи

войскъ Французскихъ, разбросанныхъ повсюду, являли стоявшую противъ союзниковъ армію гораздо меньшею числомъ противъ нихъ. Всѣ свѣдѣнія изображали армію Наполеона утомленною походами, а Наполеона, огорченнымъ извѣстіями о морской побѣдѣ Англичанъ и успѣхами Кутузова, угрожаемымъ волненіями въ Парижѣ, трепетавшимъ движенія Пруссаковъ, вступленія союзниковъ въ Ганноверъ, и поставленнымъ въ недоумѣніе, что оставалось ему предпринять, когда ни Ульмъ, ни Вѣна не устрашали союзниковъ, и когда войско его находилось вдали отъ всякаго подкрѣпленія, въ странѣ опустошенной, лишенное продовольствія, и не имѣющее средствъ отступить при потерѣ битвы. Невольная зависть раздѣляла также союзныя войска. Австрійцы не могли оспорить храбрости Руских, но считали ихъ неспособными къ тактическимъ соображеніямъ. Потому, отдавши главное начальство Кутузову, волю его связали военнымъ совѣтомъ, гдѣ главнымъ лицомъ являлся Австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ, хотя все прежнее служеніе его никогда не было ознаменовано заслугами. Кутузовъ, вѣроятно, все видѣвшій и все проникавшій, но скрытный и осторожный, не имѣлъ довольно рѣшительности высказывать свои мнѣнія и отстаивать свое убѣжденіе, почитая противнымъ совѣсти и исполненію долга отказаться, если и не слушаютъ его совѣтовъ. (*)

(*) Недовѣріе Австрійцовъ къ Суворову и Кутузову происходило не отъ неуваженія ихъ къ нашимъ полководцамъ и

Онъ спорилъ однакожь противъ Вейротера, мнѣніе котораго раздѣляли любимцы императора Александра, генералъ-адьютанты его, князь Долгорукій и Винцингероде, ѣздившій съ планами въ Вѣну. Въ военныхъ совѣтахъ начались разнорѣчія. Кутузовъ утверждалъ, что не должно отваживаться на битву, и слѣдуетъ сождать соединенія корпуса Беннигсена, который долженъ былъ изъ Силезіи перейдти въ Богемію, присоединить къ себѣ войска эрцъ-герцога Фердинанда и двинуться въ Моравію. Еще надежнѣе будетъ, говорилъ онъ, сождать также войскъ эрцъ-герцога Карла изъ Штиріи, гдѣ, по соединеніи съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ, онъ имѣлъ до 80,000. Наконецъ, должно придвинуть для резерва войска Корсакова, поступившія подъ начальство Михельсона, и бывшія между Брестомъ и Бродами (45 эскадро-

---

Русской арміи. Болѣе другихъ иностранцовъ, всегда цѣнили они мужество нашего войска, и нынѣ отдаютъ ему должную справедливость, но они имѣютъ особенное воззрѣніе на войну. У нихъ есть свои понятія и правила, почитаемыя непреложными. Русскихъ полагали они недовольно созрѣлыми для высшихъ воинскихъ соображеній. Подобное сему видѣли мы и въ послѣдствіи, въ 1813-мъ и 1814 мъ годахъ, когда рѣдкій день проходилъ безъ разнорѣчія съ ними императора Александра. Хваля дѣйствія Кутузова отъ Браунау до Брюнна, они считали однакожь нужнымъ, при соединеніи съ нимъ въ Ольмюцѣ, непосредственно руководствовать его дальнѣйшими движеніями. Императоръ Александръ, еще незнакомый съ войною, не довѣрялъ самому себѣ, и полагалъ, что Австрійцы, въ многолѣтнихъ походахъ противъ Французовъ, изучили основательно образъ вой-

новъ и 35 батальоновъ). Такимъ образомъ составлялись огромныя силы, когда каждый день медленія ослаблялъ армію Наполеона. Въ случаѣ наступательнаго движенія непріятельскаго, крѣпкій лагерь Ольмюцкій и силы союзниковъ достаточны были отразить Французовъ. Армія союзниковъ составляла до 82,500, расположенныхъ на возвышенной и выгодной позиціи, впереди рѣки Мархи, съ фронта защищенная ручьемъ и болотами. Войско союзное терпѣло недостатокъ въ продовольствіи, ибо, намѣреваясь вести войну въ Баваріи и Швабіи, Австрійцы сначала кампаніи не предполагали, чтобы война перешла столь далеко въ глубь государства, и ничего не приготовили въ Моравіи, а потомъ не имѣли на то ни средствъ, ни времени; подводы шли издалека, тянулись медленно, выставлялись неохотно. Кутузовъ го-

---

ны съ ними. Являясь только союзникомъ императора Франца, пришедшимъ на помощь ему, онъ предоставилъ генераламъ его главныя распоряженія. Душею ихъ былъ генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ, облеченный высокимъ уваженіемъ монарховъ, а поборниками мнѣній его были, генералъ-адъютанты, князь Долгорукій и Винцингероде, оба пользуясь особеннымъ расположеніемъ императора Александра. Отъ совокупности сихъ причинъ, въ послѣднемъ періодѣ сего похода, заключающемъ въ себѣ наступательное движеніе союзниковъ и Аустерлицкое сраженіе, Кутузовъ пересталъ быть дѣйствователемъ. Нося званіе главнокомандующаго, но видя себя безъ власти предводителя, онъ покорился обстоятельствамъ, объявлялъ по арміи даваемыя ему приказанія, и оставался простымъ зрителемъ событій. *А. И. Данилевскій, Опис. войны* 1805 *г.*

ворилъ, что можно отступить, сблизиться съ продовольствіемъ, но на битву не рѣшаться, пока войска не соединятся.

Противники мнѣнія сего видѣли въ совѣтахъ Кутузова излишнюю осторожность старика; говорили о невыгодномъ положеніи Наполеона, оправдываемомъ робостью его, дотолѣ не замѣчаемою; ссылаясь на успѣхи битвъ при Кремсѣ и Шенграбенѣ; говорили о невозможности отдаленной помощи эрцъ-герцога Карла, затрудняемаго Массеною, Неемъ и Мармономъ; о численномъ и нравственномъ превосходствѣ союзниковъ въ настоящее время, затрудненіи оставаться въ оголоженной странѣ, трудности передвиженія къ мѣстамъ продовольствія, необходимости доказательствъ рѣшительности. Къ удивленію, Вейротеръ и Австрійскіе генералы, всегда медленные, согласились съ изложенными доводами. Тайная мысль скрывалась здѣсь та, что Австрія все могла выиграть и теряла немногое: въ числѣ 82,000 Австрійцовъ было только 14,000. Въ случаѣ пораженія, тяжесть его падала на Руских, и Австрія, уже рѣшившаяся на пожертвованія, принимала миръ, какой предпишетъ Наполеонъ. Побѣда могла искупить всѣ бѣдствія, увлекала въ союзъ Пруссію, и измѣняла жребій Австріи и Европы.

Наполеонъ съ своей стороны вполнѣ приготовился на битву, и надежный на успѣхъ, употреблялъ всѣ средства ускорить рѣшеніемъ союзниковъ на наступательныя дѣйствія. Войска его были изобильно снаб-

жаемы продовольствіемъ изъ Вѣны, и оживлены желаніемъ сразиться съ Рускими. Въ настоящемъ положеніи у него было не только равное, но даже превосходное число, ибо имѣя у Ольмюца 50,000, въ нѣсколько дней могъ онъ сдвинуть еще до 40,000. Тщательно соображены и осмотрѣны были имъ окрестныя мѣста. Объѣзжая Аустерлицкое поле, онъ, какъ будто предвидѣлъ, что здѣсь надобно будетъ сражаться, и говорилъ своимъ маршаламъ: «Господа! изучайте подробно это мѣстоположеніе—здѣсь черезъ нѣсколько дней мы будемъ драться.» Весьма важно было ему, если союзники рѣшатся на битву не ожидая Беннигсена. Стараясь усилить мнѣніе о невыгодахъ своего положенія, онъ даже рѣшился предложить миръ. Хитрый, ловкій Савари смиренно явился въ лагерь союзниковъ, и представленный императору Александру, вручилъ ему слѣдующее письмо Наполеона:

Гл. кварт. Брюннъ, 25 *Ноября,* 1805 *г.*

«Государь! Посылаю къ вамъ адьютанта моего, генерала Савари, привѣтствовать В. И. В. съ пріѣздомъ въ армію. Я препоручилъ ему изъяснить все мое почтеніе къ вамъ, и желаніе найдти случай, коимъ могу доказать, какъ гордился бы я вашею дружбою. Примите его съ отличающею васъ благосклонностью, заставляющею меня всего болѣе желать сдѣлать угодное вамъ. Молю Бога, да сохранитъ васъ,» и проч.

Наполеонъ.

Черезъ полчаса императоръ Александръ лично вручилъ посланному Наполеона слѣдующій отвѣтъ:

«Получивъ письмо ваше чрезъ генерала Савари, спѣшу изъявить вамъ мою благодарность. У меня одно желаніе: видѣть миръ въ Европѣ, утвержденный на законности и основаніяхъ справедливости. Съ тѣмъ вмѣстѣ желаю имѣть случай сдѣлать вамъ лично пріятное. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.» Адресъ на пакетѣ былъ: «Начальнику Французскаго правительства» (Au chef du gouvernement français).

Слова императора Александра доказывали, что никакія отношенія не измѣнятъ обдуманнаго и принятаго имъ рѣшенія. Наполеонъ зналъ о томъ, и посылка Савари имѣла цѣлью совсемъ не миръ, невозможный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Савари было также поручено предложить миръ императору Францу. Выслушавъ предложеніе, императоръ Францъ просилъ согласія Александра на посылку къ Наполеону повѣреннаго. Не раздѣляя мнѣній своего союзника, Александръ не препятствовалъ, и съ Савари опять пріѣхалъ Гіулай, и при немъ графъ Стадіонъ. Мало заботясь объ нихъ, Наполеонъ отослалъ ихъ въ Вѣну, переговаривать съ Талейраномъ. Долго и тщательно распрашивалъ онъ Савари о разговорѣ его съ Александромъ и состояніи союзныхъ войскъ. Онъ нахмурился, прочитавъ отвѣтъ Александра, но обрадовался, услышавъ, что войско союзниковъ оживлено надеждами и увѣренностію побѣды. «Тѣмъ луч-

ше. Они безразсудно бросятся въ драку. Но каковы войска Рускія? Что это: старые солдаты, или рекруты?» Сотни вопросовъ объ Александрѣ, войскахъ, положеніи лагеря союзниковъ, слѣдовали за тѣмъ.

Присылка Савари, какъ будто рѣшила сомнѣнія союзниковъ. Наполеонъ проситъ мира — доказательство его слабости. Все соединилось въ требованіи наступательныхъ дѣйствій. Ноября 24-го союзныя войска двинулись отъ Ольмюца пятью колоннами, не сождавъ даже корпуса Эссена, состоявшаго изъ 12,000, и бывшаго въ нѣсколькихъ переходахъ. Слышно было, что Наполеонъ остается у Брюнна. Авангардъ его, предводимый Мюратомъ, находился въ Вишау и Раузницѣ на Ольмюцкой дорогѣ. На другой день Багратіонъ напалъ на Вишау, гдѣ былъ генералъ Трельяръ. Начался бой, замѣчательный тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ императоръ Александръ явился свидѣтелемъ сраженія. Печальное зрѣлище поля битвы, послѣ удаленія Французовъ, произвело столь сильное впечатлѣніе на юную душу его, что весь день оставался онъ грустнымъ и чувствовалъ себя нездоровымъ. Одушевленное его присутствіемъ, Русское войско шло въ огонь съ радостными кликами. Французы слабо защищались, отступили, и даже одинъ Французскій эскадронъ былъ захваченъ Рускими въ плѣнъ. Багратіонъ пошелъ на Раузницъ. Здѣсь сначала Мюратъ защищался упорно, но вскорѣ уступилъ, и Рускіе заняли селеніе. Наполеонъ выдвинулся съ войсками впередъ, и сталъ

между рѣками Литавою и Шварцавою, имѣя сзади себя Брюннъ.

При первомъ извѣстіи о движеніи союзниковъ, онъ велѣлъ сколь можно поспѣшнѣе сдвигаться Бернадотту изъ Иглау, оставя тамъ одну дивизію Баварскую; Даву идти изъ Пресбурга къ Брюнну на Никольсбургъ, кратчайшею дорогою; Мортье поспѣшать изъ Вѣны; Мармону занять Вѣну дивизіею Дюмонсо, и самому сблизиться къ Вѣнѣ. Еслибы всѣ войска не успѣли соединиться при быстромъ наступленіи союзниковъ, Наполеонъ хотѣлъ отодвинуться къ Брюнну, и сдѣлать его центромъ оборонительнаго сраженія до прихода всѣхъ войскъ. Онъ лично присутствовалъ при Раузницкомъ дѣлѣ, распоряжаясь отступленіемъ войскъ. При потерѣ битвы, онъ хотѣлъ отступать отъ Брюнна черезъ Богемію, не опустошенную, по гористому мѣстоположенію дававшую средства защищаться на отступленіи, и кратчайшею дорогою переводившую армію его въ Баварію, гдѣ Мармонъ, Массена и Ожеро могли немедленно подкрѣпить его.

Къ счастію Наполеона, распоряженія Австрійскихъ генераловъ, стараніе подробнѣе развѣдать о положеніи войскъ его, и ожиданіе подвозовъ, произвели медленность въ движеніяхъ союзниковъ. Наконецъ положили передвинуться лѣвѣе, и стараться занять дороги въ Венгрію, гдѣ, при отступленіи въ случаѣ неудачи, союзники были въ неопустошенной землѣ и соединялись съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, а

въ случаѣ побѣды отрѣзывали отступленіе Наполеона на Вѣну. Отъ Вишау войско пошло проселочными путями; 29-го остановились въ Кучерау, пройдя только восемь верстъ; авангарды союзниковъ находились въ Раузницѣ и Аустерлицѣ; 30-го перешли 12 верстъ до Мергофа, и авангарды заняли Погоржицъ и Аустерлицъ.

Наполеонъ былъ неподвиженъ. Надежды успѣха умножались. Были ль они основательны, можно судить потому, что возвратясь изъ Раузница въ Брюннъ, Наполеонъ принялъ Гаугвица, котораго нѣсколько дней задерживали подъ разными предлогами въ Иглау; его приказано было отправить въ Брюннъ, когда уже не было сомнѣнія въ предлежавшей битвѣ. Наполеонъ казался ласковъ, но мраченъ и смущенъ. Гаугвицъ не осмѣлился, или не хотѣлъ говорить прямо, и ограничился вѣжливостью, доказательствами необходимости мира, и предложеніемъ посредничества Пруссіи. Наполеонъ отвѣчалъ, что наканунѣ битвы ему не до политики, и отправилъ Гаугвица говорить подробно съ Талейраномъ въ Вѣнѣ. Отпустивъ Прусскаго дипломата, онъ позвалъ къ себѣ Савари. «Ты опять поѣдешь къ императору Александру,» сказалъ онъ ему. Утверждали, что Наполеонъ дѣйствительно хотѣлъ тогда мира. Благосклонный пріемъ Савари давалъ надежду, что императоръ Александръ, при наклонности союзника его на миръ, наканунѣ битвы (а въ какой битвѣ успѣхъ несомнителенъ?) будетъ сговорчивѣе, и вѣрнѣйшимъ средствомъ согласія На-

полеонъ почиталъ личный переговоръ съ императоромъ Александромъ. Онъ предлагалъ перемиріе на сутки, и свиданіе съ нимъ между аванпостами армій.

Императоръ Александръ былъ вѣжливъ съ Савари, но непреклоненъ по прежнему. Савари пріѣхалъ въ Вишау, рано утромъ, 29-го. Императоръ Александръ не принялъ предложеннаго Наполеономъ свиданія, и только послалъ къ нему князя Долгорукаго узнать о подробностяхъ предложеній Наполеона.

Явясь у передовыхъ Наполеоновыхъ отрядовъ, князь Долгорукій видѣлъ вокругъ себя угрюмыя, печальныя лица Французовъ. Солдаты явно роптали, даже бранили Наполеона. Другіе наскоро рыли укрѣпленія. Вездѣ замѣтна была какая-то робкая поспѣшность. Офицеры печально и тихо говорили между собою. Вскорѣ подъѣхалъ къ нему Наполеонъ. Онъ и Долгорукій сошли съ лошадей, и начали разговаривать, ходя по дорожкѣ. «За что мы деремся? Чего хотятъ отъ меня?» сказалъ Наполеонъ. «Пусть Россія забираетъ себѣ земли у Турковъ, и оставитъ въ покоѣ меня.» Долгорукій заговорилъ о томъ, что давно было извѣстно, объ условіяхъ мира. Наполеонъ отвѣчалъ, что «Россія должна оставить свою нынѣшнюю политику, и думать только о своихъ выгодахъ.» Разговоръ продолжился около часа. Долгорукій не называлъ Наполеона императоромъ. Наполеонъ казался смущеннымъ. «И такъ — драться!» сказалъ онъ, и заключилъ тѣмъ переговоры.

«Странные люди!» говорилъ онъ, возвращаясь послѣ свиданія съ Долгорукимъ. «Хотятъ, чтобы я безъ выстрѣла отдалъ имъ всѣ мои завоеванія и удалился за Рейнъ, а сами не могутъ отнять у меня Вѣны!» Послѣ битвы Наполеонъ сожалѣлъ, что императоръ Александръ посылалъ къ нему Долгорукаго, а не кого другаго. «Мы могли объяснить другъ другу мысли наши и согласиться. Вмѣсто того, прислали ко мнѣ молодаго человѣка, и онъ наговорилъ мнѣ дерзостей, и гдѣ же? Среди войскъ моихъ!»

Если дѣйствительно, посылая Савари, Наполеонъ могъ еще думать о возможности мира, присылка Долгорукаго убѣдила его въ невозможности мирныхъ сношеній, и все свиданіе его съ присланнымъ отъ императора Александра было уже военною хитростью. Нарочно провели Долгорукаго въ такое мѣсто, гдѣ офицеры и солдаты разыгрывали данную имъ ролю, и гдѣ Наполеонъ явился хитрить. (*) Долгорукій возвратился въ Кучерау, и объяснилъ замѣченную имъ въ Наполеонѣ нерѣшительность. Слова Долгорукаго были одною изъ причинъ окончательно рѣшить-

(*) Вотъ слова Наполеона, въ бюллетеняхъ его: Cet aide de camp (Долгорукій) put remarquer que tout respirait dans la contenance de l'armée française la réserve et la timidité. Le placement des grand' gardes, les fortifications que l'on faisait en toute hâte, tout laissait voir à l'officier russe une armée à demi battue. Contre l'usage de l'empereur, qui ne reçoit jamais avec tant de circonspection les parlementaires à son quartier général, il se rendit lui-même à ses avant-postes, и проч.

*

ся на битву. (*) Декабря 1-го армія выступила изъ Мергофа, прошла Аустерлицъ, и расположилась на позиціи. Въ тотъ же день Бернадоттъ соединился съ Наполеономъ, а Даву сталъ въ Райгернскомъ аббатствѣ, сзади боевой линіи Французовъ. Наполеонъ имѣлъ 90,000 войска противъ 80,000 союзниковъ.

Аустерлицъ, по имени коего дано названіе битвѣ Декабря 2-го (Ноября 20-го по ст. ст.), было мѣстечко, принадлежавшее князю Кауницу, гдѣ находился великолѣпный замокъ знаменитаго канцлера Австрійскаго, въ 16-ти верстахъ отъ Брюнна, въ 5-ти верстахъ вправо отъ Раузница, находящагося на дорогѣ изъ Брюнна въ Ольмюцъ. Мимо Аустерлица течетъ рѣка Литава (или Цитава), склоняясь отъ запада къ югу, и образуя озера, изъ коихъ замѣчательны Саганское и Меницкое, верстахъ въ 10-ти отъ Аустерлица, раздѣленныя между собою узкою плотиною. Отъ Раузница течетъ небольшая рѣчка, впадая, верстахъ въ 3-хъ отъ Аустерлица, въ Ли-

(*) Возвратясь въ Кучерау, князь Долгорукій разсказывалъ о замѣченномъ имъ во Французской арміи уныніи. «Нашъ успѣхъ несомнѣнный,» говорилъ онъ. «Стоитъ только идти впередъ, и непріятели отступятъ, какъ отступили они отъ Вишау.» Словамъ его повѣрили. Единогласно утверждаютъ очевидцы, что привезенныя княземъ Долгорукимъ извѣстія о Французской арміи, и даже, по увѣренію его, нетвердомъ духѣ самого Наполеона, были для союзниковъ одною изъ причинъ, побудившихъ аттаковать безъ отлагательства. *А. И. Данилевскій, Опис. войны 1805 г.*

таву. Параллельно ей течетъ Гольдбахъ, или Ржижскій ручей, составляя въ линію съ Аустерлицомъ Кобельницкое озеро, и впадая далѣе въ Меницкое озеро. Такимъ образомъ образуется между Раузницкою рѣчкою, Литавою и Гольдбахомъ треугольникъ, основаніе коего составляетъ Ольмюцкая дорога, за которою далѣе начинаются лѣсистыя Моравскія горы, изъ коихъ одна, Сантонъ, или Божеспицъ, сдвигается къ самой дорогѣ, а верхній уголъ треугольника упирается въ сліяніе Гольдбаха съ Меницкимъ озеромъ. Треугольникъ сей съ лѣвой стороны ограничиваетъ крутой, правый берегъ Гольдбаха, всходъ на который доступенъ только въ селеніяхъ Бѣловицѣ, Шлапаницѣ, Понтовицѣ, Кобельницѣ (у озера Кобельницкаго), Сокольницѣ, Тѣльницѣ (у Сачанскаго озера) и Меницѣ (у Меницкаго озера); лѣвый берегъ ручья пологъ, но все пространство отъ него далѣе къ Аустерлицу возвышается, и оканчивается крутыми берегами Раузницкой рѣчки и Литавы, гдѣ расположены селенія: Кругъ, Позоржицъ, Голубицъ у Ольмюцкой дороги, Креповицъ въ линію съ Аустерлицомъ и Кобельницомъ, Гостіерадекъ и Аугестъ по Литавѣ, и Сачанъ у Сачанскаго озера. Господствующую точку, почти въ самомъ центрѣ треугольника, между Креповицами и Кобельницомъ, составляетъ отлогая Праценская высота. Декабря 1-го союзники заняли линію за Раузницкимъ ручьемъ и Литавою. Первая колонна, Дохтурова, стала у Гостіерадека, выдвинувъ отрядъ Кинмейера къ Аугесту; вторая и

третья, Ланжерона и Прибышевскаго, у Працена; четвертая Коловрата, за ними; конница Лихтенштейна впереди и сзади 2 и 3-й колонн. Гораздо правѣе, у Позоржица, отдѣльно сталъ Багратіонъ; гвардія была за Раузницкою рѣчкою, у Аустерлица. Такимъ образомъ войска союзниковъ растянулись почти на 14 верстъ. Наполеонъ сжалъ всѣ свои войска за Гольдбахомъ и впадающимъ въ него ручьемъ, на пространствѣ не болѣе четырехъ верстъ, такъ, что лѣвый флангъ его упирался въ горы на Ольмюцкой дорогѣ (Ланнъ, и 18-ти пушечная баттарея на Сантонѣ), центръ (Бернадоттъ) былъ у Гиршковица, правый флангъ (Сультъ) примыкалъ къ Кобельницкому озеру, у Понтовица и Кобельница. Далѣе за Тѣльницомъ и Сокольницомъ были только отдѣльные слабые отряды Маргарона и Леграна. Всѣ находившіеся въ среднѣ позиціи, на лѣвомъ берегу ручья, отряды отступили, послѣ слабой перестрѣлки, за ручей.

Засвѣтло осмотрѣвши расположеніе Наполеона, начали составлять диспозицію сраженія. Что прежде предполагалъ Вейротеръ исполнить стратегически, то вздумалъ онъ теперь выполнить тактически. Планъ его состоялъ въ томъ, что онъ хотѣлъ обойдти правое крыло Наполеона главными силами, пока Багратіонъ, съ меньшимъ числомъ войскъ, займетъ его съ фронта направо, а колонна Коловрата нападеніемъ на Кобельницъ слѣва. Для обхода назначались три колонны, Дохтурова, Прибышевскаго и Ланже-

рона; одинъ долженъ былъ идти на Тельницъ, другой на Сокольницъ, третій между ними; главное начальство здѣсь поручалось Буксгевдену; всѣ три колонны переходятъ за Гольдбахъ, сбиваютъ слабые, стоящіе тамъ отряды Французовъ, спускаются съ высотъ въ Турасскую равнину, простирающуюся до рѣки Шварцы, или Шварцавы, и до Брюнна, нападаютъ на правый флангъ и въ тылъ Наполеона, и отбрасываютъ его къ горамъ и къ Брюнну, когда Коловратъ, начиная битву на правомъ крылѣ Наполеона въ Кобельницѣ, и Багратіонъ, подкрѣпляемый конницею Лихтенштейна, въ началѣ сраженія содержащею сообщенія между нимъ и гвардіею, стоящею въ резервѣ, и готовою для рѣшительнаго удара, наступаютъ съ фронта. Распоряженія продлились до ночи. Уже въ полночь призвали генераловъ къ Кутузову. Онъ молчалъ. За то говорилъ Вейротеръ, развернулъ планы, изъяснялъ мѣстоположеніе и диспозицію. Управляя въ прошломъ году маневрами, бывшими около Брюнна, Вейротеръ сказалъ, что совершенно знаетъ мѣстность. «Не надѣлайте однакожь опять ошибокъ, какъ на маневрахъ прошлогоднихъ,» замѣтилъ графъ Бубна, помощникъ его. Диспозиція была написана на Нѣмецкомъ языкѣ. Толь (тогда еще бывшій маіоромъ) началъ переводить ее на Русскій, и только въ 6-мъ часу утра была она доставлена начальникамъ колоннъ. Прочитавъ ее, Багратіонъ сказалъ: «Мы проиграемъ сраженіе.»

Осматривая позицію Наполеона, не могли видѣть

вторыхъ линій его, которыя составляли конница Мюрата, гренадеры Удино, и стоявшая за ними гвардія. Еще менѣе знали, что Даву находится въ Райгернѣ. Наполеонъ самъ былъ въ передовыхъ цѣпяхъ, и по переходѣ ихъ за Гольдбахъ, стоялъ на Сантонской горѣ, съ удивленіемъ замѣчая направленіе союзныхъ войскъ. «Посмотрите! Они хотятъ обходить насъ!» говорилъ онъ. «Они сами отдаются въ наши руки!» Онъ не могъ скрыть своей *неизреченной радости* (indicible joie). «Бертье! завтра вечеромъ они наши!» сказалъ онъ Бертье. Наступила ночь. Мгновенно сдѣланы были Наполеономъ распоряженія: Даву подкрѣпитъ Маргарона и Леграна, и будетъ упорно удерживать войска, идущія въ обходъ. Ланнъ завяжетъ битву съ Багратіономъ. «Но ключъ побѣды здѣсь!» говорилъ Наполеонъ, указывая на Праценъ. Когда непріятели отойдутъ влѣво, отдаляясь отъ Багратіона, и войскъ, остающихся у Праценa, Бернадоттъ и Сультъ, съ главными силами, ударятъ на Праценъ, опрокинутъ непріятеля и разрѣжутъ его линію; ударъ подкрѣпятъ Мюратъ, гренадеры Удино, съ Дюрокомъ (ибо Удино за раною не былъ въ битвѣ), и здѣсь будетъ самъ Наполеонъ съ гвардіею. Овладѣвши Праценомъ, Ланнъ, Бернадоттъ и Мюратъ обращаются на Багратіона; Сультъ, Дюрокъ и гвардія берутъ въ тылъ колонны, посланныя въ обходъ, когда Даву принимаетъ ихъ съ фронта, и онѣ отбрасываются въ озера Сачанское и Меницкое. Для совершенія главнаго удара, едва наступила ночь, Сультъ и Берна-

доттъ перешли за Гольдбахъ, и протянулись отъ Кобельница до Гиршковица. Передвиженіе сдѣлано было столь тихо, что союзники не замѣтили его, и все было расположено такъ стройно, угадано такъ вѣрно, что подозрѣніе въ измѣнѣ было обнаружено послѣ битвы. (*)

Ночь настала холодная. Земля замерзла; озера были подернуты льдомъ. Мѣсяцъ, то выглядывалъ изъ облаковъ, то скрывался въ нихъ. Къ утру легъ на землю густой туманъ. Наполеонъ ночью объѣзжалъ биваки своей арміи. Солдатамъ читали приказъ его:

Бивакъ, Декабря 1-го, 1805 г.

«Солдаты!

«Армія Русская явилась передъ вами мстить за пораженіе Австрійцовъ подъ Ульмомъ. Это тѣ же полки, которые побѣдили вы при Голлабрунѣ, и оттолѣ упорно преслѣдовали до сихъ мѣстъ.

«Мы занимаемъ грозную позицію, и пока непріятель обходитъ наше правое крыло, флангъ его откроется намъ. Солдаты! я самъ поведу всѣ ваши полки. Удалюсь отъ огня, если вы, съ вашею при-

---

(*) Долгорукій, въ оффиціяльномъ донесеніи императору Александру, говорилъ (Декабря 18-го): On amène l'armée de V. M. *plutôt pour la livrer à l'ennemi,* que pour le combattre, et ce qui achève cette infamie, c'est que *nos dispositions étaient connues de l'ennemi,* ce dont *on a des preuves certaines.* Человѣкъ, столь близкій къ дѣламъ, не могъ говорить своему государю догадокъ, ни на чемъ неоснованныхъ, но дѣло было оставлено безъ изслѣдованія.

вычною удалью, внесете безпорядокъ и смятеніе въ ряды непріятельскіе. Но еслибы побѣда, хоть на минуту, сдѣлалась невѣрною, вы увидите вашего императора ставшимъ подъ первые удары, ибо побѣда не должна колебаться, особливо въ нынѣшній день, когда дѣло идетъ о чести Французской пѣхоты, отъ чего зависитъ честь всего народа.

«Подъ предлогомъ ношенія раненыхъ рядовъ не оставлять, и каждый долженъ проникнуться тою мыслью, что надобно побѣдить наемниковъ Англійскихъ, одушевленныхъ величайшею противъ насъ ненавистью.

«Побѣда кончитъ нашъ походъ. Мы займемъ зимнія квартиры, гдѣ соединятся съ нами новыя войска, образующіяся во Франціи, и тогда миръ, который заключу я, будетъ достоинъ моего народа, васъ и меня.»

Наполеонъ.

«Vive l'empereur!» раздавалось вездѣ, гдѣ проѣзжалъ Наполеонъ. Онъ останавливался и разговаривалъ съ солдатами. «Завтра рѣшится вопросъ: чья пѣхота первая,» говорилъ онъ однимъ. «Нашъ походъ былъ до сихъ поръ славный — надобно кончить его громовымъ ударомъ,» сказалъ онъ гренадерамъ, изъясняя планъ битвы. Каждое слово его возбуждало радостные клики. Солдатамъ напомнили, что завтра годовщина Наполеонова коронованія. «Мы обѣщаемъ тебѣ, вмѣсто букета на твой праздникъ, непріятельскую армію! Мы подаримъ тебѣ ее завтра!»

кричали солдаты. По единодушному согласію, они схватывали пуки соломы, зажигали ихъ и освѣщали путь Наполеону. Въ полночь кончилъ онъ объѣздъ, велѣлъ поставить у огня на гвардейскомъ бивакѣ свой соломенный стулъ, сѣлъ на него верхомъ, положилъ руки на спинку, склонилъ голову на руки и заснулъ. Сонъ былъ недологъ. Въ пятомъ часу онъ уже явился на лошади, и все войско становилось подъ ружье. Находясь на курганѣ у Шлапаница, Наполеонъ старался разглядѣть: не отмѣнили ль союзники своего плана? Разъѣзды доносили, что непріятель двигается направо; огни союзниковъ протягивались до Аугеста. На разсвѣтѣ туманъ разрѣдѣлъ на высотахъ, и можно было различить, что Праценъ, вчера еще занятой войскомъ, почти опустѣлъ; колонны союзниковъ двигались вправо — союзники не отмѣнили своего плана.

И не только не отмѣнили, но они боялись даже, что Наполеонъ рѣшится отступать. Клики при объѣздѣ его по войску, и огни, коими освѣщали путь ему солдаты, заставляли подозрѣвать отступленіе. Долгорукій пріѣзжалъ на передовые посты, приказывая тщательно наблюдать движенія непріятеля, который, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, хочетъ отступить. И когда ясное осеннее солнце взошло на небо, и удостовѣренный вполнѣ, что союзники идутъ въ обходъ, Наполеонъ уже готовилъ ударъ, полки его, находившіеся у конца покатости, были еще закрыты туманомъ, и передвиженіе ихъ за Гольдбахъ не было за-

мѣчено. Праценская высота являлась обнаженною отъ войскъ. Дохтуровъ, съ 7-ми часовъ утра, пошелъ на Тѣльницъ; вправо отъ него, и уступая нѣсколько, шелъ Ланжеронъ, а вправо отъ Ланжерона Прибышевскій. Въ 8 часовъ утра битва началась перепалкою у Тѣльница. Киммейеръ, идя впереди колонны Дохтурова, два раза врывался въ Тѣльницъ, и подкрѣпленный Дохтуровымъ, занялъ сіе селеніе. Даву выгналъ его штыками, и въ третій разъ упорнымъ нападеніемъ вторглись туда союзники. Тогда Ланжеронъ напалъ на Сокольницъ, а Прибышевскій на Сокольницкій замокъ. Даву защищался упорно. Уже 4-я колонна, Коловрата, самая слабая, готова была двинуться отъ Працена къ Кобельницу. При ней находился Кутузовъ. Онъ медлилъ, ожидая войска, и тѣмъ болѣе, что Лихтенштейнъ и гвардія еще не стали на назначенныя имъ мѣста, и связь съ Багратіономъ, уже давно начавшимъ битву противъ Ланна, была разорвана. Оба Императора прибыли къ Кутузову. Видя, что онъ еще не двигается, «Почему нейдете вы впередъ?» спросилъ его императоръ Александръ. «Поджидаю сбора войскъ,» отвѣчалъ спокойно Кутузовъ. «Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки!» возразилъ императоръ Александръ. «Государь!» сказалъ Кутузовъ, «потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу — впрочемъ, если прикажете!» Приказъ былъ данъ. Милорадовичъ весело пошелъ впередъ.

Тогда, разсчитывая, что настало время, Наполеонъ всколебалъ и повелъ громаду войскъ на Праценъ. Уже за полчаса прежде, нетерпѣливый Сультъ просилъ у него позволенія идти. «А въ сколько времени успѣемъ мы дойдти до Працена?» спросилъ его Наполеонъ. «Берусь быть тамъ черезъ двадцать минутъ,» отвѣчалъ Сультъ. «Такъ подождемъ еще. Когда непріятель дѣлаетъ ошибку, надобно дать ему время сдѣлать ее вполнѣ.» Въ 9 часовъ данъ былъ знакъ, и необозримыми густыми колоннами, шумно двинулось войско. «Кончимъ громовымъ ударомъ!» воскликнулъ Наполеонъ. Сультъ велъ правое, Бернадоттъ лѣвое крыло; за ними вели Дюрокъ гренадеровъ, Мюратъ конницу; сзади всѣхъ шелъ Бессьеръ съ гвардіею — передъ нею былъ самъ Наполеонъ. Громада хлынула на колонну Коловрата, и ничто не устояло передъ нею. Напрасно Милорадовичъ хотѣлъ удержать бѣгущихъ Австрійцовъ; напрасно императоръ Александръ останавливалъ одинъ изъ побѣжавшихъ полковъ своихъ; напрасно Кутузовъ бросился впередъ, былъ раненъ въ щеку и не оставлялъ боя. Въ глазахъ его палъ зять его, графъ Тизенгаузенъ, когда схвативъ знамя, повелъ полкъ въ аттаку. Смятеніе сдѣлалось столь велико, что вся свита императора Александра была разсѣяна. Онъ остался съ лейбъ-медикомъ своимъ Вилліе, берейторомъ и двумя казаками, и съ трудомъ переѣхалъ за Раузницкій ручей. Тяжкая грусть изображалась на блѣдномъ лицѣ его, но онъ былъ твердъ, и отдавалъ приказанія,

когда ядра, картечи и пули летали вокругъ него; подъ Вилліе ранили лошадь картечью; гранатой убило заводную лошадь сзади Александра, и ядро, въ двухъ шагахъ упавшее передъ нимъ, осыпало его землею. «Меня поразила неустрашимость его,» говорилъ потомъ императоръ Францъ, «поразили мужество и хладнокровіе, когда онъ являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Иначе и быть не могло, но это была первая битва, гдѣ онъ находился, а такое присутствіе духа рѣдко въ первой битвѣ!» Императоръ Францъ также отдавалъ справедливость Русскому войску. Схваченное внезапно, раздѣленное, разбросанное, отдѣльно являло оно примѣры дивной храбрости и хладнокровнаго презрѣнія смерти. Отброшенный влѣво, Кутузовъ встрѣтилъ тамъ бригаду Каменскаго, отставшую отъ колонны Ланжерона. Схватя знамя, бывшій при Кутузовѣ, дежурный генералъ арміи, князь Волконскій три раза самъ вводилъ бригаду сію въ огонь. Ланжеронъ бросился къ Працену съ полкомъ, и обратился къ своей колоннѣ тогда только, когда полкъ былъ вполнѣ уничтоженъ. Видя, что никакія частныя усилія не возвратятъ побѣды, Кутузовъ велѣлъ отступать, но уже не могъ проѣхать къ Аустерлицу, гдѣ находился императоръ Александръ, и спустился за Литаву близъ Гостіерадека.

Гибельное побоище являло тогда Аустерлицкое поле. Овладѣвъ Праценомъ, Наполеонъ двинулъ Риво, Каффарелли и Келлермана влѣво на Блазовецъ. Здѣсь явились Русская гвардія и Лихтенштейнъ съ конни-

цею. Скоро Лихтенштейнъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ аттакъ, удалился къ Аустерлицу, куда отступили и остатки гвардіи, предводимые великимъ княземъ Константиномъ, послѣ мужественнаго сопротивленія и большой потери. Подобно императору Александру, великій князь Константинъ стоялъ въ огнѣ, самъ вводилъ полки въ аттаку, и Рускіе захватили одно Французское знамя.

Пока отражали Русскую гвардію, Наполеонъ открылъ пальбу по остаткамъ войскъ, перешедшихъ за Раузницкій ручей; велѣлъ Ланну наступать на Багратіона; Даву тѣснить Дохтурова, Ланжерона и Пршибышевскаго съ фронта, а Сульту двинуться на нихъ съ тыла. Постигнувъ безполезность дальнѣйшаго упорства, Багратіонъ только удерживалъ нападеніе, и отступалъ, преслѣдуемый Ланномъ, до Раузница. Конница Мюрата взяла лѣвѣе, и захватила парки и обозы, бывшіе за Ольмюцкою дорогою. Но ужасно было положеніе Буксгевдена, котораго Наполеонъ обвинялъ всего болѣе въ потерѣ союзниками Аустерлицкаго сраженія, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что оно было столь пагубно союзникамъ. Главныя обвиненія состояли въ томъ, что въ началѣ Буксгевденъ нерѣшительно дѣйствовалъ противъ Даву, не обратился потомъ во флангъ войскамъ, устремившимся на Праценъ, и наконецъ оставался у Тѣльница и Сокольника, не стараясь отступать, когда видѣлъ гибель центра арміи, и слѣдственно, дѣйствіе противъ Даву уже не имѣло никакой цѣли. Напоръ Даву и Сульта

прежде всего погубилъ Прибышевскаго. Обхваченный со всѣхъ сторонъ, онъ былъ совершенно разбитъ, и попался въ плѣнъ, съ генералами Миллеромъ, Вимпфеномъ, Штрикомъ и Селеховымъ; изъ 7563-хъ человѣкъ выбыло у него изъ строя 5280. Ланжеронъ, стѣсненный послѣ того, вывелъ изъ битвы только два полка, но съ потерею изъ нихъ 1684 человѣкъ. Оставался Дохтуровъ, и съ его колонною Буксгевденъ началъ отступленіе на Аугестъ. Здѣсь отрѣзали ему путь. Тогда Дохтуровъ поворотилъ обратно черезъ мостъ на Литавѣ, и по плотинѣ между озерами Сачанскимъ и Меницкимъ, громимый съ высотъ гвардейскою артиллеріею, которою управлялъ самъ Наполеонъ. Дохтуровъ явилъ себя героемъ. При неизбѣжной гибели, онъ былъ безстрашенъ и хладнокровенъ. Мостъ на Литавѣ обломился, а плотина была такъ узка, что только двое могли идти по ней рядомъ. Солдаты и артиллерія бросались на ледъ озеръ; ледъ проваливался подъ тяжестью; войска гибли отъ дѣйствія артиллеріи и тонули въ озерахъ. Въ пятомъ часу по полудни совершенная темнота прекратила побоище. Побѣдители расположились бивакми на полѣ сраженія. Запылали огни. Шумные клики встрѣтили Наполеона, ѣхавшаго въ Позоржицъ, гдѣ учреждены были биваки его гвардіи. Онъ приказалъ немедленно подавать помощь раненымъ, и не могъ скрывать своего удовольствія, былъ веселъ и разговорчивъ. Встрѣтивъ нѣсколькихъ Русскихъ, плѣнныхъ офицеровъ, онъ обратился къ князю Рѣпнину,

начальнику эскадрона кавалергардовъ. Кавалергардскій полкъ оказалъ въ битвѣ необыкновенную храбрость. Изъ эскадрона Рѣпнина осталось только 18 человѣкъ, и онъ съ нѣсколькими офицерами попался въ плѣнъ. Всѣ они были израпены. «Вашъ полкъ благородно исполнилъ свой долгъ,» сказалъ ему Наполеонъ. «Похвала великаго полководца награда солдату,» отвѣчалъ Рѣпнинъ. — «Охотно отдаю вамъ ее. А кто этотъ молодой человѣкъ?» спросилъ Наполеонъ, указывая на стоявшаго подлѣ Рѣпнина поручика Сухтелена — «онъ еще слишкомъ молодъ, и вздумалъ посчитаться съ нами!» — «Храбрость не ждетъ лѣтъ!» смѣло возразилъ Сухтеленъ. «Славно сказано, юноша! Вы пойдете хорошо своей дорогой! Отведите этихъ господъ на мой бивакъ, и пусть Ларрей позаботится объ нихъ.»

Французы занимали тѣ мѣста, гдѣ поутру стояли союзники. Ланнъ и Мюратъ были у Раузница, Бернадоттъ у Праценa, Сультъ у Аугеста, Даву оставался у Тѣльница. Литава и Раузницкій ручей раздѣляли отъ Французовъ остатки арміи союзниковъ. По предположенному прежде плану, началось немедленно отступленіе, въ мрачную дождливую ночь. Въ Годьежицѣ Кутузовъ явился къ императору Александру. Къ утру собрались въ Чейчѣ остатки четвертой колонны, гвардія и конница Лихтенштейна; около полудня пришелъ туда Дохтуровъ. Багратіонъ, составляя арріергардъ, былъ близъ Уржица. Лѣвѣе находился отрядъ Мерфельда, пришедшій послѣ разбитія

его подъ Вѣною черезъ Венгрію, но непоспѣвшій къ сраженію. Утромъ прибыли въ Чейчъ оба Императора. Душевная скорбь, тѣлесные труды, осенняя погода, когда онъ долженъ былъ ѣхать верхомъ, ибо коляски его не могли отыскать, повергли въ болѣзненное состояніе императора Александра. Онъ принужденъ былъ остановиться въ Уржицѣ, въ крестьянской избѣ, и больной легъ на солому. Едва могли достать нѣсколько рюмокъ вина для подкрѣпленія силъ его. Но послѣ краткаго отдыха императоръ Александръ снова сѣлъ на лошадь и отправился далѣе. Уже на третій день отыскали его коляску. До Чейча ѣхалъ онъ верхомъ. Онъ являлся мужественъ и твердъ. Никто не замѣтилъ его душевнаго безпокойства и тѣлеснаго страданія. Ласково привѣтствовалъ и ободрялъ онъ полки, шедшіе по дорогѣ, привѣтливо разговаривая съ генералами и офицерами.

Послѣ Маренгской, любимая побѣда Наполеона была Аустерлицкая. Маренго утвердило его на консульскихъ креслахъ, Аустерлицъ укрѣпилъ на императорскомъ престолѣ. Шпагу, бывшую на немъ, подъ Аустерлицомъ, Наполеонъ хранилъ тщательно, какъ плащъ Маренгскій. Онъ говорилъ, что только три битвы выигралъ онъ тактически: Риволькую, Аустерлицкую и Дрезденскую (въ 1813-мъ году). Всѣ другія были слѣдствіемъ стратегическихъ маневровъ и предшествовавшихъ сраженій. Торжественна была Аустерлицкая битва тѣмъ, что здѣсь находились три

Императора. Число войскъ, бывшихъ здѣсь, превосходило почти втрое число войскъ, сражавшихся подъ Маренго. Слѣдствія Аустерлицкой битвы были безконечно важнѣе. Армія союзниковъ была разбита въ полномъ смыслѣ сего слова, хотя потери ея не были такъ огромны, какъ говорили преувеличенныя извѣстія бюллетеней, и какъ донынѣ увѣряютъ историки Французскіе, полагая 10,000 убитыми, 10,000 ранеными и безъ вѣсти пропавшими, и 20,000 плѣнными (19,000 Рускихъ, 1000 Австрійцовъ). По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, подъ Аустерлицомъ выбыло изъ строя 21,000 Рускихъ и до 6000 Австрійцовъ. Французы упоминаютъ о взятыхъ ими въ плѣнъ 9 генералахъ, 820 офицерахъ, и исчисляютъ слѣдующіе трофеи: 40 знаменъ, 86 пушекъ (по другимъ извѣстіямъ 120) и до 400 фуръ и ящиковъ. Мы знаемъ, что Руские потеряли пушекъ 133. Сами непріятели признаютъ мужество, какое оказывали Рускіе. Приведенные на убой безразсудствомъ изобрѣтателей плана, они умирали героями. Французы объявили свою потерю въ 9000 человѣкъ. Бернадоттъ говорилъ, что она простиралась до 12,000. Ранены были генералы Себастіани, Келлерманъ, Вальтеръ, Компанъ, Раппъ и Валоберъ. Онъ умеръ отъ ранъ. «Умирая, скорблю, что не могъ сдѣлать болѣе для васъ, государь,» писалъ онъ Наполеону. Ободряемые присутствіемъ Наполеона, Французы дрались, какъ могутъ драться войска, увѣренныя въ побѣдѣ. Наполеонъ находился въ жестокомъ огнѣ и не щадилъ себя.

Осталось общее убѣжденіе, которое умѣли поселить Французы, и всегда поддерживалъ Наполеонъ, будто императоръ Александръ могъ подвергнуться плѣну во время преслѣдованія, и что онъ спасся хитростью, увѣривши Даву въ заключеніи мира. Утромъ Декабря 3-го оба Императора находились въ Чейчѣ, и немедленно отправились въ Голичъ за рѣку Марху, куда, Декабря 4-го, собрались всѣ союзныя войска, и 6-го пришелъ корпусъ Эссена, 12,000, когда перемиріе между Австріею и Наполеономъ было уже подписано. Багратіонъ, идя отъ Уржица, прикрывалъ войска, отступавшія на Чейчъ и Голичъ; лѣвѣе ихъ отступалъ Дохтуровъ, защищаемый отъ Ауспица Мерфельдомъ. Преслѣдованіе вообще было производимо слабо. Наполеонъ хотѣлъ уже не битвъ, но мира, ибо ночью послѣ сраженія онъ увѣрился въ безусловномъ согласіи на миръ Австріи, спѣшилъ, пользуясь ужасомъ, наведеннымъ побѣдою, убѣдить на миръ Гаугвица, и старался склонить къ миру императора Александра. Мюратъ двинулся къ Ольмюцу, захватывая обозы. За союзниками пошелъ Сультъ отъ Аустерлица на Уржицъ, гдѣ встрѣтилъ арріергардъ Багратіона. Ланнъ шелъ лѣвѣе отъ Раузница, но остановился на Литавѣ. Даву шелъ правѣе на Ауспицъ. Отрядъ Гюдена былъ далѣе всѣхъ, но онъ былъ слабъ, и остановился за рѣкою Тайя, въ Лунденбургѣ. Сультъ завязалъ дѣло съ Багратіономъ, а Даву съ Мерфельдомъ, коего подкрѣпили Руские. Узнавши о начавшемся здѣсь сраже-

ніи, императоръ Александръ послалъ къ Даву, съ собственноручною запискою, князя Гагарина. Записка была написана карандашемъ, и содержала слѣдующее:

«Предоставляю генералу Мерфельду дать знать Французскому генералу, что оба Императора, Германскій и Французскій, ведутъ теперь переговоры, что перемиріе заключено, и слѣдственно, безполезно жертвовать храбрыми людьми.»

Александръ. (*)

Явно, что здѣсь не было ни хитрости, ни обмана, ни опасности плѣна. Даву и Сультъ должны были разбить Мерфельда, Дохтурова и Багратіона, прежде нежели достигли бы они до императорской квартиры. Въ запискѣ къ Даву ни слова не сказано о *мирѣ Александра съ Наполеономъ*, и *ни однимъ словомъ, ни однимъ знакомъ* не изъявлялъ никому императоръ Александръ своего согласія на миръ. О переговорахъ Австріи сказана была совершенная правда. Когда битва приняла несчастный оборотъ, но Руские еще

(*) Списка съ сей записки не осталось въ Русскихъ архивахъ. Мы беремъ ее изъ Биньоновой Histoire de France (Капфигъ говоритъ, въ своей l'Europe pendant le consulat et l'empire de Napoléon: «*J'ai vu* le texte de ce billet de crayon). Вотъ подлинникъ, какъ передаютъ его Биньонъ и Капфигъ: J'autorise le général Meerfeld à faire connaitre au général français que les deux empereurs d'Allemagne et de France sont en ce moment en conférence, qu'il y a un armistice dans cette partie, et qu'il est en conséquence inutile de sacrifier plus de braves gens.
Le 4 Décembre.

Signé, ALEXANDRE.

дрались упорно, въ Аустерлицкомъ замкѣ собрались совѣтники императора Франца, и рѣшили предложить Наполеону миръ безусловный. Императоръ Францъ согласился съ ними, и извѣстилъ о томъ императора Александра. Онъ отвѣчалъ, что предоставляетъ полную волю императору Францу. Ночью на 3-е Декабря князь Лихтенштейнъ уже пріѣхалъ въ лагерь Наполеона, и на другой день утромъ возвратился съ его согласіемъ на миръ. Для скорѣйшаго окончанія переговоровъ, Наполеонъ просилъ императора Франца пріѣхать на личное свиданіе. Побѣдителю, какъ будто хотѣлось видѣть побѣжденнаго монарха среди побѣдоносныхъ войскъ своихъ. Встрѣча ему была живописно приготовлена Наполеономъ. Свиданіе происходило Декабря 4-го, близъ селенія Саручика, на берегу Литавы, близъ Гостіерадека. Когда подъѣхала коляска императора Франца, сопровождаемая отрядомъ Венгерцовъ, Наполеонъ и нѣсколько маршаловъ его безпечно разговаривали и грѣлись у огня. Всѣ они были въ забрызганныхъ грязью мундирахъ, съ лицами, закоптѣлыми отъ дыма. На Наполеонѣ, сверхъ мундира, былъ его старый сюртукъ. Отрядъ отборныхъ гвардейцовъ стоялъ въ сторонѣ. Императоръ Францъ былъ въ сѣрой шинели, и подпирался палкою. Гвардейцы Наполеоновы съ удивленіемъ смотрѣли, какъ «капральчикъ» ихъ пошелъ на встрѣчу, и дружески обнялъ гостя. «Извините, В. В., что принимаю васъ на бивакѣ,» сказалъ Наполеонъ. «Вотъ ужь два мѣсяца у меня нѣтъ другаго дворца,» про-

должалъ онъ, указывая на свой шалашъ. — «Вы такъ умѣете пользоваться вашимъ помѣщеніемъ, что должны быть довольны имъ,» отвѣчалъ императоръ Францъ.

Разговоръ былъ продолжительный. Наполеонъ старался убѣдить своего собесѣдника въ миролюбивомъ расположеніи и умѣренности требованій, вѣроломствѣ Англичанъ и увлеченіи ими Австрійскихъ министровъ. При непреклонности на миръ императора Александра, положено мириться отдѣльно. До заключенія мира Французы удерживаютъ Вѣну и всѣ занятыя ими мѣста. Русскія войска удаляются изъ Австрійскихъ владѣній въ теченіе мѣсяца. Всѣ вооруженія Австріи прекращаются.

Савари поѣхалъ съ сими условіями въ Голичъ къ императору Александру. Неизмѣннымъ, какъ при свиданіи въ Ольмюцѣ, явился Савари Александръ. О мирѣ вовсе не было рѣчи. Весь разговоръ состоялъ изъ нѣсколькихъ вѣжливыхъ словъ, и ни одно не показало ни унынія, ни замѣшательства императора Александра, вполнѣ владѣвшаго собою, какъ ни терзало его все, что происходило окрестъ него. Онъ обѣщалъ возвратить войска свои въ Россію, согласно условіямъ Наполеона съ императоромъ Францомъ.

Далекій отъ мира и безтрепетный до конца, изъ Голича отправилъ онъ въ Берлинъ князя Долгорукаго и великаго князя Константина, предлагая союзъ Пруссіи, и послалъ Строганова въ Лондонъ, условить-

ся о продолженіи войны. Послѣднимъ распоряженіемъ его были увѣренія императору Францу о неутралитетѣ, незаключеніи отдѣльнаго мира и союза съ Франціею, и готовности на продолженіе войны при его рѣшеніи. «Императорскимъ словомъ моимъ увѣряю,» говорилъ онъ, «что буду почитать всѣ сіи обѣщанія, какъ будто они утверждены самымъ торжественнымъ трактатомъ.» Декабря 9-го надолго разстался съ своимъ несчастнымъ союзникомъ императоръ Александръ. На пути въ Россію, узнавъ о тягостныхъ условіяхъ Наполеона на миръ, онъ снова писалъ въ Берлинъ, уговаривая взяться за оружіе. Увѣренный, что миръ еще долго не будетъ заключенъ между Россіею и Наполеономъ, и слѣдственно, Русскимъ плѣнникамъ предлежитъ неволя продолжительная, императоръ Александръ послалъ въ лагерь Наполеона полковника Ланскаго, съ порученіемъ вручить каждому плѣнному Русскому генералу по 250, штабъ-офицерамъ по 50, и оберъ-офицерамъ по 25 червонцовъ — о мирѣ ни слова не было сказано. Наполеонъ самъ рѣшился испытать послѣднее средство, и отправилъ къ Александру князя Рѣпнина. Посылкѣ предшествовалъ продолжительный разговоръ. Наполеонъ распространился объ уваженіи своемъ къ императору Александру. «Пусть пришлетъ онъ въ Вѣну посла, но не изъ тѣхъ, кто его окружаетъ.» Тутъ онъ изъявилъ негодованіе на Долгорукаго. «Истина далека отъ государей. Императоръ Александръ, родился на престолѣ, а я самъ сдѣлался

государемъ, и что же? Мои прежніе товарищи, даже мои прежніе начальники не смѣютъ говорить мнѣ правды.» Разсуждая объ Аустерлицкомъ сраженіи, Наполеонъ сказалъ, что не понимаетъ странной мысли растянуть союзную армію и разобщить колонны. «Всегда надобно держать армію въ кулакѣ, и всю бросать ее въ лицо непріятелю. Впрочемъ, императоръ Александръ долженъ былъ проиграть: это была его первая, а моя сороковая битва!» Рѣпнинъ поѣхалъ въ Ольмюцъ. Здѣсь Чарторійскій отвѣчалъ ему, что если въ основаніе мира не примутъ условій, прежде предложенныхъ императоромъ Александромъ, миръ невозможенъ. Рѣпнинъ возвратился безъ успѣха.

Декабря 9-го Кутузовъ повелъ въ Россію войска, грустныя, но не унылыя, и напротивъ, готовыя, даже нетерпѣливыя расплатиться съ торжествующимъ непріятелемъ. Вездѣ встрѣчали ихъ привѣтъ и участіе жителей. Января 7-го войска вступили въ Русскіе предѣлы. Вся потеря дѣйствующей Русской арміи составляла около 27,000, кромѣ 7000 оставленныхъ за границею въ Австрійскихъ госпиталяхъ.

Военныя предпріятія въ Ганноверѣ кончились безуспѣшно, какъ можно было предвидѣть, послѣ врученія начальства надъ войсками Густаву Адольфу, нерѣшительности Пруссіи, и условій, съ какими она приступала къ союзу. Упорное требованіе Ганновера до того оскорбило Питта, что онъ отказался отъ платежа субсидіи Пруссіи. Густавъ, не приступая къ походу, прислалъ въ Берлинъ графа Левенгельма, тре-

бовалъ безусловнаго рѣшенія Пруссіи на войну, и обѣщалъ, въ противномъ случаѣ, принудить ее къ тому оружіемъ. Сообразивъ положеніе дѣлъ въ Берлинѣ, Левенгельмъ не рѣшился отдать письма. Густавъ разсердился на своего посла, отказался отъ похода, и готовился воевать Пруссію, хотя вся армія его состояла изъ 12,000 плохо вооруженныхъ солдатъ; конница была на крестьянскихъ лошадяхъ; артиллерію составляли всего 19 пушекъ. Графъ Толстой принужденъ былъ отступиться отъ Шведовъ, выступилъ въ походъ и сталъ на Везерѣ. Всю защиту Ганновера составлялъ небольшой отрядъ Французскій, находившійся въ Гамельнѣ. Англичане медлили обѣщанною присылкою войскъ. Едва въ началѣ Декабря высадили они у Бремена 24 тысячи войска. Но извѣстія изъ Австріи и продолжавшаяся нерѣшительность Пруссіи останавливали военныя дѣйствія. Тогда бѣдствія Австрійцовъ внезапно воспламенили воинскій духъ Густава. Проклиная Наполеона, поспѣшно повелъ онъ свои 12 тысячь, занялъ Люнебургъ, и какъ главнокомандующій, пригласилъ къ себѣ Русскихъ и Англійскихъ генераловъ составлять планъ войны. Едва кончились совѣщанія, пришли извѣстія объ Аустерлицкой битвѣ, и приказъ императора Александра Толстому состоять въ повелѣніяхъ Прусскаго Короля. За тѣмъ получены новыя повелѣнія Англичанамъ немедленно возвратиться въ Англію, а Толстому въ Россію. Отправленіе Русскихъ войскъ назначалось моремъ изъ Помераніи, хотя наступленіе

зимняго времени заставило ихъ потомъ идти сухимъ путемъ. Въ Штеттинъ пріѣхали смотрѣть ихъ Король Прусскій и королева, стараясь показать особенную ласковость и благосклонность. Русскіе солдаты радостно встрѣчали королеву, выѣзжавшую на воинскіе смотры въ зеленой амазонѣ съ красными выпушками, въ подражаніе Русскому мундиру; она ласково разговаривала съ ними, дарила ихъ. Король награждалъ генераловъ орденами, но всѣ сіи знаки дружбы съ Россіею не воспрепятствовали кончиться предпріятію на Ганноверъ безполезнымъ походомъ Русскихъ войскъ.

По плану войны предположены были также высадка въ Неаполь, и походъ Рускихъ и Англичанъ въ верхнюю Италію. Русскій генералъ Ласси былъ тайно посланъ туда для предварительныхъ соображеній. Не взирая на опасныя слѣдствія рѣшенія на войну, трактатъ о неутралитетѣ, жалкое состояніе войска Неаполитанскаго, не превышавшаго 8000, и неохоту дворянства и народа, ненависть королевы Каролины рѣшила короля приступить къ союзу. Едва выступилъ Сенъ-Сиръ изъ королевства, въ Неаполь явились 11,000 Рускихъ, легіонъ Сульотовъ и Албанцовъ, 1600 человѣкъ, изъ Корфу, и отрядъ Англичанъ изъ Мальты (болѣе 6500). У подошвы Везувія раскинули союзный лагерь, который посѣщали толпы Неаполитанцовъ, любуясь новымъ зрѣлищемъ. Выступленіе войскъ изъ Неаполя было торжественно; король и королева объѣзжали ряды арміи въ огромной, позолоченой каретѣ, запряженной 12-ю лошадь-

ми; духовенство пѣло молебны; народъ былъ въ восторгѣ. Тѣмъ страшнѣе явилось разочарованіе, когда близъ Гаэтты узнали о гибельной войнѣ въ Германіи и предполагаемомъ движеніи Французовъ на Неаполь. Начался споръ. Одни хотѣли занять Римъ, другіе отступать. Ласси рѣшилъ все согласіемъ на отступленіе, и вскорѣ получено приказаніе императора Александра оставить Неаполь, а Русскимъ войскамъ отправиться въ Корфу. Неаполитанскому Королю предоставили субсидіи, слѣдовавшія Россіи за Неаполь отъ Англичанъ; флоту Русскому велѣно, по отвозѣ Русскихъ войскъ, возвратиться къ берегамъ Сициліи, и если будетъ потребно, оставить часть Русскихъ войскъ въ Палермо и Мессинѣ. О защитѣ Неаполя нечего было и помышлять. Англичане поспѣшно переправились въ Мальту.

Наполеонъ пользовался правами побѣдителя, и прежде всего принялъ мѣры оградить себя отъ могущаго составиться вновь союза Австріи, Пруссіи и Россіи. Первымъ дѣломъ его было обезопасить себя отъ остальныхъ войскъ Австрійскихъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ перешелъ тогда за Дунай въ Кеммернѣ, и находился въ Венгріи; туда удалились и другіе отряды; эрцъ-герцогъ Фердинандъ стоялъ на границахъ Богеміи. Ожеро велѣно было охранять Баварію, Баварцамъ Тироль, а Массенѣ, Нею, Мортье, Мармону, и главной арміи, оставя корпусъ въ Моравіи, всѣмъ собраться около Вѣны. Такимъ образомъ огромныя силы сосредоточивались, и готовы были подавить

остатки Австрійцовъ, или идти противъ Пруссаковъ. Наполеонъ отправился въ Вѣну. Не оставляя еще поля Аустерлицкаго, онъ осыпалъ похвалами и наградами свое войско. Преувеличивая потери непріятелей, «Солдаты,» говорилъ онъ, «вы первые воины въ мірѣ! Благодарю всѣхъ, кто *имѣлъ счастіе* быть въ великой битвѣ Аустерлицкой. Дикіе жители Сѣвера услышатъ теперь ваше имя отъ полчищъ варваровъ, разбитыхъ вами. Вы достойны безсмертія. Что скажетъ Франція, дѣти мои! Но мы не перейдемъ за Рейнъ, пока не утвердимъ всего, что необходимо для счастія и безопасности отечества. Заключимъ миръ, и я поведу васъ во Францію, гдѣ будете вы предметомъ моихъ нѣжныхъ попеченій. Радостно встрѣтятъ насъ, и объ каждомъ изъ васъ, кто скажетъ: «Я былъ подъ Аустерлицомъ,» народъ станетъ говорить: «Вотъ молодецъ!» Декабря 6-го изданы были два декрета: однимъ Наполеонъ усыновлялъ дѣтей всѣхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, убитыхъ подъ Аустерлицомъ; обѣщалъ воспитывать ихъ отдѣльно, мальчиковъ во дворцѣ Рамбульетскомъ, дѣвочекъ во дворцѣ Сенъ-Жерменскомъ, позволяя всѣмъ имъ къ именамъ, даннымъ при крещеніи, прибавить имя *Наполеона*. Другимъ декретомъ опредѣлялись пенсіи: вдовамъ генераловъ по 6000, штабъ-офицеровъ по 2400, оберъ-офицеровъ по 1200 и по 800, солдатъ по 200 франковъ.

Когда императоръ Александръ твердою волею своею положилъ и послѣ пораженія не отступать отъ

условій мира, прежде положенныхъ, уже не только не думала объ нихъ Австрія, но готова была принять самыя строгія условія побѣдителя. Наполеонъ колебался даже мыслью о томъ: оставить ли Австрію въ числѣ первостепенныхъ державъ Европы? Талейранъ слѣдовалъ за нимъ на Аустерлицкіе бивакп, и описывалъ друзьямъ свои трусливыя впечатлѣнія. «Сей часъ проѣхалъ я по полю, гдѣ лежатъ 16,000 убитыхъ — удобная прогулка дипломату! Лавровъ мы не оберемся — недостаетъ только хлѣба; онъ у насъ дороже золота. Теперь я въ Брюннѣ, гдѣ только два рода жителей: жиды и раненые. Каминовъ здѣсь нѣтъ — печки, отъ которыхъ страшный угаръ. Ужасное положеніе — народъ умираетъ сотнями — нестерпимый запахъ труповъ! Сегодня морозъ и всѣ рады. Императоръ здоровъ. Послѣ нынѣшнихъ дѣлъ своихъ онъ сталъ чѣмъ-то баснословнымъ. Подъ Аустерлицомъ, все что было сдѣлано, было имъ приказано, и все что было приказано, было сдѣлано.» Талейранъ работалъ день и ночь. Онъ предложилъ Наполеону планъ новаго раздѣленія Европы: три имперіи въ Европѣ, Французская, Австрійская и Прусская. Пруссіи отдать Богемію, Франціи взять Ганноверъ, Австріи Молдавію, Валахію и Бессарабію; Итальянское королевство отдѣлить Евгенію и отдать ему Тироль. Мѣлкихъ Германскихъ владѣтелей уничтожить, оставя Баварію, Виртембергъ, Баденъ и Саксонію, и разрушить имперію Римскую. Наполеонъ не согласился. У него былъ свой планъ, основаніе

коему положено было переговорами, которые начались въ Пресбургѣ.

Прежде мира съ Австріею заключенъ былъ миръ съ Пруссіею. Гаугвицъ не успѣлъ въ Вѣнѣ послѣ Аустерлицкой битвы, и явился поздравлять Наполеона въ Брюннѣ, Декабря 7-го. «Благодарю за привѣтъ, у котораго счастье мое, кажется, перемѣнило «прежній адресъ,» отвѣчалъ смѣясь Наполеонъ. «Скажите правду: вы не мнѣ назначали ваши привѣтствія?» Гаугвицъ клялся въ дружбѣ и союзѣ Пруссіи. Въ Шенбруннѣ Наполеонъ заговорилъ иначе. Онъ грозно потребовалъ отчета въ неутралитетѣ, нарушеніи его, союзѣ съ Россіею. «Такъ вы хотѣли воевать со мною за то, что я перешелъ черезъ два, три ваши городишка? Хорошо — станемъ воевать! Вы стращаете меня вашими 150,000 войска! Правда, они продолжатъ войну еще мѣсяцъ. Не надѣетесь ли вы на союзъ Австріи? Она теперь моя, и если я отдамъ ей Силезію, она пойдетъ со мною.»

Гаугвицъ трепеталъ, и радостно изумился, когда Наполеонъ потребовалъ одного — войны съ Англіею, и обязательства не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Въ завѣреніе перваго Пруссія должна была немедленно взять Ганноверъ. Наполеонъ не хотѣлъ себѣ ничего, кромѣ небольшой уступки земель. Но согласиться съ Наполеономъ значило измѣнить всю прежнюю политику Пруссіи, исполнить то, отъ чего столь упорно дотолѣ отрекалась Пруссія. Наполеонъ требовалъ рѣшенія немедленнаго — Ганноверъ, миръ и союзъ,

или война! Тщетно Гаугвицъ отзывался неимѣніемъ наставленій. «Вы просили же Ганновера у Россіи, и безъ того не хотѣли воевать со мною — двадцать четыре часа сроку и — миръ или война!» Гаугвицъ, доведенный до отчаянія, подписалъ трактатъ съ Дюрокомъ, Декабря 15-го. Пруссія соглашалась на все, что будетъ утверждено трактатомъ съ Австріею; брала себѣ Ганноверъ и небольшой округъ къ Байрейту отъ Баваріи, съ 20,000 жителей, и уступала Наполеону Анспахъ, Клевъ и Нефшатель.

Миръ Пруссіи довершилъ безпомощное состояніе Австріи. Спѣшили миромъ. Декабря 20-го, Талейранъ, Гіулай, Лихтенштейнъ, и Баварскій министръ, графъ Графенрейтъ, подписали въ Пресбургѣ трактатъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Австрія заключала миръ съ Наполеономъ и со всѣми его союзниками; утверждала всѣ учиненныя имъ измѣненія въ Италіи, и кромѣ того уступала Итальянскому королевству Венецію, со всѣми ея Далматскими владѣніями, какъ оии достались ей по Кампо-Формійскому трактату. Наполеонъ обязывался отдѣлить отъ Франціи Итальянское королевство по заключеніи мира съ Англіею и Россіею, съ правомъ избрать вмѣсто себя короля. Союзники Наполеона, Курфирстъ Баварскій и Курфирстъ Виртембергскій принимали титулы королей. Австрія утверждала ихъ въ семъ званіи, и отдавала Баваріи Линдау, Пассау, Эйхштедтъ, Тироль и Бриксенъ. Кромѣ того Баварія брала имперскій городъ Аугсбургъ и графство Бондорфское, назначенное по

договору 1803 года наградою Мальтійскому гросмейстеру. Баварія пріобрѣтала 500 кв. миль, 620,000 жителей и 3 миллиона флориновъ дохода; Виртембергу отдавались 5 Дунайскихъ городовъ, графство Гогенбергъ, ландграфство Неллепбургъ, часть Альторфа и часть Бризгау, всего $48^1/_2$ кв. миль, 158,000 жителей и 700,000 флор. дохода; Бадену отдавали другую часть Бризгау, Ортенау, другую часть Альторфа и коммандорство Мейнау, всего 47 кв. миль и 152,000 жителей. Австрія въ замѣнъ всего пріобрѣтала Зальцбургъ и Бертольхсгаденъ, 204 кв. мили, 212,000 жителей, 1,200,000 флор. дохода; уступка ея составляла 1318 кв. миль, 2,997,000 жителей, 14,800,000 флориновъ дохода, такъ, что Пресбургскій миръ лишалъ ее 1141 кв. мили, 2,785,000 жителей и 13,610,000 флор. дохода, послѣ чего Австрія имѣла 10,936 кв. миль пространства, 25 миллионовъ жителей и 110 миллионовъ флориновъ дохода, при 900 миллионахъ государственнаго долга.

Зальцбургъ, Эйхштедтъ и Пассау, по договору 1803 года, были вознагражденіемъ бывшему Тосканскому Герцогу, котораго онъ лишался Пресбургскимъ миромъ. Въ замѣнъ того получалъ онъ отъ Баваріи Вюрцбургъ, съ титуломъ Курфирста Вюрцбургскаго. Отдачею Бризгау и Ортенау лишенъ былъ вознагражденія за Модену юный сынъ Герцога Моденскаго, отецъ коего умеръ въ 1803 году. Не хотѣлъ ли Наполеонъ отмстить юному герцогу? Онъ былъ тотъ самый *эрцъ-герцогъ Фердинандъ*, которому, вмѣстѣ

съ Маккомъ, поручено было начальство надъ Австрійскою арміею. Наполеонъ обѣщалъ вознаградить его, но отложилъ вознагражденіе до времени.

Другими статьями владѣнія Тевтонскаго ордена въ Германіи передавались эрцъ-герцогу Антонію, какъ герцогство, зависящее отъ Австріи. Австрія утверждала равенство Дворскаго этикета съ Франціею, и предоставляла право самодержавія въ областяхъ ихъ Баваріи, Виртембергу и Бадену

Послѣ заключенія сего трактата Наполеонъ согласился уступить 20 милльоновъ изъ контрибуціи, наложенной имъ на Австрію, и кромѣ уже полученныхъ 40, получить еще только 40 милльоновъ. Французы очищали Австрію въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, а въ залогъ исполненія статей трактата оставался только гарнизонъ Французскій въ Браунау.

Не все было сказано въ трактатахъ и договорахъ. Тревожимый участью Неаполя, тщетно просилъ императоръ Францъ о снисхожденіи къ сестрѣ своей. Наполеонъ былъ неумолимъ, и въ самый день подписанія Пресбургскаго трактата въ бюллетенѣ его было объявлено, что «генералъ Сенъ-Сиръ идетъ въ Неаполь — *наказать измѣну королевы, и низвергнуть съ трона сію преступную женщину* (cette femme criminelle), *которая столь безстыдно нарушаетъ все, что было священно между людьми.*» На другой день напечатано было въ бюллетенѣ воззваніе къ Италъянской арміи. «Три раза прощали мы Короля Неаполитанскаго,» говорилъ Наполеонъ—«прощать

ли въ четвертый разъ? Довѣрять ли въ четвертый разъ Двору безъ вѣры, безъ чести, безъ ума? Нѣтъ! нѣтъ! *Династія Неаполитанская перестала царствовать.* Существованіе ея несовмѣстно съ спокойствіемъ Европы и честью моей короны.» И когда бюллетень объявлялъ *наказаніе* одному изъ властителей Европейскихъ, онъ сказывалъ также о *наградахъ* другимъ государямъ, за дружбу ихъ къ Наполеону. «Курфирсты Баварскій и Виртембергскій принимаютъ титулы королей: *награда*, которую заслужили они привязанностью и дружбою; оказанными Императору во всѣхъ обстоятельствахъ» (*бюллетень Декабря 26-го*).

Австрія не спорила. Наполеонъ не только раздавалъ владѣнія и титулы Германскимъ государямъ, и отнималъ троны по своей волѣ, но онъ распоряжался самымъ внутреннимъ управленіемъ Римской имперіи. Недовольный министрами императора Франца, графами Коллоредо и Кобенцелемъ, онъ убѣждалъ его удалить ихъ. «Они были причиною войны,» говорилъ онъ. «Довѣряя подобнымъ людямъ, вы разрушите ваше государство, и отчуждите сердца вашихъ подданныхъ, когда столько прекрасныхъ качествъ души и сердца вашего ручаются за ваше счастіе и ихъ любовь.» Кобенцель, старый министръ Австріи, и Коллоредо, личный другъ Императора, были пожертвованы; ихъ уволили; Стадіонъ и Лихтенштейнъ заняли ихъ мѣста. Кобенцеля не хотѣлъ допустить къ себѣ Наполеонъ. «Не хочу имѣть сношеній съ наемникомъ Ан-

гличанъ,» говорилъ онъ, «съ человѣкомъ, который продалъ себя Англіи за уплату своихъ долговъ, и погубилъ своего государя и свое отечество!»

Между тѣмъ всѣ поступки Наполеона не походили уже на прежніе поступки революціоннаго генерала. Какъ Зевесъ, держащій перуны, онъ являлся важенъ и кротокъ въ своемъ величіи. Глубокое уваженіе оказывалъ онъ всѣмъ Дворскимъ условіямъ, внушалъ Австрійцамъ любовь и повиновеніе къ императору Францу, соблюдалъ строгій порядокъ въ войскѣ, и изъявлялъ благосклонность жителямъ Вѣны «за повиновеніе ихъ волѣ своего государя.» Въ Шенбруннѣ была съ нимъ небольшая свита, но показываясь въ великолѣпіи монарха, онъ былъ окруженъ толпою пословъ и вельможъ Австріи и Венгріи. Желая почтить нѣкогда бывшаго соперника своего на поляхъ брани, онъ отправился къ эрцъ-герцогу Карлу, въ замокъ его Стамерсдорфъ. Послѣ долгаго, и по наружности, дружескаго разговора, Наполеонъ вручилъ эрцъ-герцогу Карлу на память драгоцѣнную шпагу. Но прелесть бесѣды Наполеоновой не увлекла эрцъ-герцога Карла.

Декабря 29-го объявленіе жителямъ Вѣны извѣстило ихъ объ отъѣздѣ Наполеона. Они рѣдко видали его, ибо, убѣждая ихъ въ преданности къ законному монарху, онъ никогда не являлся имъ въ видѣ повелителя, изрѣдка обозрѣвая Вѣну запросто, съ небольшою свитою. Только на Шенбрунскихъ парадахъ и смотрахъ толпы народа видѣли въ немъ грознаго

повелителя Французскихъ войскъ. «Рѣдко являлся я между вами, жители Вѣны, не изъ небреженія, не по тщетной гордости, но я не хотѣлъ возмущать чувства, коимъ обязаны вы государю, съ которымъ спѣшилъ я заключить миръ. При разставаньи съ вами, оставляю вамъ, какъ подарокъ, доказывающій мое вамъ уваженіе, арсеналъ городовой стражи, принадлежавшій мнѣ по правамъ войны.» Тогда же изданъ былъ послѣдній приказъ войску. «Миръ между Императоромъ Австрійскимъ и мною заключенъ, солдаты. Вы совершили двѣ кампаніи. Вы видѣли вашего Императора, раздѣляющаго съ вами опасности и труды. Хочу, чтобы вы увидѣли его окруженнаго величіемъ и великолѣпіемъ, приличными государю *перваго въ мірѣ народа*. Я дамъ вамъ праздникъ въ первыхъ числахъ Мая въ Парижѣ. Вы всѣ на немъ будете. Мы прославимъ память тѣхъ, кто въ сіи двѣ кампаніи умеръ на полѣ чести. Свѣтъ увидитъ насъ готовыхъ подражать ихъ примѣру, и сдѣлать еще болѣе того, что мы сдѣлали, если будетъ надобно, противъ тѣхъ, кто оскорбитъ честь нашу, или допуститъ обольстить себя золотомъ вѣчныхъ враговъ Европейскаго материка.»

Кому грозилъ Наполеонъ? Война кончилась. Войска его возвращаются въ отчизну, и на дорогѣ видятъ возвращеніе безоружныхъ, побѣжденныхъ ими Австрійскихъ воиновъ. Декабря 30-го Наполеонъ явился уже въ Мюнхенѣ.

Пресбургскій миръ былъ предметомъ безконеч-

ныхъ толковъ для дипломатовъ и политиковъ Нѣмецкихъ. Наполеонъ бралъ области побѣжденнаго монарха, отдавалъ ихъ союзникамъ, и самовластно обмѣнивалъ Зальцбургъ на Вюрцбургъ. Тутъ не было еще ничего, кромѣ правъ войны. Но нѣкоторыя условія мира тревожили умы гораздо болѣе. Таковы были: титулы королевствъ, принятые Виртембергомъ и Баваріею; право самодержавія, имъ предоставленное; отдача Бондорфа Баваріи; уничтоженіе одного изъ шести остальныхъ имперскихъ городовъ; обращеніе званія Тевтонскаго гросмейстера въ званіе подвластнаго Австріи герцога. Политики видѣли здѣсь разрушеніе всѣхъ прежнихъ правъ и постановленій Германіи. Союзъ Германіи разрушался, ибо на всѣ сіи постановленія не требовали уже согласія имперскихъ чиновъ. Передачею владѣній Тевтонскаго ордена эрцъ-герцогу Антонію, и графства Бондорфскаго Баваріи, уничтожались два послѣдніе духовные ордена рыцарей. Гросмейстерство Тевтонскаго ордена съ 1761 года принадлежало Австрійскимъ принцамъ, но не зависѣло отъ Австріи. По Кампо-Формійскому трактату Мальтійское рыцарство возобновлялось, и послѣ несогласія Англіи отдать ему Мальту, графство Бондорфское было назначено, въ 1803 году, вознагражденіемъ, назначенному тогда Папою въ гросмейстеры ордена, Іоанну Томасси. Онъ умеръ въ Іюнѣ 1805 г. и Наполеонъ уничтожилъ орденъ Мальтійскій окончательно. Говорили также, что члены имперіи не имѣли права принимать титулы безъ общаго согласія чи-

новъ имперіи, когда даже титулъ Императора Австрійскаго произвольно принятой Римскимъ Императоромъ въ 1804 году, подалъ поводъ къ протесту Швеціи. Густавъ Адольфъ, которому во все надобно было вмѣшиваться, сильно спорилъ противъ нарушенія уставовъ имперіи. Право самодержавія членамъ имперіи повело немедленно къ важнымъ слѣдствіямъ. Управляя своими землями независимо, члены имперіи не могли однакожь касаться нѣкоторыхъ привилегій своихъ подданныхъ безъ согласія Императора. Но въ слѣдствіе самодержавія, въ Баденѣ и Виртембергѣ немедленно прекращены были всѣ привилегіи феодаловъ, право апелляціи ихъ Имперскому сейму, и въ Баваріи уничтожено непосредственное дворянство. Феодалы и дворяне осмѣлились заспорить. Приказомъ Бертье велѣно Французскимъ войскамъ унимать «дерзкихъ бунтовщиковъ,» и все смолкло передъ волею Наполеона. Никто не винилъ добродѣтельнаго императора Франца; въ немъ видѣли жертву бѣдствій войны. Онъ самъ изобразилъ свое положеніе въ письмѣ къ императору Александру (Января 6-го, 1806 г.): «Миръ Пресбургскій превратился для меня въ капитуляцію съ непріятелемъ, который вполнѣ воспользовался своими выгодами. Уступками купилъ я существованіе моего государства, и палъ подъ тяжестью обстоятельствъ, противъ меня вооружившихся.»

Не менѣе споровъ и разсужденій возбуждали всѣ событія войны 1805 года, дѣла при Ульмѣ и битва Аустерлицкая. Старались изыскать причины столь

гибельныхъ бѣдствій и неудачь. Общее обвиненіе падало на нерѣшительность Пруссіи и бездѣйствіе Англіи. Нотою Австрійскаго посла, графа Штаремберга, поданною Сенъ-Джемскому Двору, все приписано было неисполненію предположенныхъ дѣйствій въ Ганноверѣ, нарушенію неутралитета Пруссіи Наполеономъ, ошибкамъ Макка, задержанію Русскихъ войскъ, спорамъ Пруссіи, оплошности Ауерсберга, сдавшаго Вѣнскій мостъ. Несчастный Маккъ былъ преданъ военному суду и осужденъ на смерть. Наполеонъ просилъ за него, и приговоръ перемѣненъ на вѣчное заключеніе въ крѣпость. Черезъ годъ смерть единственнаго сына умножила скорбь Макка. Ему позволили жить въ небольшомъ имѣніи его, Тейфельсдорфѣ, близъ Вѣны. Онъ вскорѣ умеръ, бѣдный, забытый — болѣе нежели забытый — проклинаемый общественнымъ мнѣніемъ, презираемый, ненавидимый всѣми и обвиняемый въ измѣнѣ. Говорили даже, что слово: *Маккъ,* по Еврейски, кажется, значитъ: «пораженіе, бѣдствіе.» Ауерсбергъ былъ также осужденъ на смерть, но казнь его перемѣнена на лишеніе чиновъ и должностей, 20-ти лѣтнее изгнаніе, и штрафъ 300,000 флориновъ въ пользу бѣдныхъ. Строгія изслѣдованія произведены о поступкахъ всѣхъ Австрійскихъ генераловъ и офицеровъ, и многіе подверглись наказанію; *пятдесятъ девять* генераловъ и офицеровъ Австрійскихъ были исключены изъ службы и отставлены. Вейротеръ, на котораго легла отвѣтственность за Аустерлицкое сраженіе, не имѣлъ

счастія умереть въ битвѣ, и заплатить смертью за ошибки, какъ заплатилъ за нихъ Шмитъ подъ Дирнштейномъ. Но онъ пережилъ свое несчастіе недолго, и умеръ въ слѣдующемъ году. Такъ не перенесъ немилости монарха своего старый Коллоредо: онъ скончался въ 1807 году.

Всего менѣе могли упрекать себя въ своихъ дѣйствіяхъ императоръ Александръ, его полководцы, офицеры и солдаты. Здѣсь въ первый разъ образъ Александра обрисовывается въ огромныхъ очеркахъ, какъ грознаго соперника Наполеонова, и образъ Кутузова, какъ великаго полководца. «Я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ силъ человѣческихъ,» говорилъ, и имѣлъ право говорить императоръ Александръ, приписывая неудачи также нерѣшительности Пруссіи, медленности похода въ Ганноверъ, бездѣйствію Англичанъ и несчастію Макка. Непобѣдимая воля Александра, не падшая подъ бременемъ бѣдствія, отступленіе Кутузова, котораго даже донынѣ не оцѣнили вполнѣ, когда столько кричали историки объ отступленіяхъ Ксенофонта и Моро, и храбрость Русскихъ, засвидѣтельствованная самимъ Наполеономъ, удивлявшая Австрійцовъ, всегда удалятъ отъ событій войны 1805 года прискорбное воспоминаніе, при увѣренности, что битва Аустерлицкая была *бѣдственна*, но *не безславна.* Черезъ пятнадцать лѣтъ, императоръ Александръ сказалъ Милорадовичу въ годовщину Аустерлица: «Сегодня былъ несчастный день для нашей арміи.» — «Государь! Не могу назвать

несчастнымъ для арміи дня, когда офицеры и солдаты дрались, какъ львы!« — отвѣчалъ Милорадовичъ. Но строгое изслѣдованіе учинено было въ Русскихъ войскахъ. Изъ Русскихъ генераловъ Ланжеронъ былъ уволенъ отъ службы. Прибышевскій, по возвращеніи изъ плѣна, преданъ суду, и на мѣсяцъ разжалованъ въ солдаты. Шефъ одного изъ Русскихъ полковъ, оставившій солдатъ своихъ послѣ битвы, подвергся такой же участи. Побѣжавшій отъ Працена Русскій полкъ понесъ гнѣвъ монарха. Награды даны были героямъ Аустерлицкой битвы: Багратіону, Милорадовичу, Дохтурову, Витгенштейну — людямъ, обезсмертившимъ себя въ послѣдствіи. Императору Александру поднесена была думою ордена св. Георгія 1-я степень сей военной награды; онъ отрекся отъ нея, и принялъ только крестъ 4-й степени. Крестъ Георгія 3-й степени пожалованъ былъ великому князю Константину. Вся награда Кутузову состояла въ орденѣ св. Владиміра 1-й степени, и по возвращеніи въ Россію онъ былъ опредѣленъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ. (*)

(*) Дополняемъ описаніе Аустерлицкаго сраженія замѣчаніями опытнаго военнаго историка Русскаго: «При пораженіи союзныхъ армій обыкновенно обвиняютъ онѣ въ неудачѣ одна другую. Такъ случилось и послѣ Аустерлица. Отдавая справедливость мужеству Русскаго войска, Австрійцы приписали пораженіе нашему неумѣнью маневрировать, неловкости нашей пѣхоты, тяжести нашихъ ружей. Но развѣ за шесть лѣтъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, когда Руские вмѣстѣ съ ними

Подтвердимъ ли обвиненіе въ измѣнѣ, которое возникло послѣ Ульма и Аустерлица? Дѣло осталось тайною для потомства. И безъ измѣны, причины бѣдствій не заключались ли въ самомъ планѣ войны, и въ несогласномъ дѣйствіи союзниковъ? Пруссія, Австрія, Россія и Англія должны были тяжкимъ опытомъ купить науку побѣждать Наполеона. Напротивъ, въ событіяхъ войны 1805 года, когда Наполеонъ былъ въ полномъ развитіи силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, не знаете, чему болѣе удивляться въ немъ: уму ли политика, знанію ли сердца человѣческаго, или генію полководца? Походъ 1805 года составилъ достойное продолженіе походовъ его въ 1796, 1797 и 1800 гг. Обширный стратегическій планъ, и тактическое исполненіе его, достойны изумленія. Не дать

одерживали побѣды въ Италіи, ружья наши были легче, войска подвижнѣе, въ маневрахъ искуснѣе? Причина побѣдъ въ Италіи заключалась въ томъ, что главнокомандующимъ союзною арміею былъ Суворовъ, а подъ Аустерлицомъ руководили дѣйствіями Австрійцы. Здѣсь ключь успѣховъ 1799 го и неудачь 1805 годовъ. Заготовленіе магазиновъ лежало на Австрійцахъ, ибо войну вели въ ихъ землѣ, но не было ни хлѣба, ни фуража. Австрійцы привели Русскую армію на мѣста, хорошо имъ знакомыя, гдѣ они производили ежегодно учебные маневры. Оказалось, по собственному сознанію ихъ, что они ошибались даже въ исчисленіи разстояній. Не зная пространства, занимаемаго полемъ сраженія, они растянули армію на 14 верстъ, не озаботились составленіемъ резерва, и наконецъ до того растерялись, что и по окончаніи войны не вдругъ могли дать себѣ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ. Черезъ шесть недѣль послѣ Аустерлицкой битвы, императоръ Францъ говорилъ нашему по-

соединиться войскамъ союзниковъ; передвинуть армію съ Ламаншскаго канала на Дунай; стать между Маккомъ и Кутузовымъ; отрѣзать Макка отъ Тироля и Богеміи, спутать, ужаснуть его, окружить, заставить сдаться; двинуться на Кутузова; уничтожить пособіе войскъ Австрійскихъ изъ Италіи и Тироля; преслѣдовать Кутузова на 400 верстахъ, разстроивать всѣ соображенія опытнаго вождя, овладѣть Вѣною, и приготовить Кутузову неминуемую гибель подъ Голлабруномъ; и когда сей великій разсчетъ не удался, по винѣ Мюрата, перейдти въ Моравію, вызвать на бой союзниковъ, разбить ихъ смѣлымъ соображеніемъ; разорвать союзъ, и пользуясь страхомъ Пруссіи и Австріи предписать миръ; и въ то же время работать, какъ дипломатъ, угадывая нерѣшительность Пруссіи

слу, графу Разумовскому: «Конечно, васъ удивитъ, что до се«годняшняго дня я еще не знаю плана Аустерлицкому сраже«нію.» Кутузовъ слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за пораженіе. На другой день послѣ битвы онъ подъѣхалъ къ Измайловскому полку, и разговаривая объ ней съ офицерами, сказалъ: «Я омываю себѣ руки.» Семь лѣтъ спустя, подъ Краснымъ, Кутузовъ сказалъ намъ: «Господа! вы молоды, пережи«вете меня, и будете слышать разсказы о нашихъ войнахъ. «Послѣ всего, что совершается теперь передъ нашими глаза«ми, одной выигранной мною побѣдой, или одной понесенной «мною неудачей больше или меньше, все равно для моей сла«вы, но вспомните: я не виноватъ въ Аустерлицкомъ сраженіи.» Такъ говорилъ Кутузовъ. Однакожь общее мнѣніе въ арміи осуждало его, зачѣмъ, видя ошибочныя распоряженія довѣренныхъ при императорахъ Александрѣ и Францѣ лицъ, не опровергалъ онъ упорно дѣйствій ихъ всѣми доводами, почерпнуты-

и бездѣйствіе Англіи; отваживать свою голову, какъ солдатъ, становясь въ ряды своихъ воиновъ, раздѣляя труды похода, вникая въ каждую мѣлочь, въ движеніе каждаго отряда, побѣждая мужествомъ, умомъ, хитростью, *солдатскими ногами* (à coups de jambes), какъ говорили гренадеры Наполеона — и все совершить въ три мѣсяца, ибо со дня перехода Французскихъ войскъ за Рейнъ, до подписанія Пресбургскаго трактата прошло *ровно три мѣсяца*: воображеніе ужасается передъ геніемъ человѣка, все сіе совершившаго! Если измѣна и прибавила средства успѣха, прибавка сія была незначительна. Надобно ли также говорить здѣсь о мужествѣ и устройствѣ тогдашнихъ солдатъ Наполеоновыхъ?

Возвращеніе Наполеона во Францію было продолженіемъ политическихъ дѣйствій его и рядомъ тор-

---

ми изъ многолѣтней опытности и глубокаго разума его. Въ такомъ же смыслѣ выражался императоръ Александръ. «Въ Аустерлицкомъ походѣ,» сказалъ онъ однажды, «я былъ молодъ «и неопытенъ. Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно дѣй«ствовать иначе, но ему слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ «настойчивѣе.» Здѣсь опускается завѣса. Изслѣдованія не могутъ простираться за предѣлы могилъ монарха и полководца его, и на вѣки остается покрыто неизвѣстностью, въ какой мѣрѣ, съ одной стороны были дѣлаемы Кутузовымъ, а съ другой допускаемы Государемъ представленія. При отсутствіи единства въ предводительствѣ оставалось частнымъ начальникамъ распоряжаться по усмотрѣнію, и каждый исполнялъ долгъ свой по мѣрѣ силъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ,» и проч. *А. И. Даниловскій*, «Описаніе войны 1805 г.»

жествъ. Встрѣча его въ Мюнхенѣ была великолѣпна. Его чествовали, какъ монарха, какъ союзника, какъ героя, какъ родственника, ибо въ Мюнхенѣ заключенъ былъ первый родственный союзъ Наполеона съ Европейскими государями. Января 1-го, 1806 года, курфирстъ Максимиліанъ принялъ титулъ королевскій и увидѣлъ у трона своего новыхъ подданныхъ. «Грустно намъ,» говорила депутація Тироля, «лишиться государя, кроткое, отеческое правленіе коего не только равнялось правленію его добрыхъ предмѣстниковъ, государей Австрійскаго дома, цѣлыя столѣтія надъ нами царствовавшихъ, но превзошло ихъ всѣ. Воспоминаніе его добродѣтелей и благодарность не изгладятся никогда изъ сердецъ нашихъ. Но воздавая прежнему властителю дань заслуженной имъ признательности, повергаемъ къ стопамъ В. В. увѣреніе, что если угодно было Царю царей увѣнчать Французское, соединенное съ вашимъ оружіе успѣхами столь рѣшительными, что государь нашъ не могъ болѣе хранить насъ подъ своимъ покровомъ, и принужденъ былъ отдать насъ побѣдителю, мы подчиняемся опредѣленіямъ жребія, и будемъ повиноваться вамъ, государь. И если прежній монархъ нашъ можетъ утѣшиться, что уступилъ насъ доброму государю, мы счастливы, что отецъ нашъ передаетъ насъ другому отцу; и если онъ разрѣшилъ насъ отъ обязанностей нашихъ къ нему, мы обѣщаемъ В. В. вѣрность и повиновеніе.» Января 14-го, 1806 г. совершено было бракосочетаніе вице-короля Итальянскаго

Евгенія, съ старшей дочерью Короля Баварскаго, принцессою *Августою Амаліею.* Юная, прекрасная чета (Евгенію было 24, Августѣ 18 лѣтъ) радовала Наполеона, считавшаго Евгенія сыномъ. Отличаясь храбростью въ Египетскомъ походѣ, Вице-король отличался тѣлесною красотою и добродѣтелями государственнаго человѣка, не смотря на юность его; супруга его была прекрасна и добродѣтельна. Не менѣе торжественно встрѣтилъ Наполеона въ Стутгардтѣ король Виртембергскій Фридрихъ, принявшій сей титулъ также 1-го Января, 1806 года. Трактатомъ Пресбургскимъ не только утвержденъ былъ Виртембергу сей титулъ, но Австрія отказалась также отъ всѣхъ правъ на наслѣдство Виртембергомъ, и императоръ Францъ отрекся отъ титула герцога Виртембергскаго. (*) Супруга короля Фридриха была дочь Англійскаго короля Георга III-го, и съ удивленіемъ писала своимъ роднымъ, что воображала себѣ Напо-

---

(*) Герцогство, потомъ курфиршество Виртембергское считалось феодомъ Австріи, по Каданскому договору, 1534 г., и по прекращеніи мужескаго поколѣнія долженствовало перейдти къ Австріи. Когда родъ старшей линіи пресѣкся, въ 1545 г., младшая линія, графовъ Монбельярскихъ, начала споръ, и по Пражскому договору, 1599 г., за уплату опредѣленной суммы, освобождена отъ вассальства Австріи, съ правомъ независимаго владѣнія Виртембергомъ, но съ условіемъ, что въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи Виртембергъ присоединяется къ Австріи, почему Австрійскій Императоръ имѣлъ титулъ герцога Виртембергскаго, отъ котораго отказался Пресбургскимъ трактатомъ.

леона дикимъ звѣремъ, судя по описаніямъ другихъ, но онъ плѣнилъ ее умомъ и ловкостью. Наконецъ въ Калсругѣ еще родственный союзъ заключенъ былъ Наполеономъ: утверждено супружество наслѣднаго принца Карла, брата Россійской Императрицы, съ усыновленною Наполеономъ племянницею Жозефины. Шестнадцатилѣтняя невѣста, славившаяся красотою, была дочь двоюроднаго брата перваго супруга Жозефины, графа Клавдія Богарне, *Стефанія Луиза Адріенна*, возведенная Наполеономъ въ званіе принцессы Императорскаго дома. Бракъ совершился въ Апрѣлѣ 1806 г.

Наконецъ, онъ возвращался въ Парижъ, и Парижъ и Франція волновались приготовленіями торжествъ, коими хотѣли встрѣтить его. Сенатъ, Трибунатъ, народъ, войско не знали, какую почесть придумать ему. Декабря 30-го Трибунатъ постановилъ праздновать день рожденія Наполеона, какъ «національный праздникъ,» и воздвигнуть на одной изъ Парижскихъ площадей колонну, съ статуею императора и надписью: *Наполеону Великому благодарное отечество* (A Napoléon le Grand, la patrie reconnaissante). Сенатъ утвердилъ опредѣленіе Трибуната, и положилъ торжественно идти на встрѣчу ему. Опредѣленіе Сената не исполнилось. Оглушенный громами битвъ, привѣтами государей, и радостными кликами народа, который всюду заграждалъ ему дорогу отъ береговъ Рейна, Наполеонъ въѣхалъ въ Парижъ скрытно, ночью съ 25-го на 26 Января, 1806 года.

Было чѣмъ гордиться Франціи и Наполеону. Но какъ будто уроки гордости и величію, «Исторія должна, подобно провидѣнію, поставить Трафальгаръ между Ульмомъ и Аустерлицомъ.»

Мы говорили о гнѣвѣ Наполеона, когда онъ узналъ о заблокированіи его и Испанскаго флота въ Кадиксѣ Англичанами, послѣ нерѣшительнаго сраженія съ адмираломъ Калдеромъ близъ Финистерре. Адмиралъ Розильи посланъ былъ смѣнить Вилльнёва. Укоряемый въ трусости, Вилльнёвъ оскорблялся, и говорилъ, что ждетъ перваго случая доказать, что «если онъ плохой морякъ, то, по крайней мѣрѣ, не трусъ.» Къ несчастію, случай скоро представился доказать то и другое. Полагая Нельсона въ меньшихъ силахъ, ибо Англійскихъ кораблей у Кадикса было 27, когда союзный флотъ состоялъ изъ 18 Французскихъ и 15 Испанскихъ, а всего изъ 33-хъ кораблей, Вилльнёвъ забылъ, что въ соединённомъ флотѣ были только два большіе корабля, и тѣ Испанскіе, одинъ о 110, и безобразная, тяжелая громада, la Santa Trinidad, въ 140 пушекъ; за тѣмъ самый большой изъ Французскихъ кораблей имѣлъ не болѣе 80 пушекъ, когда у Нельсона было 3 корабля въ 120 и 4 въ 110 пушекъ. Не говоря о превосходствѣ Англійскихъ кораблей и искуствѣ Англійскихъ моряковъ, самое преимущество силъ было, слѣдовательно, на сторонѣ Нельсона. Пользуясь первымъ вѣтромъ, когда Нельсонъ съ намѣреніемъ отдалился, Вилльнёвъ и Гравина вышли изъ Кадикса, предпола-

гая идти въ Тулонъ, и принять битву, еслибы Нельсонъ напалъ на нихъ. Едва достигли они мыса Трафалгара, между Кадиксомъ и Гибралтаромъ, Нельсонъ, нетерпѣливо ждавшій ихъ, явился съ своимъ флотомъ. Союзники не были готовы на битву, не смотря на рѣшеніе ихъ сражаться, и еще спорили о планѣ, когда смѣлымъ и новымъ маневромъ Нельсонъ врѣзался въ средину флота ихъ, и битва кончилась совершеннымъ разбитіемъ союзниковъ. Вилльнёвъ, находившійся на кораблѣ Буцентавръ, потерявъ всѣ мачты, беззащитный, былъ взятъ въ плѣнъ. Гравина, смертельно раненый, успѣлъ уйдти въ Кадиксъ съ 11-ю судами, изъ коихъ 7 были уже негодны къ службѣ по причинѣ поврежденій; онъ умеръ черезъ три мѣсяца отъ ранъ. *Семнадцать* кораблей досталось Англичанамъ; *одинъ* взлетѣлъ на воздухъ; *четыре* корабля, не принимавшіе участія въ сраженіи, бѣжали, подъ начальствомъ контръ-адмирала Дюма-нуара. Адмиралъ Страханъ догналъ ихъ у мыса Финистерре, и имѣя 8 кораблей, овладѣлъ ими, послѣ упорнаго сраженія. Англичане сознавались, что союзники дрались при Трафалгарѣ отчаянно. Самъ Вилльнёвъ показывалъ другимъ примѣръ, не искуства, но храбрости. Капитанъ 74-хъ пушечнаго корабля, Люкасъ сражался съ адмиральскимъ 110-ти пушечнымъ кораблемъ Нельсона, Побѣда, и другимъ, также 110-ти пушечнымъ, Безразсудный, былъ избитъ ядрами, и сдался тогда только, когда третій Англійскій корабль началъ бить его съ кормы, самъ Лю-

касъ былъ жестоко раненъ, и изъ 643 человѣкъ экипажа и 30 офицеровъ было убито и ранено 500 человѣкъ экипажа и 23 офицера. Всѣ доставшіеся Англичанамъ корабли были такъ разстрѣляны, что побѣдители могли довести до Гибралтара только *одинъ* Французскій и *три* Испанскіе корабля. Англичане потеряли 1600 убитыми и ранеными. Но главною и невозвратимою потерею ихъ была смерть Нельсона. Онъ, какъ будто предчувствовалъ смерть свою, написалъ завѣщаніе, и во всѣхъ орденахъ своихъ стоялъ на палубѣ своего корабля, осыпаемый ядрами и пулями. Пуля попала въ героя, и снесенный въ каюту, онъ радостно умеръ, слыша при кончинѣ вѣсть побѣды. Смерть его оплакивала вся Англія; воздали всевозможныя почести праху его, и на гробницѣ его, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вырѣзали послѣдній приказъ его, отданный передъ сраженіемъ: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ.» Корабль Побѣду положено навсегда сохранять, какъ памятникъ славы Англіи и побѣды, ни прежде, ни послѣ не повторившейся; память знаменитой Гогской битвы заглушена была громомъ битвы Трафалгарской.

Наполеонъ не могъ скрыть глубокой скорби при извѣстіи о Трафалгарской потерѣ. Гнѣвъ его противъ Вилльнёва былъ безмѣренъ. Въ Апрѣлѣ 1806 года Вилльнёвъ былъ отпущенъ во Францію, но на дорогѣ, въ Реннѣ, встрѣтило его строгое запрещеніе являться въ Парижъ. И безъ того почти помѣшавшійся отъ печали, Вилльнёвъ не перенесъ удара; онъ

поразилъ себя ножемъ, и найденъ плавающимъ въ крови на другой день. Замѣчательно, что битва Трафальгарская происходила 21-*го Октября*, на другой день послѣ плѣна Маккова, и *три адмирала*, начальствовавшіе въ ней флотами, не пережили ее. Наполеонъ никогда не могъ примириться даже съ тѣнью Виллынёва. *Нельсонъ* и *Виллынёвъ, Абукиръ* и *Трафальгаръ* были роковыми именами для Наполеона. По возвращеніи его въ Парижъ изъ Вѣны поручено было Денону представить проекты медалей на походъ 1805 года. На первой, означавшей походъ войскъ отъ Булони, Денонъ изобразилъ орла, держащаго въ лапахъ леопарда. «Чтожь это значитъ?» спросилъ сердито Наполеонъ. «Государь!» отвѣчалъ Денонъ, «это Французскій орелъ держитъ въ когтяхъ Англійскаго леопарда, и означаетъ....» Наполеонъ не дослушалъ словъ, швырнулъ медаль въ уголъ комнаты и гнѣвно вскричалъ: «Льстецъ безстыдный! ты смѣешь мнѣ сказать, что мой орелъ держитъ въ когтяхъ Англійскаго леопарда, когда я не могу спустить лодки въ море, которой не взяли бы Англичане? Уничтожить медаль, и не смѣть говорить мнѣ объ Англіи!»

Вскорѣ послѣ похоронъ Нельсона, земля приняла въ нѣдра свои, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гробъ другаго покойника, человѣка, 24-хъ лѣтъ отъ роду бывшаго первымъ министромъ Англіи, двадцать лѣтъ правившаго судьбами Великобританіи, и страшнаго Наполеону болѣе многочисленныхъ армій — *Вилліама*

Питта. Чрезмѣрные труды, тревоги душевныя, пылкія страсти, и употребленіе вина, чѣмъ поддерживалъ бодрость свою Питтъ, медленно вели его ко гробу. Слухъ о побѣдахъ Наполеона, о Пресбургскомъ мирѣ, и мысль, что на него падетъ отвѣтственность въ глазахъ всего свѣта, за дѣла, имъ начатыя, когда будущее являлось столь грознымъ и мрачнымъ, какъ громъ поразили Питта. Подагра поднялась у него въ грудь, и въ концѣ Декабря состояніе его было отчаянное. Онъ дышалъ еще недѣли три, и тихо скончался Января 23-го, 1806 г.

Только исторіи Наполеона предоставлено было являть годы, достопамятные болѣе исполненнаго событіями 1805 года. Слѣдующіе два года должны были показаться еще болѣе дивными, еще болѣе полными вѣковыхъ событій, и возвести Наполеона на степень величія и славы, какой до него не достигалъ ни одинъ женою рожденный. Съ сими *двумя годами* могли сравниться уже только *три года* его паденія... Нѣтъ! Годы паденія превзошли даже годы его безмѣрнаго возвышенія! Они были уже близки, но, казалось, вѣчность отдѣляетъ ихъ отъ Наполеона.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

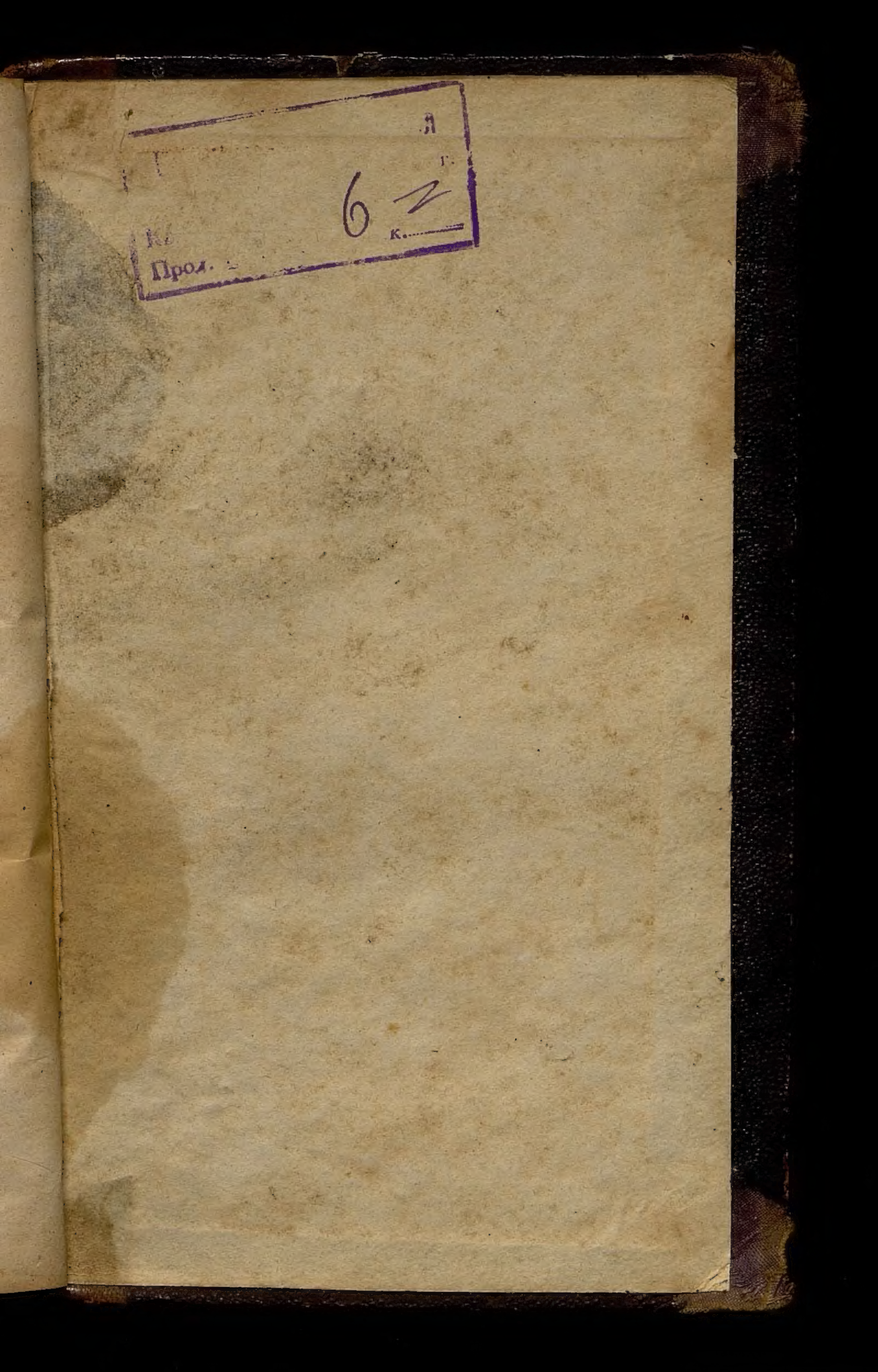
гая пл
сонъ н
фалгар
сонъ,
флотом
смотря
планѣ,
врѣзал
соверш
ходивш
мачты,
смертел
11-ю с
службѣ
три мѣс
лось Ан
тыре к
бѣжали,
нуара. А
нистерре
упорнаго
юзники
Вилльнёв
по храбр
Люкасъ
нымъ кор
110-ти п
рами; и
скій кора

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Исторія Наполеона.

гая и,
сонъ
фалгар
сонъ,
флотом
смотря
планѣ,
врѣзал
соверш
ходивші
мачты,
смертел
11-ю су
службѣ
три мѣс
лось Ан
тыре ко
бѣжали,
нуара. А
инстерре
упорнаго
юзники
Вилльнёв
но храбр
Люкасъ
нымъ кора
110-ти пу
рами, и
скій кораб

гая н
сонъ
фалга
сонъ,
флото
смотр
планѣ,
врѣзал
соверш
ходиви
мачты,
смерте
11-ю с
службѣ
три мѣ
лось А
тыре к
бѣжали
нуара.
инстерр
упорнаго
юзники
Вилльнёв
но храбр
Люкасъ
нымъ кор
110-ти п
рамп, и
скій кора


Прол.